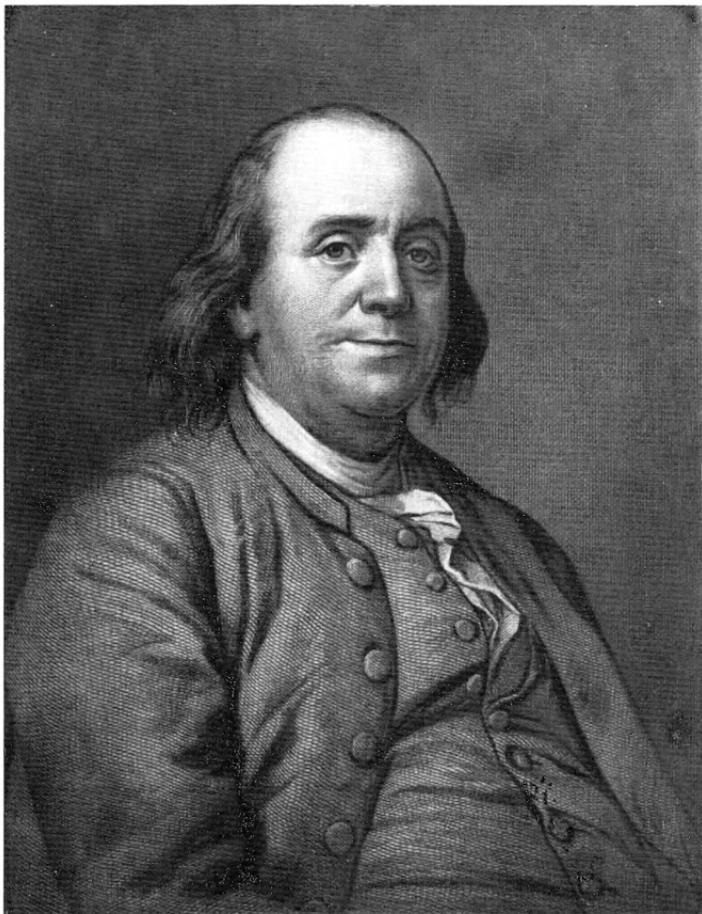

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

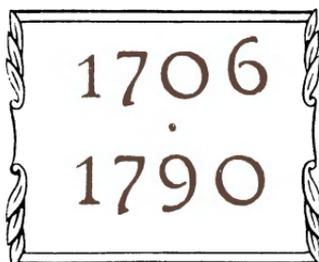

В. Франклин.

М. И. Радовский

ВЕНИАМИН ФРАНКЛИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва - Ленинград

1965

Ответственный редактор
Б. А. ОСТРОУМОВ

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Перу старшего научного сотрудника Ленинградского отделения Института истории естествознания и техники АН СССР М. И. Радовского принадлежит ряд работ по истории науки и жизнеописанию виднейших ее представителей. Предлагаемая вниманию читателей книга М. И. Радовского «Вениамин Франклин» является незавершенным исследованием о жизни и деятельности этого знаменитого ученого и гражданина. Преждевременная смерть М. И. Радовского оборвала работу над рукописью и помешала автору полностью подготовить ее к печати. Тем не менее Издательство надеется, что и в настоящем виде работа представляет интерес, дополняя наши представления о великом сыне американского народа.

Выпуском в свет последней работы М. И. Радовского Издательство отдает долг памяти автора, труды которого оно не раз публиковало.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ. СЕМЬЯ. ВОСПИТАНИЕ

Одним из важнейших, хотя и не ближайших, последствий открытия Нового Света для Европы явилась массовая эмиграция за океан. Тысячи европейцев, оставляя насиженные места, часто на утлых, ненадежных судах устремлялись в заокеанские неведомые земли. Поток эмигрантов из европейских стран непрерывно возрастал. Интенсивная колонизация Северной Америки началась в XVII в. Сюда в поисках лучшей доли стекались переселенцы со всех концов Старого Света. «Точно какая-то гигантская рука собрала со всех концов земли множество семян всякого рода растений и как попало разбросала их по холмам и равнинам Америки. Одни из них совсем не прорастут, другие погибнут при первых холодах или засохнут от чрезмерного зноя. Одни будут затоплены слишком обильными дождями, тогда как другим будет недоставать тропических ливней, необходимых для их жизни. Для некоторых новые условия окажутся столь исключительно благоприятны, что они необычайно разрастутся, заглушая другие растения, имеющие большую внутреннюю ценность».¹ Партия за партией высаживались эмигранты, в большинстве своем выходцы из Англии, на неприветливые, безлюдные берега, обрекая себя на годы лишений и невзгод, расплачиваясь часто здоровьем и даже жизнью за свою смелость. Существовали очень веские причины, побуждавшие массу людей, порой целые общины, покидать родные края в гоисках новых земель.

Англия раньше других стран вступила на путь капиталистического развития, и на долю английских тружеников выпало раньше других испытать ту горькую чашу, которую принесли с собой новые социальные отношения. Современники, описывающие Англию XVII в., в один голос отмечают исключительные бедствия народных масс.² Крестьяне, согнанные крупными землевладельцами

с земли, устремлялись в немногочисленные города и были готовы отдавать свой труд за самое жалкое вознаграждение. В городах на всех работы не хватало — молодая, не окрепшая еще промышленность не могла занять избыточные рабочие руки. По дорогам бродили тысячи голодных, одичавших людей, мечтавших о куске хлеба как о великой милости неба. Власти обрушивали на этих несчастных людей неслыханные репрессии; кровавые законы того времени против бедноты могут сравниться по своей жестокости лишь с ужасами колониального господства. «Отцы теперешнего рабочего класса, — отмечает К. Маркс, — были прежде всего подвергнуты наказанию за то, что их превратили в бродяг и пауперов».³

Следовательно, главной побудительной причиной эмиграции за океан являлась материальная нужда. Однако нарастанию колонизационной волны способствовали также религиозные и политические преследования со стороны церковных и гражданских властей, значительно усилившиеся в Европе в XVII столетии.⁴ Ожесточенная религиозная борьба, раздиравшая на протяжении веков Англию, как и другие страны европейского континента, гнала людей, несогласных с господствовавшим вероисповеданием, в дальние края, где можно было бы укрыться от преследований всемогущей официальной церкви. Они находили убежище в Новом Свете;⁵ в большом числе английские поселенцы стали прибывать туда уже после испанцев, португальцев и голландцев.⁶

Английское правительство охотно поддерживало движение за океан, рассматривая его как удобное средство избавления от «лишних» людей и недовольных элементов. Вместе с тем правительство было не прочь руками этих изгоев приобретать новые колониальные владения, обещающие огромные доходы для казны и купцов-промышленников. Для освоения новых земель английские власти не останавливались перед отправкой в колонии даже опасных преступников, осужденных на тяжкие наказания, нередко даже на смертную казнь. Надо, впрочем, сказать, что условия жизни в новых колониях были настолько ужасными и молва об этом так широко была распространена в метрополии, что преступники, осужденные на переселение за океан взамен тяжких наказаний, ожидавших их по приговору в Англии, не чувствовали себя облагодетельствованными. Отмечен, например, случай, когда один пре-

ступник, которому предложили на выбор ссылку в Америку или смерть на эшафоте, предпочел последнее.⁷

Немалую роль в пополнении числа колонистов играли торговые компании, которые не скупилась на рекламирование заокеанских владений, изображая их чуть ли не как обетованную землю. Вот, например, образчик такого широковетательного объявления одной из таких компаний: «Ввиду того что с божьего благословения в целях возможно лучшего устройства колоний и плантаций в Виргинии, многие дворяне, рыцари, купцы и другие предполагают в самый короткий срок организовать туда поездку, и так как столь почтенное предприятие, угодное богу и полезное во многих отношениях государству, будет снабжено всеми необходимыми средствами и провиантом, вследствие чего в нем принимают участие столько почтенных, достойных уважения лиц, намеревающихся лично туда отправиться, то пусть примут к сведению все ремесленники: кузнецы, плотники, бочары, корабельные плотники, токари, садоводы, виноделы, птицеводы, рыбаки, каменщики, кирпичники, металлисты, землепашцы, ткачи, сапожники, пильщики, прядильщицы и все другие работники и работницы, что в случае, если они захотят отправиться в названную колонию и поселиться там и обратятся с этой целью к Филиппу Лэн в доме сэра Томаса Смита, казначея колонии, то их имена будут зарегистрированы, там каждый будет считаться пайщиком на сумму двенадцать фунтов и десять шиллингов и получит право в качестве переселенца принять участие в вышеуказанной поездке в Виргинию. Там они будут обеспечены домами для жилья, садами, огородами, а также пищей и одеждой за счет акционерного капитала компании».⁸

Разумеется, прибыв на место, колонисты сразу же убеждались, что они стали жертвой циничного обмана, но вступать в борьбу с всемогущей компанией им уже было невозможно.

Наиболее ранним и оживленным центром английской колонизации стало то побережье Атлантического океана, которое впоследствии получило наименование Новой Англии, — территории, составляющей теперь шесть штатов США: Мэн,⁹ Нью-Гэмпшир,¹⁰ Виргинию,¹¹ Род-Айленд,¹² Массачусетс¹³ и Коннектикут,¹⁴ общей площадью 66 608 миль.¹⁵ Первое английское поселение на территории нынешнего штата Массачусетс было основано

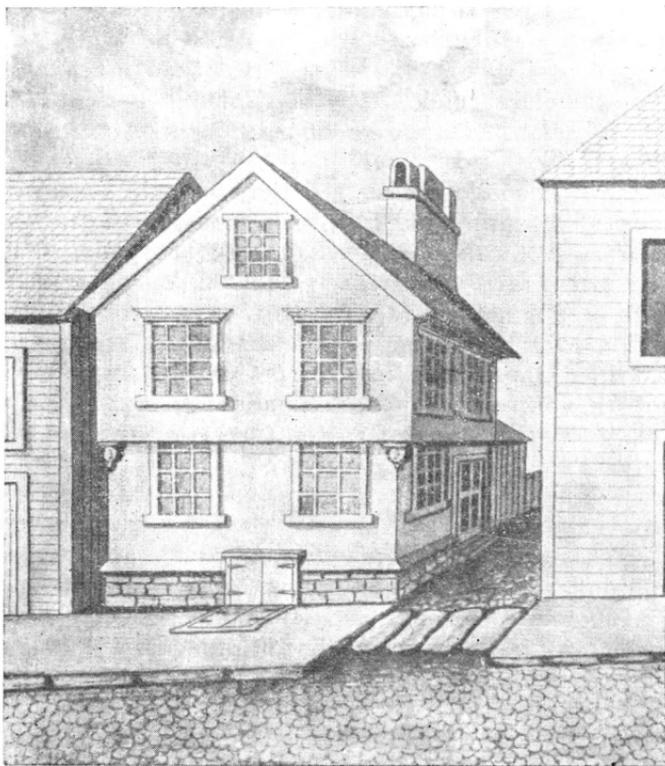
пуританами¹⁶ в 1620 г. Через десять лет был основан современный центр этого штата — г. Бостон.¹⁷

В Бостоне 6 января 1706 г. (17 января н. ст.)¹⁸ на Милкстрит (Молочный ряд) в семье свечника и мыловара Иосиа (по английскому произношению — Джозайя) Франклина, переселившегося лет за двадцать до того из Великобритании, родился мальчик, которого назвали Вениамином в честь любимого брата отца.

Через полвека Франклин, уже известный ученый и общественный деятель, делегированный в Англию для защиты интересов колонии перед метрополией, воспользовался случаем, чтобы побывать в местах, связанных с памятью о его предках, с надеждой найти какие-нибудь новые данные о Франклинах.¹⁹ Еще в Америке от своего дяди он узнал, что их род происходит из деревни Эктон в Нортгемптоншире,²⁰ где их предки жили на протяжении трехсот лет. Сама фамилия указывает на то, что они происходят от вольных крестьян («Франклин» по-русски может быть переведено «свободный однодворец»). На родине своих предков Франклин просмотрел множество церковных книг с 1555 г. (до этого книги не велись).²¹ Из сведений, собранных им и ставших впоследствии известными,²² видно, что его пращур Генри Франклин (1573—1646) был кузнецом. Эта профессия передавалась из поколения в поколение старшему сыну, вплоть до старшего брата Франклина. Ничтожные размеры земельного надела в Эктоне заставляли всех Франклинов из поколения в поколение обучаться ремеслам и обращаться к другим, неземледельческим занятиям.²³ Иосиа до переезда в Америку был красильщиком. В составленной Франклином генеалогии он обратил внимание на то, что был «младшим сыном младшего сына, который в свою очередь также был младшим сыном младшего сына, и так на протяжении пяти поколений».²⁴

Род Франклинов примкнул к реформации, но его отец и дядя Вениамин относились критически к господствовавшей епископальной церкви и посещали тайные религиозные собрания сектантов, преследовавшихся в Англии. Франклин со слов своего дяди рассказывает: «Наши предки оставались протестантами во время правления королевы Марии,²⁵ когда они иногда подвергались опасности из-за своих выступлений против папистов. У них была английская библия, и, для того чтобы надежно

спрятать ее в безопасном месте, ее прикрепили тесьмой под обивкой складного стула. Когда мой прапрадед хотел почитать ее своей семье, он переворачивал складной стул у себя на коленях, а затем листал страницы под тесьмой. Кто-нибудь из детей всегда стоял у двери, чтобы

Дом в Бостоне, где родился В. Франклин.

подать знак при приближении судебного пристава, являвшегося чиновником духовного суда. Тогда стул переворачивали и ставили на ножки, и библия, как и прежде, оставалась в своем укрытии... Вся семья продолжала пребывать в лоне англиканской церкви примерно до конца правления Карла II,²⁶ когда некоторые священнослужители были изгнаны за неподчинение уставам англи-

канской церкви и за то, что они устраивали тайные религиозные собрания в Нортгемптоне. Мой дядя Бенджамин и мой отец Джозайя прикнули к ним и сохраняли им верность до конца жизни».²⁷

Оставаться в Англии, находясь в оппозиции к господствовавшему в то время вероисповеданию, было небезопасно, и отец Франклина, а впоследствии и его дядя переселились в Америку.

Было бы неверно думать, что переселившись в Новый Свет в поисках свободы, религиозной и политической, колонисты действительно ее обрели. В пуританских колониях воцарился дух нетерпимости к инакомыслящим, и тем более к свободомыслящим. Вторая половина XVII в. отмечена в истории английских колоний в Америке гонениями и жестокими преследованиями всех тех, кто осмеливался высказать какую бы то ни было вольную мысль. Тогда-то и появилась та отвратительная «охота за ведьмами», следы которой сохранились до наших дней. Однако под давлением народных низов этот кровавый террор²⁸ к концу века начал ослабевать и теократическая олигархия лишилась своего бывшего могущества.²⁹

Допуская и даже поощряя массовую эмиграцию в Новый Свет, Англия отнюдь не желала мириться с возможным зарождением и развитием в ее заморских колониях собственной промышленности, так как это неизбежно привело бы к конкуренции и нанесло бы ущерб промышленности метрополии. В законодательном порядке переселенцам было запрещено организовывать предприятия, которые производили бы товары, ввозимые в колонии из метрополии. Отец и дядя Франклина хорошо знали красильное дело, но в Америке, которая должна была покупать готовые текстильные изделия в Англии, в красильщиках не было надобности. Поэтому братья Франклины вынуждены были заняться другими ремеслами. Иосиа открыл мастерскую по выделке свечей и мыла.

В 1689 г. Иосиа Франклин овдовел. Вторично он женился на Абии Фолгер (о ней речь будет ниже) и имел от нее 6 сыновей и 4 дочерей. Вениамин был младшим из сыновей и пятнадцатым ребенком в семье Иосиа Франклина.³⁰

В жизни каждого человека всегда очень большую роль играет воспитание, полученное в детстве. Своим воспита-

нием Франклин был больше всего обязан отцу, человеку далеко не заурядному. Облик и характер отца очерчены сыном в следующих строках: «У него было превосходное здоровье, роста он был среднего, но хорошо сложен и обладал большой физической силой. Он имел ясный ум, хорошо рисовал, немного обучался музыке, у него был звучный, приятный голос, и когда он наигрывал на своей скрипке, напевая при этом, как он иногда делал по вечерам после работы, то слушать его было приятно. Он был немножко механиком и при случае мог показать, что мастерски владеет также инструментами ремесленников других профессий. Но главным его достоинством было умение глубоко разбираться в сущности всякого сложного вопроса и здраво судить о нем, независимо от того, касалось ли это общественных или личных дел. Верно, что ему никогда не доводилось вести общественные дела, так как заботы о воспитании многочисленного семейства и стесненные обстоятельства не позволяли ему отвлекаться от своего промысла; но я помню, что видные люди часто приходили узнать его мнение о различных городских или церковных делах и с уважением относились к его суждениям и советам. К нему также часто обращались и отдельные лица по поводу своих затруднений, и его часто избирали третейским судьей между спорящими сторонами. Он любил, чтобы у него за столом во время обеда был кто-либо из друзей или соседей, умеющих вести умный разговор; отец при этом всегда старался избрать какую-нибудь интересную или полезную тему, чтобы развивать ум своих детей. Таким путем он обращал наше внимание на добрые дела и на справедливые и благоразумные поступки; и мало или никакого внимания не уделялось тому, что касалось находившихся на столе кушаний, — хорошо или дурно они были приготовлены, соответствовали ли они времени года, каковы были на вкус, лучше или хуже других подобных блюд; и я с детства приучился настолько не обращать внимания на такие вещи, что мне совершенно безразлично, какую еду мне подают».³¹

О матери Франклин рассказывает меньше, упоминая лишь, что и она, как отец, обладала крепким здоровьем; оба они дожили до глубокой старости: отец умер 89 лет, а мать — 85, и Франклин не помнил, чтобы его родители когда-нибудь болели. Из того, что сообщает Франклин,

можно заключить, что от своей матери он унаследовал отдельные черты характера своего деда Питера Фолгера (1617—1690), который восемнадцать лет от роду переехал со своими родителями из г. Норвича (графство Норфолк) в Массачусетс, в г. Шерберн (теперь Нантукет) на о. Нантукет. В отличие от отца Франклина его дед по матери активно занимался общественными делами.³² Сторонник либеральных взглядов, он был противником гонений и преследований индейцев, которых обучал грамоте. Он и устно и в печати выступал против несправедливости власть имущих. Для своего времени Питер Фолгер был весьма яркой фигурой; сведения о нем имеются в ранней американской исторической литературе.³³ Имя Фолгера и в наши дни упоминается в американских энциклопедических словарях.³⁴

Об этом своем деде Франклин сообщает в «Автобиографии»: «Моя мать, вторая жена (отца, — *M. P.*), была Абия Фолгер, дочь Питера Фолгера,³⁵ одного из первых поселенцев Новой Англии, о котором Коттон Мезер³⁶ с уважением упоминает в своей церковной истории этой страны, озаглавленной „Magnalia Christi Americana“, как о „праведном и ученом англичанине“, если память мне не изменяет. Я слышал, что он написал несколько небольших стихотворений на случай, но лишь одно из них было напечатано, и я прочел его много лет спустя. Это стихотворение было написано в 1675 году знакомым размером в духе той эпохи и обращено к тем, кто тогда находился там у власти. Оно утверждает свободу совести, и автор здесь выступает от имени анабаптистов,³⁷ квакеров³⁸ и прочих гонимых сектантов. Он считает следствием этих гонений войны с индейцами и другие постигшие страну бедствия, видя во всем этом неоднократное проявление божьего суда в наказание за столь гнусное преступление, и призывает к отмене этих законов, столь противных милосердию. На меня это стихотворение произвело впечатление произведения, написанного с мужественной откровенностью и задушевной простотой. Последние шесть строк я помню, хотя я и забыл первые; смысл их заключался в том, что его упреки были продиктованы желанием добра, и поэтому он хотел бы, чтобы его авторство стало известно.

Ибо быть клеветником (говорит он)
Мне ненавистно до глубины души,

Из города Шерберна, где я сейчас живу,
Я ставлю здесь свое имя,
Не желающий вас оскорбить, ваш истинный друг,
Питер Фолгер».³⁹

Стихотворение Фолгера «Зерцало эпохи или старый дух Новой Англии, возродившийся в нашем поколении» датировано 23 апреля 1676 г. Строкам, приведенным Франклином, предшествовали в другом переводе следующие:

Я за мир, но не за войну,
И по этой причине
Пишу яснее, чем иные,
Писавшие лицемерно и лживо.
На этом останавлиюсь и поставлю подпись,
Ибо быть клеветником
Противно моему сердцу.⁴⁰

На всю жизнь Франклин сохранил глубокую благодарность своим родителям за воспитание, которое они ему дали. Свои чувства он выразил в словах, высеченных на их надгробном камне:

ДЖОЗАЯ ФРАНКЛИН
И АБИЯ, ЖЕНА ЕГО,
ПОГРЕБЕНЫ ЗДЕСЬ.
ОНИ СЧАСТЛИВО ПРОЖИЛИ В СУПРУЖЕСТВЕ
ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТЬ ЛЕТ.
НЕ ИМЕЯ НИ ПОМЕСТЬЯ, НИ ВЫГОДНОЙ ДОЛЖНОСТИ.
ПОСРЕДСТВОМ ТРУДА И ПРИЛЕЖАНИЯ
(С БЛАГОСЛОВЕНИЯ БОЖЬЕГО)
ОНИ СОДЕРЖАЛИ БОЛЬШУЮ СЕМЬЮ
В ДОСТАТКЕ
И ВЫРАСТИЛИ ТРИНАДЦАТЬ ДЕТЕЙ
И СЕМЬ ВНУКОВ
ДОСТОЙНЫМ ОБРАЗОМ.
ПУСТЬ ЭТОТ ПРИМЕР, ЧИТАТЕЛЬ,
ПООЩРИТ ТЕБЯ К ПРИЛЕЖАНИЮ В ТВОЕМ ДЕЛЕ,
И НАДЕЙСЯ НА ПРОВИДЕНИЕ.
ОН БЫЛ БЛАГОЧЕСТИВЫМ И БЛАГОРАЗУМНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ,
А ОНА СКРОМНОЙ И ДОБРОДЕТЕЛЬНОЙ ЖЕНЩИНОЙ.
ИХ МЛАДШИЙ СЫН
ИЗ СЫНОВЬЕГО ПОЧТЕНИЯ К ИХ ПАМЯТИ
ПОСТАВИЛ ЭТОТ КАМЕНЬ.

ДЖ. Ф. РОДИЛСЯ В 1655 — СКОНЧАЛСЯ В 1744 г. —
В ВОЗРАСТЕ 89 ЛЕТ.
А. Ф. РОДИЛАСЬ В 1667 г. — СКОНЧАЛАСЬ В 1752 г. — 85 ЛЕТ».⁴¹

Значительное влияние на воспитание мальчика Франклина имел и его дядя Вениамин. Он был старше Йосиа

лет на семь, но приехал в Америку позднее. Среди своих братьев Вениамин старший был наиболее одаренным и развитым. Он много читал и в отличие от своего брата Иосиа свободно владел пером; не чуждался он и поэзии. Когда подросший сын Иосиа Вениамин также стал увлекаться стихосложением, отец не преминул заметить ему, что для их фамилии вполне достаточно одного Вениамина-стихотворца.⁴²

О своем дяде Вениамине Франклин рассказывает: «Он был недюжинным человеком. Я помню, когда я был мальчиком, он приехал к моему отцу в Бостон и прожил в нашем доме несколько лет. Они с отцом всегда были очень дружны, и я был его крестником. Он дожил до глубокой старости. После него осталось два больших тома рукописей стихов его собственного сочинения. Это были стихи на случай,⁴³ обращенные к его друзьям. Он изобрел собственную систему стенографии и обучил меня этой системе, но так как я в ней не практиковался, то я ее позабыл. Он был весьма благочестив и старательно посещал проповеди лучших проповедников. Эти проповеди он записывал по своему методу, и их у него набралось несколько томов. Он также питал большую тягу к политике, даже, пожалуй, слишком большую для своего общественного положения. В Лондоне в мои руки недавно попало собрание всех важнейших политических брошюр по различным вопросам, которые он составил в период 1641—1717 гг. Многих томов, как явствует из нумерации, недостает, но все же сохранилось восемь томов ин-фолио и двадцать ин-кварто и ин-октаво.⁴⁴ Они попали в руки одного торговца старыми книгами, который их приобрел, зная мое имя, и принес мне. По-видимому, мой дядя оставил их здесь, когда лет пятьдесят назад отправился в Америку. Я обнаружил на полях ряд его пометок».⁴⁵

Когда наступила пора маленькому Франклину поступить в школу, дядя Вениамин оказал существенное влияние на выбор учебного заведения. Все братья Франклина, так же как и все молодые люди в их роде, обучались какому-нибудь ремеслу.⁴⁶ Младший сын Иосиа с самых малых лет резко выделялся своей одаренностью среди остальных девяти братьев. С ранних лет он пристрастился к чтению; по словам самого Франклина, он не помнил того времени, когда он еще не умел читать.

Отец решил посвятить своего десятого сына служению церкви. Поэтому Франклина восьми лет отдали в грамматическую школу (соответствующую приблизительно типу классической гимназии); по окончании ее можно было поступить в университет, открывавший далее возможность к занятию должности священника.

Такое учебное заведение существовало поблизости — в г. Кэмбридже (штат Массачусетс), за р. Чарльз. Лет за восемьдесят до того там был основан знаменитый ныне Гарвардский университет.⁴⁷ Все друзья Иосии одобряли его решение, а дядя Франклина передал ему записанные им проповеди — «для обзаведения».

Этому плану, однако, не суждено было осуществиться. Менее года Франклин проучился в грамматической школе. Успехи его были необычны — в середине года его перевели во второй класс, а к концу года имелось в виду перевести в третий.⁴⁸ Все же из школы его забрали. «Для моего отца, обремененного многочисленным семейством, — писал Франклин, — было бы затруднительно оказывать мне материальную поддержку, необходимую для получения высшего образования, а кроме того, как он сказал одному из своих друзей в моем присутствии, эта профессия давала мало преимуществ. Он отказался от своего первоначального плана, взял меня из грамматической школы и поместил в школу, где обучали письму и арифметике».⁴⁹

Эту начальную школу Франклин вспоминал потом всегда с чувством благодарности. Здесь он, будущий выдающийся писатель, получил первоначальные навыки письменно излагать свои мысли. «Эту школу, — писал он, — содержал знаменитый тогда господин Джордж Браунелл. Браунелл был превосходным педагогом, достигавшим больших успехов с помощью самых мягких и стимулирующих методов. Под его руководством я быстро научился хорошо писать, но арифметика мне не давалась и я в ней недалеко ушел».⁵⁰

В это время ему исполнилось уже десять лет, а отцу в мастерской, где изготовлялись свечи, потребовался помощник. Вениамин стал нарезать фитили, заливал формы для отливки свечей, помогал в лавке, был на посылках и т. п.

Ремесло отца было Франклину не по душе. Тяжело было десятилетнему мальчику расстаться с привольной

жизнью, с играми, в которых он выступал застрельщиком и жожаком. Франклин после говорил, что уже тогда у него обнаружился «дух общественных начинаний», хотя не все эти начинания получали правильное направление. Вспоминая свои детские годы, он рассказал впоследствии об одной проделке, активным участником которой он был: «Около мельничного пруда был солончак, на краю которого мы во время паводка удили пескарей. Мы там столько топтались, что это место превратилось в настоящее болото. Я предложил соорудить там нечто вроде пристани, на которой мы могли бы стоять. При этом я показал своим товарищам на большую грудку камней, предназначенных на строительство нового дома около солончака; эти камни прекрасно подходили для нашей цели. И вот вечером, когда рабочие ушли, я собрал несколько своих друзей, и мы старательно взялись за работу, перетаскивая камни, как муравьи, иногда берясь вдвоем или втроем за каждый камень, пока не соорудили нашу маленькую пристань. На следующее утро рабочие с удивлением обнаружили пропажу камней, которые пошли на постройку нашей пристани. Учинили дознание; нас разыскали и пожаловались родителям; некоторые из нас получили от своих отцов соответствующее внушение, и хотя я доказывал полезность нашей работы, мой отец убедил меня, что ничто нечестное не может быть действительно благотворным».⁵¹

В своих записках Франклин приводит и другие случаи, когда отец со свойственными ему мягкостью и тактом давал своему младшему сыну наставления, оставшиеся надолго в его памяти не только в детстве, но даже в зрелом возрасте.

Однако отцу не удалось приохотить мальчика к своему ремеслу, как он ни старался, желая, чтобы Вениамин унаследовал его мастерскую. Все старшие сыновья уже стали на ноги, но никто из них не стал компаньоном в его предприятии; правда, один из них, Джон, который был старше Вениамина более чем на пятнадцать лет, с детства работал с отцом, однако сделавшись квалифицированным мастером, он отделился, женился, переехал в Род-Айленд и открыл там собственную мастерскую. Все надежды отец возлагал на младшего сына, которого он рассматривал как свою единственную опору в старости. Мальчик же мечтал совсем о другой карьере, о той, которую

избрал один из его братьев, Иосиа, ставший моряком; Вениамин с детства пристрастился к воде.

«Живя у воды, — рассказывает он, — я много времени проводил в ней и на ней. Я научился хорошо плавать и управлять лодкой; а когда я бывал с другими мальчишками, мне обычно доверяли быть рулевым, в особенности при каком-нибудь затруднении».⁵² Естественно, что мальчик считал себя прирожденным моряком и твердо решил следовать примеру Иосии, хотя разница в возрасте их была слишком большой, и Вениамин общался с ним, вероятно, меньше, чем с другими братьями, и едва ли находился под его влиянием. У отца же Франклина профессия моряка вызывала непреодолимый страх. Он точно предчувствовал, что к добру она не приведет. Пустившийся в море Иосиа погиб, когда Вениамин еще учился в школе. Поэтому отец всячески удерживал его в своей мастерской. Однако мальчик обнаруживал такое отвращение к ремеслу отца, что последний понял наконец всю безнадежность своих усилий. Иосиа Франклин был полон беспокойства за судьбу сына: зная его живое воображение, энергию и предприимчивость, он опасался, что роль простого ремесленника окажется сыну не по характеру и он, вопреки воле отца, изберет опасную профессию моряка.

Чтобы предотвратить этот роковой, как считал отец, шаг, он стал брать сына на прогулки и обращать его внимание на работу плотников, каменщиков, токарей и других мастеров. Ему хотелось выяснить, какое ремесло придется мальчику больше по душе. Оказалось, что сыну нравилось все, что требовало искусства и делалось умелыми руками. «Мне всегда с тех пор, — отмечал Франклин в своих записках, — доставляло удовольствие видеть, как управляются со своими инструментами хорошие мастера; мне пошло на пользу и то, что я приобрел некоторый навык и мог сам сделать кое-что в доме, если нельзя было найти мастера; кроме того, я умею своими руками изготовлять небольшие машины для моих опытов».⁵³

Так как Вениамин не отдавал предпочтения ни одному ремеслу, с которыми отец его знакомил, последний решил сделать из него специалиста по производству режущих инструментов — ножей, ножниц, щипцов и т. п. и определил его на обучение к своему племяннику Самюэлю (сыну Вениамина), который незадолго до того завел

в Бостоне свою мастерскую. Но еще до окончания испытательного срока Самюэль запросил такую сумму за обучение, что Иосиа с возмущением забрал сына домой.

Тогда было решено попытаться обучить Вениамина печатному делу, направив его в ученики к его старшему брату Джемсу, который открыл незадолго до того свою типографию в Бостоне. Это несомненно больше всего соответствовало склонностям маленького Вениамина.

Впоследствии Франклин, вспоминая об этом времени, писал: «С малых лет я страстно любил читать и все те небольшие деньги, которые попадали мне в руки, откладывал на покупку книг. Я очень любил путешествия. Первым моим приобретением были сочинения Бениана в отдельных томиках. Позднее я их продал, чтобы иметь возможность купить собрания исторических произведений Р. Бертона; это были небольшие книжечки, по дешевке приобретенные у бродячего торговца, числом сорок. Небольшая библиотека моего отца состояла из религиозно-полемических сочинений, большинство из которых я прочел. С тех пор я не раз сожалел о том, что в то время когда у меня была такая тяга к знанию, в мои руки не попали более подходящие книги, так как уже было решено, что я не буду священником. Среди этих книг были и „Жизнеописания“ Плутарха,⁵⁴ которыми я зачитывался; и сейчас еще я считаю, что это очень пошло мне на пользу. Была также книга Дефо,⁵⁵ озаглавленная „Опыты о проектах“, и сочинение доктора Мезера „Опыты о том, как делать добро“.⁵⁶ Эти книги, возможно, оказали влияние на мой духовный склад, что отразилось на некоторых важнейших событиях моей жизни».⁵⁷

Можно уверенно сказать, что полученные Франклином путем самообразования знания, как и все полезное и поучительное, что он почерпнул путем общения с окружающими его людьми, дали ему значительно больше, чем он мог получить в американских университетах того времени.⁵⁸ Хотя чтение Франклина было бессистемно, он усвоил немало из прочитанного, что, как увидим дальше, оказало на него действительно благотворное влияние. Полюбив книги, он читал их поистине запоем, а работа в типографии, где печатной продукции было вдоволь, этому только способствовала.

Предприятие Джемса Франклина являлось как бы своеобразным клубом, где собирались наиболее образо-

ванные и прогрессивно настроенные жители Бостона. Беседы там велись самые разнообразные, преимущественно же на общественные темы. Это оказалось для молодого Франклина с его на редкость восприимчивым умом весьма полезным.

Правда, в отношениях к своему ученику родной брат оказался не лучше любого хозяйчика. По всем правилам того времени с двенадцатилетним Вениамином был заключен договор, по которому он обязывался до совершеннолетия, т. е. на протяжении девяти лет, работать у брата в качестве подмастерья. «В течение этого срока, — сказано было в этом соглашении, — означенный ученик будет верно служить своему хозяину, хранить его тайны, с охотой исполнять его законные требования. Он обязуется не наносить ущерба имуществу своего хозяина и равным образом удерживать от этого других. Он будет следить за сохранностью хозяйского добра, не допуская его порчи или отчуждения каким-либо путем. Он не будет посещать постоянные дворы, трактиры и прочие питейные заведения, не будет играть в карты или кости, обязуется не вступать в брак, не отлучаться с места службы ни в какое время, но во всем обязуется достойно вести себя как честный и преданный ученик».⁵⁹

На протяжении всего срока обучения Джемс должен был содержать своего младшего брата, как, впрочем, и всех учеников и подмастерьев, занятых в типографии, не выплачивая им никаких денег; только в последний год ученик, согласно контракту, имел право требовать оплаты своего труда. Это был типичный договор для всех, кто в те времена в Новой Англии начинал обучаться какому-нибудь ремеслу, за исключением разве того, что брат не потребовал от него платы за обучение. Нечего и говорить, что закон стоял целиком и при любых обстоятельствах на стороне хозяина. Нарушить контракт и самовольно уйти от своего патрона считалось преступлением и строго каралось. Нередки бывали случаи, когда провинившегося заключали в тюрьму, откуда его мог освободить лишь хозяин. В газетах того времени можно было натолкнуться на объявление, в котором владелец мастерской обещал вознаграждение всякому, кто укажет местонахождение беглого ученика.⁶⁰

Процесс обучения не потребовал длительного времени: Франклин быстро освоил мастерство и наборщика и пе-

чатника. По воспоминаниям самого Франклина, ему удалось в короткий срок достичь значительных успехов и он стал оказывать брату существенную помощь. Относясь со всей добросовестностью к взятым на себя обязанностям, Франклин тем не менее всегда умел найти время для своего любимого занятия — чтения книг.

Собственно, только теперь он мог приняться за чтение серьезно. Франклин завел знакомство с учениками книготорговцев, снабжавших его новинками литературы, подчас втайне от их хозяев. В таких случаях он получал книги в свое распоряжение только с вечера до утра, и нередко мальчик просиживал над книгой почти всю ночь, лишь бы успеть прочитывать заинтересовавшее его произведение и утром вернуть книгу.

Просвещенные посетители типографии вскоре обратили внимание на ученика, жаждущего знаний, и один из них «умный и здравомыслящий человек», местный образованный купец, некий Мэтью Адамс, владелец богатого книжного собрания, разрешил ему пользоваться своей библиотекой. Здесь Франклин впервые обстоятельно познакомился с поэтическими произведениями популярных в то время авторов. «Я пристрастился к поэзии, — писал Франклин в своей «Автобиографии», — и сам сочинил несколько стихотворений. Мой брат решил, что на этом можно заработать, и стал поощрять меня к сочинительству. По его побуждению я написал две баллады на случай. Одна называлась „Трагедия у маяка“, и в ней рассказывалось о кораблекрушении, жертвой которого сделался капитан Уортилейк и его две дочери,⁶¹ другая была озаглавлена „Песня матроса по случаю захвата знаменитого «Тича», или пирата «Черная борода»“.⁶² Это была жалкая стряпня в духе уличных баллад, и когда они были напечатаны, он отправил меня продавать их по городу. Первую из них брали нарасхват, так как описанное в ней событие произошло недавно и наделало большой шум. Этот успех приятно щекотал мое самолюбие, но отец обескуражил меня, высмеяв мои вирши и объяснив, что стихотворцы всегда бывают нищими. Так я избежал опасности сделаться поэтом, да к тому же, вероятно, плохим».⁶³

После этого Франклин перестал упражняться в подборе рифм, но не отказался от намерения научиться свободно излагать свои мысли на бумаге. В этом ему помогло

знакомство с другим книголюбом, с которым он подружился. Это был Джон Коллинс. Встречаясь часто, товарищи нередко спорили по самым различным вопросам. Оказалось, что оба друга склонны к словопрениям, и Франклин обратил внимание на теневую сторону таких дебатов. «Такая склонность к препирательствам, — рассказывал он, — кстати говоря, может превратиться в дурную привычку и часто делает человека невыносимым в обществе, так как он начинает всем противоречить; это же в свою очередь не только отравляет беседу, но и вызывает отвращение и враждебность со стороны тех, с кем вы могли бы иметь дружественные отношения. Я приобрел эту привычку, начитавшись отцовских книг религиозно-полемиического содержания».⁶⁴

Сделав для себя этот столь важный вывод, Франклин все же не превратился в человека скрытного и молчаливого, остерегающегося высказывать свои мысли вслух из боязни встретить резкие возражения. Наоборот, он остался при убеждении, что отстаивание своих взглядов и сопоставление противоположных мнений не только оживляет беседу, но и способствует умственному развитию, если, конечно, эти мнения излагать ясно и в надлежащей форме.

В этом он убедился, когда предметом спора между ним и Коллинсом оказался вопрос о пользе образования для женщин.⁶⁵ Товарищ Франклина принадлежал к тем, кто утверждал, что образование женщинам не нужно, да и от природы они к этому не способны. Франклин же стоял на противоположной точке зрения, как он пишет, отчасти просто из-за желания поспорить. Так как юноши не могли часто встречаться, будучи обычно заняты каждый своим делом, они решили провести дискуссию в письменной форме. Франклин первый изложил на бумаге свои доводы. Коллинс в своем письменном ответе упорно отстаивал свои взгляды. Завязалась целая переписка, причем Франклин не ленился переписывать свои черновики набело. И в устной речи, и в письме товарищ Франклина был сильнее его, так как обладал большим запасом слов и умел ими более удачно пользоваться. Казалось, победа осталась за Коллинсом. Однако Франклин убедился, что его товарищ достиг этого не силой аргументации, а лишь красноречием. «Мы обменялись уже тремя-четырьмя письмами с каждой стороны, — вспоминал Франк-

лин, — когда они случайно вместе с другими бумагами попали в руки моему отцу, который их прочел. Не высказываясь по существу затронутого вопроса, он воспользовался этим случаем, чтобы поговорить со мной о моем литературном слоге, причем заметил, что хотя я был сильнее своего противника в правописании и пунктуации (чему я, по его мнению, был обязан работе в типографии), мне недоставало изящества выражений, последовательности и ясности, — все это он доказал мне на ряде примеров. Я увидел справедливость его замечаний и с тех пор стал более внимательно следить за своим слогом и решил во что бы то ни стало улучшить свой стиль». ⁶⁵

Это была поистине титаническая работа при отсутствии руководства и систематического образования. И все же Франклин достиг своей цели. Добился он этого следующим путем. Ему в руки попался номер английского нравственно-сатирического журнала «Spectator» («Зритель»). ⁶⁷ Франклин несколько раз прочел его строка за строкой, так как восхитился не только содержанием статей, но и формой изложения, которая ему показалась бесподобной. Он решил, что этим образцам и надо подражать. С этой целью он выбрал несколько очерков и, прочитав их, записал смысл каждой фразы. Затем он откладывал на несколько дней свои записи и, не заглядывая в оригинал, старался по ним восстановить каждую фразу так же полно, как и в журнале, подбирая лучшие, на его взгляд, выражения. Сличив написанное с подлинником, он обнаруживал ошибки и тут же старался их исправить. Теперь Франклин воочию убедился, насколько мал его запас слов и насколько неумело он им пользовался. Невольно вспомнил он о своих первых поэтических опытах и пришел к мысли: «Ведь постоянные поиски слов одинакового значения, но различной длины, которые подошли бы под размер, или различного звучания для рифмы принудили бы меня непрерывно искать разнообразия, а кроме того, все эти разнообразные слова закрепились бы у меня в уме и я стал бы над ними хозяином». ⁶⁸

Это подало ему мысль изложить некоторые страницы из того же журнала в стихотворной форме, что он и сделал. Потом, оставив на некоторое время продолжение этой работы настолько, чтобы по возможности забыть прозаический текст оригинала, Франклин попытался вновь воспроизвести свои стихи в прозе. «Иногда, —

вспоминал он, — я в беспорядке перетасовывал свои конспективные записи и через несколько недель пытался расположить их наилучшим образом, прежде чем составлять законченные фразы и дописывать очерки. Это должно было научить меня упорядоченному мышлению. Сравнивая затем свое сочинение с оригиналом, я находил множество ошибок и исправлял их; но иногда я лстыл себя мыслью, что в некоторых незначительных деталях мне удалось улучшить изложение или язык, и это заставляло меня думать, что со временем я, пожалуй, стану неплохим писателем, к чему я всячески стремился. Я мог выделить для этих упражнений и для чтения время только ночью после работы или утром до работы, или по воскресеньям, когда я старался оставаться один в типографии, избегая, насколько возможно, посещать общественное богослужение».⁶⁹

Читая запоем все, что попадалось в руки, Вениамин тем не менее задумывался над каждой книгой и старался критически выделить и запомнить то ценное, что ему встретилось в прочитанном. В шестнадцатилетнем возрасте он прочитал книгу, в которой доказывалась польза вегетарианской пищи.⁷⁰ Это произвело на него такое впечатление, что он тут же решил отказаться от мясных блюд. Не обошлось и без затруднений; как и другие подмастерья, Франклин находился на иждивении брата, последний еще не обзавелся семьей и вместе со всеми своими работниками ходил в ближайшую харчевню. Отказ Франклина от обычного удовлетворявшего всех меню вызывал недовольство хозяина и товарищей. Они часто корили Франклина, рассматривая его поступок как простую причуду. В книге о вегетарианской пище были даны наставления, как на скорую руку приготовить несложную растительную пищу. Для Франклина это было особенно привлекательно. Он попросил брата выдавать ему на руки половину того, что тот платит за его стол. С этим Джемс охотно согласился, Франклин же остался в двойной выгоде. Оказалось, что на простые растительные блюда достаточно тратить лишь половину того, что выдавал ему брат, а на остальные деньги можно было покупать книги. Другое преимущество заключалось в том, что, оставаясь в обеденное время один в типографии, он мог дополнительно выделять часок для чтения, так как приготовление вегетарианской еды обычно не занимало много времени.

Вскоре Франклин убедился, что советы, которые он вычитал в этой книге, действительно принесли ему большую пользу. «Я, — отмечал он, — успевал много сделать, ведь голова у меня была ясная и я быстро все схватывал благодаря умеренности в еде и питье».⁷¹

По своему умственному развитию Франклин далеко опередил своих сверстников; это, однако, не вскружило ему голову, не внушило и не развило чувство превосходства над окружающими. Будучи плохо подготовленным по математике и сознавая эту свою слабость (ему не раз приходилось краснеть, когда даже несложные подсчеты оказывались не под силу), он основательно засел за учебник арифметики и теперь одолел его без большого труда. Однако с другими разделами математики дело оказалось куда хуже; по геометрии, как признавался Франклин, он ушел недалеко. Та область знания, которая до недавнего времени называлась теорией словесности, давалась ему гораздо легче. Об этом Франклин сам красноречиво рассказывает: «Мне очень хотелось улучшить свою речь, и мне попала английская грамматика (кажется, Гринвуда), в конце которой было два небольших очерка об искусстве риторики и логики, причем последний заканчивался рассуждением о сократическом методе. А вскоре я достал „Воспоминания о Сократе“ Ксенофонта,⁷² где приводятся многочисленные примеры использования этого метода. Я был им совершенно очарован и стал применять его; я уже больше не прибегал ни к отрицанию, ни к позитивной аргументации, а усвоил позу смиренного вопрошателя. Кроме того, так как я, начитавшись Шефтсбери⁷³ и Коллинса,⁷⁴ сделался скептиком, — а я и без того уже скептически относился ко многому в наших религиозных доктринах, — то я нашел этот метод самым безопасным для себя и очень стеснительным для тех, против кого я его применял; поэтому я извлекал из него большое наслаждение, непрерывно в нем практиковался и достиг большого искусства в умении добиваться даже от весьма умных людей таких допущений, последствий которых они предвидеть не могли; при этом они попадали в затруднительное положение, выбраться из которого были не в состоянии».⁷⁵

Казалось, что юноша нашел ключ к тому, чтобы прослыть самым умным и знающим среди всех, кто его окружал. Будь он хоть немного самодовольным человеком,

он бы решил, что так оно и есть, и несомненно погубил бы себя. Однако он первым заметил, что обретенный им «метод» сам по себе, без углубленного размышления, приведет неминуемо к пустому бахвальству, и ясно сознавал, что словесные победы, одержанные им в беседах, очень часто зависели не от его истинной правоты и не оттого, что оспариваемые им тезисы были действительно неправильными.

Отказаться, однако, от легко достигаемых успехов было трудно, и Франклину потребовалось немало усилий, чтобы в конце концов воспитать в себе чувство меры при частом употреблении сократического метода. Он оказался ему полезным главным образом для высказывания в безупречной форме своих суждений. Эту привычку Франклин усвоил на всю жизнь. Чем больше он втягивался в общественно-политические дела, когда его мнение должно было играть важную, а иногда и решающую роль, тем больше он убеждался, что скромность в изложении своих суждений в значительной мере может предопределить их успех. «Я, — подчеркивал Франклин, — предпочитал говорить: „Мне представляется или думается, что дело обстоит так-то“, или „В силу таких-то причин я бы сказал, что...“, „Если я не ошибаюсь, то...“. Такая привычка, как я полагаю, сослужила мне хорошую службу, когда впоследствии мне не раз приходилось убеждать людей в своей правоте и получать их согласие на осуществление тех мер, которые я стремился провести... Я бы хотел, чтобы умные люди, питающие хорошие намерения, не уменьшали силу воздействия своих доводов посредством безапелляционной, заносчивой манеры говорить; это почти неизменно вызывает отвращение в слушателях; настраивает их недоброжелательно и, одним словом, достигает совершенно обратных целей, чем те, для достижения которых мы одарены речью».⁷⁶ Франклин приводит строфы, как он полагал, из произведения известного английского поэта Александра Попа (1688—1744), но в действительности принадлежащие другому автору:⁷⁷ «Людей надо учить так, чтобы они не замечали, что их учат, а думали, что они только вспоминают забытое».

Франклину было уже пятнадцать лет, когда его брат Джемс стал издавать в 1721 г. свою газету «New England Courant». Это была четвертая по счету английская газета в Америке; две из них издавались в Бостоне —

«Boston new letter» (1704) и «Boston Gasette» (1719), и одна в Филадельфии — «American Weekly Courant» (1719). Таким образом, брат Франклина был одним из первых американских издателей газет. Его имя как пионера этого дела постоянно упоминается в истории американской журналистики⁷⁸ и даже в трудах по общей истории Америки.⁷⁹

По тем временам это был весьма смелый шаг. Кое-кто из друзей Джемса пытался даже отговаривать его от этого рискованного предприятия. По их мнению, для Новой Англии было достаточно и трех газет. Тем не менее Джемс поставил на своем — новая газета под названием «New England Courant» стала выходить и пользовалась успехом. Среди друзей Джемса оказалось немало образованных людей, которые его поддержали. Они часто печатали в его газете свои заметки, приходили к нему в типографию для переговоров и этим поднимали значение и авторитет всего предприятия Джемса.⁸⁰

Вениамин должен был набирать газету, печатать и продавать ее на улицах города. Любознательный юноша не мог ограничиться только этим. Он чутко прислушивался к тому, о чем говорили посетители типографии, в том числе и авторы публиковавшихся статей. Отражая местную жизнь, они не проходили мимо ее теневых сторон и часто затрагивали местные интересы. Это существенно содействовало и успеху издания и популярности авторов. Франклину не терпелось испытать свои силы в литературе, но он не сомневался, что брат категорически откажется печатать произведения своего подмастерья.

Разносторонние познания, приобретенные Франклином путем чтения книг, и то, что он, внимательно набирая каждый номер газеты, усваивал лучшие образцы литературного изложения, позволили ему написать серию статей в виде писем в редакцию, причем он подписывался вымышленным именем некоей Сайленс Дугуд,⁸¹ обещавшей в нескольких письмах рассказать свою жизнь, многие стороны которой могут оказаться поучительными. Франклин вложил в уста автора писем свои собственные мысли, обращенные к читателям. Уже во второй заметке, напечатанной 16 апреля 1722 г., он поместил такие строки: «Скажу несколько слов о моем характере: я враг порока и друг добродетели, я смертельно ненавижу произвол и

неограниченную власть, ревниво относясь к правам и самостоятельности моей страны; я любезна, приветлива и миролюбива (если меня не обидят первую)».

Для большей конспирации Франклин изменил свой почерк и свое первое литературное произведение подложил ночью под дверь типографии. Обнаружив утром эту корреспонденцию, Джемс вместе со своими просвещенными друзьями стал обсуждать сочинение неведомого им автора, и оно им всем понравилось. Все терялись в догадках, кому принадлежит столь удачная заметка, подписанная явно псевдонимом. Перебрав всех образованных людей в городе, они не могли остановиться ни на одном известном им имени. Легко себе представить, какое удовольствие испытывал Франклин, слыша похвалы, расточавшиеся его произведению. Впоследствии, с присущей ему скромностью, он писал, что ему повезло с судьями и что они не были такими знатоками, какими он их считал, но тогда похвалы побудили его продолжать сотрудничать в газете таким же путем. Он напечатал до пятнадцати заметок; последняя датирована 8 октября 1722 г.⁸²

«Письма Дугуд» содержали едкую сатиру на местные нравы. Так, в «письме» от 14 мая 1722 г. автор рассказывает об одном ее сновидении. Ей приснилось, будто она попала в Храм науки, который пользовался большой известностью. У входа в Храм стояли два привратника — Богатство и Бедность. «И второй упорно отказывался пропустить тех, кто не заслужил милости первого, так что некоторые, лишённые этой привилегии, вынуждены были повернуть обратно такими же невежественными, как и раньше».⁸³ Посреди большого зала, продолжает далее Дугуд, стоял великолепный трон, на который можно было подняться по двум высоким ступеням. На вершине трона восседало Учение — фигура, окруженная бесчисленным множеством книг на многих языках. Справа и слева возле Учения находились фигуры с закрытыми лицами, олицетворявшие науки. От света они были отгорожены Лению и Невежеством. Многие, припоминая Дугуд, пытались взобраться на вершину трона, но не желавшие и не способные трудиться, они скатывались вниз, разделяя компанию с Лению и Невежеством. Немногим за известное вознаграждение удавалось вскарабкаться на одну-две ступени, но, проучившись немного, они уходили, такие же, в сущности, невежественные,

какими пришли. Некоторые после окончания учения увлекались торговлей, другие отправлялись путешествовать или занимались другими делами, а иные, которые не получили наследства, жили бедно, как церковные мыши, так как «копать землю они не умели, просить милостыню стыдились, а жить одними остроумиями было невозможно».⁸⁴ Очень многие, писала далее Сайленс, привлекаемые корыстью, шли в Храм богословия: «Я увидела за занавесом его Деньги, манившие этих людей, и сразу поняла, почему большинство направлялось сюда». «В этом доме, — читаем мы далее, — я не увидела ничего достойного упоминания, кроме честолюбивых и мошеннических трюков Плагиуса, который усердно переписывал некоторые яркие места из Тиллотсона».⁸⁵

Франклин как автор цитированного литературного произведения не скрывал, что сатирические стрелы его направлены против Гарвардского колледжа, чьи порядки и нравы приблизительно соответствовали нарисованной картине. Одно из «писем» Дугуд прямо заканчивается указанием на это.⁸⁶ Главный свой удар Франклин предназначал духовенству, к которому он всегда относился отрицательно. В девятом письме от 23 июля 1722 г. Сайленс Дугуд задается вопросом, кто более способен навредить обществу: лицемер, притворяющийся набожным, или явный дурак? И отвечает: «Наибольшая опасность исходит от лицемера, особенно, если он к тому же занимает пост в правительстве. Дурак способен наносить вред себе и немногим из своих близких, лицемер же обманывает лучших людей, заставляя их превозносить его мнимое благочестие».⁸⁷

В четырнадцатом письме от 8 октября 1722 г. Сайленс Дугуд замечает: «Среди христиан разного толка имеется много фанатиков; тот, кто проповедует евангелие среди распутников и вертопрахов, не исправив их морали, ставит себя в такое же смешное и незавидное положение, как государственный деятель, опирающийся на дураков и пустозвонов».⁸⁸

Вникая в глубокий общественный смысл «писем Дугуд» и оценивая своеобразную форму этого литературного произведения, трудно поверить, что автором его и обличителем господствующих нравов был шестнадцатилетний юноша, только вступавший в жизнь. Заметим тут же, что критика духовенства, начатая Франклином в «New England Courant»,

была характерна, правда, в весьма осторожной форме, и для его последующей литературной и общественной деятельности, сыгравшей большую роль в возникновении буржуазного свободомыслия в США.⁸⁹

И издатель газеты, и ее читатели ждали продолжения статей. Когда в течение почти двух месяцев новые письма не появлялись, один из друзей Джемса Франклина обратился к воображаемому автору с открытым письмом, в котором спрашивал: «Неужели все ваше остроумие исчерпано, весь запас материала истрачен? Мы думали, у вас его большой запас. . .», а издатель от себя добавил: «Если какое-либо лицо даст правильные сведения о м-с Сайленс Дугуд, живой или мертвой, замужней или незамужней, живущей в городе или в деревне, так чтобы с ней (если она жива) можно было бы говорить или посылать ей письма, то они получат благодарность за свои труды».⁹⁰

Когда, как пишет Франклин, его «маленькое вдохновение» иссякло, он решил раскрыть свою тайну. Друзья Джемса и завсегдатаи его конторы, понимавшие толк в газетном деле, были восхищены способностями младшего брата Джемса и, как замечает Франклин, «стали несколько больше со мною считаться». Со стороны же брата он встретил иное отношение, так как тот увидел, что подмастерье обладал несомненными литературными способностями и в этом отношении явно превосходил хозяина.

Об этом периоде своей жизни и взаимоотношениях с Джемсом Франклин писал: «Брату же это не понравилось, так как он считал, что я могу возгордиться. Это, возможно, было одной из причин тех размолвок, которые начались у нас в это время. Хотя он и был моим братом, он считал себя моим хозяином, а меня подмастерьем, вследствие чего предъявлял ко мне такие же требования, как и к прочим; я же считал некоторые из них унижительными для себя, ожидая от него, как от брата, большего снисхождения. Наши споры нередко приходилось решать отцу, и то ли потому, что я обычно бывал прав, то ли лучше умел доказывать, но решение обычно оказывалось в мою пользу. Но мой брат был очень вспыльчив и часто бил меня, на что я немало обижался. Мне думается, что его суровое и тираническое обращение со мной вызвало во мне отвращение ко всякой деспотической силе, которое сопутствовало мне на протяжении всей моей

жизни. Мое ученичество было для меня очень тягостным, я с обидой вспоминал те побои, которые он слишком часто наносил мне в раздражении, хотя в остальном он не был дурным человеком».⁹¹ Рассказывая через много лет об этих, столь обидных для него столкновениях, Франклин добавляет: «Может быть, я был слишком дерзким и самонадеянным».

О том, что Вениамин Франклин задолго еще до совершеннолетия⁹² стал уже вполне зрелым человеком, свидетельствует следующий факт. Ведя дружбу с передовыми людьми Бостона, Джемс Франклин иногда давал своей газете явно неприемлемое для господствовавших властей направление и помещал материалы, изобличавшие местных заправил. Участие же в газете молодого подмастерья и его «письма» обратили на себя внимание общественности и «отцов» города. Они еще более укрепили за этим детищем Франклинов репутацию «вольнодумного» издания. Упомянувшийся уже нами преподобный Коттон Мезер записал в своем дневнике, имея в виду издателя «New England Courant»: «Надо предостеречь мерзкого печатника и его сообщников, каждодневно публикующих подлую газетенку, где они тщатся умалить и очернить священников города и свести на нет их старания. Мерзость, равной которой никогда еще не бывало на земле».⁹³ Власти были настороже и ждали только случая, чтобы обрушить репрессии на издателя, осмелившегося высказывать суждения, порицавшие существующие порядки.⁹⁴ Наконец, одно из выступлений в газете было сочтено настолько оскорбительным, что Джемса арестовали и посадили на месяц в тюрьму, так как он наотрез отказался назвать автора обличительной заметки. Вениамина тоже арестовали и допрашивали, но и от него ничего не добились. Его, впрочем, сразу же выпустили, найдя похвальным со стороны подмастерья желание хранить секрет хозяина. Несмотря на обиды, вынесенные им от Джемса, Франклин принимал близко к сердцу испытание, постигшее брата, и постарался продолжить выпуск газеты, не изменяя ее направления. Он и сам несколько раз выступал со статьями, которые были весьма не по душе местным властям. Джемс же к этим смелым шагам младшего брата отнесся наконец с одобрением.

Издатель газеты был выпущен по истечении срока заключения со следующим, как пишет Франклин, весьма

странным приказом: «Джемс Франклин впредь не должен печатать газету „New England Courant“». Бостонская интеллигенция не хотела лишиться этой трибуны, и друзья Франклина стали искать выход из создавшегося положения. Самое простое было изменить название газеты, и некоторые предлагали поступить именно так. Однако Джемс Франклин отдавал себе отчет в том, насколько это может повредить газете, успевшей именно под этим названием приобрести определенную репутацию. Он нашел другой выход, решив, что газета будет издаваться не им, а Вениамином Франклином, и подписчики едва ли это заметят.⁹⁵ Однако здесь возникло формальное затруднение: подмастерье, хотя и связанный родством со своим хозяином, не мог быть в то же время самостоятельным предпринимателем. Поэтому договор между братьями пришлось объявить расторгнутым: на возвращенном Вениамину документе значилось, что с подмастерьем произведен полный расчет. Таким образом, в случае необходимости можно было бы предъявить этот документ, свидетельствующий о том, что Вениамин Франклин никаких обязательств перед братом уже не несет.

Между братьями установились весьма странные отношения. Старый, невыгодный для ученика договор был расторгнут, и Вениамин стал номинально издателем газеты. Практически же в положении обеих сторон мало что изменилось, так как Джемс продолжал оставаться хозяином предприятия (со временем он и формально был восстановлен в своих правах издателя), а с младшим братом был заключен тайный контракт, согласно которому тот продолжал оставаться бесправным учеником и вынужден был сносить придирки и оскорбления брата. И все же времена изменились: ведь Вениамин привязан был к предприятию Джемса больше родственными узами, чем формальными обязательствами, ибо тайный контракт о продолжении ученичества законной силы не имел и Джемс не смог бы его предъявить властям. Вениамин искал возможности расстаться с братом.

Узнав об этом намерении своего ученика, Джемс обошел все бостонские типографии и так очернил своего брата, что ни один владелец после этого не решился брать его на работу. К тому же на молодого Франклина за его выступления в печати косились и местные власти. Ему оставался один выход — покинуть родной город, тем более

что за его вольные рассуждения по вопросам религии «добрые люди», как иронически называет Франклин благочестивых ханжей Бостона, указывали на него пальцами как на язычника и безбожника.

Франклин знал, что отец не согласится на его отъезд из Бостона, поэтому пришлось уехать тайно. В этом ему помог его друг Коллинс. Ближайшим городом, где имелась типография, был Нью-Йорк; туда и решил бежать Франклин.

Коллинс уговорил капитана нью-йоркского судна увезти его товарища из Бостона без огласки, сочинив историю, будто у молодого человека была интрижка с девицей легкого поведения и ее родители, обрадовавшись случаю, хотят его теперь насильно женить. Бедному молодому человеку ничего другого не остается, как тайно покинуть родной город. Капитан, видимо, привыкший к контрабанде всякого рода, согласился принять на судно беглеца. Франклин должен был продать часть своих книг, чтобы собрать хоть какие-нибудь средства. В октябре 1723 г. он покинул город своего детства и отправился искать лучшей доли.

В действительности самостоятельное существование оказалось вовсе не таким приятным и заманчивым, каким его себе представлял семнадцатилетний юноша. Новая жизнь началась с неудач. Они следовали одна за другой. Единственный владелец типографии в Нью-Йорке Вильям Бредфорд не нуждался в помощниках: работы было мало, а желающих наняться в подмастерья достаточно. Впрочем, он сказал Франклину, что его сын, тоже типограф, живет в Филадельфии и что у него недавно умер помощник. Бредфорд посоветовал юноше отправиться в Филадельфию. Франклину ничего не оставалось, как последовать совету.

Так невольно он попал в город, в котором не только протекала вся его жизнь, но и развернулась напряженная общественно-политическая и научная деятельность, прославившая его имя. Однако, прежде чем добраться до Филадельфии, ему пришлось перенести немало испытаний. Часть пути он вынужден был пройти пешком под дождем; другую часть пути проделал на лодке, при этом ему пришлось в течение многих часов самому грести. Не избег он и шторма, испытал и недомогание — целую ночь его лихорадило. Одно время Франклин уже начал жалеть, что оста-

вил родные места, когда же наконец добрался до Филадельфии, то сам показался себе песчинкой в море, жалким и беспомощным. Вот что мы читаем в «Записках» Франклина: «На мне было мое рабочее платье. Мой выходной костюм должен был прибыть кружным путем по морю. Я был грязным после своего путешествия; карманы мои были набиты рубашками и чулками; я не знал ни одной живой души и не имел понятия, где искать себе жилье. Ходьба, гребля и недостаток сна утомили меня, я был очень голоден, и все мои наличные средства состояли из одного доллара и примерно шиллинга медными монетами, и я отдал эти деньги лодочникам за проезд. Сначала они отказывались от них, говоря, что я тоже греб, но я настаивал, чтобы они взяли эти деньги. Иногда человек, имея немного денег, бывает более щедрым, чем когда их у него много, возможно потому, что боится, как бы не подумали, что у него их мало».⁹⁶

ФИЛАДЕЛЬФИЯ

Филадельфия, третий по значению город США, расположена на 39-й параллели, на р. Делавэр, при впадении в нее р. Скулкилл, в 160 км от Атлантического океана. На протяжении всей истории Новой Англии этот город играл весьма важную роль, будучи центром борьбы за независимость английских колоний от метрополии, и в течение десяти лет являлся столицей США, до переезда правительства в специально построенный город, названный Вашингтоном в честь национального героя, возглавлявшего войну против английских угнетателей.

Как уже отмечалось, англичане не были первыми из европейских колонистов, осевших в этих малонаселенных лесистых местах. На этой территории, раскинувшейся на многие сотни километров в длину и ширину, основали свои поселения шведы, а затем, еще в первой половине XVII в., голландцы. Лишь к концу столетия эти первые колонисты были вытеснены англичанами. С древнейших времен жили здесь индейцы, однако европейские колонизаторы безжалостно истребляли их, эксплуатировали, а также загоняли в глухие, гиблые места.

Филадельфия была основана в 1682 г. капитаном Томасом Холмом,¹ уполномоченным владельца колонии Уильяма Пенна,² который задумал основать этот город как убежище от религиозных и иных преследований. Отсюда и название нового города: Филадельфия — греческое слово, означающее «город братской любви».³

В описываемое время город состоял из 700 домов и насчитывал до 10 тысяч жителей самых различных профессий и состояний, прибывших в большинстве своем из Англии. Они покинули свою родину под давлением нужды, религиозных и политических гонений и в значительной своей массе вместе с владельцем всей колонии Уильямом Пенном, по имени которого она была названа Пенсильва-

нией, принадлежали к протестантской секте квакеров.⁴ Это был предприимчивый, трудолюбивый и суровый народ, не побоявшийся в поисках лучшей доли пересечь океан и готовый отстаивать в борьбе свои религиозные и политические убеждения, далеко не во всем совпадавшие с догмами официальной церкви и нормами поведения, установленными властями. Квакеры называли свои организации «обществами друзей», что должно было подчеркнуть их взаимную солидарность, но это претенциозное название ничуть не мешало верхушке этой секты эксплуатировать самым жестоким образом своих «друзей» и «братьев» по вере. Отстаивая свободу своего вероисповедания, квакеры, подобно другим сектантам, проявляли нетерпимость к иным верованиям и поразительную, даже для того времени, узость взглядов.

Волей случая именно с этим городом слилась судьба Франклина. На протяжении почти двух с половиной столетий и до наших дней жители Филадельфии с гордостью называют Франклина своим земляком. Однако удача и слава не сразу улыбнулись бедному, решительно никому неизвестному юноше, вступившему на немощные улицы города «братской любви».

Первый дом, порог которого Франклин переступил в день прибытия в Филадельфию, был как раз молельней квакеров. Это было в воскресенье, когда они собрались для очередного совместного богослужения. Франклин попал на него при следующих обстоятельствах. Сойдя на пристань, он поднялся вверх на довольно высокий берег и дошел до Маркетстрит (Торговой улицы). Там он увидел мальчика, который нес хлеб. Узнав, где он его купил, Франклин пошел в булочную, чтобы купить себе сухарей, свою привычную пищу вместо обеда с тех пор, как он стал экономить выдававшиеся ему братом деньги для приобретения книг. Сухарей в булочной не оказалось, их здесь, видимо, не готовили. Тогда он попросил себе трехкопеечную булку (булку за три пенни, какие обычно пекли на его родине в Бостоне), но снова получил отказ. Тогда он сообразил, что в Филадельфии, вероятно, существуют свои порядки, отличные от тех, к которым он привык в своем родном городе, и молча протянул булочнику три пенса, надеясь получить на них какого-нибудь хлеба. Владелец лавки вручил ему три больших пышных булки. Карманы Франклина были заполнены, и он сунул по одной булке

под мышки, а третью стал есть, бесцельно блуждая по улицам Филадельфии. На одной из них он заметил девушку, которая, как ему показалось, обратила внимание на юношу довольно странного и, как сознавал сам Франклин, дикого вида. Впоследствии они, должно быть, не раз вспоминали эту первую встречу.

Девушка эта была Дебора Рид — в будущем она стала женой Франклина, тогда же он попытался скорее скрыться от ее насмешливых глаз, повернув сразу на вторую улицу, потом на третью, усердно уплетая при этом вкусную булку. Не зная города, он кружил по нему, пока не вышел к пристани. Здесь он напился речной воды и, обнаружив, что уже наелся почти досыта одной булкой, остальные две отдал женщине с ребенком, которая прибыла сюда на той же лодке, что и он, но должна была еще продолжать свое путешествие по воде.

Освободившись таким образом от своей не тяжелой, но стеснявшей его ноши, Франклин опять поднялся вверх к центру города и увидел много празднично одетых людей, которые шли все в одном направлении. Он присоединился к ним и вошел вместе с ними в большое здание — это был молитвенный дом квакеров. Усталый, он мало обращал внимания на богослужение, мечтая хотя бы немного отдохнуть. «Я, — вспоминал позднее Франклин, — сел среди них и, оглянувшись по сторонам и ничего не слыша, заснул, так как очень утомился прошедшей ночью и не имел возможности выспаться. Я крепко спал до самого конца собрания, когда кто-то по своей доброте разбудил меня. Это был первый дом, который я посетил и в котором я спал в Филадельфии».⁵

Между тем пора было подумать, где бы найти хотя временное пристанище. На улице Франклин вглядывался в лица прохожих и наконец обратился к молодому человеку, показавшемуся ему наиболее симпатичным, с просьбой посоветовать ему, где он мог бы остановиться. Тот рекомендовал обратиться в гостиницу «Приют заблудших» и сам повел его туда.

На другой день Франклин отправился в типографию Бредфорда⁶ и, к своему удивлению, застал там его отца, прибывшего в Филадельфию сухим путем. Старик познакомил сына с молодым типографом. Его угостили обедом, но работы для него не нашлось. Впрочем неподалеку оказалась другая типография, владельцем которой был некий

Кеймер,⁷ недавно обосновавшийся в Филадельфии. Франклину посоветовали обратиться к нему. Старик Бредфорд вызвался пойти с Франклином к Кеймеру и лично отрекомендовать его.

В этот день молодой, неопытный юноша, должно быть, первый раз в жизни познакомился с тем, что представляют собой «деловые люди» и к каким хитростям они прибегают в отношениях со своими конкурентами. Но предоставим слово самому Франклину: «Старый джентельмен сказал, что сам пройдет со мной к новому печатнику. Когда мы туда пришли, Бредфорд сказал: „Сосед, я привел к тебе молодого человека, занимающегося тем же ремеслом, что и ты; может быть, он тебе понадобится“. Тот задал мне несколько вопросов, сунул мне в руку верстатку, чтобы посмотреть, как я работаю, а затем сказал, что вскоре примет меня, хотя в настоящее время у него нет для меня никакой работы. Кеймер никогда раньше не видел Бредфорда и решил, что это один из расположенных к нему горожан. Он завязал с ним разговор о своем нынешнем предприятии и о видах на будущее; Бредфорд же не сказал ему, что он отец другого печатника, и когда Кеймер стал распространяться о своих намерениях забрать большую часть дела в свои руки, то Бредфорд хитрыми вопросами и незначительными сомнениями выудил у него все подробности касательно того, на чье влияние он рассчитывает и каким образом намеревается действовать. Я стоял рядом и все слышал и сразу понял, что один из них — старый пройдоха, а другой — зеленый новичок. Бредфорд оставил меня с Кеймером, который страшно удивился, когда я ему сказал, кто был этот старик».⁸

Тут выяснилось, что сам Кеймер был по специальности лишь наборщиком и в печатном деле ничего не смыслил. Вся типография состояла из изношенного комплекта английских шрифтов и из старого сломанного печатного станка, который Франклин обещал быстро исправить. Вскоре Кеймер принял его на работу.

Поселился Франклин в доме Джона Рида,⁹ отца той девушки, которая первая обратила внимание на странного молодого человека, блуждавшего по улицам Филадельфии.

Владелец типографии оказался человеком не без странностей. Тем не менее он старался сохранить со своим

работником хорошие отношения, так как понял, что на нем собственно будет держаться все предприятие.

Сундук с одеждой, отправленный из Бостона, прибыл наконец в Филадельфию, и теперь Франклин выглядел гораздо лучше, чем в первые дни пребывания в чужом городе. Юноша быстро освоился с новым местом своего жительства и вскоре хорошо зарекомендовал себя на работе. Чем дальше, тем больше он убеждался в том, что сделанный им решительный жизненный шаг оказался правильным; ничто не побуждало его раскаиваться. Природный ум, общительность и обширные знания, приобретенные самообразованием, позволили ему скоро обзавестись достойными друзьями. «Теперь, — пишет Франклин в своих воспоминаниях, — у меня завелись знакомые среди тех молодых людей в городе, которые были любителями чтения. Я приятно проводил с ними вечера и благодаря своему прилежанию и умеренности имел достаточный заработок. Я был доволен своей жизнью и, насколько возможно, забыл о Бостоне; мне не хотелось, чтобы там стало известно, где я обосновался. Об этом знал только мой друг Коллинс, который был посвящен в мою тайну и сохранил ее».¹⁰

Тайна эта, однако, вскоре открылась и совсем неожиданным образом. Старшая сестра Франклина Мэри¹¹ была замужем за Робертом Хомсом,¹² капитаном судна, курсировавшего между Бостоном и Делавэром. Как-то Хомс был в Ньюкасле,¹³ расположенном неподалеку от Филадельфии, и там узнал о судьбе своего шурина. Он тотчас же послал ему письмо, сообщив, какие огорчения он доставил родным своим внезапным отъездом. Зять заверял, что все в Бостоне к нему дружески расположено и будут очень рады, если он вернется, и что теперь дома он займет лучшее положение. В заключение Хомс убеждал Франклина не откладывать возвращение в родную семью. Франклин ответил подробным письмом, в котором обстоятельно изложил причины, побудившие его оставить Бостон, и старался убедить зятя в правильности избранного пути.

В Ньюкасле в то время находился проездом губернатор Пенсильвании Уильям Кейс.¹⁴ Случилось так, что ответ Франклина вручили Хомсу в момент, когда он беседовал с губернатором. Хомс тут же рассказал губернатору о своем шурине и показал полученное письмо. Оно произ-

вело на Кейса весьма благоприятное впечатление. Когда же он узнал о возрасте автора только что прочитанных им строк, то заметил, что такое письмо мог написать только многообещающий юноша, которого надо поддержать, и тут же вызвался это сделать. В Филадельфии, сказал губернатор, печатное дело находится на низком уровне, и если одаренный молодой человек заведет собственное предприятие, то нетрудно предсказать ему верный успех. Со своей стороны Кейс обещал всячески содействовать этому, предоставляя все казенные заказы новой типографии, которая, несомненно, будет образцово оборудована.

Хомс не успел обо всем этом сообщить своему шурину до того дня, когда Кейс вернулся из своей поездки обратно в Филадельфию. Поэтому Франклин был немало поражен, когда, работая вместе с Кеймером у окна, увидел входящего в типографию самого губернатора Пенсильвании. Хозяин типографии имел все основания думать, что губернатор пришел именно к нему, и бросился сломя голову встречать знатного гостя, но последний заявил, что ему нужен не хозяин, а работник, и, увидя Франклина, любезно заговорил с ним, что было для Франклина полной и приятной неожиданностью. После ряда комплиментов своему юному собеседнику Кейс слегка пожурил его за то, что тот не представился ему сам, когда прибыл в Филадельфию. Затем высокопоставленный посетитель предложил Франклину отправиться с ним в таверну отведать великолепной мадеры. Это совсем уже поразило и работника, и хозяина; последний долго не мог прийти в себя от изумления. Губернатора сопровождал полковник Френч из Ньюкасла. Оба они за бокалом мадеры в самых радужных красках рисовали успехи, ожидавшие Франклина, если он откроет собственную типографию. Они в один голос утверждали, что завалят его заказами и всеми силами будут способствовать процветанию его предприятия.

Франклин сознавал, что в печатном деле он действительно далеко ушел вперед по сравнению с филадельфийскими типографами. Однако он понимал, что для обзаведения собственным предприятием нужны немалые средства. «Когда, — рассказывает он, — я выразил сомнение в том, окажет ли отец мне поддержку в этом деле, то сэр Вильям сказал, что он даст мне письмо к нему, в котором

изложит все преимущества своего проекта, и выразил уверенность, что это побудит моего отца согласиться. Итак, было решено, что я вернусь в Бостон с первым же кораблем, имея при себе рекомендательное письмо губернатора к моему отцу».¹⁵ До осуществления намеченного плана губернатор советовал держать все в тайне, и Франклин продолжал по-прежнему работать у Кеймера. Лишь только подвернулась возможность съездить в Бостон, он отпросился у хозяина, сказав, что хочет повидаться с родными. За время, прошедшее после первой беседы с Кейсом до отъезда в Бостон, губернатор не раз приглашал Франклина к себе обедать. Это льстило молодому печатнику «потому, — подчеркивал Франклин, — что он беседовал со мной самым любезным, непринужденным и дружеским образом, какой только можно вообразить».

Семь месяцев прошло с тех пор, как Франклин тайком покинул Бостон, но какие существенные перемены в его жизни произошли за это время! Беглец, без средств и друзей, вернулся в родной город в совершенно преобразенном виде. На нем был новый модный костюм; в кармане пиджака лежали собственные часы, а в руках было пространное рекомендательное письмо самого губернатора Пенсильвании. Все указывало на то, что восемнадцатилетний молодой человек преуспевает в жизни. Легко себе представить, как ему обрадовались родные. Безучастным остался лишь брат Джемс, который был недоволен тем, что бывший подмастерье не преминул посетить типографию и покрасоваться перед своими бывшими товарищами. Он даже подарил им небольшую сумму на угощение, позвякивая при этом серебряными деньгами в кармане — их было у него около пяти фунтов. Последнее, пожалуй, больше всего поразило товарищей, обступивших Франклина; бостонцы почти отвыкли от звонкой монеты, в ходу у них были бумажные деньги (о денежном обращении в английских колониях в Америке речь будет далее). Товарищи с любопытством вглядывались в радостное лицо Франклина, рассказывавшего о своей удачной жизни на новом месте, а Джемс, насупившись, даже не глядел в сторону брата. Франклин так рассказывает об этом свидании: «Моя мать как-то заговорила о примирении и о том, что ей хочется, чтобы мы снова были в хороших отношениях и жили в будущем,

как брата, но он ответил, что я так оскорбил его на глазах его работников, что он никогда не сможет ни забыть, ни простить этого». ¹⁶

Братья примирились только впоследствии, через много лет. Джемс оставался в Бостоне недолго; в 1726 г. он переехал в Ньюпорт, ¹⁷ где прожил около десяти лет. Он в отличие от родителей не обладал крепким здоровьем и умер, не достигнув даже сорокалетнего возраста. После него осталась вдова с шестью детьми, из которых старшему было всего тринадцать лет. Чувствуя приближение смерти, Джемс просил младшего брата позаботиться о его семье, что Вениамин и выполнил в меру своих возможностей. Невестке он постоянно оказывал материальную поддержку, а племянника, названного по имени отца тоже Джемсом, взял к себе, дал ему начальное образование и обучил типографскому делу. Это было весьма существенно, так как после кончины отца Джемс младший стал опорой всей семьи и вскоре начал управлять отцовской типографией.

Все это случилось только через двадцать пять лет, а в первый приезд Вениамина Джемс совсем не выказывал братских чувств — он был единственным, кто холодно отнесся к успехам Вениамина. Правда, и отец не был ими ослеплен. Конечно, он должен был признать, что совсем еще юный сын, предоставленный самому себе, не только не сбился с правильного пути, но за столь короткий срок действительно стал на ноги. Ведь только высокой квалификацией, прилежанием, бережливостью и разумным расходом своего заработка можно было приобрести в чужом городе столь хорошую рекомендацию. Старику Франклину (ему было тогда уже под семьдесят) явно польстило, конечно, и любезное письмо губернатора Пенсильвании. Ведь ему еще не приходилось иметь дело с такими важными особами. Однако умудренному жизнью Иосиа показалось странным, что такое серьезное и важное предложение сделано восемнадцатилетнему юнцу, мало сведущему в коммерческих делах. Поэтому отец Франклина деликатно уклонился от субсидирования предприятия, затеянного губернатором. Однако Иосиа Франклин, видя, что вернуть младшего сына в семью не удастся, разрешил ему возвратиться в Филадельфию. Он заявил, что если Вениамин и впредь будет столь же трудолюбивым и осмотрительным, то к совершеннолетию он

сможет сам накопить необходимые средства, чтобы открыть собственную типографию; если же накопленных денег не хватит, он обещал тогда добавить недостающую сумму.

Благословляя сына в дорогу, отец счел необходимым снабдить его кучей добрых советов, главным из которых был совет критически относиться к самому себе и поменьше критиковать других: он знал, что склонность к этому Вениамин приобрел, работая в газете брата. Отец рекомендовал ему трезво разбираться в окружающей обстановке, не давая себя увлечь сомнительными предложениями. Отцовские наставления не пропали даром. На обратном пути из Бостона в Филадельфию Франклин очутился в компании весьма подозрительных девиц, и лишь предупреждения отца и советы одной доброй женщины держаться подальше от своих случайных и сомнительных попутчиц избавили Вениамина от неминуемой неприятности, так как обе эти девицы вскоре были уличены в краже и подвергнуты наказанию. Другой ошибки избежать не удалось. По пути из Бостона в Филадельфию Франклин остановился в Ньюпорте; там жил его старший брат Джон, занимавшийся тем же ремеслом, что и его отец, т. е. производством мыла и свечей. В отличие от Джемса Джон был весьма обрадован приезду Вениамина, доволен он был также успехами младшего брата. Восемнадцатилетний молодой человек произвел благоприятное впечатление и на друзей Джона. Один из них, некий Вернон, даже поручил ему получить по дороге от одного лица причитающиеся ему тридцать пять фунтов (представлявшие по тем временам для Франклина огромную сумму) и держать их у себя, пока он не укажет, как ими распорядиться.

В Нью-Йорке Франклин встретил своего товарища Коллинса, которому он был стольким обязан и которого он знал и помнил как молодого человека, пользовавшегося всеобщим уважением за свою образованность и за примерный образ жизни. Франклин не хотел более разлучаться со своим другом и предложил ему перебраться на жительство в Филадельфию. Однако за время их разлуки Коллинс значительно изменился. Пристрастившись к вину, он каждый день прикладывался к рюмочке и при этом предпочитал пить дорогие вина. Мало того, Коллинс увлекся игрой в азартные игры и проигрывал все свои

деньги. Франклину пришлось взять на себя все путевые издержки и другие расходы. Это было ему не по средствам; выручили деньги Вернона, которые Франклин получил по дороге. Зная, что у друга имеется в распоряжении такая большая сумма денег, хотя и не принадлежавшая ему, Коллинс и в Филадельфии продолжал вести беспорядочный образ жизни на средства Франклина, пока после одного столкновения друзья не рассорились и Коллинс покинул Филадельфию навсегда.

Франклин был в отчаянии, удостоверившись, что от солидной суммы, полученной им для Вернона, у него на руках остались жалкие гроши. К счастью, после отъезда Коллинса Вернон не скоро потребовал вернуть деньги, и Франклину удалось пополнить недостающую сумму. Этот случай убедил Франклина, что отец был прав и ему еще рано начинать собственное дело.

На окружающих Франклин продолжал производить самое благоприятное впечатление. Высокого мнения о нем остался и капитан судна, на котором Франклин возвратился в Филадельфию. Губернатору Ньюпорта капитан сообщил, что привез с собой необычайно интересного молодого пассажира, имеющего при себе множество книг. Губернатором Ньюпорта и Нью-Джерси был тогда В. Бернет, человек широко образованный. Он пожелал увидеть молодого человека, которого ему так расхваливали, и пригласил его к себе в гости. Встреча эта надолго запомнилась Франклину. «Губернатор, — писал он, — принял меня с отменной учтивостью, показал мне свою библиотеку, которая была очень обширной, и мы долго беседовали о книгах и писателях. Это был уже второй губернатор, оказавший мне честь своим вниманием, и для бедного юноши вроде меня это было очень лестно».¹⁸

Что же касается Кейса, губернатора Пенсильвании, то его любезность и отзывчивость оказались лишь проявлением внешнего лоска и вовсе не соответствовали его практической деятельности, хотя он, по-видимому, не был худшим из сановников, занимавших этот высокий пост.¹⁹ Франклину еще не приходилось встречаться с влиятельными людьми, столь щедрыми на заманчивые посулы. Он не сомневался в искренности обещаний Кейса. Действительно, как было не поверить ему, когда, прочитав письмо Иосии Франклина, не согласившегося с его пла-

ном, губернатор сказал, что старик «слишком уж щепетилен, что человек человеку рознь и что благоразумие не обязательно свойственно пожилому возрасту и что им могут обладать и люди молодые». Не долго думая, Кейс заявил: «Раз он не хочет помочь вам устроиться, то я сделаю это сам. Дайте мне список всех вещей, которые необходимо выписать из Англии, и я пошлю за ними. Вы мне заплатите, когда сможете; я твердо решил иметь здесь хорошего печатника, и я убежден, что вы будете преуспевать».²⁰ Так как для успеха дела решено было держать в тайне намеченный план, то Франклин ни перед кем о нем не обмолвился и словом, за что потом дорого поплатился. Расскажи он кому-нибудь из своих филладельфийских друзей про обещания губернатора, его бы подняли на смех и открыли перед ним истинное лицо Кейса, привыкшего давать обещания, которые он не только не выполнял, но над которыми он не привык и не способен был даже задуматься.

Всего этого не мог знать неопытный Вениамин, выросший в семье, где ложь, как и вообще всякая неискренность в отношениях между людьми, считалась тяжким грехом. Он не отнесся критически к медоточивым словам губернатора и решил, что судьба свела его с одним из лучших людей на свете.

Полный надежд, Франклин не замедлил представить губернатору список оборудования, необходимого для небольшой типографии, и приложил смету необходимых расходов. Оказалось, что все намечаемые издержки составили сумму приблизительно в сто фунтов стерлингов. Кейс все это одобрил и только спросил Франклина, согласится ли он отправиться в Англию, чтобы лично закупить оборудование и выбрать на месте лучшие шрифты и станки. «Конечно, — добавил Кейс, — когда вы будете там, вы сможете завязать знакомства и установить переписку с книжными и писчебумажными лавками».

Предложение было слишком заманчивым, и Франклин немедленно ответил согласием. «Тогда, — сказал в заключение губернатор, — приготовьтесь к отплытию на „Аннис“». Это был единственный корабль, который раз в год регулярно совершал рейсы между Филадельфией и Лондоном. До прихода «Аннис» оставалось еще несколько месяцев, и Франклину ничего другого не оставалось, как продолжать работать у Кеймера. Как писал

Франклин, они находились с ним «в довольно хороших приятельских отношениях и вполне уживались друг с другом».

Кеймер видел во Франклине не только квалифицированного помощника, без которого его предприятие, вероятно, не выжило бы, но и толкового и словоохотливого собеседника. Дело в том, что хозяин типографии не столько интересовался расширением своего дела, сколько носился с мыслью основать собственную религиозную секту. Он прекрасно понимал, что для этого недостаточно проявить себя красноречивым проповедником, но нужно быть и полемистом, чтобы наверняка поражать оппонентов в религиозных спорах. Для опровержения оппонентов Франклин был подготовлен как нельзя лучше; в этом Кеймер убедился на собственном опыте. «У нас, — рассказывает Франклин, — бывали многочисленные дискуссии. Я продолжал испытывать на нем свой сократический метод и часто загонял его в тупик с помощью вопросов, казалось бы, очень далеких от нашей темы и все же постепенно приводивших к ней и ставивших его в затруднительное и противоречивое положение; вследствие этого он сделался до смешного осторожен и не отвечал даже на самый простой вопрос, не спросив сначала: „Какие вы намереваетесь сделать из этого выводы?“». Благодаря этому, однако, он составил такое высокое мнение о моих полемических способностях, что совершенно серьезно предложил мне стать его партнером в осуществлении задуманного им проекта создания новой секты. Он должен был проповедовать доктрины, а я — опровергать всех противников. Когда он начал излагать мне свои доктрины, то я обнаружил в них несколько темных мест, против которых я возражал и соглашался лишь на том условии, что он сделает мне некоторые уступки и позволит добавить кое-что от себя».²¹

Это условие дало Франклину возможность немного потешиться над новоявленным проповедником спасения рода человеческого. В «доктрину» Кеймера входило строгое соблюдение всех предписаний Ветхого завета. Поэтому седьмым, праздничным днем он считал субботу и носил длинную бороду в соответствии с требованием закона Моисея: «Ты не должен осквернять конца твоей бороды». Франклин готов был, пожалуй, эти два пункта Библии принять при условии, что и Кеймер, который

в чревоугодии мог поспорить с самим Лукуллом,²² пойдет на уступку и согласится стать вегетарианцем.

Кеймер пытался вначале уклониться от этого предложения, сославшись на то, что здоровье его не выдержит, если он не будет питаться мясными блюдами, но Франклин без труда разбил этот довод. «Я, — рассказывает он, — заверил его, что здоровье выдержит и что он будет себя даже лучше чувствовать. Он был большим обжорой, и мне хотелось доставить себе развлечение, поморив его голодом. Он соглашался попробовать, если только я составлю ему компанию; я был готов его поддерживать, и мы питались три месяца подобным образом. Провизию нам все время закупала, готовила и приносила одна соседка, которой я дал список из сорока кушаний, чтобы она нам готовила их в разное время, в эти кушания не входили ни рыба, ни мясо, ни птица. Эта причуда меня в данное время вполне устраивала благодаря своей дешевизне; каждый из нас тратил на еду не больше восемнадцати пенсов серебром в неделю. . . Я себя чувствовал превосходно, но бедняга Кеймер страшно страдал, он утомился от этого проекта, мечтал о египетских котлах с мясом и заказал жареного поросенка. Он пригласил отобедать вместе с ним меня и двух своих приятельниц, но так как поросенка подали на стол слишком рано, то он не выдержал искушения и съел его сам целиком еще до нашего прихода».²³

Сам Франклин к этому времени перестал уже питаться одной растительной пищей. Отказ от вегетарианства произошел при следующих обстоятельствах, о которых он так рассказывает в своей «Автобиографии»: «Когда во время моего первого плавания из Бостона в Филадельфию мы попали в полосу шторма у острова Блок-Айленд, то наша команда стала ловить треску и наловила ее очень много. До этой поры я строго соблюдал свое решение не есть ничего живого; и на этот раз я тоже считал вместе со своим наставником Трайоном, что ловля рыбы — своего рода ничем не оправданное убийство, поскольку ни одна рыба никогда нам не причинила и не могла причинить какого-либо вреда, который оправдывал бы это умерщвление. Все это представлялось мне весьма резонным. Но дело в том, что раньше-то я очень любил рыбу, и, только что зажаренная на сковороде, она издавала восхитительный запах. Некоторое

время я колебался между принципом и влечением, пока не вспомнил, что когда рыбу потрошили, то я видел, как из ее желудка доставали других маленьких рыбок. „Ну, раз так, — подумал я, — если вы поедаете друг друга, то почему бы и нам не есть вас“. Итак, я с аппетитом пообедал треской и с тех пор продолжал питаться, как и все остальные люди, переходя только изредка на вегетарианский стол. Вот как удобно быть рассудительным существом, ведь это дает нам возможность посредством рассуждения найти или изобрести повод сделать все то, к чему мы стремимся». ²⁴

Надо сказать, что Франклин, отдавая дань молодости, тем не менее не терял много времени на развлечения. По натуре веселый и увлекающийся, он все же не переставал усиленно учиться и не жалел труда на самообразование, выкраивая для этого часы за счет сна и отдыха. ²⁵ Чем дальше, тем больше расширялись и углублялись его познания в различных областях. В Филадельфии для достижения этого он оказался даже в более благоприятных условиях, чем в Бостоне. В новом городе он нашел не одного, а нескольких друзей, которые, так же как и он, стремились к расширению своего умственного кругозора.

Вскоре после переезда Франклина в Филадельфию там образовался кружок молодых людей, живо интересовавшихся научными вопросами. В него входили, кроме Франклина, Чарльз Осборн, Джозеф Уотсон и Джемс Ралф, первые два служили писмоводителями у местного нотариуса, а третий выполнял такие же обязанности у одного купца. За исключением Уотсона, который вскоре умер на руках Франклина, они достигли впоследствии видного положения в обществе. Осборн уехал в Вест-Индию и стал там авторитетным юристом, а Ралф сделался впоследствии писателем и историком. ²⁶

Вот как Франклин охарактеризовал этих своих товарищей: «Уотсон был благочестивым, рассудительным и очень честным молодым человеком. Остальные не обладали такими твердыми религиозными убеждениями, в особенности Ралф, которого я, так же как и Коллинса, поколебал в вере, за что они оба заставили меня страдать. Осборн был рассудительным, прямодушным, откровенным, искренним и доброжелательным к своим друзьям, но в литературных делах слишком увлекался критикой. Ралф был умен, обладал хорошими манерами и необыкновенным

красноречием, я, пожалуй, никогда не встречал лучшего оратора. Оба они были большими поклонниками поэзии и начинали кое-что пописывать».²⁷

Условия жизни в Филадельфии соответствовали вкусам и пожеланиям Франклина. Работа в типографии Кеймера не была ему в тягость, а общество близких по духу ему друзей все больше заставляло забывать Бостон. Впоследствии он с теплотой вспоминал: «Сколько приятных прогулок совершили мы вчетвером по воскресеньям в лесу на берегах Скейлкилла, когда мы по очереди читали друг другу и обсуждали прочитанное!».²⁸

Друзья, тесно сплотившиеся вокруг Франклина, все же часто спорили. По общему уговору, они критически следили за речью друг друга, стараясь подметить как общие, так и частные недостатки в изложении каждым из них своего мнения — устно или на бумаге. При этом они задавались целью добиваться наибольшей обоснованности доводов и выразительности речи. В этих спорах не обошлось и без излишних придирок.

Об одном таком случае Франклин рассказал в своих записках. Друзья увлекались стихосложением, но в оценке своих произведений часто расходились, награждая друг друга заслуженными и незаслуженными упреками. Чтобы проверить способности всех четырех, решено было однажды, чтобы каждый написал стихи на одну и ту же тему, вернее переложил в стихи определенное произведение. Они выбрали для этого 18-й псалом²⁹ и назначили день, когда соберутся и обсудят достоинства и недостатки работы каждого. Франклин за недостатком свободного времени не смог ничего подготовить. За несколько дней до назначенного срока к нему зашел Ралф с готовым уже произведением. Франклину оно показалось превосходным, и он тут же горячо одобрил его. На это Ралф заметил, что Осборн будет как всегда придираться и постарается очернить его работу именно потому, что она сделана им, Ралфом. Поэтому он предложил, чтобы Франклин выдал стихотворение за свое, а он, Ралф, заявит, что у него не было времени и потому он не успел ничего написать. Франклин охотно согласился на эту товарищескую шутку и тут же переписал стихотворение, чтобы было видно, что оно написано его рукой.

Настал условленный день встречи. Первым прочел свое произведение Уотсон. Товарищи отметили его досто-

инства и некоторые недостатки. Затем выступил Осборн; его стихотворение оказалось лучше, Ралф похвалил его, указав на красоты стиха. Наступила очередь Франклина. Его произведение произвело исключительное впечатление; пришлось прочитать его дважды. И Уотсон, и Осборн сами тотчас же отметили, что стихи Франклина гораздо лучше их собственных. Они признали себя побежденными в этом соревновании. Ралф же сделал ряд критических замечаний и предложил некоторые поправки, но Франклин упорно отстаивал прочитанный им текст. Тогда Осборн, рассердившись, заявил, что Ралф столь же бездарен в критике, как и в поэзии. Когда он вдвоем с Ралфом возвращался домой, Осборн еще более расхваливал прочитанное Франклином произведение, заметив, что на собрании он старался быть сдержанным, чтобы не быть заподозренным в желании польстить товарищу. «Но кто бы мог подумать, — сказал Осборн, — что Франклин способен на это. Какая яркость образов, какая сила, какой огонь! Он даже улучшил оригинал. В обычной беседе он кажется весьма некрасноречивым, он подыскивает слова и даже грубо ошибается, и, однако, боже мой, как он пишет!».³⁰ При ближайшей встрече Ралф получил полное удовлетворение, когда они с Франклином объявили о своей проделке, и Осборн был изрядно осмеян.

Тем временем приближался день прихода «Аннис». Губернатор между тем неоднократно приглашал к себе Франклина, общество которого ему нравилось. Он обещал, что, кроме аккредитива, достаточного для закупки шрифтов, печатного станка, бумаги и т. п., даст еще рекомендательные письма к некоторым своим друзьям. Франклин несколько раз заходил за этими письмами, но тот каждый раз откладывал их вручение, вплоть до дня отплытия; оно тоже не раз откладывалось. Когда же день этот наступил и Франклин зашел к губернатору, чтобы попроситься и получить наконец обещанные рекомендательные письма, то вышел не Кейс, а его секретарь и сказал, что губернатор чрезвычайно занят, но что он придет в Ньюкасл до отплытия корабля и сам передаст Франклину то, что обещал. В Ньюкасле Франклин действительно застал губернатора, однако тот его не принял. «Его секретарь, — пишет Франклин, — вышел ко мне с выражениями величайшего сожаления по поводу того, что губернатор не может принять меня, так как он чрезвычайно занят, но

что он пришлет письма ко мне на корабль, что он сердечно желает мне счастливого пути и скорейшего возвращения и т. п. Я вернулся на корабль немного озадаченным, но я еще не сомневался в нем».³¹

Вместе с Франклином уезжал в Англию и Ралф, рассчитывавший добиться там славы и известности как поэт. В Филадельфии у него оставались жена и ребенок, а у Франклина — невеста, Дебора Рид. Франклин хотел жениться на ней до отъезда, но ее мать, овдовевшая к этому времени, посоветовала отложить свадьбу до возвращения; за время отсутствия, сказала она, молодые люди смогут проверить, насколько сильны связывающие их чувства. Франклин согласился, и это, как он потом признавал, было одной из его главных ошибок в жизни. Впоследствии он горько в этом раскаивался: чувствуя себя наполовину свободным, он позволил себе ряд таких поступков, которые никогда не совершил бы, если бы был женат.

В Ньюкасле перед самым отходом на корабль сел полковник Френч, тот самый, который присутствовал на первой встрече Франклина с губернатором Пенсильвании. Френч не забыл встречи в таверне и был очень любезен со своим старым знакомым. Предполагая, что полковник принес почту губернатора, Франклин попросил у капитана корабля те письма, которые относятся к нему. Однако капитан сказал, что все письма упакованы в одну сумку, но что еще до прибытия в Англию он выдаст молодому человеку все, что имеет отношение к нему. Франклин этим удовлетворился и спокойно продолжал путешествие, благо в их каюте оказалась весьма дружная компания. Когда наконец судно вошло в Ламанш, капитан предложил Франклину отобрать из губернаторской почты то, что ему нужно. Оказалось, что там не было ни одного письма, на котором было бы написано его имя. Из тех писем, которые, как ему казалось, могли бы иметь отношение к нему, два особенно обратили его внимание. Одно было адресовано королевскому печатнику, а другое какому-то торговцу канцелярскими принадлежностями. Встревоженный Франклин решил обратиться к этим лицам.

В Лондон корабль прибыл 24 декабря 1724 г. Франклин немедленно отправился по ближайшему адресу — к торговцу — и передал ему письмо, заявив, что оно от

губернатора Пенсильвании Кейса. Оказалось, что торговец не знал такого человека. Письмо он все же распечатал и, ознакомившись с его содержанием, воскликнул: «О, это от Ридлсдена. Я недавно убедился, что он совершеннейший мерзавец, и я с ним не желаю иметь ничего общего и не хочу получать от него никаких писем». Торговец тут же вернул Франклину письмо и, повернувшись спиной, стал обслуживать очередного покупателя. К королевскому печатнику наш молодой человек пойти не решился.

Крах был полный. Все его надежды были обмануты. Он оказался в чужом городе, без средств и каких бы то ни было связей. Положение оказалось бы действительно безвыходным, если бы на корабле он не познакомился с одним из жителей Филадельфии — Денхамом, прибывшим в Лондон по своим коммерческим делам, и не подружился с ним. Это был в высокой степени порядочный и отзывчивый человек, с которым Франклин так близко сошелся, что стал почитать его как родного отца. Оказавшись, что называется, у разбитого корыта, Франклин побежал к Денхаму, и только он, по словам Франклина, раскрыл ему глаза на истинный характер Кейса, сказав, что совершенно невероятно, чтобы тот действительно написал для Франклина какие-то письма, что все, кто его знает, не верят ни в чем этому эксцентричному и легкомысленному человеку. Он посмеялся над тем, что губернатор обещал дать Франклину аккредитив, не располагая при этом сам никаким кредитом.³²

Когда Франклин в смятении спросил, что же ему делать, добрый человек посоветовал поскорее устроиться на работу в какой-нибудь типографии. Этот совет был ценен не только потому, что иного выхода не было: ведь именно в Лондоне, где издание книг и вообще печатное дело достигли значительной высоты, восемнадцатилетний юноша мог многому научиться по своей специальности. «Среди здешних печатников, — подчеркивал Денхам, — вы усовершенствуетесь и, когда вернетесь в Америку, сможете хорошо устроиться». Франклин послушался этого совета. Так начался первый лондонский период его жизни.

Вновь его ждали успехи и неудачи, и по своему обыкновению он старался извлекать уроки из тех и из других. Невольно возникает вопрос, сохранил ли он чувство обиды на Кейса и продолжал ли питать к нему неприязнь? Нет!

Он стал шире смотреть на жизнь и на ее теневые стороны. Он даже признавал наличие у Кейса ряда положительных черт характера. «Но что же сказать о губернаторе, — писал Франклин, — выкидывающем такие жалкие шутки, так грубо обманувшем бедного неопытного мальчика! Это было для него обычным делом. Он хотел угодить всем и каждому, но так как почти ничего не смог дать, то дарил обещания. Во всем остальном он был способным, благо-разумным человеком, неплохим писателем и хорошим губернатором для простого народа, но не для своих избирателей-собственников, чьими указаниями он иногда пренебрегал. Некоторые наши лучшие законы были предложены им и проведены в жизнь во время его правления».³³

Может быть, здесь уместно будет заметить, что судьба не баловала и Кейса. Его сместили в 1726 г. с поста губернатора за поддержку, оказанную им Ассамблее Пенсильвании против владельцев колонии. В 1728 г. он вернулся в Англию и поселился в Лондоне. В 1734 г. кредиторы засадили Кейса в тюрьму, как несостоятельного должника, и там он умер 69 лет от роду, проведя в заключении 15 лет.³⁴

ЛОНДОН

Тяжелое положение, в котором очутился Франклин по прибытии в Лондон, усугублялось еще тем, что Ралф оказался на его содержании. Следуя примеру своего отца, обремененного большой семьей, Франклин научился бережно относиться к трудовой копейке. Как мы уже видели, за какой-нибудь год работы в Филадельфии, он не только обзавелся приличной одеждой, но накопил кое-какие деньги и после всех путевых издержек у него на руках осталось еще пятнадцать пистолей.¹ Ралф же был по натуре иным человеком: хотя он был на десять лет старше своего друга, он относился к будущему беззаботно, и его вовсе не стесняло то, что он оказался на иждивении товарища. О семье своей он и не вспоминал, решив еще в Филадельфии с ней окончательно порвать. В Лондоне он сошелся с одной модисткой, которая его подкармливала. Он, правда, пытался подыскать себе работу. Сначала Ралф почему-то решил, что сможет проявить себя на сцене, однако известный тогда артист и драматург Роберт Уилки, к которому он обратился, высмеял его, посоветовав выбросить из головы всякую мысль о сцене. В конце концов Ралф вынужден был уехать из Лондона, заняв предложенное ему место сельского учителя.²

По прибытии в Лондон Франклин серьезно помышлял о литературной карьере. К первым месяцам пребывания в Англии относится начало его деятельности в этой области. Все же главные свои надежды он возлагал на свою профессию, в которой он был уже незаурядным специалистом.

Франклин, последовав доброму совету Денхама, нашел работу в типографии известного тогда английского издателя Самюэля Палмера. Высокая квалификация и сызмальства выработанное трудолюбие сразу обеспечили ему

относительно высокий заработок. «Я, — вспоминал он, — работал очень усердно, но большую часть своего заработка тратил вместе с Ралфом на театры и другие развлечения... Он, по-видимому, совершенно забыл свою жену и ребенка, а я постепенно забывал свои обещания, данные мисс Рид. Я написал ей только одно письмо, в котором известил ее, что не собираюсь в скором времени возвращаться. Это была другая величайшая ошибка моей жизни,³ которую я хотел бы исправить, если бы мне пришлось начинать жизнь сначала. Но фактически при наших расходах у меня никогда не было денег на обратный билет».⁴

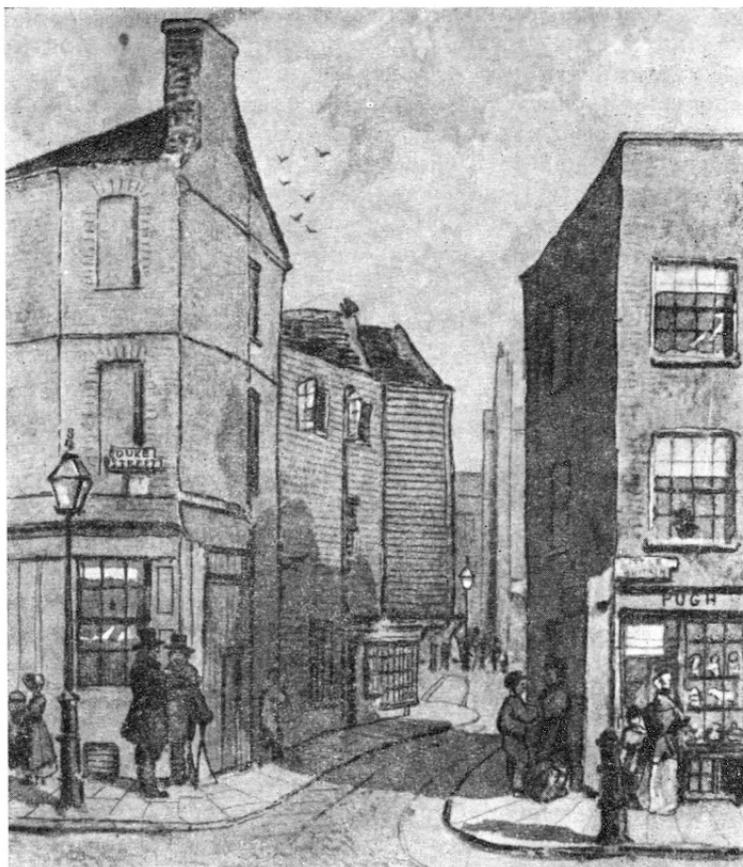
В типографии Палмера набиралось третье издание сочинения английского философа У. Волластона «Религия природы».⁵ Набирая этот текст, Франклин, изучивший уже к тому времени произведения Локка,⁶ заинтересовался его содержанием и нашел в сочинении Волластона ряд недостатков — некоторые аргументы показались ему легковесными. Он решил сам написать статью на аналогичную тему, назвав ее «Рассуждение о свободе и необходимости, наслаждении и страдании».

Не имея возможности опубликовать свое произведение в каком-нибудь печатном органе, Франклин сам набрал и напечатал его небольшим тиражом и издал в форме анонимной брошюры. На титульном листе ее напечатано только название, место, год издания (1725)⁷ и эпитафия — строки из произведения известного английского поэта Дж. Драйдена⁸ «Эдип».

Все справедливо, что ни есть. Но люди
Подслеповатые лишь только часть цепи
В ее ближайших звеньях видеть могут.
Их взор недостает до стрелки тех весов,
Что сверху все приводит в равновесье.⁹

Хозяин типографии Палмер, опытный издатель и просвещенный человек, обратил внимание на своего работника как на не лишенного способностей молодого человека, «хотя, — отмечает Франклин, — он серьезно разубеждал меня в принципах моего памфлета, которые находил отвратительными».¹⁰

Произведение Франклина начинается со следующего обращения к другу Ралфу (указаны только его инициалы):

Улица в Лондоне, где В. Франклин проживал в 1725—1726 гг.

«Милостивый государь!

Согласно Вашему желанию, излагаю Вам здесь свои нынешние представления об общем положении вещей во вселенной; примите их такими, какие они есть, и, если они доставят Вам удовольствие или удовлетворение, я буду считать, что мои усилия вполне вознаграждены, — я знаю, что для менее проницательного читателя, чем Вы, моя система представляет много затруднений, но я и не предназначал ее для тех, кто не в состоянии ее понять. Я не считаю нужным предостеречь Вас относительно необхо-

димости отличать гипотетическую часть аргументов от доказанной. Вы легко поймете, что я представляю как доказательство и что только как вероятность. Оценку я полностью предоставляю Вам; мое собственное определение зависит от Вашего одобрения и оценки».¹¹

В этой брошюре Франклин, в то время бывший убежденным деистом, доказывал, что в мире не может быть добра и зла, как они понимаются церковными догматами, и что в этом свете рассуждения о пороках и добродетелях — пустые слова.¹²

В брошюре изложенные рассуждения сведены к следующим положениям:

«1. Творение, которому дана жизнь или сознание, способно испытывать блаженство или страдание.

2. Это страдание создает точно пропорциональное ему желание освободиться от него.

3. Исполнение этого желания дает равное наслаждение.

4. Следовательно, наслаждение равно страданию.

Из этих положений следует:

1. Что всякое существо испытывает столько же наслаждения, сколько страдания.

2. Что жизнь не имеет предпочтения перед бесчувственностью, ибо наслаждения и страдания взаимно уничтожают друг друга, существо, имеющее десять степеней страдания, вычтенных из десяти степеней наслаждения, свободно от тех и других и в этом отношении равно существу бесчувственному.

3. Если в первой части показывается, что все творения должны быть равны перед творцом, ибо одинаково ценимы им, то во второй части доказано, что все они одинаково ценимы, так как равны перед ним.

4. Так как всякое действие есть результат неудовлетворенности, то различие между добродетелью и пороком исключается.

5. Никакое жизненное состояние не может быть счастливее переживаемого в настоящий момент, ибо наслаждение и страдание неотделимы друг от друга».¹³

Почти сразу же по напечатании в Лондоне памфлета Франклин обнаружил слабые стороны своего произведе-

A
DISSERTATION
ON
Liberty and Neceffity,
PLEASURE *and* PAIN.

*Whatever is, is in its Causes juſt
Since all Things are by Fate; but purblind Man
Sees but a part o' th' Chain, the neareſt Link,
His Eyes not carrying to the equal Beam
That poiſes all above.*

Dryd.

LONDON:
Printed in the Year MDCCXXV.

Титульный лист брошюры Франклина «Диссертация о свободе и необходимости, наслаждении и страдании». 1725.

дения и пришел к выводу, что не должен был выпускать его в свет. Основываясь на своей негативной оценке, автор, по его собственным словам (в письме своему другу и будущему издателю его сочинений Б. Вогану в 1779 г.), уничтожил почти весь тираж (100 экз.).¹⁴

Возвращаясь к этой «метафизической статье», Франклин и в Автобиографии, написанной несколько десятилетий спустя, отзывается о ней отрицательно («То, что я напечатал этот памфлет, также было с моей стороны ошибкой»).¹⁵

Человек большой скромности, Франклин был очень строг в оценке собственного творчества. На самом деле, хотя «Диссертация» действительно не свободна от существенных изъянов, в основе своей она имела то положительное, что отвергала веру в бессмертие души и раскрывала несовместимость догмы о предопределении со здравым смыслом. Раз, рассуждал Франклин, все предопределено и все совершается по воле вездесущего и всемогущего бога, то люди несвободны в своих поступках, значит, нет добродетели и греха, не должно быть соответственно поощрения и наказания.¹⁶

Хотя Франклин и отказался от своего памфлета, признав его ошибочным, однако некоторые из высказанных им мыслей еще много лет влияли на общий склад его представлений о мире. По-видимому, даже в 1747 г., когда он выдвинул свою унитарную теорию электричества, он оставался под влиянием ряда предположений, сформулированных им в этой юношеской работе. Памфлет имел для молодого автора и то положительное значение, что обратил на него внимание образованных кругов Лондона — последние не могли не заметить, что при всех своих недостатках памфлет все же написан рукой молодого, но оригинально мыслящего и не лишенного литературного дарования автора. По приглашению некоторых ученых Франклин стал бывать в одной из скромных таверн столицы, где обычно собирались ученые и просвещенные люди. Там Франклин познакомился с рядом ученых Англии, и в частности с доктором Б. Мандевилем,¹⁷ автором широко известной тогда сатиры «Басни о пчелах», и Генри Пембертоном, избранным за пять лет до того членом Лондонского Королевского общества.¹⁸ Последний был близко знаком с Исааком Ньютоном и обещал Франклину дать ему возможность увидеть великого ученого, что,

однако, не осуществилось: Ньютону было в это время 82 года и он почти не покидал свой дом. Франклин познакомился только с преемником Ньютона на посту президента Королевского общества, Гансом Слоаном.¹⁹ Франклин знал, что Слоан — большой любитель редкостей, и в июле 1725 г. написал ему, что привез из Америки кошелек из асбеста работы американских индейцев и другие диковинки и если сэр Ганс хочет приобрести эти достопримечательности, то он готов их ему уступить.²⁰ Франклин просил сообщить ему письменно, в какой мере Слоан заинтересован в этих вещах. Последний сам его разыскал и заплатил изрядную сумму за его заокеанские редкости. Увидев, с кем имеет дело, Слоан пригласил его к себе и показал свои сокровища.

За несколько месяцев пребывания в Лондоне Франклин, как мы видим, сумел сблизиться с виднейшими учеными Англии. Должно было пройти, однако, не менее двадцати лет, прежде чем ему самому удалось сказать свое слово в науке и внести вклад, обеспечивший ему почетное место в ряду великих ученых. Пока же, в период своего первого пребывания в Лондоне, он оставался лишь рядовым наборщиком (и печатником), выделяясь, правда, среди других товарищей своей квалификацией и обширным умственным кругозором.

Со свойственным ему упорством выстоял он против пагубного влияния неприглядных сторон быта типографской среды, в частности против ее приверженности к алкогольным напиткам. В типографии, где работал Франклин, считалось, например, непреложным правилом, что в течение рабочего дня каждый должен для подкрепления духа выпивать по несколько литров пива. Франклин же, выросший в среде, где излишества строго осуждались, привыкший с юных лет к умеренности в пище, был врагом алкогольных напитков.

Однако с некоторыми неприятными обычаями приходилось мириться. Когда, уйдя от Палмера, Франклин перешел в большую типографию Уотса, где он начал работать в печатном цехе, он, не споря, поставил рабочим цеха «могарыч», как это было принято везде. Когда же хозяин перевел его в наборный цех и наборщики потребовали еще денег на выпивку, Франклин этому воспротивился, считая, что все должное он уже выполнил при поступлении в типографию. Уотс его полностью поддер-

жал и даже запретил ему выполнить это требование. Наборщики же не отставали и добивались своего. Упрямство Франклина дорого ему обошлось: едва он выходил из помещения, как литеры в его наборе смешивались, печатные материалы рвались и переставлялись и т. д. Все это объясняли причудами местного «типографского духа», который преследует тех, кто отказывается следовать освещенным традициями правилам. Убедившись, по его словам, что глупо жить в ссоре с теми, с кем приходится совместно трудиться, Франклин в конце концов подчинился принятому издавна обычаю.²¹

К этому его побуждали не только соображения собственной выгоды. Став «полноценным» среди своих товарищей, он сблизился с ними и смог оказать на них благотворное влияние, предложив внести некоторые разумные изменения в установившийся быт типографских рабочих. Настойчивость Франклина, его такт и сила личного примера способствовали успеху его усилий, вопреки оппозиции некоторых, особенно отсталых и закоренелых в своих привычках типографщиков. «Следуя моему примеру, — писал Франклин, — большая часть рабочих отказалась от своего одурманивающего завтрака, состоявшего из пива, хлеба и сыра. За ту же цену, что и пинта пива, то есть за три полупенса, они стали брать, как и я, из соседней харчевни большую миску горячей каши на воде, посыпанной перцем, с кусочком масла и крошенным хлебом. Это был гораздо более питательный и дешевый завтрак, который к тому же оставлял головы ясными. Те же, кто продолжал весь день поглощать свое пиво, часто за неимением денег теряли свой кредит в пивной и старались уговорить меня достать пива, ибо, как они говорили, их свет *погас*. По субботним вечерам я стоял около платежной ведомости и взыскивал с них деньги; мне иногда приходилось платить за них около тридцати шиллингов в неделю. Это обстоятельство, а также то, что я слыл большим остряком, поддерживало мой авторитет в их обществе. Мой хозяин был доволен тем, что я всегда аккуратно являлся на работу (я никогда не опаздывал даже после праздников). Так как я набирал с необычайной быстротой, меня перевели на ускоренную работу, которая гораздо лучше оплачивалась. Таким образом, мои дела шли теперь очень хорошо».²²

Как и раньше в Филадельфии, Франклин упорно

трудился для повышения своего образования. В Лондоне он имел для этого значительно больше возможностей, чем у себя на родине. Столица Британского королевства насчитывала тогда 700 тыс. жителей, что превышало численность населения Филадельфии в 70 раз.²³ В Лондоне проживали и творили сотни выдающихся ученых и писателей. Здесь издавалось множество книг и несколько влиятельных газет. В Лондоне проживал великий Ньютон, к тому времени уже глубокий старец, пребывав в эмиграции (1726—1729) Вольтер²⁴ (с которым Франклин приблизительно полстолетия спустя близко познакомился, но уже не в Лондоне, а в Париже), жил и работал автор прославленного романа «Робинзон Крузо», Даниэль Дефо (1660—1731); жителями Лондона были известный писатель и просветитель Генри Филдинг (1707—1754), знаменитый Джонатан Свифт (1667—1745), поэт и публицист Александр Поп (1688—1744), писатель Самюэль Ричардсон (1689—1761) и другие выдающиеся деятели литературы, искусства и науки.

Неподалеку от дома, где жил Франклин, была книжная лавка. За небольшую плату книготорговец согласился выдавать на короткий срок нужные ему книги, и, таким образом, он получал возможность с прежним рвением предаваться учению. Это была, как говорит Франклин, одна из больших удач в лондонский период его жизни, и он извлек из нее «столько пользы, сколько мог».²⁵

Период этот отмечен, впрочем, не только удачами. Было немало и такого, что отвлекало Франклина от намеченного им пути общественного деятеля и просветителя народа, о котором он мечтал с детства. При всей своей целеустремленности Франклин не мог устоять против увлечений, свойственных его возрасту. Модистка, подруга Ралфа, терпела нужду — у нее был ребенок. Ралф не забывал ее, но помогать ей материально не мог. За помощью она обращалась к Франклину, и тот ее нередко выручал. Франклину доставляло удовольствие общество привлекательной молодой женщины. Эти дружеские отношения вызвали ревность Ралфа. На этой почве произошел между друзьями разрыв, который Франклин тяжело переживал.

И другое обстоятельство чуть не свело Франклина с пути, ведущего к общественно-политической и научной деятельности. В одной типографии с Франклином работал некий Вигейт, который по своему умственному разви-

тию заметно выделялся среди других рабочих. Он знал латынь, говорил по-французски и любил читать книги. Естественно, что Франклин сошелся с ним ближе, чем с другими. Выросши с детства на берегу большой реки, Франклин был отличным пловцом. Он научил плавать своего товарища, а также его друга. Те в свою очередь познакомили Франклина с другими любителями водного спорта. Слухи о высоком его искусстве достигли и сэра Вайнхэма, видного политического деятеля Англии той поры, и он просил Франклина обучить искусству плавания его двух сыновей. Под влиянием похвал, которые молодой пловец слышал отовсюду, он задумал даже открыть школу плавания. Вигейт пришел в такой восторг от талантов своего нового друга, что предложил ему совершить путешествие по Европе, утверждая, что они смогут прожить, продолжая работать по своей специальности.

Франклин почти согласился, но от этого рискованного шага его отговорил все тот же испытанный друг Денхам. Они часто встречались и вместе проводили время. Денхам категорически настаивал на возвращении в Филадельфию, куда он и сам хотел вернуться по окончании в Англии своих запутанных дел. Франклин к этому времени уже начал испытывать тоску по родине. С удовольствием вспоминал он счастливые месяцы, проведенные в Пенсильвании, и ему захотелось снова увидеть ее.

Денхам вез с собой большую партию товаров и предложил Франклину поступить к нему на службу. Тот, не задумываясь, согласился.

Подводя итоги этому периоду жизни, Франклин отмечал: «Я провел в Лондоне восемнадцать месяцев; большую часть этого времени я усердно работал по своей специальности и тратил на себя очень мало, если не считать посещения театра и приобретения книг. Мой друг Ралф держал меня в бедности, он задолжал мне около двадцати семи фунтов, которые я не надеялся получить, а это была огромная сумма при моем маленьком заработке!»²⁶ Но, несмотря ни на что, я любил его, потому что у него было много приятных качеств. Однако, хотя я несколько не улучшил свое состояние, я обогатил свои знания, познакомился с интересными людьми, беседы с которыми принесли мне большую пользу, и много прочел».²⁷

Покидая Лондон, Франклин считал, что он оставляет не только Англию, но и свою профессию печатника. Он полагал, что перед ним открывается увлекательная коммерческая карьера. Новый хозяин обещал ему по прибытии в Филадельфию направить его в Вест-Индию с грузом муки и зерна для продажи на комиссионных началах. Следовательно, заработок в значительной мере должен был зависеть от смысленности и оборотистости комиссионера. Франклину этот план показался заманчивым; в последние дни пребывания в Лондоне он был целиком поглощен новыми обязанностями и выполнял их со свойственным ему пылом.²⁸ Казалось, что намеченные ранее литературные и научные планы оставлены навсегда.

Лондон он покинул 21 июля 1726 г. и на следующий же день начал вести дневник своего путешествия, который сразу же покоряет меткостью наблюдений автора и живостью изложения. «Вчера после полудня мы оставили Лондон и бросили якорь в Грейвсенд... — так начинается запись в «Дневнике» от 22 июля. — Этот Грейвсенд — мерзкое место, жители его живут главным образом тем, что сбывают проезжим всякую заваль. Если вы что-нибудь у них купите, заплатив при этом половину того, что у вас требовали, знайте, что вы уплатили вдвое дороже того, что стоит вещь». Одиннадцатого октября, когда судно уже приближалось к Филадельфии, Франклин сделал последнюю запись: «Сегодня утром мы снялись с якоря и под легким бризом отплыли в Ньюкасл... Яркие лучи солнца оживляют и согревают наши очоленные члены. Небо ясно; там и сям по нему плывут серебристые облака. Бодрит свежий бриз, дующий из лесов, и предстоящая свобода после столь долгих и скучных ограничений приводит нас в восторг».²⁹

Путешествие длилось несколько недель, и, хотя оно представляло значительный интерес для наблюдательного и любознательного молодого человека, Франклин все же, судя по его дневнику, томился обществом случайных, мало интересных для него людей. В «Дневнике» Франклина мы находим запись следующих его раздумий, отражающих его взгляды на отношения между отдельной личностью и обществом: «Человек — существо общественное, и, насколько я понимаю, самое худшее наказание для него быть исключенным из общества. Я много читал об одиночестве и знаю, что разговор о том, будто отсут-

стве людей не означает еще одиночества, представляет собой лишь хвастовство в устах тех, кто желает казаться умным. Я признаю, что одиночество освежает занятый ум, но должны ли мыслящие люди предпочитать одиночество? Я склоняюсь к мысли, что одиночество вскоре показалось бы им нестерпимым. Я слышал об одном узнике, сидевшем семь лет в одиночке Бастилии, в Париже. Это был человек мыслящий, умевший чувствовать, но лишенный возможности общаться с кем-либо и даже возможности пользоваться пером. О чем мог он думать? Для человека нет бремени более тяжелого, чем время, которое ему некуда деть. Он вынужден был изобрести средство: каждый день он разбрасывал по полу в своей камере кусочки бумаги, потом подбирал их и расставлял на подлокотнике своего кресла. Когда впоследствии он был выпущен на свободу, он любил говорить своим друзьям, что это занятие спасло его от неизбежного безумия. Один философ (полагаю, что это был Платон) любил повторять, что предпочел бы быть самым настоящим тупым чурбаном, чем стать вместилищем всех познаний в условиях одиночества, когда поблизости нет разумных существ, с коими можно поделиться ими». ³⁰

Франклин уже раньше пришел к убеждению, что во всех случаях человек должен придерживаться твердых принципов и стараться не отступать от раз навсегда принятых правил. Во время путешествия Франклин имел редкий в его жизни досуг, чтобы спокойно обдумать свою прошлую деятельность и свои былые мечты; он перебирал в памяти все ошибки и промахи, стараясь разумно наметить линию своего поведения в будущем. Не все, что записал тогда Франклин в своем дневнике, дошло до нас; о его дальнейших намерениях мы узнаем лишь из следующего наброска:

«Пишущие об искусстве стихосложения поучают, что если мы хотим написать нечто такое, что достойно было бы чтения, то прежде, чем начать, мы должны составить правильный план и эскиз произведения. Я склонен полагать, что так следует поступать и в жизни. До этого я никогда не составлял плана своей жизни, а потому она представляла собой разнобразную смесь различных сцен. Теперь я вступаю в новую жизнь. Поэтому да будет мне позволено

принять некоторые решения и набросать такую схему действия, чтобы впредь жить так, как подобает разумному существу.

1. В течение известного времени мне необходимо быть крайне бережливым, пока я не оплачу все, что приобрел.

2. Стараться говорить правду в любой момент; не подавать никому надежды на то, что он не получит ответа, а напротив, стремиться к искренности в каждом слове и поступке — наиболее привлекательное преимущество разумного существа.

3. Проявлять трудолюбие во всяком деле, за какое бы ни взялся, и не давать себя увлечь глупыми проектами внезапного обогащения, ибо трудолюбие и терпение суть важнейшие средства к достатку.

4. Я принимаю решение не говорить плохого ни о ком, хотя бы это была и правда; напротив, стараться оправдывать по возможности чужие недостатки и при всяком удобном случае говорить о каждом все хорошее, что мне о нем известно». ³¹

Как увидим дальше, Франклин неоднократно еще возвращался к размышлениям об этой линии поведения, расширяя и углубляя намеченные правила. Нелегко было ему выполнять все неукоснительно, но он обычно первым замечал свои промахи и упорно старался избегать новых отступлений от них. Постоянное стремление к самоусовершенствованию привело его наконец к тому почетному положению в обществе, которое он впоследствии занял.

В своих автобиографических записках он прямо указывает, что самым важным в его дневнике, который он вел во время плавания, были «правила поведения», которые он тем выше ценил, что составлены они были еще в годы юности. ³²

ХУНТА

По возвращении в Америку Франклин прослужил у Денхама недолго. Через несколько месяцев они оба тяжело заболели. Болезнь Франклина протекала в такой тяжелой форме, что он потерял надежду на выздоровление. Однако организм двадцатидвухлетнего юноши поборол казалась бы неминуемую смерть. Денхам же болезнь унесла в могилу, и Франклин, как писал он, остался на белом свете «один-одинешенек». Намеченные планы коммерческой деятельности рухнули, и Франклин вынужден был возвратиться к своей старой профессии печатника. В Филадельфии он нашел много перемен. Изменился и он сам — он вернулся из Англии более опытным, возмужалым и с значительно повышенной квалификацией. Еще до отъезда в Лондон он своими способностями выделялся среди работников типографии Кеймера, которому тогда уход его лучшего мастера нанес значительный ущерб. Бывший хозяин Франклина не преминул воспользоваться тем, что тот остался не у дел, и усиленно приглашал его взять на себя за высокое вознаграждение управление типографией, сам же Кеймер решил всецело заняться открытым им писчебумажным магазином. С неохотой Франклин это предложение принял: в Лондоне он слышал немало плохих отзывов о Кеймере и от его жены и от ее друзей; Франклину не хотелось иметь с ним никаких дел, но ничего другого для себя он найти не мог.

У Кеймера было лишь несколько работников. Хозяин не мог многому их научить, так как и сам он не обладал высокой квалификацией. Вся его надежда была на Франклина, которому в первую очередь пришлось заняться обучением персонала типографии. Это были люди совсем различные по происхождению, воспитанию, возрасту и склонностям. Франклину все же удалось вдохнуть в них

живой интерес к делу, объединив их в организованном им клубе.

В «Записках» Франклина содержится детальная характеристика его товарищей по работе в типографии. Старшему из них, Хью Мередиту, было тридцать лет, ранее он занимался земледелием. Благоразумный и опытный человек, он любил читать книги, но пристрастен был и к вину. Другой — Стефан Поттс, деревенский парень, отличался незаурядными способностями, был человеком весьма смысленным и острым на язык, однако довольно ленивым. Среди рабочих Кеймера оказался даже бывший студент Оксфордского университета, приехавший из Англии, — типичный неудачник того времени. О нем Франклин писал так: «Джорджу Уэббу было не больше 18 лет; он рассказал мне о себе следующее: он родился в Глочестере, окончил начальную школу и выделялся среди школьников своими актерскими способностями, когда они ставили пьесы; он был там членом „клуба остряков“ и написал несколько вещей в прозе и стихах, которые были напечатаны в глочестерских газетах. Оттуда его послали в Оксфорд, где он пробыл около года, но не получил удовлетворения, ибо больше всего ему хотелось попасть в Лондон и стать актером. Наконец, получив свое трехмесячное содержание в размере пятнадцати гиней, он вместо того, чтобы заплатить долги, ушел из города, спрятал свою мантию в зарослях дрока и отправился пешком в Лондон; там, не имея добрых друзей, которые могли бы помочь ему советом, он попал в дурную компанию; вскоре он потратил все свои гиней и, не сумев проникнуть в круг актеров, совсем обеднел, заложил свою одежду и голодал. Когда он, голодный, ходил по улицам, не зная, что ему делать, вербовщик матросов сунул ему в руку листок, предлагающий немедленную помощь и содержание тому, кто обяжется службой в Америке. Он не задумываясь пошел, подписал контракт, был посажен на корабль и отправлен в Америку».¹

По законам того времени, хозяин нанятого работника мог уступить его на оставшийся до конца контракта срок другому человеку, и Кеймер откупил Уэбба на оставшиеся ему четыре года службы по договору. Продолжая его характеристику, Франклин писал: «Это был весьма остроумный юноша с прекрасным характером, приятный

товарищ, но до крайности ленивый, беспечный и опрометчивый».

Ценя положительные черты своих товарищей и не закрывая глаза на теневые стороны их характеров, Франклин сблизился с ними и даже крепко подружился. В свою очередь они скоро оценили его высокое мастерство в типографском деле, ум, разносторонние знания и доброжелательное отношение к ним. «Все они, — писал Франклин, — уважали меня, особенно после того, как убедились, что Кеймер неспособен их обучить, а от меня они каждый день чему-то учатся».² В результате с товарищами по работе в типографии у него установились прекрасные отношения.

В то время когда он работал в типографии Кеймера, Франклин встретил и других интересных людей, с которыми также подружился. Вместе с ними он организовал в 1727 г. первое в Америке культурно-просветительное сообщество или клуб. Для этого типография Кеймера представляла особые преимущества, какими не обладало ни одно из других предприятий. Эти удобства вытекали из причуд хозяина, требовавшего строго соблюдать правила поведения, установленные в Ветхом завете. В соответствии с предписанием Моисея, Кеймер считал днем отдыха субботу и не только сам не занимался в этот день никакими делами, но и не заставлял своих работников трудиться ни в субботу, ни в следующий, воскресный день: типография в эти два дня была закрыта.

Два выходных дня в неделю Франклин мог посвящать самообразованию. К участию в клубе он привлек, кроме своих типографских друзей, еще нескольких, таких же как он сам, молодых людей, жаждущих знаний. Это были стекольщик Томас Годфрей, сапожник Уильям Персонс, столяр Уильям Могридж, переписчик у нотариуса Джозеф Брайтналл, землемер Николас Скалл и торговый служащий Уильям Колумен. Тем не менее среди членов клуба наибольшим влиянием пользовались работники типографии: сам Франклин и три его товарища, названные выше — Мередит, Поттс и Уэбб. Сверх того, в числе учредителей клуба, названного ими Хунтой (Союз),³ оказался довольно состоятельный молодой человек Роберт Грейс, по отзыву Франклина, веселый, остроумный и великодушный малый, любитель пошутить и хороший товарищ. Среди членов Хунты оказалось немало не только

пытливых, но и безусловно одаренных людей. Томас Годфрей, например, поражал всех своими математическими способностями. Самоучка, не получивший систематического образования, он изобрел астрономический прибор, служивший для измерения высот небесных тел, но в практику этот прибор вошел не под его именем, а под именем английского астронома, вице-президента Лондонского Королевского общества Джона Гадлея (1682—1744), предложившего значительно позже Годфрея подобный прибор, правда, несколько отличной конструкции.

Среди членов Хунты преобладали, как мы видели, люди трудовых профессий. Недоброжелатели, которых немало оказалось среди главным образом состоятельных граждан, поспешили назвать Хунту «клубом кожаных фартуков» («The leathern arpon Club»), стремясь отметить этим и его социальный состав и свое презрение к нему.

Душой Хунты, просуществовавшей около сорока лет, оставался неизменно Франклин. Именно он разработал Устав клуба, требовавший, чтобы его члены собирались раз в неделю по пятницам, причем каждый из них по очереди должен был выдвинуть на обсуждение один или несколько тезисов по какому-либо вопросу морали, политики, естествознания и раз в три месяца представить и прочесть написанный доклад на любую тему по собственному желанию.

Многое в организации Хунты, а пожалуй, и сама идея ее создания, было, по-видимому, вывезено Франклином из Лондона, где в XVII в. и в период пребывания там Франклина существовали подобные организации. Филадельфийская Хунта отличалась от лондонских клубов своей научно-просветительной и частично политической направленностью: на ее собраниях не было пирушек, застольных песен и игр, не было, разумеется, среди «кожаных фартуков» и важных сановников, богатых купцов. Тон в ней задавали молодые ремесленники, рабочие, мелкие служащие — простые, но дружные ребята, жаждавшие знаний и не жалевшие трудов и времени, чтобы добиться своей цели. По сравнению с другими клубами Хунта много выигрывала и оттого, что во главе этой организации стоял такой энергичный, изобретательный и дальновидный человек, как Франклин.

Имея перед собой задачу добиться повышения умственного развития своих членов, Хунта предьявляла

к ним определенные требования морального характера. Каждый вновь поступавший в эту организацию должен был встать и, положив руку на сердце, ответить на следующие четыре вопроса:

«1. Питаете ли вы какое-нибудь особенное неуважение к любому из нынешних членов? *Ответ:* Нет, не питаю.

2. Искренно ли вы утверждаете, что любите вообще человечество, независимо от профессии и религии людей? *Ответ:* Да, искренно.

3. Думаете ли вы, что можно нанести ущерб имени любого человека, его имуществу и ему самому только лишь за его воззрения и за религию, которую он исповедует? *Ответ:* Нет.

4. Любите ли вы истину ради истины, и будете ли вы стараться беспристрастно искать и признавать ее для себя и передавать ее другим? *Ответ:* Да».⁴

В соответствии с поставленной целью взаимного усовершенствования Хунта управлялась на строго коллективных началах: принимались все меры для того, чтобы мнение отдельного члена не подавляло суждений и свободных действий других. Как уже было отмечено, каждый член клуба был волен выбирать темы для своих выступлений по собственному желанию. И тем не менее Хунта не была аморфной корпорацией, существовавшей без системы и плана. В качестве инициатора и председателя клуба Франклин с самого начала наметил основные проблемы, которые в форме конкретных вопросов должны были ставиться на обсуждение членов клуба. Всех таких вопросов было 24, и им предшествовали следующие строки, обращенные к каждому члену Хунты: «Прочли ли вы эти вопросы сегодня утром с тем, чтобы решить, что вы можете предложить сообществу касательно любого из них?».

Хунту можно рассматривать как предшественницу Американского философского естественнонаучного общества, в которое она действительно по инициативе Франклина превратилась через сорок лет. Он стал первым президентом этой научной организации, существующей и донныне.

Вначале Хунта не преследовала специально научных целей. Круг ее интересов был весьма широк — вопросы

Франклина касались различных сторон политической, общественной и частной жизни; не забыто было при обсуждении вопросов все, что способно было обеспечить ее членам преуспевание в обществе. Теперь многое в этих вопросах может показаться наивным, но не надо забывать, что представляла собой та среда, в которой Хунта зародилась и к которой принадлежал сам Франклин. Молодых людей из его окружения занимал главным образом вопрос, как бы выбиться в люди, а по понятиям того времени важно было прежде всего найти путь к обеспеченному существованию. Наряду с вопросами самого высокого научного или этического порядка членам клуба рекомендовалось сообщать и о своих наблюдениях за деятельностью людей, обладавших значительными состояниями, вернее за способами, при помощи которых они достигли богатства.

Чтобы яснее представить себе, каков был умственный кругозор членов Хунты, полезно ознакомиться с содержанием вопросов, поставленных Франклином на обсуждение Хунты. Вот они:

«1. Встретили ли вы у автора последней прочтенной вами книги что-нибудь замечательное или подходящее для сообщения Сообществу? Особенно в области истории, морали, поэзии, физики, путешествий, механики и других областях знаний?»

2. Какой новый рассказ вы недавно слышали, достаточно интересный для того, чтобы пересказать?»

3. Знаете ли вы какого-нибудь гражданина, который недавно потерпел неудачу в своем деле, и что вы слышали о причинах этого?»

4. Слышали ли вы недавно о каком-нибудь преуспевающем гражданине, и каким образом он этого достиг?»

.....

6. Знаете ли вы какого-нибудь гражданина, который недавно совершил поступок, достойный похвалы и подражания, или другого гражданина, который совершил ошибку, от которой нужно предостеречь и которую нужно избегать?»

7. Какой несчастный результат невоздержанности вы наблюдали или слышали в последнее время: не-

благоразумия, страсти или какого-нибудь другого порока или безрассудства?

14. Наблюдали ли вы в последнее время какой-нибудь недостаток в законах своей страны, о котором следовало бы сообщить законодательным властям на предмет исправления? Или вы можете предложить какой-нибудь полезный совет, в котором ощущается потребность?

15. Наблюдали ли вы в последнее время какое-нибудь нарушение законной свободы народа?

24. Видите ли вы какие-нибудь недостатки в нынешних порядках и установлениях Сообщества, которые могли бы быть исправлены?»⁵

Судя по этим вопросам, Хунта могла бы называться Сообществом не только для взаимного усовершенствования, но и для взаимной помощи. Молодые люди, основатели этого Сообщества или клуба, старались помогать друг другу во всех случаях, когда были в состоянии принести существенную пользу нуждающемуся товарищу.

Одному из первых такая поддержка со стороны Хунты оказалась необходимой самому Франклину. Кеймер назначил ему высшую плату в надежде, что обученные им подмастерья приобретут вскоре такую квалификацию, что типография сможет обойтись без Франклина. По мере того как подмастерья совершенствовались в своей специальности, хозяин все больше давал понять Франклину, что нужда в нем не так велика. В конце концов наступил разрыв, и Франклин вместе с другим работником, Мередитом, открыл в городе собственную типографию. Вопросом жизни для нового предприятия было получение заказов. Члены Хунты приняли все меры, чтобы доставить работу для новой типографии. Один из них, Брайтналл, выхлопотал большой и выгодный для молодого предприятия заказ — печатание увесистого тома (сорок печатных листов) истории секты квакеров.

Еще большую услугу оказывали Франклину два других члена Хунты — Уильям Колумен и Роберт Грейс, спасшие его от неминуемого краха, который угрожал новой типографии. Если бы не их помощь, предприятие

было бы продано с молотка. Дело в том, что оборудование было приобретено частью на средства отца Мередита, надеявшегося, что деловое содружество и повседневное общение его сына с Франклином отвлечет Мередита от пьянства, частью же взято было на его имя в кредит. Подошел срок уплаты по векселям; отец компаньона Франклина не мог погасить долг. Кредиторы были неумолимы и угрожали обратиться в суд, как только срок истечет. В эту критическую минуту к Франклину, не сговариваясь между собой, пришли названные товарищи и предложили ссудить его необходимой суммой не только для уплаты долга, но и для выплаты Мередиту стоимости его доли в предприятии.⁶

Обязанности между Франклином и его компаньоном были распределены так, что первый набирал, а второй печатал. Таким образом, более трудоемкий процесс взял на себя Франклин, решивший набирать никак не меньше печатного листа в день. Из-за этого он нередко задерживался в типографии до поздней ночи. Горожане, проживавшие по соседству, восхищались трудолюбием и усердием молодого типографа, и один почтенный житель Филадельфии, доктор Бэрд, когда в купеческом клубе зашел разговор о новой типографии и многие прочили ей неминуемую гибель, отметил: «У этого Франклина неслыханное трудолюбие; я вижу его за работой, когда возвращаюсь домой из клуба, и он снова сидит за работой, прежде чем встают соседи».

Мередит не был на него похож; его часто видели пьяным на улице или в пивной за азартной игрой. Он вообще мало интересовался типографским делом и, получив наличными свою долю, был рад возможности вернуться в деревню. Он переселился в Северную Каролину и, судя по письмам, которые он потом посылал Франклину, действительно понимал толк в сельском хозяйстве, найдя в нем свое истинное призвание.

По словам Франклина, его письма из Каролины представляли собой «самый подробный отчет, какой мог быть написан об этой стране, о ее климате, почве, животноводстве и т. п., так как в этих вопросах он прекрасно разбирался». К этому времени Франклин уже начал издавать газету. Он напечатал в ней одно из писем Мередита, имевшее большой успех у читателей. Этот пример

из реальной жизни наглядно свидетельствует, какое благотворное влияние оказывала Хунта даже на тех своих членов, которые, казалось, выбились из колеи и могли кончить жизнь под забором.

До нас не дошли протоколы собраний Хунты; они, вероятно, и не велись. Сведения о деятельности этого клуба и даривших в нем порядках имеются лишь в отрывочных известиях, содержащихся главным образом в выступлении вице-президента Философского общества д-ра Паттерсона по случаю празднования столетней годовщины этой корпорации. По словам Паттерсона, Хунту можно было назвать «Обществом спорящих».⁷

Ставя перед собой задачу искать истину и работать для общественного блага, члены Хунты на своих собраниях частенько пользовались сократическим методом вопросов и ответов. Предметами обсуждения бывали и закономерности в явлениях природы. Из тем, обсуждавшихся на собраниях Хунты, назовем такие: «Как можно объяснить образование паров?», «Каковы причины того, что в заливе Фелди прилив выше, чем в Делаварском заливе?», «Почему пламя свечи направлено вверх в форме острия?». ⁸

Уже вскоре после своего возникновения Хунта приобрела такую известность, что число заявлений с просьбой принять в члены этой организации стало быстро возрастать. Тогда Франклин предложил ограничить численность состава клуба лишь двенадцатью членами, причем каждый из них мог организовать отдельный подобный клуб. Пять или шесть человек так и сделали, однако ни один из учредителей новых клубов не обладал такими, как Франклин, организаторскими способностями, чтобы вдохнуть жизнь в свою корпорацию. Появившиеся вновь клубы — «Единение», «Связь» и др. — просуществовали недолго; они не оставили заметного следа. Хунта же в течение десятилетий развивала свою деятельность, и ее основатели до седых волос с удовольствием вспоминали собрания созданного ими в молодые годы своеобразного просветительского клуба. Больше других им дорожил сам Франклин.

На протяжении своей долгой жизни Франклин тепло вспоминал компанию своей юности. Упоминания о ней мы часто встречаем в его письмах к своему другу Хью Робертсу. Он называет ее «старым славным клубом», «ста-

рой Хунтой». Уже в 1765 г. он пишет: «Мне хотелось бы, чтобы ты бывал в Хунте, хотя некоторые результаты наших политических недоразумений могут иногда проявляться и там. Сейчас это, вероятно, один из старейших клубов, а раньше был, я полагаю, один из лучших во владениях короля». В 1776 г. он писал: «Передайте мой дружеский привет Хунте».⁹ В другом письме Франклин еще более ярко выразил свое отношение к Хунте, деятельность которой не переставала будить в нем теплые воспоминания о молодых своих годах: «Вы пишете, что иногда посещаете старую Хунту. Я хотел бы, чтобы Вы посещали ее чаще. Раз мы ходили в этот клуб, пока все не поседели, будем держаться его и дальше. Что до меня, то я люблю компанию, болтовню, смех, рюмочку и даже песню, как и тогда; и в то же время я больше, чем раньше, склонен к серьезным рассуждениям и мудрым замечаниям в разговоре стариков; так что я уверен, что Хунта доставила бы мне такое же удовольствие, как и прежде. Я поэтому надеюсь, что она сохранится, пока мы еще можем собраться ползком».¹⁰ И в следующем письме к тому же Робертсу, в ответ на его сообщение, что «политические и полемические разногласия» нарушили ту гармонию, которая господствовала раньше: «Мы любили, — писал Франклин, — и все еще любим друг друга: мы вместе поседели, и все же расставаться еще рано. Посидим вместе, вечер жизни еще не прошел. Последние часы всегда самые веселые. Если мы и не можем остаться дольше, у нас все же достаточно времени, чтобы пожелать друг другу доброй ночи, разойтись и мирно лечь спать».¹¹

Эти строки написаны в то время, когда Франклин давно уже прославился своими научными открытиями, и в Англии (еще до того как американские колонии отделились от нее) его ставили рядом с такими гигантами научной мысли, как Бойль и Ньютон.¹² Известен был к этому времени Франклин и как один из самых видных общественно-политических деятелей заокеанских владений Англии.

Члены Хунты, как было сказано, собирались раз в неделю. Самообразованием же они занимались непрерывно, во всех случаях, когда для этого представлялась возможность. У каждого из членов Хунты имелись собственные книги, но их, конечно, было недостаточно, чтобы удовле-

творить постоянно возраставший интерес к новой литературе. По предложению Франклина члены Хунты снесли свои книги в то помещение, где происходили собрания, — это был дом Грейса (до того Хунта собиралась в таверне). Однако приблизительно через год, как пишет Франклин, «коллекция распалась; и каждый снова взял свои книги домой». Тогда он выдвинул свой проект общественного мероприятия — создания «библиотеки по подписке».

В отличие от Хунты, которая представляла собой замкнутую организацию со строго ограниченным количеством членов, библиотека была задумана как общественное учреждение самых широких масштабов, ставившее своей целью вовлечение в ее деятельность возможно большего числа участников. Этот проект Франклина осуществился самым блестящим образом. Он не без основания считал, что это его начинание, которому вскоре начали подражать во многих других городах, в значительной мере способствовало прогрессу, достигнутому американцами в области культуры и просвещения, и оказало влияние на развитие их политического самосознания.

Вот что писал Франклин: «Я набросал план и отдал сформулировать его нашему великому юристу Брокдену. С помощью моих друзей в Хунте я нашел пятьдесят подписчиков, которые внесли по сорок шиллингов в качестве вступительного взноса и затем должны были вносить по десять шиллингов в год в течение пятидесяти лет (срок действия нашего общества). Впоследствии мы заключили договор, и число членов общества было увеличено до ста человек; оно явилось родоначальником всех североамериканских библиотек по подписке, столь многочисленных в настоящее время. Это было большое событие, и значение его с течением времени все возрастало. Эти библиотеки расширили кругозор американцев, сделали обычных торговцев и фермеров столь же развитыми, как большинство джентельменов в других странах, и, может быть, в некоторой степени способствовали возникновению того сопротивления, которое оказали все наши колонии, защищая свои привилегии».¹³

Поставив своей задачей добиться морального усовершенствования, Франклин разработал сложную систему воспитания в себе таких «добродетелей», как бережли-

вость, трудолюбие, искренность, умеренность и пр. Он завел особую книжечку, куда внес все подлежащие развитию добродетели, расписав их по дням недели и наметив сроки их достижения. Разумеется, из этих попыток регламентировать каждый свой шаг ничего путного не могло получиться, так как жизнь властно вторгалась в его планы и легко разрушала схемы, хорошо и удобно ложившиеся на бумагу. Неудача не помешала Франклину рассказать об этом на страницах своих воспоминаний, написанных для сына и внуков и проникнутых поэтому явно назидательным духом.

Впоследствии, подведя итог пройденного пути, столь богатого участием в бурных событиях общественно-политической жизни и выдающимися научными достижениями, Франклин считал, что воздержанию обязан он был своим крепким здоровьем, сохраненным им до глубокой старости. Трудолюбием и бережливостью, двумя важнейшими выработанными моральными качествами, он добился независимого положения. Первому из этих качеств он приписывал и то, что, не получив регулярного школьного и университетского образования, он накопил тем не менее знания, которые принесли ему известность в ученом мире и снискали всеобщее уважение как в родной стране, так и за ее рубежами.

В своей «Автобиографии» Франклин писал: «Когда я раздумываю над своей удачей, — а я это делаю частенько, — то мне иногда хочется сказать, что, будь у меня свобода выбора, я бы не возражал снова прожить ту же жизнь с начала и до конца; мне только хотелось бы воспользоваться преимуществом, которым обладают писатели: выпуская второе издание, они исправляют в нем ошибки, допущенные в первом. Вот и мне тоже хочется заменить некоторые эпизоды, поставив лучшее на место худшего. И все же и при невозможности осуществить это я все равно согласился бы снова начать ту же жизнь».¹⁴

Будучи необычно одаренным человеком и встречая среди окружающих самое почтительное к себе отношение, Франклин к своим успехам относился все же весьма сдержанно, даже чуть недоверчиво и никогда не забывал возможности дальнейшего совершенствования. Эти черты характера частично выражены Франклином в собственной эпитафии, которую он составил 22 лет от роду, когда

опасно заболел, и которая потом, через шестьдесят с лишним лет, была действительно высечена на его надгробном камне:

«ЗДЕСЬ ЛЕЖИТ ТЕЛО
ТИПОГРАФА ВЕНИАМИНА ФРАНКЛИНА,
КАК ПЕРЕПЛЕТ СТАРОЙ КНИГИ,
ЛИШЕННОЙ СВОЕГО СОДЕРЖАНИЯ, СВОЕЙ НАДПИСИ И ПОЗОЛОТЫ.
В СНЕДЬ ЧЕРВЯМ;
НО СОЧИНЕНИЕ САМО НЕ ПРОПАЛО,
ОНО, КАК ОН УПОВАЕТ, КОГДА-НИБУДЬ
ОПЯТЬ В СВЕТ ПОКАЖЕТСЯ
В НОВОМ ЛУЧШЕМ ИЗДАНИИ,
ИСПРАВЛЕННОЕ И УКРАШЕННОЕ
СОЧИНИТЕЛЕМ.
РОДИЛСЯ ЯНВАРЯ 6, 1706
УМЕР 17...».¹⁵

Здесь нельзя не обратить внимание на следующее обстоятельство: Франклин до конца своей жизни считал себя типографом, не доктором, не писателем, ученым, дипломатом, а только типографом, и образную свою речь он любил уснащать различными названиями и понятиями, почерпнутыми из типографской практики. Франклин с гордостью подчеркивал свое происхождение из «низших» классов и пользовался всяким случаем, чтобы напомнить, что своим высоким положением в обществе он обязан своему труду и прилежанию, а также тем, что моральную опору он всегда искал и находил в среде простых людей.

ТИПОГРАФ

Прошло сравнительно немного времени с тех пор, как Франклин, тогда еще никому неизвестный, скромный паренек из Бостона, прибыл в столицу Пенсильвании, а его положение изменилось до неузнаваемости. Уже не бесправный подмастерье, а солидный владелец типографии и председатель влиятельного клуба (Хунты) — таким представляется нам Франклин к концу 20-х годов XVIII в. Изменилось и семейное положение Франклина. По возвращении в Филадельфию он поспешил посетить дом своей бывшей невесты, однако там его ожидало не радостное известие: Дебора Рид вышла замуж. Как уже упоминалось, она долго ждала письма из Лондона от любимого Вениамина, но за все время оттуда пришло лишь одно письмо, из которого можно было понять, что Франклин в ближайшее время возвратиться на родину не намеревается. Потом пришло известие будто Франклин женился. Девушка была в отчаянии. Поддавшись уговорам родных, она вышла замуж за нелюбимого человека, гончара по профессии. Он оказался человеком малоподходящим по своему характеру к семейной жизни. К тому же, как оказалось, где-то у него была неразведенная жена. Совместная жизнь оказалась невозможной, и Дебора оставила мужа, который вскоре уехал в Вест-Индию, где и умер. Это позволило Франклину исправить свою самую тяжелую, по его признанию, ошибку в жизни и жениться на Деборе, сделавшейся до конца своей жизни верным другом и надежным помощником Франклина.

Как мы уже говорили, Франклин скоро приобрел среди своих сограждан репутацию умелого мастера, честного и добросовестного типографа. Это обеспечило ему солидные заказы и создало его предприятию твердую материальную базу.

Успеху типографии Франклина в значительной мере содействовал заключенный им с властями провинции контракт на печатание бумажных денег. Опыт в этом ответственном деле он приобрел, когда работал еще у Кеймера, выполнявшего в свое время заказ по печатанию денежных знаков для колонии Нью-Джерси. Тогда печатание должно было выполняться в присутствии местных властей в административном центре колонии — в г. Берлингтоне. Туда Кеймер взял с собой Франклина, так как один он не мог справиться с такой сложной работой, а последний к тому времени уже был не только высококвалифицированным наборщиком и печатником, но освоил и граверное дело. Для выполнения столь ответственной работы Франклин изготовил специальный печатный станок с медной гравированной доской, первой, как пишет Франклин, в Америке. Он же вырезал на меди несколько орнаментов и штампов для банкнот. «В Берлингтоне, — писал потом Франклин, — я познакомился со многими видными людьми провинции Нью-Джерси. Некоторые из них были членами комиссии, назначенной собранием (местным законодательным органом), чтобы следить за печатанием и заботиться о том, чтобы не было напечатано больше банкнот, чем повелевал закон. Поэтому они постоянно появлялись среди нас: обычно каждый приводил с собой одного или двух друзей для компании. Я был гораздо более начитан и развит, чем Кеймер; очевидно, по этой причине они предпочитали беседовать со мной. Они приглашали меня к себе, познакомили со своими друзьями и были со мной очень любезны, в то время как Кеймер оставался в тени, хотя он и был хозяином».¹

Общение с этими людьми принесло Франклину большую пользу. Именно тогда он впервые основательно познакомился с проблемой бумажных денег и понял, какое важное значение они имеют в экономике страны, стимулируя ее успешное развитие. Впоследствии вопрос этот неоднократно обсуждался на собраниях Хунты. Для этого тщательно изучалась соответствующая доступная членам Хунты экономическая литература. Франклин, в частности, основательно проштудировал произведение известного английского экономиста XVII в. Уильяма Петти (1623—1687) «Трактат о налогах и податях» (Treatise of Taxes and Contributions, 1662).²

Дебора Франклин. (Работа Дж. Эндрюса).

Вопрос о бумажных деньгах имел весьма важное значение и для Филадельфии и для всей Пенсильвании. В обращении было только пятнадцать тысяч фунтов стерлингов ассигнациями, и этого количества ассигнаций было явно недостаточно для возросших нужд края. Как известно, для паразитических слоев населения, особенно для ростовщиков, чем меньше в обороте денег — бумажных и металлических, — тем выгоднее: недостаток их содействует повышению процентов по займам. Богачи Пенсильвании упорно протестовали против какого бы то ни было увеличения в колонии количества ассигнаций, опасаясь их обесценения. Менее же состоятельные люди — ремесленники и мелкие торговцы, постоянно нуждавшиеся в кредите, — настаивали на дополнительном выпуске бумажных денег. Франклин был на их стороне не только в силу своей социальной принадлежности к этой группе населения, но и потому, что считал дополнительный выпуск денег соответствующим интересам всей колонии в целом. Хотя ему было тогда всего двадцать три года, он умел разбираться в делах широкого общественного значения. За пять-шесть лет, прожитых в Филадельфии, он успел присмотреться к жизни всей Пенсильвании и мог компетентно судить об основных нуждах этой колонии.

Целесообразность и даже необходимость дополнительного выпуска бумажных денег хорошо, конечно, понимали и те, кто противился этому нужному делу, но свои личные интересы эти люди, принадлежавшие к состоятельным слоям населения, ставили выше общественной пользы. Характерно, что противников дополнительного выпуска ассигнаций активно поддерживали некоторые юристы и судейские чиновники, пользовавшиеся в административных кругах большим влиянием. В данном случае эти люди откровенно боялись, что возрастание благосостояния их сограждан, особенно широких народных масс, может повлечь за собой сокращение числа несостоятельных должников, следовательно, приведет к сокращению тяжб и падению их доходов.

Разгорелись горячие споры, однако в Филадельфии, имевшей две типографии и две газеты, не находилось все же никого, кто бы выступил по этому вопросу в печати. Франклин эту задачу взял на себя. Он напечатал у себя в типографии анонимную брошюру, озаглавив ее «Скромное исследование о природе и необходимости

бумажных денег». Брошюра была подписана буквами «В. В.» и имела помету: «Филадельфия. Апреля 3, 1729 г.». «Этот очерк, — указывал автор, — я писал и печатал поспешно, а предмет его очень сложный, поэтому прошу критиковать его с снисхождением. Мы хорошо знаем, что среди нас есть много джентельменов с глубокими познаниями, которые резко восстают против расширения денежного обращения; было бы очень желательно, чтобы они высказались в печати. Если бы кто-нибудь из них это сделал, я не занимал бы публику своими писаниями; но так как они этого не сделали и считают ниже своего достоинства просветить умы своих сограждан, то, мне кажется, каждому из нас следовало бы заняться изучением того, в чем же лежит истинная польза для Пенсильвании».³

Франклин преследовал сугубо практические цели и не претендовал на самостоятельное теоретическое исследование проблемы в той части, где он говорил о природе бумажных денег. В своей работе он широко пользовался названным произведением Уильяма Петти, заимствуя у него целые абзацы.⁴ Он понимал, насколько правы были экономисты, утверждавшие еще в XVII в., что чрезмерный выпуск ассигнаций неизбежно ведет к их обесцениванию или, как мы теперь говорим, к инфляции. Вместе с тем он ясно видел и то, что недостаток в обращении денежных знаков является бичом для экономики страны, причем вся тяжесть этого бедствия ложится на неимущие слои населения.

Вот доводы, которые выдвигал Франклин.

1. Если в стране большая нужда в деньгах, процент на суммы, выдаваемые в долг, становится очень высоким и закон этому воспрепятствовать не может. Но высота процентов, не говоря уже о том, что они ложатся тяжелым бременем на тех, кто нуждается в займах или кредите, тормозит развитие земледелия и торговли, так как человеку, обладающему капиталами, выгоднее давать деньги в рост, чем заниматься хлебопашеством или коммерческими операциями.

2. Недостаток денег в стране ведет к падению цен на производимые ею товары, которые залеживаются из-за отсутствия необходимых денежных знаков в обращении (Франклин указывает на благоприятное влияние, оказанное первым выпуском ассигнаций на кораблестроение).

3. Опытом доказано также, что отсутствие денег в обращении приводит к тому, что население эмигрирует в другие страны в поисках лучшего заработка и, наоборот, при обилии (разумеется, не чрезмерном) денег в страну приезжают ремесленники и фермеры из других краев.

4. Недостаток денег в обращении ведет к увеличению потребления иностранных товаров пропорционально численности населения: торговцы, на которых работают ремесленники и наемные рабочие, заставляют их брать часть оплаты товарами, а не деньгами, и люди потребляют больше товаров, не имея возможности их сбыть, ибо и их соседи находятся в том же положении, что и они.⁵

В брошюре молодого Франклина, характеризующей его социально-экономические воззрения, высказана мысль, которая вызвала восхищение К. Маркса спустя более ста лет. Франклин писал: «Деньги возникли как средство упрощения обмена продуктами между различными странами или отдельными лицами. Богатство страны измеряется не количеством серебра или золота, а количеством труда, которое обитатели могут дать».⁶

Впервые К. Маркс обстоятельно цитировал это «скромное исследование» в известном труде «К критике политической экономии». Вот что мы читаем в гл. I «Товар»: «Первый сознательный, почти тривиально ясный анализ меновой стоимости, сводящей ее к рабочему времени, мы находим у человека Нового Света, где буржуазные производственные отношения, ввезенные туда вместе с их носителями, быстро расцвели на почве, на которой недостаток исторической традиции уравновешивался избытком гумуса. Этот человек — Бенджамин Франклин, который в своей первой юношеской работе, написанной в 1729 г. и напечатанной в 1731 г., сформулировал основной закон современной политической экономии. Он объявляет необходимым искать иную меру стоимостей, чем благородные металлы. Эта мера — труд».⁷

Далее К. Маркс приводит следующую цитату из произведений Франклина: «Трудом можно измерять стоимость серебра так же хорошо, как и всех других вещей. Допустим, например, что один человек занят производством зерна, в то время, как другой добывает и очищает серебро. В конце года или какого-либо иного определенного периода времени готовый продукт зерно и готовый

продукт серебро представят друг для друга естественную цену, и если первого было произведено 20 бушелей, а второго 20 унций, то одна унция серебра стоит такого же количества труда, какое было затрачено на производство одного бушеля зерна. Если, однако, благодаря открытию более близких, более доступных и богатых рудников один человек может добыть уже 40 унций серебра с такой же легкостью, как раньше 20, между тем как для производства 20 бушелей зерна необходимо то же количество труда, что и раньше, то 2 унции серебра будут стоить не больше, чем тот же труд, затраченный на производство одного бушеля зерна, и таким образом, бушель, который раньше стоил 1 унцию серебра, теперь *caeteris paribus* (при прочих равных условиях. — *Ред.*) будет стоить 2 унции серебра. Поэтому богатство страны должно оцениваться по тому количеству труда, которое ее жители способны купить».⁸

Этот же пример К. Маркс привел и через семь лет в другой работе «Заработная плата, цена и прибыль», указав: «Я пользуюсь этим примером, так как его привел Бенджамин Франклин в своей первой работе, изданной в 1729 г. и озаглавленной „Скромное исследование о природе и необходимости бумажных денег“, где он один из первых нащупал истинную природу стоимости».⁹

К. Маркс, однако, отметил: «Анализ меновой стоимости, данный Франклином, не оказал непосредственного влияния на общее развитие науки, так как он занимался только отдельными вопросами политической экономии в связи с определенными практическими задачами».¹⁰

Брошюра, как уже указывалось, была напечатана без указания авторства Франклина. На титульной странице, кроме заглавия, значилось: «напечатано и продается в Новой типографии, близ Рынка».¹¹

Произведение Франклина встретило благоприятный прием среди простого люда, богатым же оно, по причинам, изложенным выше, пришлось не по вкусу, но так как среди них не нашлось охотников выступить в печати с опровержением доводов, выдвинутых Франклином, их позиции оказались слишком слабыми и закон о дополнительном выпуске бумажных денег получил одобрение большинства палаты. Время подтвердило правильность идеи, отстаиваемой Франклином. Провинция развивалась и богатела, население росло, возникали и расширялись

новые экономические связи, для которых функционирование достаточного числа денег было необходимым условием успеха. Франклин, разумеется, был доволен результатами своего труда, но не имел возможности развивать далее свои блестящие идеи о роли денег. Собственное безденежье и сложные дела во вновь открытой им типографии требовали напряжения ума и сил. Правда, подоспевший заказ на печатание ассигнаций для Пенсильвании значительно ему помог. Такой же заказ поступил из Нью-Йорка, тем не менее это еще не давало Франклину возможности прочно стать на ноги.

К счастью, он сумел воспользоваться примером своего старшего брата, который вскоре после открытия своей типографии в Бостоне начал издавать газету. Так же решил поступить и Франклин, имевший в этом деле достаточный опыт. План этот показался Франклину тем более привлекательным, что издававшаяся уже в Филадельфии Бредфордом газета «American Weekly Mercury» не пользовалась успехом, и ее оказалось возможным купить. Однако его собственная неосторожность на некоторое время отодвинула выполнение этого плана.

Неудавшемуся студенту Джорджу Уэббу удалось откупиться от Кеймера, и он пришел к Франклину просить работы. Тот ему по секрету сказал, что собирается издавать газету, как только найдет для этого средства, и обещал предоставить ему соответствующую работу. Уэбб же, неспособный хранить чужие тайны, рассказал об этом плане Кеймеру. Последний тут же решил сам издавать еженедельную газету и пригласил Уэбба работать в ней. Это, как впоследствии вспоминал Франклин, возмутило его, и, чтобы досадить бывшему своему хозяину и неверному другу, он написал в газету Бредфорда несколько юмористических рассказов под общим заглавием «The Busy Body» («Любопытный»).

С 4 февраля по 27 марта 1729 г. было напечатано всего восемь таких заметок, из них 6 были написаны самим Франклином, остальные две — другими авторами, но несомненно под влиянием Франклина. Стремясь осудить неприглядные стороны характера и поведения своих сограждан, Франклин и его друзья едко их высмеивали. Досталось здесь и тем авторам, кто грешил самомнением.

Заметки написаны в форме писем, якобы адресованных любопытному. Искусно применяя иронию и сарказм, авторы подчеркивали, что не следует стремиться возбуждать смех только для забавы или потехи, так как люди, склонные насмеяться над всеми, часто сами достойны осмеяния. Одному из своих очерков Франклин предпослал в качестве эпиграфа две строчки из стихотворения известного английского поэта Попа:

Всем глупцам не терпится осмеять кого-нибудь,
А оказываются осмеянными сами.

Это положение иллюстрируется следующим замечанием: «Где-то в своих мемуарах де Ларошфуко рассказывает, что принцу де Конде доставляло наслаждение осмеивать людей и он часто на полдня запирался в комнате с фаворитом, чтобы посмеяться над слабостями или смешными сторонами каждого известного при дворе человека. Этот фаворит потом рассказывал в одной компании, что ни в ком не было столько смешного, как в самом принце; я тоже склонен быть того же мнения».¹²

Уже в первой своей статье Франклин заявил о своем намерении выступить в газете в качестве «исправителя нравов». Перечисляя людей, нуждающихся в таком исправлении, он поставил на одно из первых мест тех, кто в стремлении отличиться старается достигнуть успехов в какой-либо области практической деятельности ради удовлетворения своего тщеславия, а вовсе не заботясь об исправлении своего характера. Такие люди, по мнению Франклина, не заслуживают уважения.¹³

Хотя нам известно, что Франклин написал свои «юмористические рассказы» под влиянием обиды на Кеймера, ставшего на его пути в деле издания газеты, содержание их отражает те мысли, которые уже в течение длительного времени зрели в его сознании.

Статьи Франклина имели большой успех и в немалой степени содействовали укреплению репутации Бредфорда и его газеты, обеспечив ей довольно широкое распространение. Издание же газеты Кеймера с самого начала было обречено на неудачу. Он, правда, широко размахнулся, как бы желая затмить всю тогдашнюю американскую прессу. Уже одно название новой газеты было непомерно притязательным: «Всеобщий наставник во всех искусствах и науках, Пенсильванская газета»

(«Universal Instructor in all Arts and Sciences. Pensylvanian Gazette»).

Между тем журналистика была Кеймеру еще более чужда, чем типографское дело. Не мог ему помочь и бывший оксфордский студент, хотя на своей родине он в местной газете и печатался иногда.

Не имея понятия о газетном деле, Кеймер надеялся привлечь подписчиков материалами, перепечатанными из Английской энциклопедии, и, кроме того, помещал пересказ отдельных отрывков из книги «Религиозное поклонение» («Religious Courtship»). Хотя значительную часть жителей Филадельфии составляли такие ревнители религии, как квакеры, пуритане и представители других сект, попытка Кеймера таким путем привлечь подписчиков не имела успеха. Даже маловзыскательным местным читателям содержание материалов, публиковавшихся газетой, представлялось слишком утомительным и скучным, ни в какой мере не способным удовлетворить их потребность в информации и желание услышать живое слово. Перепечатка же из энциклопедии статьи о выкидышах (abortion) даже вызвала скандал. В газете Бредфорда «American Weekly Mercury» были напечатаны «письма Марты Карефул и Селии Шортфейс», протестовавших против помещения этой заметки, которая, по их мнению, уместна лишь в специальном издании, но не в печатном органе, рассчитанном на широкий круг читателей, ибо среди последних всегда найдется немало завсегдатаев кофеен и пивных, готовых по любому случаю смаковать сексуальную тематику. Позднейшие исследования привели к выводу, что автором названных «писем» являлся Франклин: по стилю они напоминают «письма Сайленс Дугуд». Во многих изданиях сочинений Франклина эти «письма» отнесены не к *Dubia* («под сомнением»), а включены в основной текст.¹⁴

Кто бы ни был автором указанных писем, опубликование их оказалось одной из основных причин падения популярности газеты Кеймера, дела которого запутались настолько, что кредиторы потребовали срочной уплаты долгов. В конце концов Кеймер вынужден был ликвидировать свое предприятие, передав издание газеты Франклину. Он объявил об этом в последнем выпущенном им 39-м номере. Сообщая о ликвидации всех дел в Филадельфии, Кеймер добавил: «Однако пусть великодушные

подписчики не огорчатся, т. к. по соглашению с В. Франклином и Х. Мередитом из Новой типографии (New Printing Office) издание газеты будет продолжаться до конца года, с каковой целью все оборудование полностью передано им». ¹⁵ Газета была продана Франклину 25 сентября 1729 г. «за ничтожную сумму».

Из этого жалкого листка Франклин сумел сделать боевой печатный орган, отражавший общественные интересы и удовлетворявший всем требованиям журналистики того времени. Прежде всего он вычеркнул из заголовка газеты первые широковещательные слова, назвав ее просто «Пенсильванская газета». Впрочем, он рассчитывал на подписчиков не из одной только Пенсильвании и с этой целью стал учитывать интересы читателей, проживающих за пределами этой провинции.

Новый издатель начал черпать материал непосредственно из жизни, не исключая при этом интересных и полезных научных сведений. Он считал, что надо систематически помещать статьи на животрепещущие темы из области науки, излагая их в увлекательной форме очерков, доступных и малоподготовленному читателю.

Франклин был достаточно подготовлен к тому, чтобы с успехом вести газету, выступая и как редактор и как автор. Он не страдал самомнением и ни на минуту не забывал об опыте своего старшего брата, которому деятельно помогала сплотившаяся вокруг газеты группа образованных людей Бостона.

В первом же номере Франклин заявил: «Многие мечтали иметь в Пенсильвании хорошую газету; и мы надеемся, что этому будут содействовать все те, кто в силах сделать эту газету хорошей. Мы просим о помощи, вполне сознавая, что издание хорошей газеты не такое легкое дело, как думают некоторые. Автор статей в газете (по мнению ученых) должен хорошо владеть иностранными языками, уметь писать и излагать вещи ясно и понятно, притом в немногих словах; он должен уметь говорить о войне как на суше, так и на море; быть хорошо знакомым с географией и историей нашего времени, с интересами правителей и государств, с тайнами дворов, с нравами и обычаями народов. Такие разносторонние люди весьма редки в этой отдаленной части света; и было бы очень хорошо, если бы автор этих строк нашел среди своих друзей то, чего недостает ему самому». ¹⁶

Закljučая свое обращение к читателям, Франклин заявил, что, не жалея забот и трудов, новое руководство газетой постарается сделать ее «приятным и полезным развлечением в той мере, в какой это позволяет сама природа предприятия».

Обращение было встречено публикой именно так, как Франклин того желал. Через три недели, 23 октября 1729 г., он мог уже отметить в своей газете, что в направлении, одобренном ее читателями, она будет выходить уже не один, а два раза в неделю. Для осуществления своих широко задуманных планов Франклин принял меры к тому, чтобы «завязать обширную корреспонденцию и получать наилучшую и своеобразную информацию отовсюду», дабы в Филадельфии можно было получить достаточно сведений о том, что появляется в печати как в Великобритании, так и в ее заокеанских колониях — Новой Англии, Нью-Йорке, Мэриленде и Ямайке. Источником такой информации, как сообщал он, будут служить, помимо повременной печати, и частные письма, которые редакция надеется получать из разных городов страны. В следующем номере, вышедшем через четыре дня Франклин сообщил дополнительно, что его газета рассчитана не только на горожан, а охотно будет освещать деревенскую жизнь с помощью сотрудников, проживающих в сельских местностях. «Мы просим, — писал Франклин, — наших корреспондентов сообщать нам как можно скорее все особенные случаи, происшествия и вообще все интересное для широкой публики, как только они узнают об этом, чтобы сделать нашу газету привлекательной для обширного круга лиц».¹⁷

Такое направление газеты гарантировало ей успех, несмотря на то что новому издателю пришлось выдерживать конкуренцию опытного соперника, каким был Э. Бредфорд, не останавливавшийся даже перед непоправимыми средствами борьбы со своим противником. Будучи собственником типографии и издателем газеты, он заведовал в Пенсильвании еще и почтой. Желая избавиться от конкурента, он попросту запретил почтальонам, развозившим корреспонденцию по провинции, доставлять «Пенсильванскую газету» подписчикам за пределы города. Франклину пришлось войти с почтальонами в частное соглашение о доставке газеты подписчикам в сельские районы.

В таких тяжелых условиях Франклину пришлось начать издавать печатный орган, доставивший ему скоро славу виднейшего американского журналиста в период, предшествовавший эпохе освободительной борьбы. Широкой популярности «Пенсильванской газеты» в значительной степени содействовала тактичность ее редактора и издателя, который избегал резких и оскорбительных выступлений по отношению к кому бы то ни было, даже, против тех, кого он в своей газете критиковал. Столь же чуждо было Франклину стремление угождать кому бы то ни было. При обсуждении в печати каких-нибудь вопросов большого общественного значения он обычно старался дать высказаться всем спорящим сторонам. Тем не менее временами полемика принимала острую форму, а считавшие себя обиженными подчас не отличали авторов от издателя, и нарекания сыпались на него.

Так, через два года после того, как Франклин взял на себя издание «Пенсильванской газеты», он должен был выступить в свою защиту. 10 июня 1731 г. он напечатал пространное «Оправдание издателя». «Многие часто бранят меня, — писал Франклин, — за то, что печатаю вещи, которые, по их мнению, не следует помещать». «Но, — добавлял Франклин, — мнения людей столь же разнообразны, как и их лица. Недаром пословица гласит: „Сколько людей, столько умов“. Большая часть того, что публикуется, либо поддерживается, либо противоречит каким-нибудь мнениям». «Те, кто занимаются издательской деятельностью, — продолжал он, — не могут ничего для себя заработать, не принеся обиды кому-либо, а может быть, и многим; тогда как кузнец, плотник, сапожник или иной ремесленник может работать для людей любых убеждений, никого из них не обижая; торговец может вести куплю-продажу с иудеями, турками, еретиками и неверными всех родов и получать деньги от любого из них, не обижая никого из правоверных и не слыша никакого недовольства или замечания по своему адресу от кого бы то ни было».¹⁸

Франклин был далек от того, чтобы печатать все, что получала редакция. Немало из поступавших материалов браковалось, особенно в тех случаях, когда написанное оскорбляло достоинство людей. Он оберегал свою газету, стремясь, чтобы никто не мог использовать ее для сведения личных счетов. Тем не менее, публикуя политические статьи, он не боялся, что они могут задевать сторонников

противоположных взглядов. «Со стороны какого-либо человека или группы людей, — разъяснял Франклин, — столь же неразумно ожидать, что им понравится все, что напечатано, как и ожидать, что удовольствие от этого должны получить они, а никто другой». И далее: «Не разумно думать, будто печатники согласны со всем, что они печатают, и бранить их за что-либо опубликованное; ибо они, выполняя свое дело, печатают множество вещей противоположных и противоречивых. Столь же неразумно предполагать, что печатники не должны обнаруживать ничего, с чем они не согласны... Весь мир впоследствии имел бы для чтения только то, что случайно отражало мнение печатников».¹⁹

В большом деле издания газеты значительные неприятности могут иногда доставить издателю даже случайные обстоятельства. Франклин это испытал, неосмотрительно поместив в газете объявление о времени отхода одного корабля в Барбадос. В нем было указано место, где торговцы и пассажиры могут встретиться с капитаном корабля и договориться с ним об условиях плавания. Объявление заканчивалось примечанием: «Ни морские курочки, ни черные мантии не будут допущены на корабль ни под каким видом». Что означала вторая из указанных категорий пассажиров, догадаться было нетрудно, но что под «морскими курочками» также подразумевались духовные лица — об этом сам Франклин не мог знать, такого выражения он никогда не слышал. Он не скрывал своего критического отношения к религии и ее служителям, но по отношению к ним никогда не прибегал, особенно в печати, к оскорбительным выражениям.²⁰

Франклину было чрезвычайно досадно, когда его смешивали с беспринципными ремесленниками-типографами, готовыми напечатать все, что им дадут, лишь бы это хорошо оплачивалось. «Если бы все в этой провинции, — указывал Франклин, — кто держится различных мнений, предложили мне за то, чтобы я не печатал вещей, которые им не нравятся, столько, сколько я могу получить за их напечатание, я, вероятно, жил бы припеваючи».²¹

Франклин всегда четко выражал свои суждения о городском общественном долге писателя и публициста. В конце жизни, оценивая свою деятельность как журналиста, он писал: «Издавая свою газету, я тщательно избегал всяких клеветнических и личных выпадов, которые

позднее сделались столь постыдным явлением в нашей стране. Когда меня просили поместить в моей газете материалы этого рода, причем авторы обычно ссылались на свободу печати и утверждали, что газета должна быть подобна почтовой карете, в которой всякий, кто в состоянии заплатить, может занять место, я отвечал, что, если угодно, я могу напечатать это произведение отдельно, в количестве столько экземпляров, сколько автор пожелает сам распространить; но что я отказываюсь заниматься распространением его клеветы и что, заключив контракт с моими подписчиками снабжать их тем, что или полезно, или занимательно, я не могу наполнять свою газету частной перебранкой, которая их не касается, ибо в таком случае совершу явную несправедливость».²²

Несмотря на такие повторявшиеся время от времени нападки, Франклин сумел значительно расширить свое печатное дело. Не ограничиваясь случайными типографскими заказами и выпуском газеты, он завел книжное издательство и выпустил множество книг. Одно из этих изданий получило в те времена необычайно широкое распространение. Это был календарь, известный под названием «Альманах бедного Ричарда».

19 декабря 1733 г. в «Пенсильванской газете» появилось объявление, что в типографии Франклина отпечатан Календарь на 1733 г. Тогда отрывных календарей еще не было; календари издавались в виде книг, разделенных на двенадцать частей — по числу месяцев в году.²³

Чтобы добиться своей цели — сделать Календарь достоянием широких масс, — Франклин должен был наполнить его материалами увлекательными, доступными по манере изложения и, безусловно, полезными по содержанию. Именно массового читателя он имел в виду, когда выбирал название своему Календарю — «Альманах бедного Ричарда», подчеркивая, что календарь составлен человеком из народа, хотя и бедным, но умудренным житейским опытом. Все, что продумал в жизни «бедный Ричард» (т. е. сам Франклин), он постарался в занимательной, добродушно-иронической форме передать читателям. Острое слово, забавная шутка, юмористическое изложение всего, что может быть поучительным, всегда покоряют читателя.

Этой линии Франклин неуклонно придерживался, издавая свой Календарь, выходивший в течение четверти

века. В таком именно духе написано Предисловие к первому выпуску:

«Любезный читатель,

«Я мог бы попытаться заслужить твое одобрение, объявив, что пишу Альманахи с единственной целью содействовать общему благу; но в этом был бы неискренен; а люди в наше время слишком умны, чтобы их можно было ввести в заблуждение самыми правдоподобными заявлениями. Истина состоит в том, что я крайне беден, а моя жена, славная женщина, как я ей говорю, крайне горда; она не может выносить, говорит она, чтобы ей приходилось сидеть и пряхть в своем холщовом платье, в то время как я только глазею на звезды; и угрожала мне уже не раз, что сожжет все мои книги и погремушки (как она называет мои инструменты), если я не использую их каким-либо полезным образом для блага моей семьи. Печатник предложил мне некоторую значительную долю своих прибылей, и таким образом я начал выполнять желание моей жены».²⁴

Альманах с самого начала приобрел огромную популярность. В течение одного января месяца было распродано три издания. Впоследствии тираж достиг неслыханных для того времени в Америке размеров — 10 000 экз. Календарь продавался во всей Америке и даже за ее пределами; каждый год объем Альманаха увеличивался, так как издатель неизменно старался расширить его содержание.

Читатели находили в Календаре самые различные сведения: предсказания погоды и даты различных событий; известия из суда и домашние рецепты; данные о движении планет и медицинские советы; описания дорог и пословицы. В коротких очерках, анекдотах, шутках и советах «бедного Ричарда», призывавшего к бережливости и другим добродетелям, Франклин пропагандировал свои взгляды на жизнь, взгляды, нередко усвоенные им из морали близкой ему буржуазной среды. Будучи человеком неутомимого труда, Франклин умел очень образно и ярко пропагандировать пользу трудолюбия и высмеивать лежебок, разгильдяев, пустословов — всех тех, кто живет праздной, никчемной жизнью. Пословицы и поговорки, напечатанные Франклином, за два с лишним столетия не потускнели, а сохранили и свою злободневность и мет-

кость: «Кошка в перчатках не поймает и мыши», «Три отсрочки все равно, что пожар», «Все тяжело для лениности, а для труда все легко», «Потерянное время никогда не найдется», «От маленькой течи гибнет большой корабль». Естественно, что короткие, но меткие выражения легко запоминались, умножая популярность Календаря, а заодно — его автора, поскольку не было секретом, кто именно был автором произведения, пользовавшегося таким успехом.

В последний год издания Альманаха Франклин собрал все высказывания «бедного Ричарда» и поместил их в виде предисловия к Календарю на 1758 г. под заглавием «Путь к благосостоянию». Это предисловие печаталось потом отдельными изданиями в Америке и других странах в течение десятилетий уже после того, как Альманах прекратил свое существование.

Издание Календаря Франклин считал одним из лучших дел своей жизни. На склоне лет он с чувством большого удовлетворения написал в «Автобиографии»: «Я старался сделать его одновременно занимательным и полезным; в связи с этим на него был такой спрос, что я получал от него значительный доход, продавая ежегодно около десяти тысяч экземпляров. Видя, что он получил широкое распространение (едва ли во всей нашей провинции был такой уголок, где его не знали бы), я счел его подходящим средством для наставления простого народа, который едва ли покупал какие-либо другие книги. Поэтому я заполнил все промежутки между знаменательными датами в Календаре краткими изречениями и поговорками, направленными главным образом на внедрение трудолюбия и бережливости как средств достижения благосостояния, а тем самым обеспечения добродетели. Эти поговорки, содержащие мудрость многих поколений и народов, я собрал и оформил в виде последовательного рассуждения, предпосланного Альманаху 1757 года в форме речи мудрого старика к посетителям аукциона... Мой краткий сборник получил всеобщее одобрение и был опубликован всеми газетами американского континента, перепечатан в Англии на больших листах бумаги, чтобы вешать в домах; два перевода были сделаны во Франции... Высказывалось мнение, что этот сборник, осуждавший бесполезные траты на заграничные предметы роскоши, способствовал росту денежных фондов в Пенсильвании,

который наблюдался там в течение нескольких лет после его опубликования». ²⁵

В России перевод предисловия к последнему выпуску Альманаха был издан (под названием «Учение добродушного Рихарда») спустя более чем четверть века после первого появления его в печати. Об этом издании речь будет идти дальше, когда мы коснемся связей Франклина с Россией. Здесь же отметим, что Календарь Франклин издавал до тех пор, пока общественная и политическая деятельность, связанная с необходимостью выезда за границу и долголетним пребыванием на чужбине, не заставила его отказаться от издания Альманаха.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

В архиве Франклина сохранилась запись мыслей, возникших у него в результате размышлений над прочитанными историческими произведениями. Об этих своих заметках, датированных 9 мая 1731 г., Франклин, уже 82 лет от роду, вспомнил, когда писал свои мемуары; он внес их в соответствующую часть «Автобиографии». Еще тогда, двадцати пяти лет, он составил свое собственное представление об историческом процессе; к нему он пришел в результате глубокого анализа исторических событий, их причин и движущих сил.

В те далекие времена научная историография находилась еще в зародыше. До уяснения того, что в основе прогресса человеческого общества лежит развитие производительных сил и соответствующих им производственных отношений, оставалось еще более столетия. В вопросах истории Франклин не высказал таких гениальных обобщений, как в области политической экономии. Тем не менее он был далек от широко распространенного тогда мнения, что история делается отдельными личностями, пусть выдающимися или даже гениальными. Франклин, правда, еще не понимал роли народных масс (движение за независимость, если иметь в виду ее активную фазу, возникло в Америке только через сорок лет), тем не менее он приписывал ход истории не воле отдельных лиц, а деятельности партий и той политической борьбе, которую они ведут между собой.

Свои взгляды он ярче всего выразил в следующих строках: «Великие мировые события, войны, революции и т. д. производятся и ведутся партиями. Взгляды этих партий определяются их текущими общими интересами или тем, что они принимают за свои интересы. Различие взглядов этих различных партий вызывает всю путаницу. В то время как партия осуществляет общие цели, каж-

дый человек преследует свои особые частные цели. Как только партия достигает общих целей, каждый человек начинает заботиться о своих частных интересах; тем самым он вступает в противоречие с другими, и в партии происходит раскол, что вызывает еще большую путаницу».¹

Читая жизнеописания исторических деятелей и приглядываясь к современникам, выдвинувшимся на общественном поприще, Франклин убедился, что далеко не все руководствуются в своей деятельности соображениями общественной пользы. «Среди тех, — читаем мы в его «Записках», — кто занимается общественными делами, лишь немногие думают только о благе своей страны, что бы они при этом ни говорили... Еще меньшее число людей руководствуется в общественных делах благом всего человечества».

Политическая обстановка того времени и нравы тех, кто подвизался на арене государственной или общественной деятельности, давали достаточно материала для подобных невеселых размышлений. Франклин имел возможность ежегодно и ежечасно наблюдать, как создаются богатства. В те времена, отделенные от нас столетиями, не только явные стяжатели, ничем не брезгающие для извлечения высоких доходов, но и как будто достойные и образованные люди, видные общественные и государственные деятели не упускали случая приобрести и умножить свои капиталы. Не кто иной, как сам Джордж Вашингтон, главнокомандующий повстанческими силами в Америке и первый президент США, деятельно и небезуспешно для себя занимался земельными спекуляциями.²

Да и сам Франклин, стремившийся «выбиться в люди» и приобрести состояние, вполне успел в этом. Своего благосостояния он добился не только трудом, но и предпринимательской деятельностью, чему, по его собственному признанию, в немалой мере способствовало его положение в обществе.³

Франклин горячо любил свою родину. Наряду с другими он много сделал для возвеличения своей страны, однако ему всегда претила национальная ограниченность или уверенность в своем национальном превосходстве. Он не сомневался в том, что высокие моральные достоинства присущи людям всех народов; он был убежден, что стоит только этим людям объединиться, как

перед их мощной сплоченной силой отступит все то, что роняет достоинство человека. Полный кипучей энергии и юношеского задора, он был уверен, что достаточно только кому-нибудь кликнуть клич, как под знамена всеобщей добродетели соберутся лучшие люди со всех концов света. Он решил сделать сам этот шаг. «На основании всего этого, — писал двадцатипятилетний Франклин, — мне представляется в настоящее время уместным создание Объединенной партии добродетели: все добродетельные и хорошие люди всех наций должны объединиться в организованную партию, руководствующуюся благими и мудрыми правилами, которым, вероятно, эти добрые и мудрые люди будут более единодушно подчиняться, чем обычные граждане подчиняются общим законам».⁴

Франклин много лет не переставал обдумывать свой грандиозный план. Каждый раз, когда ему приходила в голову какая-нибудь мысль, отвечающая этим целям, он ее записывал, имея в виду потом собрать все воедино и составить четко разработанный проект. Записки эти утеряны; Франклину не пришлось даже приступить к осуществлению задуманного. Повседневные заботы не позволили ему взяться за осуществление этого увлекательного плана, которому надо было отдаться целиком и на всю жизнь. Характерно, что, взвалив на свои плечи и управление типографией и одновременно издание газеты и Альманаха, Франклин находил все же время и для общественной деятельности в намеченном им направлении. Вначале это были простые будничные дела, о которых, как он сам писал, вероятно, и не стоило бы рассказывать, например очистка городских улиц, усовершенствование уличного освещения, ночная охрана и т. п. Тем не менее все эти полезные начинания приобретали исключительно важное значение для быстрорастущего (в масштабах XVIII в.), но неблагоустроенного центра провинции.

Один из самых больших городов Америки — Филадельфия, красиво расположенная, с широкими улицами, пересекающимися под прямым углом, в ненастную погоду утопала в грязи. Жители города мирились с этим, почти ничего не предпринимая для устранения неудобства, догадались только замостить рыночную площадь, так как после дождя она становилась непроходимой, и это приводило к почти полному прекращению торговли. Остальные

площади и улицы оставались немощеными и в сырую погоду превращались в трясину. Франклин, живя недалеко от рынка, наблюдал, как вязнут в грязи тяжелые груженые телеги. Нелегко было в ненастье и пешеходам проходить по улице. В сухую же погоду досаждала пыль, которую поднимали проезжавшие по улицам экипажи. Франклину стоило больших усилий добиться замощения главных улиц, когда же это ему удалось, то пришлось выступить в газете с призывом организовать их очистку. Современному горожанину трудно поверить, сколько энергии, труда и времени надо было потратить инициатору этого столь необходимого дела, чтобы ввести регулярную очистку улиц, притом всего два раза в неделю.

Благоприятные результаты, полученные Франклином при осуществлении этого начинания, он считал одной из первых своих серьезных удач на общественном поприще. «Я, — рассказывал он в своих записках, — нашел бедного трудолюбивого человека, который согласился содержать мостовую в чистоте, подметая ее два раза в неделю и убирая грязь перед всеми соседними дверями за шесть пенсов в месяц от каждого дома. Тогда я написал и напечатал статью, где обрисовал жителям нашего квартала выгоды, которые могут быть получены за столь малую плату: нам будет легче содержать наши дома в чистоте, ибо на ногах будет приноситься меньше грязи, повысятся доходы лавок в связи с увеличением количества покупателей, которые легче смогут добраться до них, а также благодаря тому, что в ветреную погоду пыль не будет садиться на товары, и т. д. и т. п. Я послал по одной статье в каждый дом и через день или два стал обходить соседей, чтобы узнать, кто подпишет соглашение об уплате этих шести пенсов».⁵ Очистка была обеспечена.

Столь же важным нововведением было устройство ночного освещения города. Правда, инициатива в этом деле принадлежала не Франклину, но он активно ее поддерживал и даже предложил значительное практическое усовершенствование в технике освещения. Фонари в то время обычно делали стеклянные и снабжали масляными лампадами (ведь не только электричества, но и керосина тогда еще не было); они были шарообразной формы. Франклин обратил внимание на явное их несовершенство — у них было только одно отверстие, откуда выходила копоть и продукты сгорания. Так как других

отверстий не было, то доступ воздуха к пламени был затруднен; копоть с трудом выходила, циркулировала в шаре, оседала на внутренней его поверхности. Свет фонаря быстро тускнел, и шары надо было ежедневно чистить. Кроме того, случайный удар, даже незначительный, выводил светильник из строя. Эти фонари привозили из Лондона, но ни в Англии, ни в Америке никому в голову не приходило, что их конструкцию можно изменить к лучшему. Эту задачу разрешил Франклин. Он предложил изготовить фонарь из четырех плоских стекол с трубой вверху для выхода копоти и с отверстиями внизу для свободного притока воздуха. Благодаря этому фонари оставались чистыми и сохраняли полную яркость в течение всего времени освещения, разбитые же при случайных ударах стекла легко было заменить.

Эти и другие ценные предложения по городскому благоустройству, осуществленные в Филадельфии, Франклин рекомендовал также и для Лондона, куда он вновь прибыл после тридцатилетнего перерыва.

Франклину приходилось слышать от некоторых людей, что его советы касаются лишь мелких, «низменных с виду дел», но на такое высокомерное отношение к «мелочам жизни» у Франклина был ответ: «Человеческое счастье создается не столько большими удачами, которые случаются редко, сколько небольшими каждодневными улучшениями». Как человек практический, с широким пониманием общественных интересов, он приводил такой пример: «Если вы научите бедного молодого человека бриться самому и содержать свою бритву в порядке, вы можете сделать гораздо больше для его счастья в жизни, чем если бы вы дали ему тысячу гиней. Эта сумма может быть скоро израсходована, и останется только сожаление по поводу того, что деньги так глупо растрачены, а в первом случае он избавится от частого раздражения в ожидании цирюльника, от их иногда грязных пальцев, зловонного дыхания и тупых бритв; он сможет бриться тогда, когда это ему удобно, и каждый день будет иметь удовольствие делать это хорошим инструментом».⁶

Заботу о благосостоянии своего города Франклин не оставлял до конца своей жизни; Филадельфия разрасталась на его глазах, и многие меры, содействовавшие ее благоустройству, тесно связаны с его именем.

Скопление многолюдного населения на сравнительно небольшой площади города порождает множество проблем. Одна из самых острых задач — это уберечь город от огня. Нельзя назвать, пожалуй, ни одного крупного населенного центра, который не страдал бы от пожаров. И в наши дни, когда противопожарная техника столь усовершенствована, неосторожное обращение с огнем часто имеет роковые последствия, а в относительно недалеком прошлом пожары нередко уничтожали целые города. Достаточно напомнить, что второй по величине город Америки, Чикаго, в 1871 г. был больше чем наполовину уничтожен пожаром, ущерб от которого достиг громадной суммы — 200 млн долларов.⁷ В XVIII в., когда крупные города за океаном только возникли, там не принималось никаких действенных мер против этих стихийных бедствий. Франклин первый призвал беспечных жителей Филадельфии начать всестороннюю борьбу с этим опасным врагом.

Вот что он рассказывает: «Я написал доклад (сперва предназначенный для прочтения в Хунте, но затем опубликованный) о различных случайностях и беззаботности, которые вызывают в наших домах пожары, о мерах предосторожности против пожаров, о средствах для их предотвращения. Доклад признали полезным, о нем много говорили. На его основе вскоре возник проект образовать команду для более быстрого тушения огня и для взаимной помощи в деле выноса и спасения имущества, находящегося в опасности... Наше соглашение обязывало каждого члена держать всегда в полной исправности и в постоянной готовности определенное количество кожаных ведер, крепких мешков и корзин (для упаковки и переноса вещей), которые нужно было доставлять к каждому пожару. Мы условились устраивать раз в месяц общественные собрания, на которых высказывать и обсуждать наши соображения о том, как лучше бороться с огнем, чтобы затем использовать их в случаях пожара».⁸

Этот проект Франклина увенчался полным успехом. В команду записалось больше людей, чем предполагалось, и даже более, чем было нужно. Поэтому он предложил организовать не одну, а несколько команд, что и было сделано. Команды существовали и процветали десятилетия и после смерти многих их учредителей. Об этом Франклин рассказывал через полвека после того, как команды были

созданы, когда, кроме него, в живых оставался только один человек из помогавших ему в этом деле.

Для борьбы с огнем и популяризации противопожарных средств Франклин воспользовался страницами своей газеты. Так, например, в «Пенсильванской газете» от 30 апреля 1730 г. была помещена краткая заметка, известившая читателей, что минувшей ночью в одном из районов города возник пожар, который успел уничтожить много складов и жилых зданий, нанеся ущерб в 4 или 5 тыс. фунтов. «Говорят, — заключал автор заметки, — что если бы на месте происшествия имелись хорошие помпы и прочие соответствующие приспособления, пожар можно было бы легко потушить, тем более что ветер был слабый. В настоящее время с большим успехом проводится подписка для закупки нужного городу соответствующего противопожарного инвентаря».⁹

Следует особо подчеркнуть, что первым в Северной Америке, кто подсказал мысль о страховании от пожара и практически ее осуществил, был тот же Франклин. В частности, он высказывался за разностороннюю и широкую практику страхования, в том числе за страхование жизни и урожая.¹⁰

Франклину же принадлежит и инициатива в деле реорганизации охраны города в ночное время. Она существовала и раньше, но была явно неудовлетворительной. В различных районах города нанимали констеблей,¹¹ которые брали себе в подмогу по несколько горожан, отбывавших эту повинность по очереди. Те, кто не хотел ее выполнять, платили в год по пять-шесть шиллингов констеблю, а последний подбирал себе помощников по собственному усмотрению. Желая извлечь из этого доход, констебль частенько нанимал за небольшую плату разных пьянчужек, бродяг, людей, которые думали не о выполнении взятых на себя обязанностей, а о выпивке, чему и предавались большую часть ночи. Франклин выступил в Хунте с резкой критикой этого порядка, побудившей и другие общественные организации города обратить внимание на то, что охрана города доверена проходимцам. Франклина возмущало, что, откупаясь от участия в ночных обходах, все жители вносили одинаковую плату независимо от своего имущественного положения. Так, вдова, владелица маленького домика, имевшая доход от него всего несколько десятков фунтов в год, вносила на орга-

низацию охраны столько же, сколько и богатый купец, чьи лавки и склады были набиты товарами на тысячи фунтов.

Франклин настаивал, чтобы в городе была создана правильно организованная охрана в форме регулярно оплачиваемой стражи из людей, достойных доверия, а средства на оплату их жители должны вносить пропорционально своему имуществу. Однако, как и всегда, когда дело касается кармана богачей, проект встретил ряд возражений. Прошло немало лет, пока был принят соответствующий закон.¹²

Постоянная забота Франклина об общегородских нуждах создала ему славу инициатора чуть ли не всех общественных начинаний. Например, ему приписали предложение о создании городской больницы, в действительности же это предложение исходило от местного доктора Т. Бонда,¹³ который, как врач, знал, сколь тяжело приходится бедным людям во время болезни. Среди врачей было немало самоотверженных людей, которые не только бесплатно лечили своих неимущих пациентов, но и доставляли им лекарства. Однако это не решало проблемы. Бонд предложил построить на общественных началах больницу, где бы бедняков лечили бесплатно. Ему казалось, что стоит только об этом заявить публично, и тотчас же потекут средства в необходимом количестве. Однако первые обращения к жителям Филадельфии успеха не имели. И не только потому, что толстосумы неохотно раскошеливались. Это было необычайное нововведение — ничего подобного в Америке еще не было. Мало того, среди населения были редкостью даже элементарные сведения по современной в ту пору медицине. Ведь совсем еще недавно попытки оспопрививания встречали яростное сопротивление даже в состоятельных и относительно образованных слоях общества, а на родине Франклина в Бостоне толпы людей рыскали по улицам с веревками в руках, грозясь вздернуть на столбы и деревья инициаторов этой новой профилактической меры.¹⁴ Нижняя палата Общего собрания этой колонии даже провела закон, запрещающий оспопрививание.¹⁵ Поэтому благожелательные люди, готовые поддержать новое полезное начинание доктора Бонда, сочли все же необходимым предварительно осведомиться, одобряет ли такое новшество Франклин. Последний так рассказывает об этом происшествии: «Он пришел ко мне с любезным заявлением, что он убедился

в невозможности провести в жизнь какой-либо проект, направленный на пользу общества, без моего участия. „Ибо те, — сказал он, — к кому я обращаюсь с предложением сделать взнос, часто спрашивают меня: «Вы советовались по этому делу с Франклином? Что он думает об этом?»». И когда я отвечаю им — нет, полагая, что это не по вашей части, они не подписываются и говорят, что еще подумают об этом“». ¹⁶

Естественно, что в ФранкLINE Бонд нашел самого горячего сторонника этого гуманного начинания. Распросив подробно доктора о его плане, Франклин со всей присущей ему энергией и практическим опытом в общественных делах принялся за его осуществление. Он вместе с Бондом стал обращаться к отдельным жителям Филадельфии с просьбой участвовать своими взносами в строительстве больницы. Предварительно он выступил в прессе, как он всегда делал в подобных случаях, чтобы «подготовить умы людей». Вскоре стали поступать взносы значительных размеров, однако набрать такую сумму, чтобы обеспечить полностью осуществление проекта, не удалось. Франклину стало ясно, что без дотации из бюджета самоуправления провинции больницы не построить. Он предложил подать петицию в Законодательное собрание колонии, но это не встретило необходимого одобрения — представители сельских местностей отказались поддержать петицию, указывая, что это дело чисто городское и о нем должны заботиться только жители Филадельфии. Впрочем, и среди последних многие отказали в своей поддержке.

Франклин употребил большую изобретательность и настойчивость, чтобы убедить власти оказать денежную помощь новому предприятию.

В короткие сроки было построено удобное и красивое здание, и новая больница быстро завоевала среди жителей столицы Пенсильвании репутацию лучшей лечебницы, где каждый нуждающийся мог получить своевременную и эффективную медицинскую помощь. ¹⁷

Не меньшее удовлетворение доставили Франклину результаты его активного участия в организации Пенсильванского университета, потребовавшего от него много сил и времени. ¹⁸ Город разрастался, занятость населения увеличивалась, благосостояние его повышалось, но люди даже среднего достатка были все же не в состоянии посылать своих детей учиться в метрополию или в другие

европейские страны, как это обычно делали наиболее состоятельные семьи.

О состоянии народного образования в Пенсильвании, как, впрочем, и в других английских колониях в Америке, легко можно судить по следующей заметке, напечатанной в одной из работ по истории США: «Народное образование... было в печальном состоянии. В колонии не было строго выработанной школьной системы. Школ было мало, и те представляли небольшие, грубо построенные бревенчатые домишки. Бывшие ссыльные и иностранцы часто играли роль учителей, уча и словом и плетью. Жалованье было ничтожно, и учительство не привлекало к себе лучшего элемента населения».¹⁹

Так обстояло дело с постановкой школьного образования, но не лучше было положение дел в высших учебных заведениях. Основное их назначение состояло в подготовке священнослужителей, и каждое из них специализировалось на обучении духовных «пастырей» определенного направления. Так, Гарвардский университет, старейший из всех (основан в 1630 г.), готовил священников индипендентов,²⁰ Йэльский — пуританских богословов несколько иного толка, Королевский университет (теперь Колумбийский, в Нью-Йорке) находился в руках членов англиканской епископальной церкви, Принстонский (в Нью-Джерси) находился под опекой пресвитериан,²¹ колледж Вильгельма и Марии имел своей целью готовить духовных лиц для англиканской церкви в Виргинии. Этими пятью названиями и ограничивалось число высших учебных заведений, действовавших в колониях в то время, когда Франклин взялся за организацию Пенсильванского университета.²² Разумеется, он совершенно не был озабочен проблемой пополнения числа служителей церкви, поскольку сам отрицательно относился к деятельности духовенства.

В соответствии с прогрессивными идеями, получившими в то время известное распространение, Франклин ратовал за светское воспитание юношества и внедрение гражданских, а не религиозных убеждений. Он решил выдвинуть предложение об учреждении в Филадельфии Академии — так в XVIII в. часто называли гражданские высшие учебные заведения (университеты). Это было самое грандиозное из всех начинаний Франклина; оно требовало огромных средств. На помощь государственных органов —

английского правительства, Законодательного собрания провинции, ее губернатора — можно было рассчитывать лишь в том случае, если главную тяжесть расходов на организацию такого университета возьмет на себя само население колонии. Франклин принялся поэтому в первую очередь за подготовку общественного мнения.

Он посвятил в эту идею своих наиболее «энергичных друзей», некоторые из них были членами Хунты. Зная, какое сильное влияние на формирование общественного сознания имела печать, он написал и опубликовал статью «Предложения по поводу образования молодежи в Пенсильвании», разослав ее наиболее влиятельным лицам.

Когда общественное мнение было, как он полагал, достаточно подготовлено, Франклин объявил коллективную подписку на организацию и содержание Академии. Сбор средств был рассчитан на пять лет, в течение которых каждый, кто подписался, вносил по частям ежегодно обещанную сумму. Это значительно увеличивало количество подписчиков и размер взносов. В результате была собрана огромная по тому времени сумма — пять тысяч фунтов стерлингов.

Из числа подписчиков был избран Попечительский совет Академии в составе двадцати четырех человек. Двум из них, генеральному прокурору провинции и Франклину, поручили составить Правила управления Академией. Не дожидаясь, когда будет построено специальное здание, попечители, или, как их называли, доверители, наняли помещение, пригласили преподавателей, и в 1749 г. занятия начались.

Около сорока лет Франклин бессменно состоял попечителем Филадельфийского университета и на склоне дней писал с гордостью: «За эти годы я имел величайшее удовольствие видеть, как многие молодые люди, получившие образование в этом университете, развили свои способности, выдвинулись на поприще полезной общественной деятельности и стали украшением своей страны».²³

Широкому общественному влиянию Франклина в значительной мере содействовало то, что в 1736 г. он был избран секретарем Законодательного собрания Пенсильвании. Это несколько улучшило его достаток и позволило работе в типографии отдавать меньше времени, так как должность секретаря была оплачиваемой. Заботы о типографии мало-помалу отходили на второй план в особен-

ности после того, как его бывший «очень способный, трудолюбивый и честный» работник Д. Холл стал его компаньоном и взял на себя все управление предприятием.

Через год после избрания секретарем Собрания Франклин занял еще одну платную должность. Бредфорд, столь же небрежный в общественных делах, как и в своих собственных, запутал порученное ему почтовое дело Пенсильвании; его отстранили от должности почтмейстера колонии и поручили эти обязанности Франклину.²⁴

Тем временем в жизни североамериканских колоний наступил период, насыщенный важными событиями.

Длившаяся в течение многих лет война между Англией и Испанией, к которой затем присоединилась Франция, привела к вооруженным столкновениям и на американском материке. Многие американские города, в том числе и Филадельфия, не были защищены от нападения извне. Английских вооруженных сил в Америке было мало, и население, предоставленное самому себе, должно было из своей среды выделить милицию для защиты от возможных нападений.

Губернатор Пенсильвании обратился к Собранию с предложением издать соответствующий закон об участии жителей провинции в самообороне. В Филадельфии в то время жило очень много квакеров; их вероучение запрещало им брать в руки оружие и участвовать в военных формированиях. Составляя значительную часть населения, квакеры имели в органе самоуправления решающий голос; вследствие этого призыв губернатора не нашел должного отклика.

Война как способ решения спорных международных вопросов была противна убеждениям Франклина (об этом речь будет особо), тем не менее войны оборонительные он считал справедливыми и неизбежными; по его мнению, участвовать в них были обязаны все, кому дороги интересы родины. Видя, как беспечно относятся местные жители к серьезной опасности, нависшей над родным краем, он решил обратиться к филадельфийцам с призывом создать милицию на добровольных началах и напечатал в газете статью, озаглавленную «Простая истина». В ней он ярко обрисовал беспомощное положение города и провинции перед лицом грозной опасности, которую можно предотвратить сплоченностью вооруженных гра-

ждан. Автор статьи обещал через несколько дней представить подробный план организации ополчения и призывал жителей, способных носить оружие, поддержать его путем немедленного добровольного вступления в ряды милиции. «Статья, — рассказывает он, — имела неожиданный бурный успех. Мне было предложено создать это ополчение. Разработав план с несколькими друзьями, я назначил собрание граждан в упоминавшемся раньше большом здании. Помещение было переполнено; я заготовил определенное количество печатных копий своего плана и позаботился о том, чтобы по всей комнате в разных местах имелись чернила и перья. Я обратился к собравшимся с небольшой речью, зачитал бумагу, объяснил ее, а затем роздал копии, которые без всяких возражений с энтузиазмом были подписаны».²⁵

Когда подсчитали число подписей на этих листах, то оказалось, что добровольно вступило в ополчение около тысячи двухсот филаделфийцев. С таким же призывом филаделфийцы обратились к жителям других городов и селений: в результате милиция скоро насчитывала свыше десяти тысяч человек. Все записавшиеся обзавелись, как могли, оружием, разбились на роты и полки и, избрав командиров, стали раз в неделю заниматься военной подготовкой. Патриотический подъем охватил и женщин; собрав между собою средства, они изготовили шелковые знамена и украсили их эмблемами и девизами, предложенными Франклином.

Это было мощное народное движение, и Франклин единодушно был признан его вдохновителем. Его решили избрать командиром полка, но он отказался, мотивируя свой отказ полным незнанием военного дела. Он назвал кандидатуру другого влиятельного в городе человека — Лоренса,²⁶ который, как профессиональный военный, лучше подходил для этой роли. Однако все же главным организатором филаделфийского ополчения оставался Франклин.²⁷ Тех ружей, которые принесли с собой ополченцы, было недостаточно для защиты города. Кроме того, необходимо было воздвигнуть укрепления за его чертой и установить на них артиллерию. На это потребовались большие денежные средства. По совету Франклина была организована лотерея, имевшая большой успех. Билеты быстро раскупались, и вскоре нужные средства были собраны.

Гораздо труднее оказалось приобрести пушки. Другие американские города, как например Бостон и Нью-Йорк, уже обладали необходимым тяжелым вооружением даже в избытке. В Бостоне филадельфийцы закупили несколько устарелых орудий. Но это не решало задачи. Руководители ополчения написали в Лондон, не возлагая, впрочем, больших надежд на то, что их просьба будет своевременно удовлетворена. Тем временем решили направить делегацию в Нью-Йорк и просить губернатора предоставить во временное пользование несколько пушек нового образца для Пенсильвании. В состав делегации вошел и Франклин.

Последнему пришлось пустить в ход весь арсенал дипломатических ухищрений, чтобы склонить губернатора Нью-Йорка удовлетворить просьбу филадельфийцев. Доводы, которыми Франклин подкреплял просьбу своих земляков, вкусная мадера, услаждавшая послеобеденную беседу, — все это, как потом вспоминал Франклин, располагало к уступчивости, и губернатор обещал поделиться своими ресурсами. Сперва он согласился уступить лишь шесть орудий, но, постепенно смягчаясь, он набавлял число стволов, которые готов был одолжить, пока не оставились на восемнадцать пушках. Эти превосходные орудия были доставлены в Филадельфию, и, пока длилась война, ополченцы несли при них бессменную службу. Сам Франклин, по его словам, заступал на пост на батарее как простой солдат.

Как уже отмечалось, в Пенсильвании среди прочих религиозных сект наиболее многочисленной и влиятельной была секта квакеров. Об их участии в ополчении не могло быть и речи. Однако от них в известной мере зависел успех всего предпринятого дела. В Законодательном собрании они составляли большинство, и если невозможно было ожидать от них активной поддержки мероприятий военного характера, то важно было хотя бы нейтрализовать их, ослабить силу их противодействия. Друзья Франклина предостерегали его, указывая, что его горячее участие в формировании милиции повредит ему в глазах квакеров и последние не остановятся перед смещением его с должности секретаря Законодательного собрания. Некоторые считали этот вопрос предрешенным. «Один молодой человек, — вспоминал Франклин, — также имевший друзей в Собрании и желавший заменить меня на посту секретаря, сообщил мне, что меня решено сместить на

следующих выборах, и благожелательно посоветовал мне самому уйти в отставку, что было бы более почетно, чем быть отставленным. Я ответил ему, что я где-то читал или слышал об одном общественном деятеле, принявшем за правило никогда не просить о должности и никогда не отказываться от той, которую ему предлагали. Я одобряю это правило, — сказал я, — и буду придерживаться его с небольшим добавлением: я никогда не буду просить о должности, отказываться от нее или добровольно оставлять ее. Если они желают передать мою должность секретаря другому, то они могут отнять ее у меня. Я не хочу, добровольно отдавая ее, утратить право предпринять когда-нибудь ответные меры против моих соперников».²⁸

При следующих выборах, они производились ежегодно, Франклин был снова избран на новый срок. Дело в том, что и квакеры в своем противоборстве военным начинаниям не были единодушны. Более молодые из них понимали крайнюю необходимость обороны края, но открыто выступать против «старейшин» своей секты не смели, поэтому и в Собрании они не решились бы голосовать за меры военного характера. Они были бы рады, если бы вопрос решился без них. В этом Франклин убедился, когда обсуждался вопрос об ассигнованиях на сооружение батарей. Соотношение голосов в Собрании было таково: 22 квакера и 8 представителей других религиозных толков. Казалось, вопрос был предрешен, однако против выдвинутого предложения решительно протестовал только один из представителей большинства. Он заявил, что и остальные «друзья» разделяют его взгляды и будут голосовать против. Пока шли споры, служитель вызвал Франклина вниз; там его ждали два члена Собрания из числа квакеров. Они ему сообщили, что их фракция почти в полном составе собралась в ближайшей таверне и решила голосовать за военные меры, однако было бы всего лучше, сказали они, если бы можно было обойтись без их участия в этом заседании. Франклин с этим согласился и, поднявшись наверх, заявил, что надлежит несколько повременить с голосованием, пока придут все члены Собрания, однако если они в течение часа не явятся, то нужно закончить заседание без них. Его предложение было одобрено. Через час решение было принято восемью голосами против одного.

Уловки квакеров носили подчас характер плохо замаскированного лицемерия. В тех случаях, когда средства на оборону надлежало ассигновать по указаниям верховной власти в Лондоне, против которой квакеры выступать не решались, в резолюциях Собрания это формулировалось «как отпуск сумм в пользу короны». Когда Пенсильвания решила оказать помощь соседней провинции путем посылки недостающего ей пороха, то по настоянию квакеров было принято решение оказать помощь в размере трех тысяч фунтов стерлингов, которые должны были быть вручены губернатору провинции и употреблены на покупку хлеба, муки, пшеницы «или другого зерна». Все понимали, что «другое зерно» — это порох.

Конечно, среди квакеров были честные и прямодушные люди. К ним, например, принадлежал Дж. Логен,²⁹ бывший секретарь владельца колонии Уильяма Пенна. Логен открыто одобрял все, что делалось для обороны страны, и активно помогал этому и личными средствами, и призывами к своим единоверцам. Про этого человека Франклин рассказывал следующий эпизод: «Молодым человеком мистер Логен приехал из Англии вместе с собственником в качестве его секретаря. Шла война, и их корабль подвергся преследованию вооруженного судна, как предполагалось — вражеского. Их капитан подготовился к защите, но Уильяму Пенну и его друзьям-квакерам он сказал, что не ожидает от них помощи и что они могут удалиться в каюту; так они все и сделали, за исключением Джемса Логена, который предпочел остаться на палубе, где ему поручили обслуживание пушки. Предполагаемый враг оказался другом, так что не произошло никакого сражения; но когда секретарь спустился вниз, чтобы сообщить это известие, Уильям Пенн стал укорять его за то, что он остался на палубе и вопреки принципам „Друзей“ собирался помочь в защите судна, тем более что капитан даже не требовал этого. Этот выговор, сделанный в присутствии всех остальных, обидел секретаря и он ответил: „Ведь я твой слуга, почему же ты не приказал мне спуститься вниз? Но ты сам хотел, чтобы я остался и помог вести бой с судном, когда ты думал, что есть опасность“». ³⁰

Этот рассказ Франклин приводил для иллюстрации того, в каких условиях приходилось действовать, имея дело с квакерами, даже в часы грозной опасности. Он с гор-

достью мог отметить, что усилия его и его друзей, несмотря на все возражения квакеров, дали превосходные результаты — Пенсильвания была готова превратиться в военный лагерь. К счастью, этого не потребовалось; война скоро кончилась.

Все же, несколько лет спустя, в 1754 г. отношения между Англией и Францией вновь обострились. Стало ясно, что конфликт между ними неизбежно примет серьезный характер и приведет к кровавым столкновениям. Только военная сила могла решить вопрос, кто же сохранит господство в Северной Америке: Франция, владевшая уже Канадой (тогда она называлась Новой Францией), или Англия, ставшая твердой ногой на американском континенте и основавшая свои колонии, назвав их Новой Англией.

В те годы в Америке, кроме пришлых европейцев, известную силу еще представляло и коренное население, состоявшее из индейцев различных племен. И англичане, и французы старались склонить индейцев на свою сторону. Каждая из враждующих сторон делала все для того, чтобы направить враждебные чувства индейцев в сторону своего противника. Так как последние имели более чем достаточно оснований ненавидеть чужеземцев, эта коварная политика проводилась в необычайно широких размерах. И на той и на другой стороне было немало индейцев. Отдельные их племена оказывались иногда на противостоящих фронтах, вследствие старинной племенной вражды.

Когда напряжение разногласий достигло наивысшей степени, английский парламент предписал созвать в Олбени Конгресс представителей английских колоний в Америке с участием шести племен союзных индейцев, чтобы обсудить вопросы, связанные с защитой английских поселений и индейских земель от нападений французов.

На Конгресс представителями Пенсильвании были направлены Франклин, спикер палаты представителей Норрис³¹ и владелец колонии Джон Пенн³² с его секретарем Петерсом.³³ Франклин много размышлял о дальнейшей судьбе колонии. По дороге в Олбени он составил план их объединения под одним управлением.

Это был весьма смелый план. Раньше, чем решиться предложить его собравшемуся в Олбени Конгрессу, Франклин нашел нужным обсудить его с авторитетными

представителями других провинций. Находясь проездом в Нью-Йорке, он познакомил со своим проектом двух местных деятелей, обладавших большим опытом в общественных и государственных делах, — Александра³⁴ и Кеннеди,³⁵ они энергично его поддержали. В Олбени оказалось, что не один Франклин пришел к мысли объединения колоний. Подобные же предложения привезли с собою и другие делегаты, однако одобрение Конгресса получил план Франклина.

План Франклина имел в виду объединение колоний не только против внешнего врага, он ставил своей целью сплочение колонистов и против королевского произвола. В плане Франклина отразилась воля американских поселенцев к независимости, их стремление к свободе и демократии. Но именно это и предопределило судьбу плана.

Правители Англии быстро оценили, какую опасность для английского господства в Америке представляет план, возникший в Олбени, и без колебаний провалили его, признав «слишком демократичным».

Франклин прекрасно понимал, почему его план, столь разумный и нужный колонистам, встретил холодный прием в метрополии.

«Британское правительство, — писал он потом, — не желало допустить объединения колоний в той форме, в какой оно предлагалось в Олбени, и доверить этому союзу его собственную защиту, ибо колонии могли вследствие этого стать слишком воинственными и почувствовать свою силу; к тому же оно относилось к ним в это время подозрительно и ревниво».³⁶

Потребовалось немало лет, пока Франклин и другие деятели молодой американской буржуазии убедились, что не путем соглашений и компромисса с правительством метрополии, а только посредством борьбы и военного выступления против английских колонизаторов можно завоевать свободу для своего народа и независимость для своей страны.

Напряженное положение, сложившееся в английских колониях в Америке в результате ухудшения англо-французских отношений, заставило английское правительство послать за океан генерала Брэддока³⁷ с двумя полками регулярных войск, которые должны были начать активные военные действия против французов. Брэд-

док со своими войсками высадился у Александрии в Виргинии и маршем прошел к Фредериктауну в Мериленде.

До пенсильванцев уже дошло, что генерал относится к ним с предубеждением, так как в Законодательном собрании было налицо засилие квакеров, сопротивлявшихся любым военным мероприятиям. Поэтому Собрание решило послать к Брэддоку Франклина. Ему удобнее было явиться к генералу не в качестве представителя местного самоуправления, а по своей должности генерального почтмейстера, готового предложить генералу средства почтовой связи, если последнему потребуется установить переписку с губернаторами различных провинций. Франклин охотно согласился и взял с собой своего сына Уильяма, оказавшего отцу немало услуг, так как ранее он уже некоторое время служил в английской армии.

Генерал Брэддок был неплохим военачальником, но не представлял себе, что такое война в американских условиях. К тому же он был очень самонадеянным и рассматривал предстоящую кампанию чуть ли не как военную прогулку. Франклин не был, как мы знаем, сведущ в военном деле, тем не менее он оказал генералу существенную помощь умелой организацией транспорта и своевременной доставкой войскам провизии и фуража. Направляя своего генерала за океан и поручив ему осуществление военных операций против сильного противника, английское правительство не позаботилось снабдить его перевозочными средствами и провиантом, по-видимому, что все это генерал организует на месте, за счет верноподданных колонистов. Однако последние не спешили на выручку английскому военачальнику, и в разговоре с Франклином Брэддок горько сетовал на столь неблагоприятно сложившиеся обстоятельства. Франклин обещал помочь делу и обратился к населению с воззванием, в котором с присущей ему ясностью изложения и убедительностью показал, что жители колонии непосредственно заинтересованы в победе английских войск. Основываясь на этом, автор призывал жителей оказать этим войскам посильное содействие. Кроме того, писал Франклин, каждый колонист, представивший в распоряжение английского военного командования фургон, лошадей и себя самого в качестве возчика, будет хорошо вознагражден.

Доводы, приведенные Франклином в его обращении к соотечественникам показались жителям колоний достаточно вескими, а само имя Франклина было хорошо известно, и его репутация делового человека и неподкупного деятеля всеми признана. На зов Франклина откликнулись многие сотни людей. С ними были заключены специальные контракты. Из личных денег Франклином выданы были значительные авансы. Таким образом, благодаря энергии Франклина эта часть материального обеспечения военной кампании была успешно решена. Однако дело этим не исчерпывалось. Предстояло вести военные действия в чрезвычайно трудных условиях местности при почти полном отсутствии проезжих дорог, имея в лице воевавших на стороне французов индейских племен опытного, ловкого и смелого противника, знавшего отлично местность. Франклин пытался в осторожной форме предупредить об этой опасности храброго, но неосмотрительного и самонадеянного генерала. «Я, — пишет он, — испытывал сомнения и опасения за исход кампании при мысли о том долгом пути, который должна была проделать его армия по очень узкой дороге, пробиваясь сквозь леса и кустарники, а также о том, что я читал о предшествующем поражении тысячи пятисот французов, вторгавшихся в область ирокезов. Но я лишь осмелился заметить: „Конечно, сэр, если вы благополучно доберетесь до Дюкена с вашими прекрасными войсками, так хорошо снабженными артиллерией, то форт, вероятно, окажет лишь непродолжительное сопротивление, так как он не полностью укреплен и, насколько нам известно, не имеет очень сильного гарнизона. Я предвижу только одну опасность, которая может помешать вашему маршу, — это засады индейцев; благодаря постоянной практике, они научились очень ловко задумывать и осуществлять такие засады. Необходимость вытянуться в узкую линию около четырех миль длины подвергнет вашу армию опасности неожиданных атак с фланга, и армия может быть перерезана, как нитка, на несколько кусков, которые из-за дальности расстояния не смогут во время прийти на помощь друг другу“. На это высказывание Брэддок ответил: „Эти дикари могут быть действительно опасным врагом для вашей необученной американской милиции; но, сэр, невозможно, чтобы они произвели какое-либо впечатление на регулярные и дисциплинированные королевские войска“». ³⁸

Опасения Франклина оправдались: неприятель дал возможность английским войскам приблизиться на несколько миль к цели и, встретив передовые отряды Брэддока лобовой атакой, ударами с флангов нанес им затем сокрушительный удар, уничтожив значительную часть войска и нарушив всякое управление им. Разгром был полный: из тысячи ста человек погибло свыше семисот, остальные в панике бежали, покинув доставшиеся врагу снаряжение, артиллерию, обоз и припасы. Сам генерал был тяжело ранен, и его с трудом вынесли с поля битвы. Один из его адъютантов рассказывал, что потрясенный Брэддок день молчал, а ночью произнес: «Кто мог бы это подумать?». На другой день, также после долгого молчания, он сказал: «В следующий раз мы будем лучше знать, как с ними обращаться». Через несколько минут он скончался.³⁹

Войско Брэддока состояло из двух полков. В бой был введен только один из них. Второй, под командованием некоего Дунбара, остался далеко позади. На него, по-видимому, и надеялся генерал. Однако, когда остатки уцелевших войск вошли в соприкосновение с этим полком, Дунбар, имея в своем распоряжении свыше тысячи человек свежего войска, в то время как у французов и у индейцев насчитывалось не более четырех сот человек, вместо того чтобы оказать сопротивление, повернул назад. Он старался поскорее добраться до крупных поселений и приказал уничтожить все припасы и амуницию. Франклин рассказывал об этом так: «Губернаторы Виргинии, Мериленда и Пенсильвании встретили его с просьбой разместить войска на границах, чтобы предоставить жителям некоторую защиту; но он продолжал свой поспешный марш через всю страну и почувствовал себя в безопасности лишь тогда, когда прибыл в Филадельфию, где жители могли его защитить. Все это дело внушило нам, американцам, первое подозрение, что наше высокое мнение о доблести британских регулярных войск не совсем обосновано».⁴⁰

Урок, который извлек из этого поражения английских войск Франклин и его единомышленники, обошелся лично Франклину очень дорого, так как ему не суждено было вернуть те деньги, которые он потратил из своих средств, организуя для генерала Брэддока транспорт и поставки провианта. Когда Франклин некоторое время

спустя представил новому командующему английских войск генералу Лаудону счета и документы для соответствующей оплаты, тот после долгой волокиты и всевозможных отговорок, уклонился от расчета, посоветовав ему обратиться непосредственно в лондонское казначейство. В ответ на замечание Франклина, что несправедливо чинить всякие препоны человеку, оказавшему безвозмездные услуги английской армии, Лаудон, по-видимому вполне искренно, сказал: «О, сэр, вы и не думайте убедить нас, что вы не в выигрыше; мы лучше понимаем эти дела и знаем, что всякий, кто связан со снабжением армии, находит средства и пути, чтобы при этом набить свой собственный карман».⁴¹

Когда американцы воочию убедились, что надеяться можно только на самих себя, они стали усиленно вооружаться, возведя укрепления не только вокруг городов, но и вокруг сельских поселений. Французам легко было натравливать индейцев на колонистов, потому что английские королевские войска с презрением относились к ним и своими действиями восстановили их против себя и против всех поселенцев. В результате поселения колонистов подвергались частым нападениям со стороны индейцев, а поселенцы терпели значительный урон.

Франклин в это время блестяще проявил себя как организатор фортификационных работ, которые выполнялись под его наблюдением. Он имел основания высоко оценить значение милиции, в создание которой им вложено было столько труда. Филадельфийская милиция благодаря его умелому руководству очень скоро превратилась в реальную боевую силу. Командиры воинских подразделений избрали единодушно Франклина своим полковником. На этот раз он уже не отказывался.

О полке, находившемся под его началом, Франклин впоследствии писал: «На парад мы вывели около 1200 хорошо выглядевших людей, а также артиллерийскую роту, имевшую шесть бронзовых полевых орудий. С этими орудиями наши артиллеристы научились так хорошо обращаться, что производили двенадцать выстрелов в минуту. Когда я впервые устраивал смотр своего полка, эта батарея проводила меня до дому и салютовала мне несколькими залпами у двери, в результате чего часть стеклянных приборов из моей электрической аппаратуры упала на пол и разбилась. Моя новая почетная должность оказалась не

прочнее этих приборов; вскоре все наши полномочия были ликвидированы, ибо закон о добровольной милиции был отменен в Англии».⁴²

Электрическая аппаратура, о которой упоминает Франклин, была той экспериментальной техникой, при помощи которой он в те годы проводил свои исследования, создав целый переворот в представлениях об электричестве, приведший к избавлению человечества от пагубных последствий грозových разрядов.

УЧЕНЫЙ

Кипучая общественная деятельность поглощавшая, казалось бы, все время Франклина, не могла все же отвлечь его от самостоятельных научных исследований. Он на собственном опыте убедился, сколь необходимо для этого знание иностранных языков и латыни, которая в те годы служила международным языком ученых. Конечно, знание языков было полезно и для его публицистической деятельности — чтобы стать выдающимся журналистом, надо было следить не только за одной английской прессой. В наше время трудно даже представить себе, как можно издавать газету, рассчитанную на успех, не пользуясь услугами международных телеграфных агентств, а ведь до изобретения электрического телеграфа оставалось еще более столетия. На помощь могла прийти только почта, которая далеко не всегда регулярно действовала и новости доходили с большим опозданием. Зарубежные, а часто и иногородние сообщения черпались главным образом из периодической печати. В этих условиях Франклину для выпускаемой им газеты приходилось выполнять функции издателя, редактора и обозревателя литературы.

О том, к каким средствам прибегал Франклин, чтобы овладеть иностранными языками, мы знаем из его «Автобиографии»: «В 1733 году, — писал он, — я начал изучать языки и вскоре настолько овладел французским, что был в состоянии свободно читать французскую литературу. После этого я принялся за итальянский. Один мой знакомый, также изучавший этот язык, часто приглашал меня сыграть с ним партию в шахматы. Увидев, что это отнимает слишком много времени от моих занятий, я согласился с ним лишь на том условии, что победителю в каждой партии будет предоставлено право дать побежденному задание, состоящее либо из проработки какого-либо грамматического правила, либо из перевода; выпол-

нение этого задания было делом чести для побежденного до нашей следующей встречи. Так как мы играли приблизительно одинаково, то мы, таким образом, заставляли друг друга изучать язык. Впоследствии я без большого труда настолько овладел испанским языком, что смог и на нем свободно читать».¹

Далее Франклин отмечает, что те знания латинского языка, которые он успел приобрести в начальной школе, были им почти полностью растеряны, однако, когда он овладел французским, итальянским и испанским языками, латинский дался ему без большого труда. Он рассказывает, как он обнаружил это, просматривая чье-то завещание, составленное на латинском языке.

На основании своего личного опыта Франклин пришел к выводу, что изучение языков шло бы успешнее, если начинать с живых европейских языков и на их основе овладевать древними, «классическими». Эти взгляды Франклина отличались от общепринятого тогда мнения, что основой изучения европейских языков является латынь и без овладения ею нечего и думать об успешном изучении современных европейских языков.

Овладев иностранными языками настолько, чтобы можно было свободно пользоваться литературой, Франклин получил новые источники для утоления своей ненасытной жажды знаний. Как уже отмечалось, издательское дело в руках Франклина становилось с каждым годом все более доходным; он стал уже подумывать о том, чтобы, отойдя от деловой жизни, заняться одними научными изысканиями. В английском обществе XVIII и даже XIX в. нередко встречались люди, которые, достигнув материального благополучия, обращались к научным занятиям, правда, часто бесплодным. Среди таких людей встречались и даровитые ученые, имена которых вошли в историю науки. Следовать их примеру решил и Франклин, когда его материальное положение упрочилось. «У меня, — рассказывает он, — появилась отрадная надежда, что приобретенное мной скромное, но достаточное состояние даст мне возможность пользоваться досугом для философских занятий и развлечений в продолжение оставшихся мне лет жизни».²

Когда Франклин занялся исследованием электричества, ему было сорок лет. Его пытливый ум и ранее приводил его к оригинальным решениям технических проблем.

Задолго до того, как он сосредоточил свои научные занятия над электрическими опытами, Франклин уже приобрел известность своим, изобретенным в 1742 г., «пенсильванским камином». Это была открытая печь, в которой воздух обогревался при входе, что давало значительный эффект в смысле экономии топлива и лучшего обогрева комнат. Модель такой печи он подарил своему другу Роберту Грейсу; у того была литейная мастерская, и Грейс стал по этой модели отливать части для таких каминов, которые выгодно сбывал, так как спрос на них непрерывно возрастал.

Как и многие другие новшества, это изобретение Франклина получило признание не сразу. Это побудило его выступить в печати со статьей «Отчет о недавно изобретенных пенсильванских каминах». В ней автор подробно объяснил их конструкцию и способ употребления, доказывая преимущества этих каминов перед другими способами обогрева комнат и опровергая возражения, выдвигавшиеся против их применения. В Англии тогда уже существовало патентное право, и обладание привилегией на популярное изобретение часто приносило немалые доходы. Губернатор Пенсильвании, прочитав статью Франклина, был так восхищен его изобретением, что предложил выдать ему патент на исключительное право производства каминов в течение ряда лет.³

Такое право, вероятно, в значительной мере освободило бы Франклина от материальных забот, но он решительно отверг этот способ обогащения. «Я, — писал Франклин, — отказался от этого, исходя из принципа, которым всегда руководствовался: если мы охотно пользуемся выгодами, извлекаемыми от чужих изобретений, то обязаны с такой же готовностью предоставить другим пользоваться нашим изобретением, и мы должны это делать бескорыстно, по доброй воле».⁴

Этим принципом Франклин руководствовался всю свою жизнь, и все свои научные открытия и изобретения, принесшие ему бессмертную славу, он подчинил одной цели: благу человечества. Начав изучение природы молнии и работая над конструированием громоотвода, который правильнее было бы назвать молниеотводом, Франклин ни на минуту не упускал из вида насущные практические цели своей деятельности.

На исследование электрических явлений Франклина навело случайное обстоятельство. В 1743 г. в Бостоне, где в то время находился Франклин,⁵ прибыл демонстратор физических опытов Адам Спенсер.⁶ При большом стечении публики он демонстрировал электрические опыты, которые людьми непосвященными могли быть восприняты не иначе, как чудеса. В самом деле, разве не казался чудом опыт, который впервые демонстрировал английский исследователь Грей?⁷ Он подвесил мальчика на изолирующих шнурах, наэлектризовал его, и тело мальчика стало притягивать к себе легкие листочки фольги.⁸ Еще более непостижимо было, почему электрическая искра, при помощи которой зажигали спирт и другие легко воспламеняющиеся вещества, не гасла в воде.⁹

Мысль об электрической природе молнии была высказана еще в начале XVIII в. Эта догадка принадлежит англичанину Уильяму Уоллу; она содержится в его письме секретарю Лондонского Королевского общества, в котором он излагает свои опыты. Описывая наблюдаемое им явление тихого разряда, Уолл отметил: «... треск и свет до известной степени походят на гром и молнию».¹⁰ Автор понимал, что это была лишь далеко идущая аналогия и что она покоится на шаткой базе поверхностных наблюдений. Поэтому письмо свое он закончил следующими строками: «Может быть, сэр, некоторые сочтут пустяком этот поспешный и краткий отчет о моих наблюдениях, но также смотрели, вероятно, и на притяжение магнита, когда оно было замечено впервые: незначительное само по себе явление дало возможность пытливым умам открыть другие свойства этого минерала, который затем нашел новые применения во многих странах. И я надеюсь, что появится какой-нибудь высокий и счастливый гений, который поднимет эти намеки на высоту, недоступную для меня с узкими взглядами, обреченного пребывать в тесных рамках того, что уже известно».¹¹

Рисовавшееся Уоллу будущее оказалось не столь далеким. Нашелся человек, способный научно разъяснить природу молнии. Это был Вениамин Франклин, который не только убедительно доказал электрическую природу молнии, но и отыскал средство предотвратить ее пагубные действия. Правда, потребовалось свыше четырех десятилетий, чтобы сделать это на почве, более возде-

ланной, чем та, на которую мог опереться в своих рассуждениях Уолл.

Между тем более чем за десять лет до того, как стало что-нибудь известно об «американских опытах» Франклина, Грей в 1736 г. писал: «Электричество может вызвать настоящий огонь со взрывом, а также вскипание воды. И хотя эти эффекты сейчас еще минимальны, возможно, что со временем будет найден способ собирания больших количеств электричества, а вместе с тем увеличится сила электрического огня, который, как показывают многие из опытов (если малое можно сравнить с великим) имеют ту же природу, что гром и молния».¹² Еще до того, как Франклин начал свои эксперименты, был уже изобретен «способ собирания больших количеств электричества» — «лейденская банка». Так называли до относительно недавнего времени электрический конденсатор. Этот прибор давал возможность «увеличивать силу электрического огня», но об этом важном достижении Франклин узнал лишь через несколько лет после устройства первой лейденской банки.

До встречи со Спенсером Франклин вообще ничего не знал об электричестве. «Эти опыты, — читаем мы в «Автобиографии», — касались совершенно нового для меня предмета, поэтому они изумили меня и доставили мне удовольствие».¹³

Отношение Франклина к ним отличалось от впечатления праздных зрителей, которым таинственные электрические явления казались просто забавой. Франклин заинтересовался их природой и сразу обнаружил, что Спенсер не был достаточно солидным ученым-экспериментатором. По образованию врач-акушер и, видимо, неудачник в жизни, Спенсер занялся демонстрацией физических опытов исключительно для заработка. С этой целью он и приехал в Америку и, предприняв поездки по ее городам, стал читать лекции, используя свой небольшой запас приборов для опытов по электричеству.

Рассказ о них написан Франклином спустя сорок с лишним лет. Этим объясняется неточность в изложении описываемых событий. Неточным является следующее его сообщение: «...вскоре после моего возвращения в Филадельфию наше библиотечное общество получило в подарок от мистера Петера Коллинсона, члена Лондонского Королевского научного общества, особую стеклянную

трубку. Он сопровождал ее описанием того, как ею пользоваться при подобных опытах. Я поспешил воспользоваться возможностью повторить виденное мною в Бостоне и благодаря большой практике научился с большой ловкостью производить те опыты, которые были описаны в английской инструкции, а также дополнил он своими. Я говорю о „большой практике“, потому что мой дом в течение некоторого времени был постоянно полон людьми, приходившими смотреть на эти новые чудеса». ¹⁴

Хронологическая последовательность автором нарушена года на три-четыре. Трубка была получена в 1747 г., а встреча Франклина со Спенсером в Бостоне произошла в июле 1743 г.; ¹⁵ последний в том же году выступал со своими опытами в Ньюпорте и Нью-Йорке, а затем приехал в Филадельфию, и знакомство Франклина с ним возобновилось. 26 апреля 1744 г. в «Пенсильванской газете» было напечатано объявление: «Большое число лиц подписалось на первый курс лекций д-ра Спенсера по экспериментальной философии... Он начнет свою первую лекцию в четверг, 10 мая, в 5 час.; подписка принимается в почтовом отделении, где можно получить бесплатно и программу экспериментов». ¹⁶ В Филадельфии, где Спенсер пробыл довольно долго, и в других интенсивно развивавшихся американских городах, лекции на естественнонаучные темы с демонстрацией опытов пользовались успехом. 26 июля 1744 г. было объявлено о повторном чтении им лекций: «Курс экспериментальной философии начинается в Библиотечном зале в будущий понедельник в 5 час. пополуночи; это последний курс, который будет прочитан д-ром Спенсером в этом городе. Каждый из джентльменов, подписавшийся на первый курс, может посещать и этот за половинную плату». ¹⁷

В «Автобиографии» Франклин пишет, что он купил у Спенсера всю его аппаратуру и сам стал заниматься опытами с электричеством, хотя в то время он еще не мог отдаться этим занятиям целиком, как ему того хотелось. «Общественность, — вспоминал он, — считая меня досужим человеком, завладела мною для своих целей: каждый орган нашего гражданского управления возложил на меня какие-либо обязанности, причем все это делалось почти одновременно». ¹⁸ Прошло не менее двух лет, пока Франклин получил наконец возможность посвятить себя

занятиям по изучению электрических явлений и сделать в этой области самостоятельные шаги. Это произошло в тот год, когда Библиотечное общество установило связь с П. Коллинсоном (1694—1768).

Этот английский ученый сыграл исключительную роль в жизни Франклина. Отец Коллинсона, квакер, владел крупным торговым предприятием и вел дела с Америкой. Продолжая дело отца, Коллинсон в то же время увлекался естествознанием. Он помогал Гансу Слоану в собирании его коллекции. Как и Слоан, Коллинсон завел собственный ботанический сад и культивировал в нем более пятидесяти видов американских растений. Связанный с Америкой торговыми делами, Коллинсон имел там немало друзей, с которыми вел оживленную переписку. Многих из своих заокеанских корреспондентов он побуждал культивировать такие сельскохозяйственные растения, как лен, конопля, виноград и тутовое дерево для разведения шелковичных червей, давно уже распространившиеся в Европе. Интерес Коллинсона к ботанике и его познания в этой области высоко оценил знаменитый Карл Линней,¹⁹ назвавший даже в его честь одно растение «коллинсонией». В 1720 г. Коллинсон был избран членом Лондонского Королевского общества.²⁰

Среди американских корреспондентов Коллинсона оказались несколько членов организованного Франклином Библиотечного общества, которым он оказывал помощь в их научных занятиях. Узнав от них, что в Филадельфии заинтересовались явлениями электричества, Коллинсон прислал им упомянутую выше стеклянную трубку. Ответное письмо Франклина датировано 28 марта 1747 г. Оно является первым известным нам достоверным источником о начале его работ в области электричества. Франклин писал: «Сэр, Ваш любезный подарок — электрическая трубка и указания, как ею пользоваться, побудили многих из нас заняться электрическими опытами, при проведении которых нами наблюдались некоторые новые, по нашему мнению, явления. Я уведомлю Вас о них в моем очередном письме».

Далее Франклин рассказывает Коллинсону, как увлекли его выполненные им эксперименты. «Что касается лично меня, то мне до этого никогда не приходилось проводить исследование, которое столь полно завладело бы моим вниманием и временем».²¹

Казалось, заветная мечта Франклина предаться целиком «философским занятиям»²² начинала сбываться: научные изыскания проводились им не в одиночестве, а в кругу близких товарищей, глубоко заинтересованных научными вопросами. Тем не менее нужды родного края потребовали от Франклина сосредоточить вновь главное внимание на общественно-политической деятельности. Следует подчеркнуть, что из всей своей долгой жизни исключительно исследовательской работе Франклин смог уделить лишь пять-шесть лет.

Второе письмо, которое Франклин обещал послать Коллинсону с описанием первых оригинальных опытов, было написано им лишь через три с половиной месяца (оно датировано 11 июля 1747 г.).

«В своем последнем письме, — писал он Коллинсону, — я уведомлял Вас, что при занятиях электрическими опытами мы наблюдали ряд явлений, представляющихся нам новыми, о которых я обещал Вам написать, хотя, как я предвижу, они могут быть не новыми для Вас, поскольку электрическими опытами по вашу сторону океана уже занимается множество людей, и кое-кому из них, вероятно, удалось сделать те же самые наблюдения».²³

Его опасения оказались напрасными. Американские самоучки обнаружили многое, что ускользало от внимания профессиональных ученых-экспериментаторов в Европе.

В этом втором письме Франклин называет тех из своих друзей, которые работали вместе с ним. Прежде всего Франклин называет имя Томаса Гопкинсона,²⁴ которому совместно с Франклином удалось заметить «замечательную способность заостренных предметов извлекать и испускать электрический огонь». «Поместите — писал Франклин, — чугунный шар диаметром в три-четыре дюйма на горлышко сухой стеклянной бутылки. Повесьте на тонкой шелковой нитке, прикрепленной к потолку, как раз над горлышком бутылки, небольшой пробковый шарик, величиной с горошину; длина нитки должна быть такой, чтобы пробковый шарик соприкасался с чугунным шариком сбоку. Наэлектризуйте шар, и пробковая горошина отлетит приблизительно на четыре-пять дюймов, в зависимости от количества электричества... Если в этом положении приблизить к шару острие длинного тонкого кинжала на расстояние шесть-восемь дюймов, то отталкивание мгновенно прекратится, и пробковая горо-

шина возвратится к шару. Чтобы добиться такого же действия при помощи тупого предмета, Вам придется поднести его к шару на расстояние до одного дюйма, пока не проскочит искра. Для доказательства того, что электрический огонь извлекается острием, выньте нож из деревянной ручки и закрепите его на палочке сургуча, подведите к шару на такое расстояние, как и раньше, или даже почти вплотную, и прежнего действия Вы уже не обнаружите; но достаточно провести пальцами по сургучу и коснуться лезвия, как горошина моментально устремится к шару».²⁵

Далее следует описание различных условий, влияющих на результаты этого опыта, и упоминание, что Франклин пользовался помощью и советами другого экспериментатора, Ф. Синга,²⁶ «достойного и талантливое друга (my worthy and ingenious friend)», — как он его называет.

Самое важное, что содержится в этом первом отчете о произведенных исследованиях, — это теоретические соображения. При всей краткости их изложения (Франклин торопился окончить письмо — «поскольку корабль вот-вот должен отплыть, я не успею написать Вам столь обстоятельный отчет об американском электричестве, как мне это хотелось бы») здесь нашли яркое выражение его идеи, составившие основу унитарной теории электричества, и был впервые четко сформулирован закон сохранения заряда.

Конечно, объяснить, что такое электричество, Франклин не мог, как не были в состоянии сделать это физики и столетие спустя. Со времени зарождения учения об электричестве исследователи вслед за У. Гильбертом²⁷ считали, что в порах «электрических тел» (в «диэлектриках»; только в них и умели тогда возбуждать заряды) заключена некоторая невесомая жидкость, которая при натирании устремляется наружу и, достигнув известного предела, возвращается обратно, увлекая за собой встречающиеся на пути легкие тела, как например листочки бумаги или фольги. Так возникла так называемая теория эманации, согласно которой из наэлектризованных тел вытекает электрическая жидкость или, как тогда говорили, флюид.

С накоплением новых данных, начиная с Дюфе,²⁸ стали говорить не об одной, а о двух «электрических жидко-

стях». Так зародилась дуалистическая теория электричества, при помощи которой до Франклина пытались объяснять электрические явления. Именно Дюфе принадлежит первое убедительное экспериментальное доказательство двойственной природы электрических явлений. Он в начале 30-х годов XVIII столетия предложил различать «стеклянное» электричество от «смоляного» в зависимости от материалов, на которых обнаруживаются их заряды при трении. «Как ни странно, — писал он, — но это так, и до сих пор никому это обстоятельство не бросилось в глаза. Я сам с большим трудом поверил этому и не только после того, как соображение это пришло мне в голову, но даже тогда, когда его безусловность подтвердилась результатами, с необходимостью из него вытекавшими».²⁹

Все, что писал Дюфе, казалось столь убедительным, что последующие исследователи нисколько не сомневались в том, что в природе действительно существуют два разных электричества. Казалось, что дуалистическая теория согласуется с незыблемыми законами природы, однако не прошло пятнадцати лет, и опыты Франклина позволили ему объяснить все известные тогда электрические явления, допуская существование лишь одного рода электричества — «электрического огня» (как назвал его Франклин), которым наделены все тела в природе.

Франклин так описывает опыт, послуживший основанием для этих объяснений: «Лицо *A*, стоящее на восковой подставке и натирающее трубку, передает находящийся в нем самом электрический огонь стеклу; контакту этого лица с окружающими предметами препятствует воск, поэтому запасы электрического огня в его теле не могут быть пополнены незамедлительно. Лицо *B* (тоже стоящее на подставке из воска), проводя пальцами вдоль трубки, приобретает огонь, полученный стеклом от *A*, а поскольку его соприкосновение с окружающими предметами также предотвращено, оно сохраняет полученное им дополнительное количество электричества... По отношению к лицу *C*, стоящему на полу, оба они являются наэлектризованными, ибо оно, обладая только средним количеством электрического огня, извлечет искру при приближении к *B*, у которого имеется избыток, испустит искру в направлении к лицу *A*, которое испытывает недостаток электрического огня. Если приблизятся друг

к другу A и B , то искра получится сильнее, потому что разница между ними больше. После такого соприкосновения искра между любым из них и C уже проскочить не может, потому что количество электрического огня во всех трех из них свелось к исходному. Если они соприкасаются при электризации, равновесие при этом не нарушается, так как происходит только циркуляция огня. Отсюда мы вынуждены были ввести некоторые новые термины. Мы говорили, что B (или любой предмет в таких условиях) наэлектризован положительно, а A — отрицательно, или, точнее, B наэлектризован „плюс“, а A — „минус.“ Обычно в своих опытах мы электризуем тела положительно или отрицательно, как это нам бывает нужно... Чтобы электризовать плюс или минус, требуется знать лишь только то, что части трубки или шара, которые натираются, притягивают в момент трения электрический огонь и, значит, забирают его из предмета, которым производится натирание; эти же самые части, как только прекратится их натирание, стремятся отдать полученный ими огонь любому предмету с меньшим его количеством».³⁰

Выдвинутая Франклином новая унитарная теория электричества на первых порах получила полное одобрение, но через десять лет, под влиянием некоторых новых фактов, открытых Р. Симмером,³¹ и ошибочного истолкования выводов из прежних опытов, многие исследователи вернулись к взглядам Дюфе. Между сторонниками унитарной и дуалистической теорий началась борьба, продолжавшаяся с переменным успехом на протяжении длительного времени. В конце концов воззрения Франклина, получив дальнейшее развитие и уточнение, вылились в современную стройную электронную теорию.³² При этом введенные Франклином термины «положительное» и «отрицательное» электричество сохранились до наших дней с той только поправкой, что вместо слова «электричество» ныне употребляется термин «электронный заряд».

Вскоре Франклин ознакомился с действием лейденской банки, которое он объяснил с точки зрения своей теории.

Надо отметить, что название лейденская банка не соответствует месту изобретения этого прибора, так как он сперва появился на свет вовсе не в г. Лейдене (Голландия), а в г. Комине (Восточная Пруссия). Здесь жил декан соборного капитула Э.-Г. Клейст³³ — «большой люби-

тель и покровитель естественных наук», как отозвался о нем один из ранних историков учения об электричестве Даниэль Гралат.³⁴ Именно Клейсту, посвящавшему свой досуг опытам с электрическими явлениями, лейденская банка и обязана своим зарождением.

В своем письме к немецкому ученому Иоганну Готлибу Крюгеру (тот опубликовал его в своей «Истории земли»)³⁵ Клейст писал в 1745 г.: «Я сообщу Вам то, что я еще не встречал у других авторов. Опыты, относящиеся только к электрическим забавам, могут видоизменяться на тысячу ладов. Но с ними далеко не уйдете. Если же опыты ведут к дальнейшим знаниям в области электричества, то к ним следует отнестись с должным вниманием. Я представляю на Ваше усмотрение, можно ли нижеописанные опыты отнести к указанной категории... Когда в узкогорлую медицинскую банку введен гвоздь, толстая проволока и т. п., и затем они электризуются, то следуют особенно сильные действия. Банка должна быть сухой и нагретой. Если в нее влить ртуть или винный спирт, то все явления проявляются еще ярче. Как только банку отнимают от электрического прибора, на ней показывается огненный султан, и с этой маленькой горящей машиной я сделал 60 шагов по комнате и было светло».

Однако эти наблюдения Клейста, опубликованные спустя некоторое время на латинском языке, сначала не обратили на себя того внимания, которого они заслуживали. В широких научных кругах заговорили о лейденской банке, когда с ней познакомились члены Парижской Академии наук. О новом открытии им стало известно из письма известного голландского ученого П. Мушенбрека³⁶ к видному французскому ученому Р.-А. Реомюру,³⁷ который довел о нем до сведения Парижской Академии наук в январе 1746 г. В апреле того же года Ж.-А. Ноллэ³⁸ уже докладывал в Академии о своих опытах с этим удивительным прибором. Он опубликовал их в статье «Наблюдения над некоторыми новыми электрическими явлениями».³⁹ Ноллэ установил, что форма банки и сорт стекла не влияют на успех опытов и что в банке должен находиться хороший проводник электричества, а не обязательно вода. Эффект опытов с лейденской банкой затмил все известные до того «чудеса» электричества.⁴⁰

В своем докладе Ноллэ указывал, что разряды лейденской банки можно попытаться применить в лечебных

целях. Сначала объектами таких опытов стали паралитики. Результаты казались положительными, пораженные органы действительно «ощущали сотрясение», однако ищущего действия получить, разумеется, не удалось.

Казалось, что Ноллэ был весьма близок к тому, чтобы разгадать сущность электрического конденсатора, привлекая к себе всеобщее внимание. Однако объяснить действия электрического конденсатора удалось только Франклину. Это объяснение явлений, наблюдаемых в опытах с лейденской банкой, является выдающимся событием в истории учения об электричестве.

Свои дальнейшие теоретические взгляды на природу электрических явлений Франклин подробно изложил в «Мыслях и догадках относительно свойств и действий электрической материи, вытекающих из опытов и наблюдений, произведенных в Филадельфии в 1749 г.» (посланы в качестве дополнения к письмам, адресованным П. Коллинсону). Из этого труда приведем следующие строки:

«1. Электрическая материя состоит из чрезвычайно тонких частиц, поскольку они могут пронизывать обыкновенную материю, даже плотнейшие металлы, с такой легкостью и так свободно, как если бы они не испытывали никакого заметного сопротивления.

2. Если кто-либо сомневается в том, может ли электрическая материя проходить сквозь субстанцию тел или же только скользит по или вдоль их поверхности, то удар от большой наэлектризованной стеклянной банки, прошедший сквозь его собственное тело, должен, вероятно, его убедить.

3. Электрическая материя отличается от обычной тем, что все частицы последней взаимно притягиваются, а частицы последней взаимно отталкиваются. Этим объясняется видимое расхождение в наэлектризованной струе пара.

4. Но хотя частицы электрической материи отталкивают друг друга, они сильно притягиваются всякой другой материей».⁴¹

Для Франклина весьма характерно письмо, приложенное к названному выше мемуару. «Сэр, — писал он П. Коллинсону 29 июля 1750 г., — поскольку Вы первым толкнули нас к постановке электрических опытов, прислав

нашей библиотеке трубку с указаниями, как ею пользоваться, и поскольку наш досточтимый покровитель дал нам возможность поднять эти опыты на значительную высоту своим щедрым даром в виде электрического аппарата, считаю уместным время от времени ставить Вас обоих в известность о наших успехах. Именно с этим намерением я писал и посылал Вам мои прежние письма по этому предмету в надежде на то, что они могут попасть через Вас в руки щедрому покровителю нашей библиотеки, с которым я не имею чести состоять в прямой переписке. С тем же самым намерением посылаю Вам эту дополнительную статью. Если так случится, что Вы не обнаружите в ней ничего нового (что я с готовностью допускаю, учитывая наличие в Европе необычайно одаренных людей, неусыпно проводящих те же самые исследования), она хотя бы подтвердит, что приборы, попавшие в наши руки, не находятся в забвении и что если нами и не сделано ценных открытий, то это во всяком случае не из-за недостатка прилежания и стараний.⁴²

«Электрический аппарат», упоминаемый Франклином, — это электростатическая машина, которая к тому времени приобрела уже все свои основные части — стеклянный шар (или цилиндр, а впоследствии диск), подушку (ею шар натирался при его вращении) и кондуктор, собиравший электрические заряды. Указание на то, что в Европе находится довольно много одаренных исследователей, работавших над изучением электрических явлений, свидетельствует, что Франклин был уже осведомлен о работах по изучению электрических явлений, опубликованных в литературе того времени. Он следил за книжными новинками, появлявшимися как в Англии, так и в других европейских странах.

Уже в первом письме к Коллинсону, говоря о своих опытах, поставленных в 1746 г., Франклин ссылается на вышедшее в том же году произведение известного тогда английского физика В. Уотсона,⁴³ сыгравшего потом важную роль в деле признания трудов Франклина. Он даже вступил в полемику с этим ученым англичанином, сторонником укоренившихся в то время представлений об электрических явлениях. Говоря об истолковании Уотсоном одного опыта, Франклин писал: «Нам думается, что изобретательный джентельмен впал в заблуждение, представив себе (в своей книге «Следствие»), что электрический

огонь притек по проволоке с потолка к ружейному стволу, отсюда к шару и таким образом наэлектризовал машину и человека, вращающего колесо, и т. д. Мы же полагаем, что он был *отведен*, а не поступил посредством проволоки, и что машина, человек и т. д. были наэлектризованы *отрицательно*, т. е. содержали в себе меньше электрического огня, чем окружающие предметы». ⁴⁴

В своем первом отчете Франклин указывал на то, что он и его друзья воспроизвели множество опытов, о которых сообщалось в европейской научной и общей прессе, и каждый раз им удавалось получить более сильные эффекты, как например при повторении опыта, известного под названием «электрического поцелуя», впервые описанного Г.-М. Бозе. ⁴⁵ Правда, Франклин в своих опытах пользовался уже лейденской банкой, ставшей в руках экспериментаторов мощным орудием исследований. Опираясь на свою унитарную теорию, он первый дал удовлетворительное, сохранившееся донныне объяснение действия этого прибора, вызывавшего восхищение у всех экспериментаторов.

О своих опытах с лейденской банкой Франклин сообщал уже во втором и в третьем письмах к Коллинсону (11 июля и 1 сентября 1747 г.). В этих сообщениях он указывает, что банку лучше наполнять не водой, а свинцовой дробью. ⁴⁶ Там же упоминается целый ряд экспериментов, которые были выполнены им и его друзьями, — зажигание спирта и только что погашенных свечей, электризация человека и пр. Необходимо отметить, что Франклин уже тогда правильно пользовался термином «электрическое поле». Собственно теория электрического конденсатора изложена в том письме к Коллинсону, которое содержит, между прочим, следующие слова: «Однако я не могу удержаться от того, чтобы не добавить несколько замечаний относительно чудесной банки Мушенбрека». ⁴⁷ Замечания, о которых говорит Франклин, представляют собой систематическое исследование, изложенное им в виде ряда отдельных, связанных между собой положений, каждое из которых он смог подтвердить соответствующим опытом. Таким путем он пришел к следующему ряду точно сформулированных заключений.

1. Электрическое поле внутренней обкладки ограничено стеклом и не распространяется на некоторое расстояние, как у проводников вне банки.

2. Заряды на внешней и внутренней обкладке противоположны по знаку и равны по величине.

3. Разрядить банку можно, или соединяя обкладки проводником снаружи банки, или путем постепенного переноса зарядов от одной обкладки к другой, касаясь их поочередно изолированным проводником.

4. При таком переносе нельзя извлечь простым касанием из внутренней обкладки большой заряд, если в то же время не касаться внешней обкладки другим проводником, извлекающим из нее такой же заряд противоположного знака.

5. При разрядке банки через человека заряд протекает от одной обкладки к другой и нейтрализуется.

В дальнейших опытах, описанных в четвертом и пятом письмах к Коллинсону, Франклин подробно развивает ряд новых положений, относящихся к теории конденсатора, сохранивших свое значение до настоящего времени.

Опасение Франклина, что европейские ученые уже достигли того, к чему пришли американские самоучки, были не совсем безосновательны. Из литературы он и его друзья узнали, что экспериментаторы еще до них догадались соединять банки в батарею и что для получения «лейденского опыта» стекло не должно непременно иметь форму банки. Франклин писал, что лишь впоследствии ему пришлось прочесть в упомянутой уже книге Уотсона, что «д-р Бевис еще до нас пользовался для получения искры оконным стеклом».⁴⁸

Из всего огромного числа опытов, предложенных и осуществленных Франклином и составляющих основную часть современной школьной электростатики, мы должны выделить наряду с его опытами с лейденской банкой всем известную группу опытов с так называемым Франклиновым колесом.⁴⁹ Легонькая вертушка на острие, снабженная по периферии заостренными и загнутыми в одну сторону проволочками, соединяется с электростатической машиной, дающей непрерывный приток к ней электрических зарядов. При этом вертушка начинает вращаться в сторону, противоположную направлению острий.

Этот опыт представляет первое в истории физики осуществление своеобразного электродвигателя, в котором электрическая энергия, притекающая из машины, превращается в механическую работу вращения вертушки. Между тем Франклин, воспроизводя такие эксперименты

с изумительным искусством, был очень далек от понимания их принципиальной значимости и считал их лишь эффектными, занимательными физическими опытами, возбуждавшими интерес зрителей к новому разделу науки.

Они, впрочем, до известной степени подтверждали его представление о природе «электрического огня», состоявшего из тончайших материальных частиц, неизменно присутствующих во всех телах, отталкивающих друг от друга и притягиваемых частицами вещества. В проводниках («не электриках») эти частицы могут свободно перемещаться в толще вещества, а в изоляторах («электриках») являются связанными с веществом. Это представление согласуется со всеми выводами, которые Франклин мог сделать из своих экспериментов. Замечательно, что этот поистине материалистический подход к пониманию электрических явлений поразительно близок к современной электронной теории. Он гораздо ближе к ней, чем все другие предположения о сущности электричества, которые отстаивали не только современники Франклина, но и ученые, жившие значительно позже. Его успех объясняется прежде всего его острой наблюдательностью и складом мышления — стремлением накопить сумму достоверных знаний по электричеству, не вдаваясь преждевременно в метафизическую сущность явлений.

Франклин оставил после себя целую школу физиков-экспериментаторов, с успехом продолжавших его труды. Однако никто, кроме Франклина, не ставил перед собой в такой отчетливой форме задачу извлечения практической пользы из тех достижений, которыми изучение электричества обогатило естествознание. В его четвертом письме к Коллинсону мы находим, например, такое замечание: «Немного досадно, что до сих пор мы еще не сумели сделать ничего полезного для человечества в этом направлении».⁵⁰

Реальную практическую пользу из сделанных им наблюдений Франклин извлек, когда обратился к изучению грозных явлений. Это была первая по существу серьезная попытка разобраться в явлениях природы, наблюдаемых в атмосфере, исходя из нового представления об электричестве. В трудах Франклина эта попытка вылилась в систематическое завершённое научное исследование. Полученные выводы были изложены в пятом письме, адресованном уже не Коллинсону, а другому члену Лондон-

ского Королевского общества — Дж. Митчеллу.⁵¹ Письмо это озаглавлено «Наблюдения и предположения, сделанные для разработки новой гипотезы в целях объяснения ряда явлений при грозových бурях».⁵² Мемуар начинается с нескольких обобщений, выведенных на основании многочисленных наблюдений над водой и воздухом во время предшествовавших электрических опытов.

Эти выводы начинаются с такого положения. Проводник (по терминологии Франклина — «не электрическое тело») сохраняет возбужденный в нем заряд («заряжен электрическим огнем») до тех пор, пока к нему не приблизят другой проводник («не электрик»), электрическое напряжение которого ниже. В этом случае «огонь передается с треском и распространяется поровну». Далее Франклин переходит к основным предметам своего исследования — воде и воздуху — и формулирует такое утверждение: «Электрический огонь любит воду, сильно притягивается к ней, и они могут существовать вместе». Что касается воздуха, то он является изолятором («электриком самим по себе»).

Что воздух (в сухом состоянии) действительно не воспринимает «электрического огня» и не передает его другим телам, Франклин подтверждает тем, что в противном случае ни одно тело, окруженное воздухом, не могло бы быть наэлектризовано ни положительно, ни отрицательно. Избыток заряда всегда поглощался бы воздухом, а нехватка тотчас же им восполнилась бы.

Таким образом, предметом исследования по существу становились свойства воды; дальнейшие опыты, выполненные с величайшей тщательностью, были предприняты именно в этом направлении. Первая задача, которую поставил перед собой экспериментатор, была определить, сохраняется ли заряд в парах наэлектризованной воды. Результат опыта был положительным, и Франклин делает вывод: «Если вода наэлектризована, то пар, поднимающийся из нее, тоже должен быть наэлектризован и, перемещаясь в воздухе в форме облака или в каком-либо другом виде, будет сохранять это количество электрического огня, пока не встретится с другими облаками или предметами, наэлектризованными меньше, и не передаст его».

Следовательно, грозové явления должны наблюдаться там, где скопились наэлектризованные облака. На этом

основании стало возможным проверить на опыте предположение об электрической природе молнии, высказанное в литературе еще задолго до Франклина.

Единство природы молнии и наблюдавшихся им электрических явлений Франклин счел необходимым подтвердить целым рядом различных опытов и рассуждений. Он сопоставляет форму электрической искры и молнии и указывает, что облака разряжаются тогда, когда на их пути встречаются «выступающие предметы, деревья, башни, шпицы и т. д.». Он делает при этом первый практический вывод — не следует во время грозы укрываться под деревьями. Далее он сопоставляет удары молнии и действие заземленного острия на наэлектризованное тело. В ряде весьма тщательно выполненных опытов Франклин уже раньше установил, что заряд при приближении острия постепенно стекает. Мало того, проводник, снабженный острием, не может сохранять заряд и быстро разряжается. С другой стороны, такой изолированный проводник может получить часть заряда от другого изолированного проводника, если его приблизить к острию. Франклин проделал и подробно описал множество опытов, подтвердивших это замечательное свойство острия, истинную природу которого он не мог уяснить, так как недостаточно задумывался над свойствами электрического поля. Тем не менее он отчетливо осознал его практическое значение.

Острие, соединенное с электрической машиной и имеющее заряд определенного знака, уже на расстоянии позволяло обнаруживать на других изолированных предметах наличие и знак заряда. Это и навело Франклина на мысль экспериментально доказать существование электрических зарядов на грозových облаках или, как он выражался, «извлекать электрический огонь из облаков». Техника одного из подобных опытов описана им в одиннадцатом письме к Коллинсону (19 октября 1752 г.).⁵³ В нем Франклин рассказывает о своем знаменитом змее. Этот змей был сделан из легкого шелкового платка, натянутого на крестовину из двух кедровых палочек. Шелк удобен своей прочностью: он не рвется от сырости и порывов ветра. К нижнему концу вертикальной планки был приделан обычный хвост, а к верхнему концу — прикреплена заостренная проволока, выступавшая за край, соединенная с бечевкой, за которую удерживался змей. К ниж-

нему концу бечевки были привязаны ключ и шелковая лента. Франклин подчеркивает, что было необходимо следить за тем, чтобы лента не намочла. Поэтому лицу, державшему нижний конец бечевки и ленту, надлежало находиться под крышей. Опыт со змеем следует производить при приближении грозowych туч. «Как только грозозая туча окажется над змеем, — пишет Франклин, — заостренная проволока станет извлекать из нее электрический огонь, и змей вместе с бечевой наэлектризуется, а весь ворс на бечеве взъерошится и будет, если подвести палец, притягиваться к нему. А когда дождь смочит змей вместе с бечевой, сделав их тем самым способными свободно проводить электрический огонь, Вы увидите, как он обильно стекает с ключа при приближении Вашего пальца». Это был тот знаменитый опыт, который установил навсегда электрическую природу грозowych явлений.

Дальнейшие опыты Франклина не оставляли сомнения в том, что в данном случае он имеет дело именно с электричеством. Он осуществил «лейденский опыт», зажигал спирт и воспроизводил все электрические явления, наблюдаемые обычно в экспериментах с натираемым шаром или трубкой.

Что касается последовавшего затем изобретения молниеотвода, то идея его была высказана Франклином в сочинении «Взгляды и предположения касательно свойств и действий электрической субстанции, вытекающие из опытов и наблюдений, проведенных в Филадельфии в 1749 г.»⁵⁴

То обстоятельство, что «заостренное тело» в опытах по электричеству отличается исключительным свойством передавать заряды сквозь толщу воздуха, заставило Франклина допустить, что «представление об этой способности заостренности могло бы принести известную пользу человечеству, даже если бы мы никогда не сумели объяснить ее». Франклин, пользуясь своим «сократическим» стилем изложения, пишет: «Если все это обстоит так, как я говорю, то не могут ли сведения об этой силе заостренных предметов принести пользу человечеству в деле спасения домов, храмов, кораблей и т. п. от удара молнии, побудив нас устанавливать на самых высоких местах этих зданий вертикальные железные прутики, заостренные, как игла, и позолоченные для защиты их от ржавления, а от их оснований опускать вниз проволоку снаружи здания до земли или вдоль одного из вантов корабля по борту

до воды? Не отведут ли эти острия электрический огонь из тучи тихо, быть может, еще до того, как она приблизится на ударное расстояние, и тем самым не спасут ли они от самого внезапного и ужасного зла?».⁵⁵ В этих словах, как видим, содержится не только идея молниеотвода, но и дано описание его возможной конструкции.

Познание природы в представлении Франклина заключается прежде всего в установлении новых фактов, объяснение же этих фактов он считает делом второстепенным. «Для нас, — писал он, — не столь важно знать то, как природа осуществляет свои законы, сколь необходимо знать сами эти законы. Практически важно знать, что фарфор, если из-под него убрать опору, упадет и разобьется, а то, *почему* он падает и *почему* разбивается, является предметом размышления. Конечно, было бы очень приятно знать все это, но сохранять фарфор мы умеем и без этих знаний».⁵⁶

Таким образом, в трудах Франклина мы находим первую успешную попытку широкого практического использования уже накопленных систематизированных знаний в области электричества.

Говоря о попытках Франклина практически использовать электричество, необходимо постоянно помнить, что основание, на котором он проводил свои исследования — электростатика, — было слишком ограниченной частью всего комплекса электрических явлений, чтобы, опираясь только на нее, можно было добиться технически ценных результатов. Это стало возможным только тогда, когда учение об электричестве включило в себя такую важную область, как электромагнетизм. Как известно, самое раннее достижение электротехники — электромагнитный телеграф — возникло почти тотчас же после установления реальной связи между электрическими и магнитными явлениями.⁵⁷ Лишь на базе электромагнетизма могла возникнуть и получить мощный размах современная электротехника. Тем более замечательно стремление Франклина поставить свои эксперименты на службу практическим нуждам человечества.

Уже в ту пору современники видели в лице Франклина незаурядного ученого, однако признание его трудов пришло далеко не сразу, а лишь после ожесточенной борьбы против тех, кто отстаивал теорию «двух электрических жидкостей». Понять и оценить взгляды Франклина

сначала могли лишь немногие. В числе их следует назвать прежде всего его корреспондента П. Коллинсона и еще одного или двух членов Лондонского Королевского общества.

Надо сказать, что и сам Франклин тогда еще не думал, что его исследования имеют большое научное значение. Единственная конкретная польза от них, полагал он, состояла в том, что на их основе он смог составить текст лекций, которые читал его друг Э. Киннерсли⁵⁸ вначале в Филадельфии, а затем — разъезжая по английским колониям в Америке, вплоть до Вест-Индских островов. Киннерсли был тогда безработным, и Франклин предложил ему для заработка читать лекции с демонстрацией опытов. «Я, — рассказывает Франклин, — убедил его попытаться демонстрировать опыты за плату и написал для него две лекции. В этих лекциях опыты следовали друг за другом в таком порядке и сопровождались объяснениями в такой форме, что предшествующее должно было помогать пониманию последующего. Для этой цели он добыл красивые приборы. Все мелкие инструменты, которые я грубо смастерил для себя, были изящно сделаны специальными мастерами. Его лекции хорошо посещались и имели большой успех. Через некоторое время он отправился в турне по колониям, показывая опыты в каждом столичном городе (колонии, — *М. Р.*) и зарабатывая немалые деньги».⁵⁹

Сознавая, насколько он и его друзья своими успехами в изучении электричества обязаны Коллинсону, Франклин написал ему еще несколько писем, стараясь изложить все, что им удалось наблюдать. Оказалось, что английский ученый отнесся к тому, что было сделано неизвестными в ученом мире экспериментаторами, гораздо серьезнее, чем они сами. Он решил доложить высшему английскому научному учреждению об этих новых, на его взгляд чрезвычайно важных, наблюдениях.

Вот что мы читаем в мемуарах Франклина: «Я написал ему (Коллинсону, — *М. Р.*) несколько писем с описанием наших опытов. Мистер Коллинсон прочел их в Королевском обществе, где их сперва не сочли достойными напечатания в трудах этого общества. Доклад, который я написал для мистера Киннерсли, доказывающий тождество молнии и электричества, был послан мною доктору Митчелу, моему знакомому, члену того же общества;

он ответил, что доклад был прочитан, но высмеян знатоками. Однако, когда доклады показали доктору Фозергиллу, он посоветовал их напечатать, так как нашел их слишком ценными, чтобы замалчивать. Тогда мистер Коллинсон передал их Кейву для опубликования в его „Журнале джентельмена“,⁶⁰ однако последний решил напечатать их отдельно в виде брошюры, а доктор Фозергилл написал к этим докладам предисловие. По-видимому, Кейв, как издатель, поступил дальновидно, так как с последующими добавлениями брошюра превратилась в книгу размером in quarto и выдержала пять изданий,⁶¹ а ее переиздание ничего ему не стоило.⁶² Фозергилл в своем предисловии предупреждал читателей, что описанные в брошюре наблюдения и опыты производились не с целью их опубликования, а служили только для развлечения и сообщались в разное время лишь частным образом, по большей части в форме писем на те или иные темы.⁶³

Выдающиеся труды многих ученых и изобретателей нередко вначале обращали на себя внимание не в их отечестве, а за границей. Вклад Франклина в науку впервые должным образом оценил знаменитый французский естествоиспытатель Бюффон,⁶⁴ по почину которого «Опыты и наблюдения» были переведены на французский язык ботаником Далибаром и напечатаны в Париже.⁶⁵

Однако труды Франклина встретили также и многих противников. Об этом Франклин рассказывает в «Автобиографии»: «Опубликование этих докладов задело аббата Ноллэ, преподавателя натур-философии в королевской семье, способного экспериментатора, создавшего и опубликовавшего свою теорию о природе электричества, которая была в то время в большой моде. Он сперва не поверил, что такая работа пришла из Америки, и сказал, что она, должно быть, сфабрикована его врагами в Париже в целях подрыва его системы. Позднее, уверившись в действительном существовании такой личности, как Франклин из Филадельфии, Ноллэ написал и опубликовал том писем, адресованных главным образом ко мне, защищающих его теорию⁶⁶ и отрицающих достоверность моих опытов и положений, выведенных из них.⁶⁷ Моим первым побуждением было ответить аббату, и я начал было писать ответ. Но затем я подумал о том, что моя работа содержит лишь описание опытов, которые каждый может

повторить и проверить, а без проверки их вообще нельзя защищать; что, далее, она содержит ряд соображений, высказанных в качестве предположений, а не догматических утверждений, следовательно, я не обязан защищать их. Кроме того, я понял, что диспут между двумя людьми, владеющими разными языками, затянулся бы в значительной степени из-за ошибок в переводе, ведущих к взаимному непониманию. (Многие возражения в одном из писем аббата Ноллэ были вызваны ошибкой в переводе моего доклада). Я решил предоставить мои доклады их участи, полагая, что будет лучше использовать время, которое я могу выкроить из занятий общественными делами, для производства новых экспериментов, чем для дискуссии по поводу экспериментов, уже произведенных. Поэтому я так и не ответил господину Ноллэ, и дальнейший ход событий не заставил меня пожалеть о своем молчании, так как мой друг господин Ле Руа⁶⁸ из Королевской Академии наук взял на себя мою защиту и опроверг его».⁶⁹

Примечательно то, что Ноллэ выступил со своими письмами уже после того, как воззрения Франклина были блестяще подтверждены опытами с атмосферным электричеством, выполненными во французской столице Далибаром и в Марли — Делором. Эти опыты, состоявшие в извлечении электрических зарядов из облаков, привлекли внимание публики. Делор, опытный физик, имевший аппаратуру для экспериментов, повторил то, что он называл филадельфийскими экспериментами; и после того как они были показаны королю и двору, все любопытные в Париже хлынули, чтобы повидать это зрелище.

Это была мировая сенсация. В «Санкт-Петербургских ведомостях», например, сообщалось: «В Париже 18 мая из утвержденного на 99 футов вышиною и в виноградном саду поставленного прута вытягивали многие искры через полчаса и более в то самое время, как густая туча стояла над тем местом. Сии искры совершенно походили на исходящий из фужеи огонь и причиняли такой же стук и такую опасность. Другими опытами тоже подтверждено, что помощью востроконечных прутков у громовых туч огонь отнять можно».⁷⁰

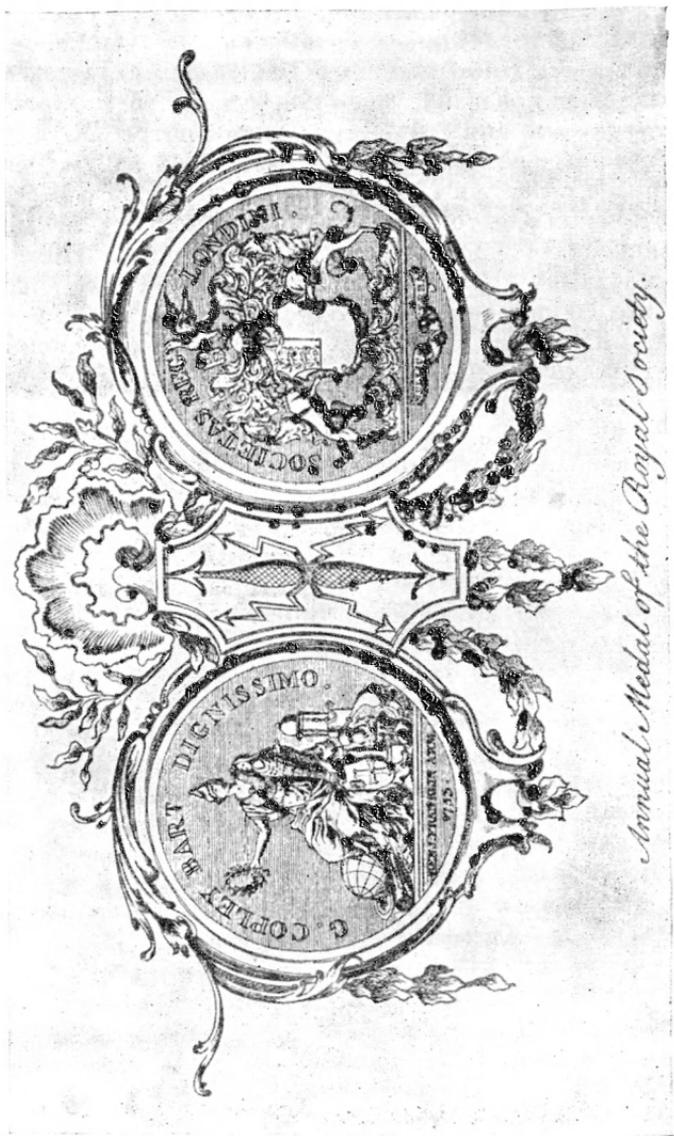
Открытие, сделанное Франклином, было ошеломляющим. Впечатление, произведенное им, можно сравнить лишь с тем, которое произвело впоследствии открытие

Рентгена. Подобно тому как х-лучи стали в конце XIX столетия предметом повсеместного изучения — тогда казалось, что физики забыли обо всем и занимались только ими, — опыты с атмосферным электричеством стали в середине XVIII столетия проводиться во всех странах, где развивалась научная мысль. Этой областью знания увлекались даже ученые, не работавшие до того над физическими проблемами. Под давлением неоспоримых фактов на смену недоверия и сомнений приходило всеобщее признание заслуг Франклина.

Изменило отношение к работам Франклина и Лондонское Королевское общество. Д-р Райт, английский врач, бывший в то время в Париже, написал своему другу, члену Королевского общества, о той высокой оценке, которую опыты с атмосферным электричеством получили среди ученых во Франции и об их удивлении, что эти работы не были отмечены в Англии. Тогда Королевское общество вновь рассмотрело письма Франклина, уже оглашавшиеся ранее. Д-р Уотсон составил резюме писем и других сообщений, посылавшихся Франклином в Англию, и сопроводил его похвалой автору. Это резюме было напечатано в трудах Лондонского Королевского общества, и некоторые члены, в частности Дж. Кэнтон,⁷¹ проверили опыт притяжения электрического заряда из облаков с помощью заостренного стержня.⁷²

Королевское общество выразило свое признание научных заслуг Франклина присуждением ему в 1753 г. высшей награды — медали Копли,⁷³ которой оно удостоивает как английских, так и зарубежных ученых за наиболее выдающиеся труды.⁷⁴ Через три года, 29 апреля 1756 г., Франклин был избран членом Королевского общества (F.R.S. — Fellow Royal Society).

Обстоятельства своего избрания Франклин, находясь в Англии, изложил в письме к своему сыну (19 декабря 1767 г.): «Я имел возможность просмотреть старые книги Совета и протоколы Общества и, полюбопытствовав узнать, как именно я был избран (меня об этом никогда не осведомляли), отыскал относящиеся к этому подробности. Дело в том, что обычно не избирают лиц, которые об этом не просили. По правилам, Обществу представляется рекомендация в пользу кандидата, подписанная по меньшей мере тремя членами, с указанием, что он добивается этой чести и имеет такую-то заслугу. Так как я ни-

Annual Medal of the Royal Society.

Медаль Копли, которой В. Франклин был награжден.

когда не просил и не ожидал этой чести, то, как я уже сказал, мне интересно было знать, как проходило это дело. Оказалось, что рекомендация, составленная в весьма лестных для меня выражениях, была написана лордом Макклсфилдом, тогда президентом, лордом Паркером и лордом Уиллоуби. Избрание было единогласным, а так как эта честь была оказана мне Обществом без просьбы с моей стороны, то оно сочло неуместным потребовать или принять обычные взносы или сочинение, так как мое имя было в списке с постановлением Совета о том, что я освобожден от каких бы то ни было уплат; поэтому от меня никогда никаких взносов не требовали. Принимаемые на общих основаниях уплачивают пять гиней вступительного и две с половиной гиней ежегодного взноса или вместо этого сразу 25 гиней. В моем случае почесть сопровождалась и материальными льготами».⁷⁵

В это время Франклин был настолько втянут в общественно-политическую жизнь страны, что его научные занятия все больше отступали на задний план. К войне с французами и индейцами прибавилась теперь острая борьба колонистов с собственниками Пенсильвании. Она достигла такого напряжения, что пришлось апеллировать к власти короля, и колония избрала Франклина своим представителем для вручения петиции королю. Франклин вынужден был надолго покинуть родину.

НАРОДНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ

В 1670 г. умер адмирал Уильям Пенн. Перед смертью он простил своего двадцатилетнего непутевого единственного сына, тоже Уильяма, который в студенческие годы (он учился в Оксфордском университете) примкнул к квакерам и стал ревностным адептом и неутомимым пропагандистом этой секты. За это он был изгнан из университета, из родительского дома и даже не избег Тоуэра, где и написал прославившее его среди квакеров сочинение «No cross, no crown» («Ни крест, ни корона»). Умирая, адмирал отказал этому своему наследнику огромное состояние и те 16 000 фунтов стерлингов, которые задолжал ему король Карл II. Последний был не в состоянии уплатить долг, и в возмещение долга молодой Пенн получил в собственность огромную территорию во владениях английского короля в Америке с чисто символическим обязательством представлять в казну в виде налога ежегодно две бобровые шкуры и одну пятую часть всего добытого там золота и серебра.¹

Эта территория была покрыта густым лесом, и новый владелец назвал ее Сильванией (Лесистая). Король к этому названию прибавил имя владельца, и вся провинция (теперь штат) стала называться Пенсильванией. Приобретенную территорию молодой квакер задумал заселить своими гонимыми единомышленниками и сторонниками других преследуемых религиозных сект, превратив ее в убежище от королевского произвола и преследований всесильной официальной английской церкви.

С целью гарантировать права — его собственные и поселенцев-квакеров — была выработана утвержденная в 1681 г. королем хартия, состоявшая из 23 разделов. По словам Франклина, разделы эти «написаны с такой искренностью и простотой, что если и потребовалось искусство для составления их, то никогда это искусство не было лучше скрыто».²

Каждый пункт хартии, казалось, был проникнут заботой и попечением виднейшего деятеля квакерского движения о своих «друзьях» и «братьях». Получив из королевских рук огромную провинцию и став таким образом «законным» и полным ее владельцем, Пенн добился признания со стороны английских властей права свободного вероисповедания как для себя самого, так и для всех жителей края.

Хотя вся территория края и являлась как бы собственностью Пенна, хартия все же ограждала поселенцев от его произвола. Раздел четвертый, призывая колонистов оказывать особое доверие Пенну, выражал «веру в его преданность, мудрость, справедливость, бережливость и предусмотрительность». «Им (т. е. Пенну и наследникам, — *М. Р.*) даруется право, — говорится в документе, — предписывать, составлять и осуществлять любые законы и за своей печатью или печатью упомянутых лиц опубликовать их; право взимать деньги для общественных нужд упомянутой провинции или же для каких-либо других целей, имеющих отношение к общественному положению, миру или безопасности упомянутой страны, или же для частных нужд определенных лиц, по их благоусмотрению; пользоваться советом, согласием и одобрением свободных жителей упомянутой страны или же большинства из них, или же их делегатов и уполномоченных, которые должны собираться вместе таким образом, какой он и они найдут наилучшим, и так часто, как это будет необходимо».³

Предоставляя право владельцу, его наследникам или их уполномоченным издавать время от времени «полезные указы», хартия оговаривала, что такие указы «не должны ущемлять, изменять или отменять права какого-либо лица или лиц, которыми последние пользуются пожизненно и которые распространяются на членов их семей и касаются земельной собственности, товаров и движимого имущества».⁴

Перед отъездом в дарованную ему провинцию Пенн опубликовал «Структуру правительства Пенсильвании в Америке». Документ этот начинается с вводной части, первые два параграфа которой, по мнению Франклина, пенсильванцы должны были всегда хранить в своей памяти. Вот их содержание:

«1. Любое правительство (какова бы ни была его структура) будет свободным в глазах народа

там, где господствуют законы и народ является частью этих законов; все, что выходит за пределы этого, есть тирания, принуждение или хаос.

2. Великой целью всякого правительства является поддержание власти, основанной на уважении к народу, и ограждение народа от злоупотребления властью, чтобы народ был свободен на основе справедливого повиновения, а магистраты уважались за справедливое правление».⁵

Согласно «структуре» административная власть в колонии осуществлялась губернатором, назначаемым владельцами на этот пост с согласия правительства Англии. При губернаторе и под его председательством, причем голос губернатора приравнивался к трем голосам, состоял Совет провинции численностью в 72 человека, избираемый свободными жителями на три срока: одна треть состава Совета на три года, другая — на два года и третья — на один год. Кроме того, известную роль играла и Генеральная ассамблея — представительный орган, отдаленно напминавший палату представителей.

На первых порах поселенцы чувствовали себя сравнительно свободно, так как ни владельцы, ни назначенный ими губернатор не покушались на их вольности. Однако наследники недолго сохраняли верность собственным обязательствам и торжественным обещаниям. Постепенно они стали все меньше считаться с народным представительством в лице Ассамблеи и повели себя как царьки, единовластно распоряжающиеся в своих владениях. Они самолично лишили колонистов прав и привилегий, принадлежавших им издавна, чем вызвали, конечно, сильное недовольство населения.

При таких обстоятельствах между очередным владельцем и колонистами постоянно возникали трения. Борьба приняла особенно острую форму во время войны с французами и их союзниками индейцами, стоившей огромных средств. Местное самоуправление потребовало, чтобы собственники также принимали участие в крупных расходах, неизбежных в условиях войны. Те отказались, считая, что это нарушает их прерогативы — собственники не подлежат де обложению никакими налогами. Хартия Карла II обязывала владельца пользоваться «советом, согласием и одобрением свободных жителей или их упол-

номоченных, когда это касается сбора денег и осуществления других мер, направленных на удовлетворение государственных и военных нужд, а также на обеспечение безопасности страны». Владельцы грубо нарушили дух и букву хартии. Они не только отказались участвовать материально в осуществлении оборонных мероприятий, но своими распоряжениями, часто преследовавшими узкокорыстные цели, парализовали усилия законодательной и исполнительной местной власти, срывали осуществление принятых решений.

В составленной Франклином записке, датированной 22 февраля 1757 г. и названной им «Доклад комитета по жалобам ассамблеи Пенсильвании»⁶ (записка была адресована английскому парламенту), содержалось перечисление и описание тех несправедливостей, которые совершались владельцами в отношении колонистов. «Владельцы этой провинции, — отмечал Франклин, — пренебрегая священной основой всех наших прав и свобод, настолько урезали и ограничили свободу действий как прежнего, так и нынешнего *губернатора* в вопросах законодательства своими незаконными, практически неприменимыми и нарушающими конституцию инструкциями и запретами, что ни один законопроект... не получает одобрения, если он не приходится по вкусу владельцу провинции и не будет им одобрен».⁷

Связывая руки местным властям «деспотическими инструкциями» и стремясь свести на нет инициативу и активность представителей народа в Генеральной ассамблее, владельцы ставили под угрозу безопасность провинции. Если бы, указывал Франклин, Ассамблея строго следовала названным инструкциям, предусматривающим вид, размер и сроки расходования необходимых ассигнований как на гражданские, так и на военные нужды, то она предала бы забвению свои самые существенные права и не была бы в состоянии выделить средства для защиты колоний.

В хартии, дарованной Пенну, он и его наследники были наделены властью осуществлять мероприятия, «относящиеся к полному установлению правосудия, учреждению судов и трибуналов, процедуры отправления правосудия и судопроизводства». Вместе с тем в хартии указывалось, что это должно делаться в соответствии с согласием народа и что «судьи и другие должностные лица занимают

свои посты *при условии хорошего поведения и ни в каком ином случае*». Однако этот пункт, как и многие другие положения хартии, остался лишь клочком бумаги. Владельцы признавали только то, что было им выгодно, а права поселенцев явно попирали. Назначенные ими судьи, зависимые от своих хозяев, выносили решения всегда в пользу тех, кому они обязаны были своими должностями. «Указанные судьи, — отмечал Франклин, — находясь под влиянием владельцев и их губернаторов, а также их фаворитов и креатур и выполняя их указания, не могут должным образом исполнять законы. Зачастую подлинный смысл законов искажается в угоду определенным целям».⁸

Из-за самоуправства владельцев, упорно уклонявшихся от участия в расходах по обороне колоний, хотя их имуществу в случае неприятельского набега угрожала более значительная опасность, чем жалкому скарбу бедняка, жители Пенсильвании несли на себе тяготы налогового обложения в большей мере, чем другие провинции, в том числе и те, которые, находясь ближе к французским владениям, подвергались в первую очередь опасности нападения извне. В упомянутом выше «Докладе комитета по жалобам ассамблеи Пенсильвании» Франклин напомнил о тех затратах, которые были сделаны населением Пенсильвании в связи со злополучным походом генерала Брэддока, о расходах, понесенных на расчистку дорог для английской армии, о суммах, отпущенных Пенсильванией для закупки продовольствия, в котором нуждались войска, расквартированные в Новой Англии. Франклин указывал также на средства, ассигнованные на поддержку жителей Новой Шотландии — английской провинции в Канаде. Признавая, что все эти затраты были крайне необходимы, почему жители Пенсильвании и мирились с ними, Франклин считал все же, что по справедливости подобные ассигнования должны отпускатся из общегосударственного бюджета. «Доклад Комитета по жалобам ассамблеи Пенсильвании», составленный Франклином, заканчивался следующими словами: «Ввиду вышесказанного наша комиссия полагает, что уполномоченным, которых собираются послать в Англию с ходатайством об исправлении многочисленных нарушений конституции, следует также поручить представить нашему всемогущественнейшему государю и палатам его парламента ходатайство об

урегулировании вопроса о различных неравномерных тяготах и лишениях, о которых упоминалось выше».⁹

Популярность Франклина не только в колониях, но и в метрополии все больше возрастала. Владельцы колонии были осведомлены о том влиянии, которое приобрел Франклин в обществе, и о его руководящей роли в сопротивлении той политике, которую они проводили. Стало совершенно ясно, что с таким человеком нельзя не считаться. Как обычно это делают власть имущие, они попытались сперва приручить столь беспокойного общественного деятеля, понимая, однако, что сделать это следует самым деликатным образом. К каким методам они прибегали, мы узнаем из рассказа самого Франклина.

Во время обострившегося конфликта между жителями Пенсильвании и ее владельцами последние направили из Англии нового губернатора капитана Денни.¹⁰ Ему и поручено было соответствующим образом «обработать» главу пенсильванской оппозиции. Случай для этого был избран как нельзя лучше. Губернатор привез из Лондона присужденную Франклину Королевским обществом медаль Копли и вручил ее на торжественном приеме, устроенном жителями Филадельфии в честь нового правителя провинции. После обеда, когда, по обычаю того времени, приступили к вину, губернатор отвел Франклина в другую комнату и завел с ним душевную беседу, рассказав, что в Англии ему рекомендовали сблизиться с Франклином как с человеком, способным давать ценные практические советы и во многом содействовать облегчению административной деятельности главы края. Поэтому, заявил губернатор, он очень желал бы установить полное взаимопонимание со своим собеседником и с своей стороны готов оказать ему всемерную помощь, в которой тот может нуждаться.

Понимая, что Франклин прекрасно отдает себе отчет, насколько невелика власть губернатора, вынужденного неуклонно выполнять волю пославшего его хозяина, Денни стал уверять его, что собственники в сущности весьма благосклонно расположены к колонии, и не преминул указать на выгоду, какую могут извлечь и губернатор и жители, в частности Франклин, если прекратится оппозиция намеченным им мероприятиям и восстановится согласие между владельцами и колонистами. Далее губернатор недвусмысленно заявил Франклину, что в Англии

известно, какое влияние он имеет в этом крае, и он может рассчитывать в знак благодарности на соответствующее вознаграждение.

На это Франклин ответил, что не нуждается в благодарности собственника и не намерен торговать своими убеждениями, но всякий раз, когда собственник выдвинет предложения, не расходящиеся с общественной пользой, а направленные на благо народа, он может смело рассчитывать на поддержку Франклина. Франклин заверил губернатора в своем стремлении оказать ему полное содействие в выполнении им его сложных обязанностей, но поставил условие: чтобы все проводимые меры отвечали общественным интересам. При этом Франклин выразил надежду, что новый губернатор не наделен инструкциями, связывающими свободу его действий и исключаящими возможность вести курс, согласный с волей народа.

Губернатор промолчал, но нетрудно было догадаться, что и после его приезда ничего нового в отношениях между владельцами и колонистами не произойдет. Действительно, как только Денни приступил к выполнению своих обязанностей и стал обсуждать вместе с членами Собрания дела провинции, выяснилось, что он стеснен теми же инструкциями, как и его предшественники. Пошли те же горячие споры, и Франклин продолжал выступать как непримиримый представитель оппозиции — устно и в печати; губернатор встретил в нем самого активного оппонента, не отступавшего ни на шаг от раз принятой линии. Однако упорное сопротивление действиям губернатора, предписаным тому свыше, не породило у Франклина личной вражды к нему. Он сразу же обнаружил, что новый правитель провинции весьма образованный человек, интересный и приятный собеседник. От Денни, между прочим, Франклин узнал о своем друге Ралфе, который успешно выбился в люди и занял видное положение среди английских писателей. Правда, поэта из него не вышло, как он мечтал в Филадельфии и в первое время, когда поселился в Англии. Популярный английский поэт того времени Поп, ознакомившись с произведениями Ралфа, отрицательно отозвался о них, в результате чего Ралф потерял охоту к стихосложению. Зато Ралф с большим успехом посвятил себя прозе и стал одним из лучших публицистов своего времени. Впоследствии Франклин, читая выступления в печати товарища своих юношеских лет, при-

знавал, что лучшего стилиста в английской литературе он не встречал.

Обстановка в колонии сложилась так, что, пытаясь сохранить хорошие отношения, каждая сторона неотступно стремилась проводить свои взгляды: Франклин — по глубокому своему убеждению, а губернатор — согласно требованиям своей службы. Не оставалось иного выхода, как апеллировать к высшим властям. «Собрание, — пишет Франклин, — поняв, наконец, что собственники упорно продолжают связывать депутатам руки своими инструкциями, несовместимыми не только с привилегиями для народа, но и со службой короне, решило обратиться с петицией к королю и назначило меня своим агентом в Англии для представления и поддержки петиции».¹¹

Это было в феврале 1757 г. Франклин быстро собрался в путь и, договорившись с капитаном первогоходящего в Англию корабля о каюте для себя, отправил туда свой багаж. Но в это время в Филадельфию прибыл главнокомандующий английскими войсками лорд Лаудон, как сообщили Франклину, специально для того, чтобы примирить губернатора с Собранием. Из этого плана ничего не вышло — согласие не было достигнуто. Между тем корабль с багажом ушел. Из-за проволочек, характерных для того времени (главным образом, по вине генерала, который в течение трех месяцев не смог подготовить почту для метрополии и все время откладывал отправление следующего корабля «на завтра»), Франклин прибыл в Лондон лишь в конце июня.

Устроившись с жильем, Франклин тотчас же отправился к д-ру Фозергиллю, принимавшему столь активное участие в издании «Опытов и наблюдений по электричеству». Фозергилл был осведомлен о делах колоний в руководящих кругах и посоветовал не обращаться сразу в высшие правительственные инстанции, а попытаться сначала поговорить с владельцами, склонив их к мирному разрешению накопившихся спорных вопросов. Близкое участие в этом принял и П. Коллинсон. Он сообщил Франклину, что крупный коммерсант из Виргинии Джон Генбург, узнав о предстоящем приезде Франклина, попросил известить, как только тот прибудет в Лондон. По словам Коллинсона, Генбург намеревается познакомить его с весьма влиятельным лицом — лордом Гренвиллом. На другой же день Генбург заехал к Франклину и отвез его

к этой знатной особе. Гренвилл оказал своему гостю «очень любезный прием», однако, когда начался разговор о деле, интересовавшем Франклина, тон лорда изменился, и в его речи послышались одни упреки. «У вас, американцев, — заявил он, — неправильные представления о нашей конституции; вы думаете, что инструкции короля его губернаторам не обязательны для исполнения и полагаете, что можете обращаться с ними по вашему собственному усмотрению. Но эти инструкции — не то, что наставления, какие даются посланнику, отправляющемуся за границу, чтобы он руководствовался ими в мелких требованиях этикета. Они сначала составляются лицами, сведущими в законах; затем их рассматривают, обсуждают и вносят в Совет, после чего они подписываются королем и становятся законом страны, ибо король — законодатель для колоний».¹²

Это заявление крайне поразило Франклина, и он тут же заметил лорду, что все сказанное им является для него «новым представлением» о прерогативах высшей власти. «Я, — продолжал он, — всегда полагал на основании наших положений, что законы должны составляться нашими ассамблеями, и хотя, конечно, должны быть представлены на утверждение короля, но после этого король уже не может взять их обратно или изменить. И как ассамблеи не могут издавать постоянных законов без его согласия, так и он не может давать им законы без их согласия».¹³

Разговор с высокопоставленным сановником сильно встревожил Франклина, так как ясно показал, насколько серьезны трудности, стоящие на его пути как представителя интересов колонии. Придя домой, Франклин тотчас же записал содержание разговора с Гренвиллем. Тревога Франклина несколько улеглась, когда он вспомнил, что лет за двадцать до того в палату общин был внесен билль с параграфом, действительно предусматривавшем, чтобы инструкции короля служили для колонии законом, но палата его отвергла. Колонисты тогда приветствовали депутатов палаты, считая их своими друзьями и друзьями свободы. Однако вскоре Франклин убедился, что право, в котором палата отказала королю, сохранилось за ней.

Фозергилл сделал все для того, чтобы встреча с собственниками состоялась, и Франклин был приглашен

в дом старшего наследника Томаса Пенна. Беседа началась с взаимных заверений в готовности к разумным соглашениям, но сразу все же стало ясно, что каждая сторона имеет собственные суждения, что следует считать разумным. Когда приступили к обсуждению перечисленных Франклином спорных вопросов, то обнаружилась полная противоположность взглядов в оценке их характера и в определении путей их разрешения. «Собственники, — писал потом Франклин, — по мере возможности оправдывали свое поведение, я же оправдывал поведение Ассамблеи. Нам казалось, что мы настолько расходимся и так далеки друг от друга в своих мнениях, что нет никакой надежды на соглашение».¹⁴

В конце концов сошлись на том, что Франклин письменно изложит основные пункты расхождений, чтобы собственники могли их рассмотреть. Франклин не замедлил это сделать. Пенны передали эту бумагу своему поверенному Ф. Д. Парису, который вел все их судебные дела, связанные с тяжбой, начатой еще 70 лет назад Уильямом Пенном и лордом Балтимором,¹⁵ собственником соседней колонии Мэриленд. «Это, — писал он (про Ф. Д. Париса, — М. Р.), — был лживый, вспылчивый человек, и когда я однажды в ответе от имени Ассамблеи отозвался о его статьях несколько сурово, а они действительно были слабы в отношении аргументации и написаны в высокопарном тоне, он стал питать ко мне смертельную вражду, которая проявлялась каждый раз, когда мы встречались. Поэтому я отклонил предложение собственников, чтобы он и я вместе обсудили главные пункты расхождений между ними и нами, и отказался говорить с кем-либо, кроме их самих».¹⁶

Собственники отвергли предложения Франклина. По совету своего поверенного, они передали подготовленный Франклином документ на заключение одного из адвокатов и главного прокурора. У этих крючкотворов бумага пролежала целый год без движения. За это время Франклин не раз обращался к собственникам за ответом, но ему неизменно говорили, что мнение адвоката и главного прокурора еще не получено. Когда же ответ был готов, то его содержания Франклину не сообщили. Собственники не хотели иметь с ним дело якобы потому, что в своем докладе Франклин, обращаясь к ним, титуловал их не так, как они хотели.

В это время, однако, в Пенсильвании произошло событие, решительно изменившее положение: Ассамблея убедила губернатора Денни издать акт, приравнивавший владения собственников к владениям поселенцев, а это было главным в споре между тяжущимися сторонами. Добившись своего, Ассамблея не сочла нужным вести дальнейшие, совсем уже бесполезные переговоры с владельцами колонии. Соответствующие инструкции направлены были представителю колонии в Лондон.

Казалось, миссия Франклина кончилась и теперь уже незачем обращаться к высшим властям, но собственники, по совету своего поверенного, решили, заручившись поддержкой короля, воспротивиться решению, принятому губернатором. В своей жалобе они указывали, что акт был издан, чтобы поссорить их с колонистами, и это неминуемо ввергнет провинцию в пучину хаоса. Франклин же опровергал жалобу и утверждал, что Ассамблея, принимая акт Денни, заложила прочные основы порядка и спокойствия в колонии. Окончательное решение в высших инстанциях было вынесено все же в пользу колоний. Единственно, что оставалось владельцам, это отстранить губернатора от его должности, что они и поспешили сделать. Тем не менее изданный губернатором акт о лишении владельцев части незаконно присвоенных ими привилегий остался в силе. Что касается Франклина и его миссии в Лондоне, то Ассамблея была вполне удовлетворена деятельностью своего представителя и по возвращении Франклина в Филадельфию (1762 г.) она выразила ему свою благодарность и наградила пятью тысячами фунтов стерлингов.

Собственники, проиграв тяжбу с колонистами, возненавидели Франклина и задались целью обезвредить его и устранить с арены политической борьбы путем дискредитаций. Через своих ставленников они добились того, что кандидатура Франклина была провалена на очередных выборах в Собрание, членом которого он бессменно состоял в течение 14 лет.

Тем не менее его популярность от этого не снизилась. В 1764 г. пенсильванская общественность решила возбудить перед метрополией ходатайство о лишении владельцев права назначать губернаторов провинции. Вручить эту петицию доверено было Франклину, которого Собрание вновь назначило своим агентом в Англию (впослед-

ствии такие же функции возложили на него и другие американские колонии). Враги Франклина встретили это назначение в штыки, и за подписью нескольких ставленников владельцев был опубликован их протест.

Франклин принял брошенный вызов и сам опубликовал ответ, названный им «Замечания по поводу недавнего протеста против назначения господина Франклина агентом для провинции Пенсильвании»,¹⁷ начав его следующими строками: «Обычно я отвечал молчаливым пренебрежением на безымянные ругательные статьи, написанные против меня, и хотя этот документ, озаглавленный „Протест“, подписан несколькими уважаемыми лицами, я все же был склонен также пренебречь и им, но поскольку в нем бросается тень на Законодательное Собрание, поводом для чего послужил я, то было высказано мнение, что сделать по поводу него несколько замечаний является моим долгом».

Выступая против избрания Франклина представителем колоний в Англии, его противники доказывали, что он является главным «возмутителем спокойствия» и «зачинщиком бунта» против «законной власти собственников».

Отвечая на эти обвинения, Франклин заметил, что не будет отрицать свое участие в борьбе против несправедливостей и притеснений, чинимых владельцами колоний и их ставленниками, но тут же уличил своих недругов в том, что они сознательно меняют местами причину и следствие. Не справедливое возмущение добрых граждан является источником беспокойства и причиной разлада в делах управления, а, наоборот, неупорядоченность управления колонией, беспокойство и смятение, царившие среди жителей провинции, вызвали брожение в умах и волнение в общественных сферах. «Сделайте еще один шаг назад, — обращался Франклин к своим противникам, — и вы убедитесь, что подлинной причиной всего нашего беспокойства и отчаяния была несправедливость со стороны владельцев, поддерживавшаяся его фаворитами и креатурами».¹⁸

Одним из важных аргументов, выдвинутых авторами протеста против назначения Франклина представителем колоний в Лондоне, была ссылка на то, что это «чрезвычайно неприятно для очень большого числа самых серьезных и почтенных жителей провинции», а непопулярность

Франклина якобы подтверждается фактом его провала на выборах в Собрание. Франклин не оставил камня на камне от этого необоснованного довода. Прежде всего он указал на то, что выбранные в Собрание его противники «получили едва ли на одно очко больше меня от почти четырех тысяч избирателей». Они были очень близки к провалу, и это свидетельствует, что они также «неприятны весьма большому числу серьезных и почтенных людей». Далее Франклин подчеркнул, что в отличие от многих депутатов Собрания, и в том числе от авторов протеста, он никогда не добивался места в этом представительном органе. Лица, выставившие его кандидатуру в первый раз, хорошо знают, что они сделали это вопреки его желанию, что он настоятельно просил их дать ему возможность заниматься общественными делами, не связывая себя официальным положением, которое отвлекало его от научных занятий, дававших столь успешные результаты. Потом, на протяжении четырнадцати лет, он ни разу никого ни прямо, ни косвенно не просил поддерживать его кандидатуру. В Совет его выбирали шесть раз даже в то время, когда он находился в Англии, когда приближенным собственников особенно было легко его опорочить. «На протяжении всего этого периода, — писал Франклин, — вы не прекращали своих тайных и открытых нападок на мою репутацию и доброе имя; и тем не менее вы ничего не достигли».¹⁹

Враги Франклина, однако не были склонны складывать оружие и пользовались для достижения цели самыми низкопробными средствами. Под руководством Франклина почтовая служба в английских колониях достигла небывалого расцвета; усилия ее организатора были по достоинству оценены и высоко награждены. Злопыхатели же распускали слухи, что Франклин, пользуясь своим положением, запускает руку в государственную казну и обирает жителей колонии. Ему предъявляли и другие столь же нелепые обвинения. То его обвиняли в жестокости, когда он выступал за решительные меры против закоренелых преступников-убийц, то его «уличали» в попустительстве врагам, когда он требовал гуманного отношения к индейцам. Возглавляя народное ополчение, Франклин сталкивался нередко со случаями решительной расправы индейцев с попавшими в их руки жителями английских колоний. Осуждая чрезмерную суровость

индейцев, Франклин вместе с тем рассматривал ее как результат той ненависти, которую сами же англичане посеяли в сознании этих коренных жителей страны, безжалостно эксплуатируя и истребляя их. Он указал, что далеко не все индейцы были на стороне французов; что были и такие, которые выступили заодно с англичанами, тем не менее неприязнь распространилась и на них, — это всегда вызывало у Франклина возмущение. Он писал: «Даже моя гуманность по отношению к находящимся под нашим покровительством невинным индейцам была занесена в список моих преступлений». Делалось это, чтобы восстановить против него тех религиозных ханжей, которых он называет «самыми жестокими из всех дикарей».²⁰

Недрузи Франклина использовали даже деклассированные элементы, подкупив их, чтобы на выборах они голосовали против него. В некоторых случаях сами выборы были фальсифицированы. «Несчастный сброд, — так называл Франклин подкупленных избирателей, — которому закон предоставлял права участия в выборах и который был готов на любые лжесвидетельства, — заставляли клясться в том, что он имеет право на голосование». Подлоги доходили до того, что появлялись «двойные списки кандидатов» и «полные ящики поддельных избирательных бюллетеней». Иными словами, уже в то время на американской почве находил применение весь тот широкий арсенал противозаконных средств, который широко применяется и ныне во время выборов в «свободном мире». Тем не менее враги Франклина желаемого успеха не добились. «Значительное большинство вновь избранного Собрания, — отмечал Франклин, — составляют старые его члены, и они остаются неподкупными. Они по-прежнему твердо стоят за народ и действительно добиваются справедливости от владельцев».

Итак, козни врагов неспособны были поколебать доверия палаты к Франклину, и он снова направился в Лондон для защиты интересов колонии. К этому времени американскому представителю было уже около 60 лет — тот возраст, когда человеку трудно расставаться с семьей, насиженным местом и родным краем, где протекала значительная часть жизни от первых неуверенных шагов на поприще трудовой, общественной и научной деятельности до высоких ступеней славы.

Франклин всегда ставил общественные интересы выше личных. Повинуясь чувству долга, он провел за границей многие годы, но из его частных писем мы знаем, каких тяжелых переживаний стоила ему жизнь на чужбине, вдали от семьи и родины. В одном из своих писем жене, отправленном из Лондона в 1758 г., он писал: «Я начинаю сомневаться в том, что мне удастся возвратиться домой раньше, чем через год. Я хочу добиться успеха в достижении цели, ради которой прибыл сюда, а это требует времени и терпения. Ты, возможно, думаешь, что я имею много развлечений и провожу приятно время. Это неверно. Уважение и дружба, которые я встречаю со стороны достойных людей, и беседы, которые я веду с умными людьми, правда, доставляют мне немало удовольствия. Однако в таком возрасте наибольшее удовлетворение доставляет лишь домашний уют. Нелегкая разлука с моим семейством и постоянное стремление соединиться с ним вызывают во мне чувство грусти, даже когда я нахожусь в веселом обществе».²¹

Этот же мотив повторяется и в другом письме, адресованном Деборе Франклин, в том же 1758 г. «Приятные беседы и знаки внимания, оказываемые мне известными здесь людьми, служат для меня утешением в моей горестной разлуке с семьей и друзьями, но я не оставался бы здесь и одной недели, если бы не сознание того, что я служу здесь моей Родине, и надежда на то, что я справляюсь со своими задачами».²²

Уже в первый период своего пребывания в Лондоне в качестве представителя колоний Франклин осознал всю трудность поставленной перед ним задачи; руководящие деятели английского правительства понимали, что борьба колоний против самоуправления семьи Пеннов неизбежно перерастет в общее выступление против деспотической власти Англии над своими заокеанскими колониями. В этом смысле чрезвычайно характерен разговор, происходивший в 1760 г. между верховным судьей Англии Праттом и Франклином. «Что бы вы, американцы, ни говорили о вашей лояльности, — сказал Пратт, — несмотря на вашу хваленую приверженность, в один прекрасный день вы провозгласите независимость». «Американцы и в мыслях не имеют подобной идеи, — возразил Франклин, — и не будут иметь, если вы их грубо не оскорбите».

«Совершенно верно, — ответил Пратт, — я думаю, это случится и вызовет события».²³

В эту поездку Франклина в Англию, где он на посту представителя колонии пробыл около десяти лет, ему пришлось иметь в качестве противника уже не частных, хотя и высокопоставленных особ в лице членов фамилии Пеннов, а все королевское правительство Великобритании, с которым американские колонии вступили в затяжной, острый, ожесточенный и далеко идущий конфликт. Гнет метрополии все больше давал себя знать; различными мерами сковывалось развитие промышленности в колониях с целью заставить их покупать английские товары. Поэтому торговля с метрополией наносила ощутительный ущерб экономическим интересам колоний. Импорт английских товаров в Пенсильванию в десять раз превышал ее экспорт в метрополию. Доходы, которые колония получала от продажи своих изделий в другие части света, уплывали в Англию. Платить приходилось звонкой монетой, а в Америке тогда еще не было добычи ни серебра, ни золота; задолженность жителей колоний непрерывно возрастала. Разорительным для колоний было и постановление английского кабинета, запретившего экспорт американского зерна в другие страны.

Пока велась борьба с владельцами, внимание и силы Франклина и всей пенсильванской общественности было приковано к ней, а после того как гнет Пеннов был ликвидирован, патриоты Пенсильвании во всеулышанье стали говорить о притеснениях со стороны самой верховной власти. Франклин был в первых рядах тех, кто защищал народные интересы. Борьбу он вел всеми доступными ему средствами. Среди них значительное место занимали его выступления в печати, преимущественно в сатирическом жанре. К таким произведениям относится заметка «О цене на хлеб и управлении бедными»,²⁴ написанная в 1766 г. В ней со всей обнаженностью показаны пагубные последствия политики английского правительства по отношению к колониям.

Заметка написана в первом лице — речь ведется от имени американского фермера и обращена к «уважаемой публике». «Я, — говорит фермер, — один из представителей того класса людей, который всех вас кормит, а в настоящее время всеми вами оскорбляется; короче — я фермер». Рачительные американские фермеры своим

упорством и трудолюбием добились огромных успехов в деле развития сельского хозяйства. На поверхностный взгляд казалось, что фермеры благоденствуют, и в английской прессе того времени малосведущие авторы писали, что земледельцы чуть ли не самые обеспеченные жители колоний.

Между тем положение фермеров становилось все более и более тяжелым. Продуктов сельского хозяйства производилось значительно больше, чем требовалось для удовлетворения местного рынка, и они, естественно, продавались по низким ценам, раз «мудрость правительства», как выразился фермер, запретила их экспорт.²⁵

Не лучше обстояло дело и с другой отраслью сельского хозяйства — овцеводством. По английским законам, фермеры могли продавать шерсть только в метрополию. Этим воспользовались владельцы шерстепрядильных фабрик, державшие цены на шерсть на таком низком уровне, что фермерам стало невыгодно разводить овец. «За шерсть, — говорит автор устами фермера, — я получил бы лучшую цену, если было бы дозволено продавать ее на иностранных рынках; но это, господа публика, не разрешается вашими законами. Я должен все держать дома, чтобы наши дорогие фабриканты могли покупать подешевле. А потом, уменьшив таким образом доходы от разведения овец, вы проклинаете нас за недостаток баранины!»²⁶

Недовольство американских колонистов политикой английского правительства накапливалось в течение длительного времени, но вырвалось с большой силой наружу благодаря одному случайному происшествию, казалось бы не очень важному и малозаметному. По окончании семилетней войны, чтобы пополнить опустошенную казну, английское правительство решило ввести в колониях гербовый сбор. Считая себя лояльными английскими подданными, колонисты постоянно откликались на нужды королевства, особенно, когда ему угрожала опасность извне, и всегда утверждали налоги, вызванные неотложными требованиями. При этом решения о налогообложении принимались провинциальными собраниями. Новый же налог — гербовый сбор — был установлен правительством метрополии без всякого участия органов самоуправления колоний. В этом поселенцы увидели посягательство на их исконные права, что и вызвало бурю возмущения, дохо-

дившего в иных случаях до открытого сопротивления.

Все американские колонии единодушно потребовали отмены закона об этом сборе. Возникло мощное народное движение, участники которого называли себя «сынами свободы». В октябре 1765 г. представители девяти колониальных собраний собрались в Нью-Йорке на Конгресс, составивший соответствующую петицию на имя английского парламента. Представить и отстаивать ее был уполномочен Франклин, находившийся в Лондоне. В связи с этим он был вызван в палату общин и подвергнут обстоятельному допросу. Франклину пришлось защищать достоинство и честь колоний перед членами палаты, хорошо понимавшими, в каком направлении развиваются события в Америке, и знавшими, какую выдающуюся роль играет в этом движении человек, стоявший перед ними. Франклин на этом допросе показал себя вполне зрелым и мужественным политическим деятелем. Его исчерпывающие, убедительные и умные, очень меткие и остроумные ответы много способствовали разоблачению противозаконности гербового сбора и убедили палату в необходимости во имя сохранения хотя бы временной целостности империи отменить злосчастный акт. «Допрос» был полностью опубликован только через год.²⁷

Этот документ является одним из важнейших источников для изучения раннего этапа освободительного движения в американских колониях и в то же время яркой характеристикой Франклина как отважного народного представителя, способного устоять перед самыми изощренными хитросплетениями казуистов, которые допрашивали его в парламенте. Целью последних было показать, что в колониях кучка смутьянов учинила беспорядки из злого умысла, не имея для этого ни оснований, ни оправданий. Первый вопрос гласил: «Платят ли американцы какие-нибудь значительные налоги у себя в стране?». Ответ был утвердительный, причем Франклин добавил, что этих налогов много и что они обременительны. Налоги взимаются со всякого рода имущества — движимого и недвижимого. Налогом облагаются в соответствии с доходами — люди всех должностей и профессий.

На вопрос: «Каково было настроение Америки по отношению к Великобритании до 1763 года?» — Франклин ответил: «Самое лучшее, какое только может быть. Население охотно покорилося королевскому правитель-

ству и было послушно в своих судах законам парламента. Как ни многочисленно население многих старых провинций, вам ничего не стоило держать его в подчинении... Англия управляла им с помощью всего лишь небольшого количества перьев, чернил и бумаги; его буквально водили на веревочке. Оно питало не только уважение, но и любовь к Великобритании, к ее законам, обычаям и нравам... К уроженцам Англии относились с особым почтением; принадлежность к *Старой Англии* сама по себе создавала репутацию человека достойного уважения, и как бы ставила такого человека над нами».

Когда же последовал вопрос: «А каково настроение сейчас?», — то Франклин, не задумываясь, сказал: «О, сейчас оно сильно изменилось». «Они, — говорил Франклин о своих соотечественниках, — считали парламент великим оплотом и гарантией их свобод и привилегий и всегда говорили о нем с величайшим уважением и благоговением... Они с благодарностью вспоминают убедительный пример этого, когда в парламенте был внесен билль, содержащий пункт, который предусматривал, что королевские инструкции должны стать в колониях законами, и который палата общин не приняла и отклонила».²⁸

Но те времена миновали. Теперь, говорил Франклин, парламент, в котором колонии лишены представительства, рассматривает их как источник, откуда можно выкачивать средства по произволу. Это нашло выражение в ряде незаконных актов: в стеснениях, чинимых за последнее время американской торговле, что помешало притоку в колонии иностранного золота и серебра; в запрещении колонистам выпускать у себя бумажные деньги, а затем в установлении нового унижительного и крайне стеснительного гербового налога, причем одновременно были отменены суды присяжных и колониям было отказано в приеме и разборе их смиренных петиций. Отсюда и утрата былого уважения к парламенту.

Каждый ответ Франклина свидетельствовал о непоколебимой решимости его соотечественников бороться за свои поруганные права. Когда кто-то из членов палаты общин заговорил было о применении военной силы по отношению к строптивым колонистам, Франклин заметил: «Если в Америку будет послан военный отряд, он не найдет у нас ни одного вооруженного. Что же ему тогда останется делать? Он не может заставить покупать марки

(гербовые, — *М. Р.*) того, кто решил обойтись без них. Он не найдет здесь мятежа, но, несомненно, сможет его вызвать».²⁹

Английское правительство на этот раз отступило, отменив закон о гербовом сборе. Таким образом, в то время дело не дошло до мятежа, но эгоистическая и близорукая политика английских правящих кругов потом все же его спровоцировала. Вооруженному восстанию, сыгравшему решающую роль в истории освободительного движения колоний, предшествовала длительная борьба. Франклин был в числе тех, кто активно в ней участвовал, являясь в метрополии представителем уже не одной, а всех американских колоний. Его участие в освободительном движении не ограничивалось выполнением официальных поручений. Как уже отмечалось, немалую услугу делу освобождения оказало и его перо, из-под которого выходили разящие сатирические произведения, направленные против британского господства. Выдающуюся роль среди этих сочинений Франклина сыграли две сатиры: «Как из великой империи сделать маленькое государство. Правила, преподанные министру при вступлении его в должность»³⁰ и «Эдикт прусского короля».³¹

В первом из названных произведений высмеяны меры английских твердолобых правителей, неумная политика которых по отношению к колониям, казалось, была направлена специально на расшатывание и ослабление Британской империи путем восстановления против нее богатейших ее частей — заокеанских владений. Повествование ведется от лица «мудрого» государственного деятеля, все усилия которого преследуют цель максимально уменьшить империю, ибо, как он глубокомысленно полагает, государством будет тем легче управлять, чем оно меньше. Поэтому главной задачей является сокращение размеров империи. Достичь этого можно последовательным отсечением одной части за другой. Нужно постоянно помнить, поучает он своих министров, что «большую империю, как большой пирог, легче всего обламывать по краям».

На первых порах следует, как подсказывает опыт, сосредоточить все внимание на отдельных провинциях и избавиться от них; за ними последуют другие. Лучшим средством для достижения этой цели является предотвращение единения провинции с метрополией. Для этого

нужно лишить провинции всяких прав. Надлежит неукоснительно заботиться о том, чтобы провинции «управлялись посредством более строгих законов, издаваемых только вами, причем не следует допускать их к какому-либо участию в выборе законодателей. Тщательно создавая и сохраняя такие различия, вы (придерживаясь моего сравнения с пирогом) будете действовать, как мудрый кондитер, который, чтобы облегчить себе резание пряника, заранее делает насечки на тесте в тех местах, по которым он должен разломать готовый пряник на отдельные части».³²

На пути к достижению этой цели, т. е. распылению обширной империи, могут, по мнению «мудрого правителя», встретиться немалые трудности. Главная из них — привязанность жителей провинции к метрополии, их убеждение, что они составляют вместе с жителями метрополии один народ и соответственно этому должны избегать всего, что вносит рознь между ними и нарушает их единство. Такие настроения опасны, но с ними можно справиться. Правитель наставляет своих министров: «Как бы миролюбиво ни подчинялись ваши колонии вашему правительству, какую бы ни проявляли преданность вашим интересам, как бы терпеливо ни сносили свои обиды, вы должны предполагать, что они *всегда* склонны к мятежу, и обращаться с ними соответственно. Расквартировывайте там ваши войска, которые своей наглостью могут спровоцировать восстание простого люда, и подавляйте эти восстания пулями и штыками этих войск. С помощью этого средства, подобно мужу, который из-за подозрения дурно обращается с женой, вы со временем сможете превратить ваши подозрения в действительность».³³

Еще большее возмущение народа могут вызвать назначаемые сверху правители провинции — губернаторы и судьи. Здесь нужен тщательный отбор, потому что от действий правителя зависит мнение народа о верховной власти. Если в провинцию будет послан на должность губернатора человек мудрый и хороший, и он, выполняя свои обязанности, глубоко заинтересуется управляемой им провинцией, вникнет в ее нужды и будет содействовать благосостоянию поселенцев, если к тому же губернатор еще образован и честен, то поселенцы будут считать, что и король обладает такими же качествами, и это

может сильно привязать колонии к метрополии, т. е. привести к обратным результатам. Отсюда следует директива: «Вы должны быть осторожны в выборе тех, кого вы рекомендуете на эти должности. Если вам удастся найти расточителей, промотавших свои богатства, игроков, разоренных картами или игрой на бирже, — то они вполне подойдут на должность губернаторов; ибо будут, очевидно, алчными и возбудят народ своими вымогательствами... На должность верховных судей подойдут письмоводители адвокатов и стряпчие из Ньюгейта, в особенности если они будут занимать свои посты до тех пор, пока это будет вам угодно; и все они будут содействовать внедрению таких представлений о вашем правительстве, какие подобают для народа, который вы желали бы заставить отказаться от этого правительства».³⁴

В памфлете содержится ряд «правил», выполнение которых, по мнению правителя, обеспечит успех задуманного дела. Разумеется, правила эти одно другого нелепее, и могли они быть подсказаны только больным мозгом, но Франклин — автор памфлета — и ставил своей целью показать губительную бессмысленность той политики, которую правящие круги Англии в угоду своим эгоистическим интересам проводили по отношению к своим колониям.

В этом же плане написан Франклином памфлет «Эдикт прусского короля», увидевший свет в 1773 г. Франклин подверг здесь уничтожающей критике экономическую политику Англии, поработившей свои американские колонии. На их место он поставил Британские острова, являющиеся будто бы провинцией Пруссии, чтобы показать англичанам, как «сладко» бы им жилось, если бы они испытывали на себе все последствия произвола и тирании, исходящие от метрополии.

«Мы, Фридрих, Божьею милостью король Прусский, и прочая и прочая, желаем доброго здоровья всем, кто ныне есть и будет (*à tous présents et à venir*), — такими словами начинается „Эдикт“. — Мир, который сейчас царит во всех наших владениях, дал нам возможность заняться урегулированием торговли, улучшением наших финансов и в то же время облегчением налогового бремени, лежащего на наших прусских подданных. По этим причинам, а также по другим благим соображениям, нас к тому побудившим, настоящим объявляем, что, обсудив эти дела в нашем Совете в присутствии наших любезных

братьев и других высших государственных чиновников, членов этого Совета, мы, основываясь на нашем несомненном знании истинного положения вещей, на всей полноте нашей власти и наших королевских правах, составили и издали настоящий эдикт».³⁵

С целью пополнения разоренной казны, говорится далее в «Эдикте», на все виды торговли колоний налагаются пошлины, и для этого все корабли, направляющиеся в какие-либо иноземные порты или оттуда в колонию, должны заходить в главный прусский порт Кенигсберг, «чтобы подвергнуться там разгрузке, досмотру и обложению означенной пошлиной». Назначение колоний — не только служить объектом для сбора налогов. Не менее важно и то, что они являются потребителями товаров метрополии, и в первую очередь продукции металлодобывающей промышленности. Правда, в самих колониях найдены месторождения железа и сооружены предприятия для его выплавки, но с этим не следует считаться. «Настоящим предписываем, чтобы отныне на означенном острове Великобритании не сооружались и не продолжали работать ни один стан или другой инструмент для резания или проката железа, ни одна кузница для работы хвостовым молотом, ни один горн для производства стали. Настоящим также повелевается лорду-наместнику каждого из графств на означенном острове при получении известий о таких сооружениях в пределах его графства приказывать и с помощью силы заставлять сносить и уничтожать их под страхом личной ответственности перед нами за невыполнение сего».³⁶

В виде особой милости колонистам разрешалось привозить добытое железо в метрополию и в обработанном виде перевезти его обратно, заплатив метрополии, разумеется, за произведенные работы, равно как и комиссионные издержки, фрахт и страховку за перевозку груза туда и обратно.

Второй важной статьёй колониального импорта была шерсть. В условиях развития шерстяной промышленности в метрополии колониям запрещалось в каком бы то ни было виде вывозить ее не только за море, но из одного графства в другое. Все, что производилось в широких масштабах в метрополии и предназначалось для экспорта, должно выдвигаться в колониях в самых ничтожных размерах.

Печальную известность в свое время приобрело распоряжение английского правительства относительно выделки шляп, которые американцы, следуя моде, стали носить. Метрополия решила извлечь и из этого наибольшие выгоды, запретив производство шляп в колониях. Поэтому Франклин в свою сатиру вставил такие строки: «Мы настоящим строго повелеваем и предписываем, чтобы ни шляпы, ни какие бы то ни было фетровые изделия, окрашенные или неокрашенные, отделанные или неотделанные, не грузились на какие-либо суда, в повозки, экипажи или на лошадей с целью перевозки и вывоза из одного графства означенного острова в другое его графство, или в какое бы то ни было другое место, каким бы то ни было лицом или лицами под страхом конфискации этих грузов и уплаты штрафа в пятьсот фунтов стерлингов за каждое нарушение. И ни один шляпочник ни в одном из означенных графств не должен держать более чем двух подмастерьев под страхом штрафа в пять фунтов стерлингов ежемесячно; тем самым мы рассчитываем, что вышеназванные шляпочники, будучи подобным образом стеснены как в производстве, так и в продаже своего товара, не сочтут для себя выгодным продолжать свое дело».³⁷

Франклин не обошел в своей брошюре и такую позорную сторону английской политики, как засылку в американские колонии разного сброда и опасных уголовных преступников, от которых трудовое население колоний сильно страдало. В своем стремлении всячески стеснить жизнь колонистов «король прусский» не забыл и эту меру. «Мы настоящим также предписываем, чтобы все воры, разбойники с большой дороги, грабители, взломщики, фальшивомонетчики, убийцы, развратники и всякого рода мошенники, которые по законам Пруссии должны быть лишены жизни, но которых мы по великому нашему милосердию не считаем уместным повесить здесь, были выпущены из наших тюрем и отправлены на означенный остров Великобритания для лучшего заселения этой страны».³⁸

Из того, что было сказано в «Эдикте», ничто не было нарочито выдуманно Франклином. Он лишь облек в сатирическую форму соответствующие статьи из законов английских королей Вильгельма III, Георга I и Георга II.

Нечего и говорить, что эти памфлеты, написанные

в увлекательной форме острым и метким словом, приобрели большую известность по обе стороны океана и сыграли видную роль в разоблачении своекорыстной, грабительской политики английских правящих классов. Эти сатиры, как и произведения других публицистов — активных участников американской революции (Томаса Джефферсона, Томаса Пенна и др.) способствовали расшатыванию идеологической основы колонизаторской политики Англии, на них воспитывались и созревали для борьбы за свободу тысячи американских патриотов.

Произвол английских властей все больше накалял обстановку. Дошло до открытых выступлений против метрополии, в которых значительную роль сыграли жители Бостона. В 1770 г. английские войска учинили кровавую расправу над земляками Франклина. Это событие, сыгравшее большую роль в активизации антианглийских выступлений в Америке, вошло в историю под названием Бостонской резни. Франклин, стоявший первоначально за сохранение связи с метрополией, с болью и возмущением наблюдал, как произвол английских колонизаторов неотвратимо ведет к всенародному взрыву. Под влиянием происходивших на его глазах событий Франклин все более проникался ненавистью к тем из английских чиновников, которые сознательно и нагло провоцировали конфликты. Одними из таких чиновников были губернатор Массачусетса Хатчинсон и его помощник Оливер, в разоблачении которых Франклин сыграл главную роль.

Этому способствовало то, что в руки Франклина попали письма Оливера и других высокопоставленных лиц, полностью подтверждавшие неблагоприятную роль этих людей и их единомышленников в разжигании конфликта и в обострении отношений между колониями и Англией. Из этих писем, в частности, явствовало, что эти люди посылали в Лондон лживую информацию и, описывая события в Бостоне, изображали дело так, словно сами жители этого города виновны в зверской расправе над ними, а не учинившая ее английская военщина. Франклин счел необходимым сообщить об этом в Бостон и послал туда подлинные письма, изобличавшие некоторых заправил этой колонии. Содержание этих писем вызвало бурю возмущения не только в Америке, но и в Англии.

Палата представителей Массачусетса выделила специальную комиссию для проверки подлинности пересланных

Франклином писем Хатчинсона и Оливера. Комиссия и палата в целом полностью поддержали обвинения, выдвинутые Франклином, признав их вполне обоснованными. Вот что мы читаем в заключении этой комиссии от 15 июня 1773 г.: «Постановлено, что письма за подписью Т. Хатчинсон и Эндр. Оливер, находящиеся ныне на рассмотрении настоящей Палаты, являются подлинными письмами нынешнего губернатора и вице-губернатора этой провинции, ибо почерк и подписи этих лиц хорошо известны многим членам нашей Палаты; что письма эти содержат пристрастные отчеты о фактах и искажения; и что явным намерением авторов было представить вопросы, которые они трактуют в самом оскорбительном свете для этой провинции и для лиц, против которых они написаны... В течение многих лет в прошлом группа людей, родившихся и воспитанных среди нас, замышляла меры и создавала планы увеличения своего собственного состояния и своего выдвижения на почетные и выгодные посты, что вело к гибели хартии и конституции этой провинции и должно было осуществляться за счет прав и свобод американских колоний... Палата полагает, что указанные лица... способствовали нарушению мира и гармонии в правительстве, вызвали и усилили глубокий разлад и вражду, они могут быть справедливо обвинены в серьезном развращении нравов и во всем том смятении, страданиях и кровопролитии, которые были естественными следствиями введения войск».³⁹

Комиссия рекомендовала обратиться к королю с ходатайством отстранить Хатчинсона и Оливера от занимаемых ими должностей.

Скандал был полный, но реакционные силы в Англии и в Америке приложили все старания, чтобы главным виновником скандала выставить не разоблаченных негодяев, а Франклина. Власть имущие пытались сосредоточить главное внимание не на содержании губернаторских писем, ставящих под сомнение лояльность и честность властей, а на выяснении того, каким путем эти «частные» письма оказались в руках Франклина и на каком основании их содержание было предано гласности. Франклин, находившийся тогда на посту представителя колоний в Лондоне, был даже вызван в Тайный совет и подвергнут там строгому и унижительному допросу. «Против меня, — писал Франклин, — была поднята судебная шумиха, как против поджигателя; и я был столь несчастлив, что самый поступок,

которым я гордился, поскольку он казался мне средством для уменьшения наших разногласий, был вменен мне в вину, как злонамеренная попытка их усилить».⁴⁰ Против почти семидесятилетнего ученого и виднейшего политического деятеля западного полушария были мобилизованы все средства публичного шельмования и дискредитации. Его оскорбляли, выставляли человеком, для которого нет ничего святого и недозволенного, способным якобы во имя достижения своих целей на самые крайние меры. Франклина обзывали вором, уличали в бесчестии и т. д. Прокурор в своем стремлении всячески очернить народного представителя, отважившегося выступить против провокаторов и вдохновителей конфликтов с колониями, дошел до крайних пределов неистовства. Он говорил на судилище в Тайном совете: «Эти письма могли попасть в руки Франклина только посредством воровства. Я надеюсь, милорды, что вы, к чести нашей страны, к чести Европы и всего человечества, заклейте его по заслугам. До сих пор, даже во времена страшной борьбы партий, частные письма считались священными... Этот человек нарушил священный обычай. Он глубоко упал в мнении людей. В какое общество посмеет Франклин обратиться после этого? Каждый честный человек будет остерегаться его. Все гнусности... превзойдены холодной апатичной жестокостью этого гнусного американца».⁴¹

Франклин держался на допросе в Тайном совете с таким достоинством и защищал свою честь, а также свободу и правое дело своей родины с таким искусством и благородством, что в глазах публики и в общественном мнении он вышел победителем.

История — справедливый и объективный судья. Она неминуемо настигает виновных и ставит их к позорному столбу. Вместе с тем история воздает по заслугам тем, кто достоин благодарности соотечественников. На долю Франклина выпало великое счастье дожить до того дня, когда его родина навсегда сбросила со своих плеч ярмо иноземного господства, и Франклин много сделал для приближения этого дня. Несколько лет спустя после описываемых событий в качестве посла независимых Соединенных Штатов Америки Франклин подписал договор о военно-политическом союзе с Францией, во многом определившем исход войны за независимость североамериканских колоний, — и никто больше Франклина не сделал,

для того чтобы такой союз был действительно реализован. В литературе встречаются упоминания, будто в день подписания этого договора — в феврале 1778 г. — Франклин надел тот же простой квакерский кафтан, в котором он сидел на заседании Тайного совета и подвергнут был незаслуженным и наглым оскорблениям. Трудно сказать, так ли было. Да и в этом ли дело? Истории не нужны особые аксессуары, чтобы сказать свое слово. Имена тех, кто глумился над Франклином, давно потонули во мраке лет, имя же того, кто непоколебимо стоял за свой народ, не страшась невзгод и испытаний, славно и в наше время, вызывая чувства глубокого уважения у всех честных людей.

В БОРЬБЕ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

В 1775 г. Франклин вернулся в Америку. Его ожидала там отнюдь не «тишь уединения», на которую он рассчитывал. Отечество вступило в самый ответственный период своей истории, и Франклин вновь окунулся в бурную общественную деятельность, в сравнении с которой труды предыдущих лет можно было рассматривать лишь как своего рода подготовку к ней. В письме, адресованном старому другу, знаменитому английскому химику Дж. Пристли¹ (1733—1804), Франклин писал, что никогда еще ему не приходилось так много работать.

Американские колонии напоминали бурлящий котел. Борьба достигла высшего накала и осложнилась еще тем, что и в самой Америке значительная часть поселенцев, особенно наиболее состоятельных, а также чиновников, назначенных английской администрацией, сохраняли «лояльность» правительству Англии («лоялисты») и упорно сопротивлялись освободительному движению. Приверженцы метрополии развили активную пропаганду против борцов за независимость, наводняли страну памфлетами, в которых высмеивались те, кто ратовал за свободу, и высказывалась прямая угроза расправы с «изменниками», замыслившими восстание против «законной» власти и отторжение колоний от «матери-родины».

В одном из таких выступлений говорилось: «Английский народ способен много вынести от своих друзей, но всякий, кто внимательно читал историю Англии, знает, что есть предел, переходить который опасно. Если дело не дошло еще до окончательного, бесповоротного разрыва, то в этом меньше всего повинны наши „патриоты“. Они требуют от Англии большего, чем позволяет ей уступить ее честь, ... и вызывающим образом махают перед ней саблей! Неужели вы надеетесь остаться победителями в войне? Неужели кто-нибудь, рассуждающий сколько-

нибудь здраво, может думать, что Англия, которая еще так недавно вела борьбу одновременно с Францией и Испанией и оставалась победительницей в своих военных действиях во всех концах мира, что Англия, флот которой безраздельно господствует на всех океанах, окажется не в силах справиться с вами?.. Не забудем также, что побежденные в обыкновенной войне не теряют своих прав человеческих или гражданских и что даже сама храбрость их иногда вознаграждается великодушным победителем. Не такова бывает участь разбитых повстанцев, побежденных изменников».²

До сих пор политическими противниками Франклина выступали люди, чуждые ему, враждебные по характеру своих убеждений и социальной принадлежности. Борьба с ними была естественной и понятной и не вызывала тяжелого чувства раздвоенности. Теперь политический рубеж, отделявший друзей от врагов, проходил в Англии и в Америке в среде людей, близких Франклину, с которыми его связывали и личные привязанности, и старые добрые отношения, и общие научные и литературные интересы. Тем не менее он нашел в себе силы порвать со старыми друзьями. Члену английского парламента Стрэгэну в письме от 5 июля 1775 г. он писал: «Вы — член парламента, притом один из того большинства, которое осудило мою страну на уничтожение. Вы начали с того, что стали жечь наши города и убивать наших людей. Посмотрите на свои руки, они запятнаны кровью ваших родственников! Вы и я долго были друзьями, теперь Вы — мой враг и я — ваш враг».³

Тяжелее всего было то, что в числе тех, кто выступал против независимости колоний, оказался и родной сын Франклина, Уильям, занимавший с 1763 г. пост губернатора провинции Нью Джерси, ставшей оплотом лоялистов; он не только не пошел по стопам отца, но активно выступал против интересов народа. «Ничто, — писал Франклин, — никогда не ранило меня так сильно и не доставляло столь острых переживаний, как мысль о том, что на старости лет я покинут своим единственным сыном; более того, — я не только покинут им, но он поднял оружие против меня в деле, в котором были поставлены на карту и мое доброе имя, и мое состояние, и моя жизнь».⁴

В это же время Франклина постигло другое несчастье: умерла его жена Дебора — самый близкий ему человек,

ставшая спутником жизни еще в те времена, когда Франклин, никому тогда неизвестный юноша, делал первые шаги на поприще общественной жизни. Франклин высоко ценил и нежно любил свою подругу.

Из близких родных оставалась лишь дочь Сарра,⁵ бывшая замужем за Бейчем, возглавлявшим после Франклина почтовое ведомство в колонии. В отличие от сводного брата (Уильям был внебрачным сыном Франклина, который ввел его в свою семью через год после женитьбы) Сарра и ее муж принимали активное участие в освободительном движении. Большим утешением для старика были и его внуки: сын дочери, носивший то же имя — Вениамин, впоследствии известный журналист,⁶ и сын Уильяма, Уильям Темпл,⁷ ставший потом секретарем Франклина. В кругу этих дорогих ему людей Франклин мечтал спокойно провести последние годы своей жизни. Однако по возвращении в Филадельфию, он, как говорилось, немедленно был втянут в кипящий водоворот общественно-политической жизни.⁸ Своей сестре Дж. Меком⁹ Франклин писал: «Я благополучно вернулся из Англии и нашел свою семью в хорошем состоянии, но я не нашел отдыха, ибо на другой день по возвращении был послан нашей Ассамблеей делегатом на Конгресс».¹⁰

Это был Второй континентальный конгресс, собравшийся 10 мая 1775 г. в Филадельфии. Первый конгресс состоялся 5 сентября 1774 г. там же. Целью Первого съезда представителей американских колоний было наметить линию защиты от агрессивных актов английского правительства. Среди колонистов в ту пору еще не было мысли об отделении от Великобритании, они все еще считали себя верными сынами отечества и покорными подданными короля. Петиция, составленная Конгрессом и направленная королю, начиналась с таких почтительных строк: «Мы, вернейшие подданные его величества, делегаты Нью-Гемпшир, Массачусетс, Род-Айленд, Коннектикут, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания, Делавэр, Мерилэнд, Виргиния, Северная Каролина и Южная Каролина, посланные в качестве представителей этих колоний на Континентальный конгресс, собравшийся в Филадельфии 5 сентября 1774 г., выражая свои верноподданные чувства его величеству, любовь и уважение к нашим согражданам, живущим в Великобритании и в других частях Британской империи, переживаем в настоящее время величайшую тре-

вогу и величайшие опасения по поводу тех бед и неудовольствий, которые испытывают теперь подданные его величества, живущие в Америке. Обсудив самым серьезным образом состояние всего американского континента, мы пришли к тому убеждению, что современное тягостное состояние наших дел имеет причиной разорительную систему управления колониями, которой стало держаться английское правительство с 1763 г., систему, имеющую очевидной целью поработить население американских колоний, а затем и всей Британской империи вообще».¹¹

Ответом английского правительства на это обращение колоний было усиление английских вооруженных сил в Америке, главной базой которых сделался г. Бостон. Отсюда главнокомандующий генерал Гейдж,¹² назначенный губернатором Массачусетса, посылал полки для подавления начинающихся уже кое-где восстаний народных масс, потерявших надежду на «милости» из Лондона. Одновременно с посылкой войск в Америку глава английского правительства лорд Норс¹³ прислал план примирения с колониями. Однако не успели представительные органы собраться для обсуждения этого плана, как полки Гейджа начали кровавую расправу с народным ополчением. Это было в апреле 1775 г. еще до возвращения Франклина на родину. По прибытии в Филадельфию он написал (16 мая 1775 г.) Дж. Пристли: «Вы, вероятно, слышали еще до получения этого письма о том, что регулярные войска вступили в страну... Губернатор созвал Ассамблею, чтобы предложить мирный план лорда Норса, но раньше, чем она собралась, началась резня. Вы знаете, о нем говорят, что у него в одной руке кинжал и оливковая ветвь в другой; по-видимому, он сначала пустил в ход кинжал... Вся Америка вне себя от его поведения и более едина, чем когда-либо. Разрыв между двумя странами стал еще шире, и можно опасаться, что он станет непоправимым».¹⁴

И все же даже в такой накаленной обстановке и в атмосфере всеобщего негодования, вызванного действиями английского правительства, Второй континентальный конгресс не сразу решился на разрыв с Англией. 7 июля 1775 г. Франклин писал своему английскому другу: «Конгресс собирался в момент, когда все были в таком возбуждении от вероломства генерала Гейджа и его нападения на фермеров, что предложение попытаться вести

переговоры не могло иметь особого успеха; лишь с трудом мы провели другое мирное обращение к Британской короне и дали Британии еще один шанс и возможность восстановить дружбу с колониями; но, по-видимому, у нее не хватило благоразумия воспользоваться этим, и поэтому, как я полагаю, она потеряла их навсегда.¹⁵ Далее Франклин приводит ряд примеров преступной политики английского правительства, делающего казалось бы все, чтобы колонии окончательно отвернулись от метрополии: «Она (Англия, — *М. Р.*) начала с того, что стала поджигать наши приморские города, уверенная, как я думаю, что мы никогда не сможем ответить тем же. Она может, без сомнения, разрушить их все, но если она хочет вернуть торговлю с нами, разве это подходящий способ? Она поистине сошла с ума, ибо никакому торговцу из Бедлама не могло прийти в голову, что он увеличит число своих покупателей, если начнет бить их по голове, или что они вернее уплатят ему деньги, если он сожжет их дома. Если она хочет иметь нас своими подданными и чтобы мы повиновались ей, она дает нам теперь такой неудачный пример своего управления, что мы можем только ненавидеть ее и бежать от нее, как от олицетворения разбоя, убийства, голода, пожаров, эпидемий».¹⁶

Развивавшиеся события, чем дальше, тем сильнее вселили в колонистов уверенность в правоте своего дела и стремление во что бы то ни стало добиться победы в неравной борьбе. Возможность этого доказали уже первые серьезные стычки партизан с регулярными королевскими войсками, когда в сражениях недалеко от Бостона, под Конкордом и Лексингтоном, где расположился «лагерь свободы», английские войска были обращены в бегство, потеряв убитыми и пленными в три раза больше, чем необученные и значительно хуже вооруженные американцы. Бежавшие с поля боя войска соединились с бостонским гарнизоном и вместе с ним подверглись осаде со стороны повстанцев, собравшихся со всех концов американских поселений.

Запертые в Бостоне, английские войска вымещали свою злобу на жителях этого непокорного города. Франклин писал Пристли: «Вы, вероятно, слышали еще до получения этого письма о предательском поведении генерала Гейджа в отношении людей, оставшихся в Бостоне, — он задержал их имущество, хотя обещал предоставить им

возможность уйти со своими вещами». Далее Франклин перечислил факторы, которые, по его мнению, должны были убедить английских министров в том, что «американцы будут сражаться, и этот орешек будет труднее раскусить, чем они думают». Говоря о народном ополчении, ставшем на пути генерала Гейджа, Франклин указывал на поражение большого корпуса его войск в военных действиях при Банкер-Халл, где партизаны были дважды отброшены, «а в третий раз одержали блестящую победу». И далее: «У нас сейчас организуется армия, которая все еще держит вашу в осаде».¹⁷

Частная переписка Франклина с друзьями — выдающимися деятелями того времени — является ценным источником не только для его биографии, но и для истории американской революции. В Пенсильвании не забыли о той большой роли, которую он сыграл двадцать лет тому назад в деле обороны колоний, когда он возглавил ополчение против отрядов французов и индейцев. Конгресс постановил в каждой провинции создать свои вооруженные силы, и в Пенсильвании это было возложено на Франклина. «Мое время, — отмечал Франклин в одном из писем, — еще никогда не было так занято. В шесть часов утра я уже в Комитете безопасности, поскольку Ассамблея поручила мне привести провинцию в состояние обороны. Комитет работает примерно до 9 часов, когда я отправляюсь в Конгресс, а он заседает до четырех часов дня. Оба эти учреждения работают с величайшим единодушием, и их собрания всегда многолюдны».¹⁸

Первоочередной задачей Конгресса было создание из разрозненных отрядов повстанцев регулярной и дисциплинированной армии, возглавляемой умелыми командирами. Среди американцев было немало людей, которые приобрели опыт в войне с французами и их союзниками индейцами. Особой храбростью и военными способностями отличался богатый виргинский фермер Джордж Вашингтон. Во время злополучного похода генерала Брэддока он удивлял всех своей отвагой, а в период, предшествовавший войне за независимость, показал себя как один из наиболее убежденных сторонников освобождения колоний, участвуя в качестве делегата Виргинии как в Первом, так и во Втором континентальных конгрессах. Вашингтон был признан наилучшим кандидатом на пост командующего молодой американской армией.

пока еще весьма небольшой по численности, слабо обученной, плохо экипированной и бедно вооруженной. 15 июня 1775 г. это назначение было оформлено постановлением конгресса. Франклин тем охотнее голосовал за эту кандидатуру, что был лично знаком с Вашингтоном и ценил услуги, оказанные им отечеству во время прошлой войны.

Вскоре после прибытия Вашингтона в армию начались планомерные военные действия. Конгрессу предстояло разработать и торжественно провозгласить отделение американских колоний от Британской империи. Для подготовки проекта этого документа исключительного значения была создана комиссия в составе Вениамина Франклина, Томаса Джефферсона,¹⁹ Джона Адамса,²⁰ Роджера Шермана²¹ и Филиппа Ливингстона.²² После всестороннего обсуждения Конгресс 4 июля 1776 г. принял «Декларацию независимости», включив все же из первоначального проекта по настоянию правого крыла такой важный пункт, как отмена рабства в Америке. Автором декларации был Томас Джефферсон, включивший сначала и этот параграф в текст. Весьма значительную помощь в разработке основных положений «Декларации» оказал Франклин, который также был поборником отмены рабства и активно поддерживал радикальные устремления левого крыла национально-освободительного движения.

На другой день после принятия «Декларации» ее опубликовали, а 2 августа переписали на пергамент, на котором поставили свои подписи все члены Конгресса.²³ «Единогласная декларация 13 Соединенных Штатов Америки» исходила из того положения, что все люди созданы равными и наделены неотъемлемыми правами на жизнь, свободу и стремление к счастью. Для упрочения этих прав создаются правительства, которые устанавливают форму правления, согласную с волей управляемых. Когда же действия правительства приходят в противоречие с интересами последних, народ вправе изменить или отменить установленную форму правления, «полагая в основу такие начала и давая полномочиям такой вид, который в его глазах приведет к безопасности и счастью». В подтверждение сказанного в «Декларации» было записано: «Здравый смысл сам по себе требует, чтобы установившиеся учреждения не менялись по маловажным и переходящим причинам. . . Но когда длинный ряд злоупотреблений и посягательств на народные права, неизменно

клонящихся к одной цели, показывают обдуманное намерение совершенно поработить народ, то последний вправе, даже обязан, свергнуть такое правительство и принять новые меры для охранения своей будущей безопасности».

Подтвердив сказанное перечислением большого количества вопиющих фактов насилия, истощивших терпение колонистов, составители «Декларации» закончили ее следующими словами: «Поэтому мы, представители Соединенных Штатов Америки, собравшиеся на общем Конгрессе... торжественно и открыто объявляем, что эти соединенные колонии суть и по праву должны быть свободными и независимыми державами — штатами, что они разрешены от всех уз подданства британской короне, что всякая политическая связь между ними и Великобританией должна быть совершенно порвана и что, как свободные и независимые штаты, они имеют полную власть вести войну, заключать мир и союзы, заводить торговые сношения и делать все, что независимые державы вправе делать».²⁴

«Декларация независимости» является документом огромного исторического значения. Несмотря на сопротивление реакционных элементов — их немало было в Конгрессе, — она возвестила право народов на самоопределение, право избирать себе такую форму правления, которая соответствует их интересам и нуждам. «Декларация» прокламировала свободу совести, равенство между людьми, т. е. именно те положения, которые потом легли в основу «Декларации прав человека и гражданина», провозглашенной французской буржуазной революцией конца XVIII в. В эпоху, когда абсолютистская монархия являлась господствующей системой государственного правления и одно лишь осуждение крепостнических порядков влекло за собой тягчайшие наказания (вспомним судьбу А. Н. Радищева), само провозглашение таких принципов явилось большим шагом вперед.

Современники Франклина и участники знаменательных исторических событий, завершившихся отделением от Англии ее североамериканских колоний и образованием нового государства, названного Соединенными Штатами Америки, отмечают, что Франклин внес большой вклад в работу Конгресса. Его громадный житейский опыт и мудрость, приобретенные за 70 лет жизни и 50 лет общественной деятельности, авторитет и популярность среди

самых широких слоев населения и в Конгрессе, добродушные и скромность — все располагало к нему и заставляло внимательно прислушиваться к его суждениям и предложениям. В своем «Дневнике» Т. Джефферсон вспоминает, как при обсуждении вопроса о создании конфедерации штатов возникли серьезные затруднения, вызванные страхом небольших штатов войти в состав конфедерации из опасения быть поглощенными крупными штатами. Споры продолжались долго, в зале было душно, настроение понизилось. Однако Франклин положил конец дискуссии, рассказав маленький анекдот. «Во времена, — сказал он, — когда возник вопрос о союзе Англии и Шотландии, герцог Аржайльский высказался категорически против такого союза, мотивируя это, наряду с другими соображениями, и тем, что Шотландия будет поглощена Англией, как Иона был поглощен китом. Однако, когда лорд Бат возглавил правительство, он пристроил к месту такое большое число своих земляков, что похоже стало, будто Иона проглотил кита».

Эта маленькая история, по словам Джефферсона, вызвала всеобщий хохот, настроение улучшилось, и статья о конфедерации, вызвавшая разногласия, легко прошла.²⁵

Выше уже отмечалось, что Франклин не был военным деятелем и таковым себя не считал. К тому же не забудем, что великому ученому и патриоту к началу войны было около 70 лет — в таком возрасте человеку трудно окупиться в новую, неведомую ему область деятельности. Однако отечеству нужны были не только генералы, умевшие распоряжаться на полях сражений, но и организаторы. Молодая революционная армия была, как уже отмечалось, очень слабо вооружена, она нуждалась и в опытных специалистах военного дела. Руководителям правительства приходилось изыскивать все средства для того, чтобы раздобыть оружие и привлечь в армию из Европы опытных и способных офицеров.

По поручению Конгресса Франклин вошел в состав комитета по поддержанию контактов с друзьями американских колоний в Европе. В качестве его члена он собирал нужную информацию, занимался вербовкой в Европе военных кадров, зондировал возможность налаживания поставок военных материалов, вел дипломатическую переписку. Руководители Конгресса знали, на ком остановить свой выбор. Франклин был хорошо известен дома и

в Европе. Он имел репутацию не только большого ученого и оригинального философа, но и человека глубоко честного, рассудительного, благожелательного. В самой Англии у него было множество друзей, с которыми он поддерживал связь даже в самые напряженные военные годы, он вел дружескую и деловую переписку со многими влиятельными людьми, проживавшими также во Франции и в других странах Старого Света. Уже тогда, в первый период войны, определилась роль Франклина как крупнейшего дипломата, чья деятельность, по единодушной оценке друзей и врагов, принесла его стране громадную пользу.

Реакционная английская пропаганда использовала в описываемое время все средства для того, чтобы оклеветать американскую революцию, изобразить борцов за независимость бунтовщиками и изменниками.

Выше мы приводили примеры того, как агенты колонизаторов запугивали деятелей и сторонников революции. Английское правительство не жалело денег для того, чтобы дискредитировать дело американской революции в глазах европейцев, как и в наш век империалистическая пропаганда не гнушалась никакими приемами, чтобы оболгать и очернить Великую Октябрьскую социалистическую революцию равно как и революционные перевороты и преобразования в других странах. Благодаря своей обширной переписке Франклин сумел противопоставить вражеской клевете правду о войне, поднятой американскими патриотами против своих притеснителей. Убедительно аргументированные, насыщенные красноречивыми фактами, эти его письма становились в самой Англии и в других европейских странах достоянием сравнительно широкого круга лиц и во многом способствовали популяризации освободительных идей американской революции.

Так, например, в письме к Пристли от 3 октября 1775 г. Франклин писал: «Завтра я должен отправиться в расположение армии, и так как только что об этом узнал, то могу лишь черкнуть пару строк о том, что жив и здоров. Передайте нашему дорогому другу д-ру Прайсу, которого одолевают сомнения и заботы насчет нашей твердости, что Америка едина и полна решимости, что на стороне противника только немногочисленные тори и чиновники. Истратив в этой кампании три миллиона фунтов стерлингов, англичанам удалось уничтожить 150 янки.

Таким образом, стоимость каждого убитого равна 20 тыс. фунтов стерлингов. В это же время в Америке родилось 60 тыс. младенцев. Из этих данных математический ум быстро выведет заключение, сколько потребуется денег и времени, чтобы перебить нас всех и завоевать всю нашу страну».²⁶

Для иллюстрации разносторонних контактов, осуществленных Франклином со многими лицами в различных странах Европы, стоит привести выдержки из письма Франклина, направленного в декабре 1775 г. из Филадельфии на имя некоего Дюмаса, уроженца Швейцарии, состоявшего во время войны на дипломатической службе США в Голландии. Франклин писал ему: «Мне было очень приятно узнать из Вашего письма, что вся Европа желает нам наилучших успехов. Однако хотелось бы знать, какая из европейских держав готова во имя принципов гуманности оказать великодушную поддержку угнетенному народу? Питая доверие, мой дорогой друг, к вашему доброму отношению к нам и нашему делу, ценя вашу преданность и деловые способности, Комитет Конгресса по организации и поддержанию связи с нашими друзьями в Европе поручил мне просить Вас, поскольку Вы проживаете в Гааге, где представлены послы всех дворов, воспользоваться создавшимися возможностями для того, чтобы выяснить позицию той или иной державы по вопросу оказания нам помощи или вступления с нами в союз, если мы обратимся с таким предложением... Считаю уместным предупредить Вас о необходимости соблюдать осторожность, скрывая это от английского посла и избегая всякой огласки... Мы можем информировать Вас, что вся наша страна крепко спаяна, тогда как проанглийская партия мала и распылена. В последней кампании мы держали под ружьем 25-тысячную армию, которая сумела не только блокировать королевскую армию в Бостоне, но и выделить значительные силы для вторжения в Канаду... Мы рассчитываем в будущем году значительно увеличить наши силы и надеемся, что при помощи хорошо дисциплинированной армии нам удастся организовать оборону нашего побережья, несмотря на его большую протяженность... До сих пор мы обходились без посторонней помощи. Мы приложили все старания для производства селитры и достигли заметных успехов. Наши мастера повсюду заняты изготовлением ручного

оружия, литых пушек и пр. Тем не менее ощущается еще большая нужда в вооружении и боеприпасах... Нам очень нужны люди, сведущие в саперном деле. Хорошо, если бы удалось направить к нам двух таких специалистов: одного — знакомого с полевыми укреплениями, а другого — с фортификацией морских портов. Если они будут снабжены хорошими рекомендациями, то встретят хороший прием и получат почетные назначения».²⁷

Стремление воевать чужими руками присуще было английским правителям XVIII в. в такой же большой степени, как и сейчас. Располагая изрядными средствами, выкачиваемыми из колоний, английские генералы могли позволить себе роскошь нанимать чужеземных солдат, используя их в качестве пушечного мяса. С такими предложениями обратились английские министры к ряду европейских дворов, в том числе к русскому. Екатерина отказала: солдаты нужны были дома для борьбы с крестьянской крамолой. На английский призыв охотно откликнулись немецкие князьки, ни во что не ставившие жизнь своих подданных, но всегда нуждавшиеся в деньгах и изыскивавшие поэтому способы, чтобы раздобыть их. Одно лишь княжество Гессенское предложило 17 тысяч солдат в обмен на 21 миллион талеров, всего же немецкие княжества выставили до 30 тысяч наемников, т. е. довольно значительную по тому времени силу. Отправка за океан наемного «экспедиционного корпуса» и жестокости, чинимые новоявленными ландскнехтами на американской земле, вызвали естественное негодование в Америке. Имя гессенцев стало таким же ненавистным, как и имя нанявших их английских душеителей свободы.

Пригвоздить к позорному столбу, разоблачить бесчестных князьков, тех, кто готов был за звонкую монету продать и предать своих соотечественников, — такую задачу поставил перед собой Франклин. Умудренный жизнью, Франклин хорошо знал убийственную силу смеха и нанес своей старой, но все еще умелой рукой памфлетиста уничтожающий удар, опубликовав приобретшую сразу же большую популярность сатиру «Продажа гессенцев» — он придал ей форму писем графа Шаумберга к командующему гессенскими войсками в Америке барону Гогендорфу.²⁸

Немецкие князьки, продававшие Англии свои войска и получавшие за каждого убитого солдата денежное возмеще-

ние, оказались материально заинтересованными в массовой гибели своих солдат. В своем памфлете Франклин описывает радость графа Шаумберга по поводу разгрома под Трентоном, где из участвовавших в сражении 1950 гессенцев спаслось только 345. Граф хвалил барона за его верную службу своему господину, денежные интересы которого он ставил на первый план. «Вы, — писал Шаумберг Гогендорфу, — поступили весьма предусмотрительно, пославав точный список павших нашему посланнику в Лондоне. Принятая Вами предосторожность оказалось тем более не лишней, что в докладе, представленном английским командованием, значится только 1455 убитых. Это значит, что они уплатили мне 483 450 флоринов, вместо 643 500, которые следуют по соглашению. Вам ясно, какие опустошения подобная ошибка произведет в моих денежных расчетах. Я уверен, что Вы предпримете необходимые усилия и докажете, что список лорда Нурса ошибочен, а наш верен».

Граф сильно нуждался в деньгах. Нетрудно представить себе его огорчение, когда из донесения барона он узнал, что некоторые из его офицеров пытаются спасти искалеченных солдат вместо того, чтобы дать им спокойно умереть, — ведь за раненых английское правительство не платило. Шаумберг напоминает Гогендорфу инструкцию, которую он ему дал перед отбытием на театр военных действий, — «не добиваться излечения несчастных, жизнь которых может быть спасена ценою потери ноги или руки». «Это, — подчеркивал граф, — значило бы оказать им дурную услугу. Я убежден, что каждый из них предпочтет скорее умереть, чем жить, не будучи более в состоянии приносить пользу своему государю. Я не хочу сказать, что Вы должны убивать их — нужно быть человечным, дорогой барон; но Вы должны в достойной форме внушить хирургам, что искалеченный солдат будет всегда живым укором для них и что если человек неспособен более сражаться, то самое разумное — дать ему умереть».

Шаумберг был образованным человеком и кое-что знал из истории войн. Для подтверждения сказанного им он привел пример из античной эпохи, знакомство с которой в те времена считалось признаком высокой образованности. Он указал на пример героических спартанцев, погибших все до единого двадцать с лишним веков назад, когда они защищали Фермопильское ущелье во время

греко-персидской войны. Правда, там погиб и спартанский царь Леонид. Но теперь, подчеркнул Шаумберг, «времена изменились, и было бы странно, если бы царствующий монарх отправился в Америку сражаться за дело, которое его совершенно не касается». И тут же добавил: «Кроме того, кому стали бы платить по тридцать гиней за человека, если бы я не остался здесь, чтобы получить их?».

Этот памфлет Франклина имел, как было сказано, большой успех у читателей. Секрет успеха заключался в том, что Франклин брал за основу подлинно имевшие место факты, облекая их в сатирическую форму: ведь гессенцы действительно сражались вдали от своей родины за дело, которое ни в малейшей мере их не затрагивало, и правитель их в полном смысле слова наживался на их крови и страданиях. Как и в далекие времена, в случаях с «письмами Сайленс Дугуд» и в некоторых других случаях, многие читатели приняли эту литературную мистификацию всерьез, рассматривая «письма графа» как исторически достоверный факт. Естественно, что такая «документированная» форма изложения лишь способствовала целям, поставленным перед собой автором.

Неудачи английских войск в борьбе против «бунтовщиков» и непопулярность этой войны в широких кругах английского общества побудили королевское правительство искать возможности выхода из трудного положения. Командовавшему английским флотом в американских водах адмиралу Ричарду Хоу и его брату, командовавшему английскими сухопутными силами, действовавшими против инсургентов, генералу Уильяму Хоу²⁹ было поручено попытаться найти путь для примирения с восставшими. Со своей стороны Конгресс выделил для ведения переговоров Франклина, Адамса и Рутледжа.

Адмирал Хоу был знаком с Франклиным еще по Лондону, где они изредка встречались и даже обсуждали планы предотвращения конфликта между двумя странами. Адмирал не прочь был использовать свое знакомство и «дружбу» с Франклином, чтобы через него внушить лидерам Конгресса необходимость отступить и отдаться на милость королю.

«О характере моих полномочий, — сообщал Хоу в своем письме Франклину, — Вы узнаете из моего официального письма, которое я просил переслать Вам при

первой возможности. Подтверждая мое искреннее стремление к смягчению наших разногласий, я приложу все усилия, чтобы при данных обстоятельствах оправдать наилучшие надежды и отеческую заботу короля об установлении прочного мира и союза с колониями». ³⁰

Какие же конкретные предложения по урегулированию конфликта содержались в обращении адмирала?

В официальном документе, о котором упоминается в письме Хоу, говорилось о том, что он и его брат уполномочены гарантировать «дарованную» королю амнистию как отдельным лицам, так и колониям в целом, если они об этом попросят. Этим и исчерпывалась английская «мирная» инициатива. Английская администрация позаботилась, чтобы этот документ, с целью внести разлад в среду колонистов, был широко распространен среди американского населения. Этот замысел нетрудно было разгадать, и Конгресс распорядился с своей стороны напечатать документ во всех газетах, сопроводив публикацию следующим замечанием: «Те, кто сохранил еще надежду на справедливость и умеренность короля, могут, наконец, убедиться, что лишь мужество всей нации может спасти свободу каждого».

Получив письмо Хоу, Франклин тотчас же переслал его Конгрессу, который уполномочил его направить от своего имени ответ английскому представителю.

В своем письме адмиралу Франклин в самых решительных тонах охарактеризовал преступность действий английского правительства, орудием которого стал Хоу. «Что касается официального послания, направленного мне, — писал Франклин ему, — то оно не содержит ничего нового по сравнению с известным уже нам парламентским актом, дарующим нам амнистию, но предъявляющим требования, чтобы мы признали нашу зависимость, именно те требования, которые я обнаружил в послании с чувством сожаления, а Ваша светлость, я думаю, направили нам, скрепя сердце, сознавая безнадежность этого дела». «Требовать извинений от колоний, являющихся страдающей стороной, — продолжал Франклин, — значит считать нас невежественными, тупыми и бесчувственными людьми, ибо именно так ваша горделивая нация любит нас расценивать. Но такое определение способно лишь усилить наше негодование. Мы думаем, что нельзя подчиняться власти такого правительства, которое с бес-

смысленным варварством и жестокостью сжигает в лютую зиму наши беззащитные города, подстрекает дикарей истреблять наших фермеров, а рабов — убивать своих хозяев, и даже теперь еще завозит иноземных наемников, чтобы потопить в крови наши селения. Эта жестокая несправедливость порвала последнюю нить привязанности к стране отцов, которой мы ранее так дорожили».³¹

Франклин подчеркивал в своем письме, что мир между обеими сторонами может быть достигнут лишь при условии признания за отложившимися колониями права на независимость, т. е. признания Соединенных Штатов Америки равноправной, суверенной державой.

Франклин со всей решительностью заявил английскому адмиралу, что не может быть возврата к прежним отношениям, существовавшим между Англией и ее американскими колониями, ибо за океаном, в Новом Свете возникло молодое свободное государство — Соединенные Штаты Америки, с существованием которого английскому правительству придется считаться.

Нелегко было Франклину столь резко выступать против Англии. Ему, как и многим другим, тогда было еще трудно порывать нити, связывавшие колонии с метрополией. Он не мог удержаться, чтобы не написать Хоу: «Я всегда стремился, искренне и неумоимо, сохранить от разрушения чудную благородную китайскую вазу — Британскую империю, ибо я знаю, что будучи однажды разбитой, отдельные ее куски не могут ни сохранить свою прежнюю силу и ценность, ни быть впоследствии надежно воссоединены. Ваша светлость, вероятно, помнит слезы радости, оросившие мои щеки, когда через Вашу сестру в Лондоне³² Вы однажды дали мне знать, что мир может наступить в ближайшее время. К несчастью, ожидания не оправдали себя, но я прилагаю все усилия, чтобы не стать причиной неудачи».³³

Не только старое знакомство связывало Франклина с английским адмиралом. Родной брат лорда, Хоу-старший, пал на поле сражения в 1758 г. во время англо-французской войны, защищая от французов границы американских поселений. Адмирал Хоу, как это описано в воспоминаниях Дж. Адамса, во время одной из встреч выразил свою благодарность за то, что штат Массачусетс воздвиг мраморный монумент в Вестминстерском аббатстве его погибшему брату. Он заявил в частности, что

«ценит честь, оказанную его семье, превыше всего на свете, что он так благодарен и так привязан в этом смысле к Америке, что рассматривает ее как братскую страну, и если она падет, он воспримет эту неудачу так, словно потерял брата». Замечательна реплика старейшины американской делегации: «Доктор Франклин, — вспоминал Адамс, — вполне владея собой, спокойным тоном, с поклонами и улыбкой, заметил: „Милорд, мы сделаем все возможное, чтобы избавить вашу светлость от этого горя“». ³⁴

Переговоры о перемирии вследствие неуступчивости английской стороны и полном ее непонимании характера происходящих событий закончились неудачей. Между тем положение в колониях было исключительно трудным: внешняя торговля была парализована морской блокадой, ремесла хирели, ценность бумажных денег снижалась с каждым днем, капризная военная фортуна отвернулась от молодой армии, ниспослав ей ряд неудач. Становилось все более ясным, что сил разоренных войной американских колоний недостаточно для борьбы с таким колоссом, как Англия. Чтоб добиться перелома в ходе войны, надлежало обратиться за помощью к тем из европейских держав, которые заинтересованы были в ослаблении Англии и готовы были взять на себя риск активной помощи североамериканским колониям в их борьбе против врага.

Такой державой явилась в то время прежде всего Франция, имевшая с Англией крупные старые счеты и достаточно сильная, чтобы решиться вмешаться. Туда-то, в столицу Франции и решено было направить посла Соединенных Штатов с задачей склонить Францию на активные действия. Внимание Конгресса остановилось на семидесятилетнем Франклине, успешно выполнявшем в то время, как говорилось выше, сложные дипломатические поручения. Последующие события показали, что выбор был как нельзя более удачен.

ПАРИЖ

Дипломатическое задание, порученное Франклину, было столь же сложным, сколь и ответственным. При явной ненависти Франции к Англии переговоры все же требовалось вести с большой осторожностью. В Париже были очень рады ослаблению Великобритании, вызванному отпадением от нее американских колоний, но Англия все еще оставалась самой могучей мировой державой, безраздельно господствовавшей на морях и океанах. Еще не были залечены раны, нанесенные ею Франции во время Семилетней войны, завершившейся для последней плачевными результатами. Свои счета с Англией были и у других, некогда могучих морских держав — Испании и Голландии, которых Англия также оттеснила на второй план. Правящие круги этих государств враждебно относились к «коварному Альбиону» и с нескрываемым удовольствием наблюдали за неудачами, которые терпела Англия в Америке. Возраставшее могущество Великобритании внушало опасение и другим европейским странам, отдававшим себе отчет в том, какую угрозу для каждой из них представляет британская гегемония. Все это чрезвычайно осложняло обстановку, в которой находились колонии. По мере развертывания военных действий и углубления конфликта явственно определилось неравенство сил. С одной стороны — могущественная империя, располагавшая громадным, хорошо обученным и превосходно вооруженным войском, с другой — истощенное борьбой, экономически слабое, политически плохо организованное молодое государство, не успевшее еще обзавестись собственными регулярными вооруженными силами. Моральный фактор, конечно, давал известный перевес инсургентам, и «оборванцы», воевавшие «не по правилам», нещадно громили обученные английские войска, превосходившие численно во много раз силы колонистов. Все же одного энтузиазма

для победы было недостаточно. Поэтому взоры руководителей молодой республики все чаще обращались за океан, и в частности в сторону Франции, куда по распоряжению Конгресса отправился Франклин, а в помощь ему решено было дать еще двух уполномоченных — Сайласа Дина¹ и Артура Ли.²

Как и двадцать лет назад, когда Франклин впервые был направлен в Лондон уполномоченным колонии, лучшего представителя в Париже Конгресс не мог бы выбрать. Никто из американцев не пользовался в Европе такой популярностью, как Франклин, никто не был так осведомлен о внешнеполитических делах и никто не имел столько друзей среди выдающихся общественных и политических деятелей Европы, в том числе и во Франции. Немаловажное значение для маскировки характера миссии Франклина имел и его возраст. Был пущен слух, что семидесятилетний старец решил уйти на давно заслуженный покой и намерен посвятить остаток дней воспитанию своих внуков. Этим и объясняли его новую поездку в Европу.

Такая версия была правдоподобной. По традиции того времени состоятельные американцы часто воспитывали своих детей в Европе. Однако в Англии этому не поверили, там было известно, насколько Франклин, несмотря на преклонный возраст, далек от того, чтобы в столь напряженные для его родины дни предаваться покою.

Как только английский посол узнал о высадке Франклина во Франции, он направил министру иностранных дел де Верженну официальную ноту, в которой писал, что если главе мятежников будет разрешено обосноваться в Париже, он, посол, немедленно оставит Францию. Ему было официально отвечено, что в Нант послан курьер с поручением воспрепятствовать прибытию Франклина в Париж, но так как неизвестны время прибытия судна и дорога, какой Франклин намерен следовать, то невозможно поручиться за точное исполнение королевской воли. Министр заверял посла в своем стремлении идти навстречу пожеланиям лондонского двора, но просил при этом все же учитывать, что если доктор прибудет в Париж, правительство вряд ли нарушит долг вежливости и гостеприимства, чтобы выдворить его. Кроме того, добавил де Верженн, во Франции никто не поверит, что прибытие в страну одного человека, и к тому же преклонного воз-

раста способно вызвать напряжение в отношениях двух дворов — Франции и Англии.³

Таким путем французскому правительству удалось отклонить требование английского посла. Последний, впрочем, не удовлетворился ответом и со своей стороны установил неусыпное наблюдение за каждым шагом Франклина, в чем каждодневно ему помогала широко разветвленная во Франции британская шпионская организация. Английская разведка постаралась завербовать в число своих агентов самых близких к Франклину людей, осведомленных о его делах, — его секретаря Бэнкрофта и капитана судна Хайнсона, перевозившего донесения представителя Конгресса в Америку и снимавшего точные копии с этих донесений для передачи англичанам.⁴

О подлинной цели приезда Франклина во Францию, несмотря на принятые меры конспирации, стало известно еще до того, как он прибыл в Париж. Уже в первом донесении Конгрессу из Нанта он написал: «Насколько я могу судить из того, что слышал от разных лиц, представляющих различные слои общества, многие понимают, что я приехал вести переговоры».⁵ В Нанте же Франклин убедился, в какой мере французское общество сочувствует восставшим колониям.

В конце 1776 г., как и много месяцев позднее, американская армия, голодная и оборванная, плохо вооруженная, истекала кровью, а англичане с их наемниками гессенцами, закаленными в боях, превосходно экипированные и отлично вооруженные, праздновали одну победу за другой, занимая важные стратегические пункты. Вести о неудачах американцев горестно отзывались в сердцах многих французов, и Франклин почувствовал это, как только сошел с корабля. «Наши друзья во Франции, — читаем мы в цитированном донесении, — были сильно удручены, узнав из газет о победах, одержанных над нами английскими войсками. Я постарался поднять немного их дух, заверив их, что мы успешно противостоим вражескому натиску и вполне способны нанести ответный удар».⁶

Однако нанести чувствительный удар по врагу можно было лишь имея в достаточном количестве оружие, а его-то и не хватало. Главной заботой посланцев Конгресса и было приобретение во Франции необходимого военного снаряжения. На первых порах помощь пришла не от французского правительства, боявшегося пред-

принять какой бы то ни было шаг, который мог бы вызвать протест английского посла, а со стороны французских общественных деятелей, оскорбленных в своих патриотических чувствах договором 1763 г., по которому Канада перешла в руки англичан и включена была в состав Британской империи. Наиболее активно содействовал американцам пользовавшийся огромной популярностью известный драматург Пьер Огюст Карон Бомарше (1732—1799), автор знаменитых произведений «Севильский цирюльник» и «Женитьба Фигаро». Он организовал даже специальную торговую фирму под фиктивным названием «Горталес и К⁰», снабжавшую американские колонии оружием, боеприпасами, амуницией и вербовавшую французских офицеров для обучения солдат американской армии.

Не составляло большого секрета, что частная фирма «Горталес и К⁰» представляла собой удобное прикрытие для французского правительства, получившего возможность через эту фирму оказывать широкую материальную поддержку повстанцам. На судах этой фирмы, под конвоем французских военных кораблей, переплавлялись через океан военные материалы на громадные суммы, исчисляемые многими миллионами долларов. Французские купцы охотно включились в эти операции, хотя они и подвергались большому риску, ибо встреча с английскими военными кораблями не предвещала этим судам и их грузам ничего хорошего. Зато если рейс проходил удачно, купцы с лихвой вознаграждались за свои страхи. Одному из своих многочисленных корреспондентов в Европе Франклин достаточно убедительно доказывал всю выгоду от поставок Америке нужных ей материалов. «Каждый купец, который решится послать к нам суда с такими грузами (военными, — *M. P.*), — подчеркивал Франклин, — непременно извлечет большие доходы, ибо спрос на эти материалы велик, и повсюду цены на них очень высокие».⁷

Понимая всю важность снабжения Америки вооружением и военными материалами, Франклин в своем первом донесении Конгрессу сообщал: «Я узнал... что разрешен тайный провоз 200 медных полевых пушек, 30 тысяч кремневых ружей и других военных материалов и их транспорт в Америку будет налажен под охраной военного корабля». И далее: «Я нашел здесь несколько судов с военными материалами, готовыми отправиться в Америку». «В целом, — писал он в конце своего донесения, —

имеется твердая надежда, что мы к следующей (летней) кампании будем лучше снабжены и исправнее подготовлены».⁸

В донесении Франклина содержится и намеченная им линия поведения во Франции. Из этого документа руководители Конгресса могли снова убедиться, что их посланник необычайно искусно и с большим достоинством представлял свою страну за рубежом.⁹

Во время своего пребывания в Париже Франклин был окружен всеобщим вниманием. Не говоря уже об ученой среде, где в течение четверти века он был хорошо известен как исследователь, открывший новые горизонты в науке и украшавший (с 1772 г.) список иностранных членов Парижской Академии наук, он стал модной фигурой в высших слоях общества, и его наперебой приглашали в самые изысканные салоны. Франклин выделялся среди парижского «света» не только своей представительной фигурой, манерами, речью. В нем не было чопорности, характерной для английских сановников того времени, но он далек был и от характерного «легкомыслия» парижан. Он был прост и доступен, но ни перед кем не заискивал. В своих отношениях с окружающими он служил образцом свободолюбивых колонистов, поднявших оружие против ненавистных угнетателей, и это привлекало симпатии парижан и к Франклину и к делу, которое он защищал. Вокруг его имени складывались легенды. Один из популярнейших людей во Франции, Тюрго,¹⁰ находившийся в дружеских отношениях с Франклином, посвятил ему латинское обращение, в котором писал, что он «вырвал молнию у неба и скипетр у тиранов».¹¹ Такая оценка роли Франклина показала последнему преувеличением и вызвала его возражения. «Мне приписывают слишком многое, — заявил он, — в особенности в части, касающейся тиранов. Революция была делом многих отважных и способных людей, и для меня достаточно почета, если мне даруют в ней хоть небольшое участие».¹²

Джефферсон, прибывший во Францию несколько лет спустя на смену Франклину и хорошо знавший парижское окружение Франклина, записал в своем дневнике следующий рассказ о своем великом соотечественнике: «Когда Франклин прибыл со своей революционной миссией во Францию, его известность как философа снискала

ему необычайную популярность. Люди всех рангов и состояний относились с сочувствием к Америке. Его всюду чествовали и охотно приглашали к себе. Однажды он встретился со старой герцогиней Бурбонской, с которой часто играл в шахматы. Во время игры представилась возможность захватить короля противника, и Франклин воспользовался ею. „Королей не снимают“, — воскликнула герцогиня. „В Америке снимают“, — ответил доктор». ¹³

О популярности Франклина среди парижского населения, о его широкой известности в Америке и за рубежом дает представление одно письмо Джона Адамса, будущего президента США, выполнявшего одно время наряду с Франклином обязанности уполномоченного Конгресса в Париже. «Слава его превосходит славу Лейбница, Ньютона, Фридриха и Вольтера. Нет ни одного ремесленника, ни одного кучера, ни одной прачки, ни одного человека в городе и на селе, кто не знал бы его имени. Его считают другом всего человечества и ждут, что он возвратит нам золотой век. Его лицо и имя знакомо всем, как луна». ¹⁴

Заметим здесь, что сам Адамс не принадлежал к числу друзей и почитателей Франклина и в качестве члена дипломатической миссии в Париже далеко не всегда оказывал ему поддержку.

Трудно не только рассказать о круге знакомых и друзей Франклина в Париже, но и просто перечислить их. В Пасси, тогда тихий пригород столицы Франции, где постоянно проживал американский посол, стекался на поклон старому «мудрецу из Пасси» цвет города — передовые, известные всему миру люди. Здесь часто бывал уже упоминавшийся нами Тюрго, герцог Ларошфуко, ¹⁵ Лавуазье, ¹⁶ аббаты Мореллэ и Деларош. ¹⁷ Навещал здесь Франклина и подолгу беседовал с ним Д'Аламбер. ¹⁸ Порог скромного дома в Пасси переступил однажды Жан Поль Марат, ¹⁹ тогда еще малоизвестный врач, написавший небольшую работу по физике и решивший показать ее Франклину. Много радостных дней и вечеров доставили Франклину приемы у мадам Гельвеций, вдовы философа Клода Гельвеция, ²⁰ где можно было встретить представителей науки, искусства и литературы и где сам Франклин всегда находил радушный прием и предупредительное к себе отношение.

Самым памятным событием в жизни Франклина стал, по-видимому, тот день, когда на приеме в Парижской Академии наук он встретился с Вольтером, властителем дум того времени, до этого находившемся в течение многих лет в изгнании. Эта встреча состоялась 29 апреля 1778 г. О ней Джон Адамс в своем дневнике записал: «Мы отправились в Академию наук, где слышали г-на Д'Аламбера, неперменного секретаря, который читал *Eloges* (похвальные слова, — *M. P.*) нескольким недавно умершим членам Академии. При этом присутствовали Вольтер и Франклин; поднялся шум по поводу того, что их надо представить друг другу. Это было сделано: они поклонились друг другу и вступили в беседу. Этого, однако, не было достаточно; должно было произойти что-нибудь помимо этого. Было похоже на то, что ни один из наших философов не понимал, чего еще от них ожидают; они взяли друг друга под руку, но и этого было недостаточно. Шум продолжался, и, наконец, послышалось восклицание: „Обнимитесь по-французски“. И оба престарелых актера этой большой сцены философии и фривольности обнялись, пожимая друг другу руки и целуя друг друга, после чего шум стал утихать. По всему королевству и, как я полагаю, по всей Европе потом говорили: „Как приятно было видеть Солона и Софокла²¹ обнимающимися друг друга“».²²

Впрочем, это была, в сущности, вторая встреча. За два месяца до этого Франклин вместе со своим младшим внуком навестил великого просветителя в доме, где последний остановился по приезде из поместья. Здесь, в покоях Вольтера, в обстановке совсем не торжественной и не многолюдной, произошла сцена, также вызвавшая широкие отклики: восьмидесятичетырехлетний патриарх, приветствуя своего знаменитого американского гостя и его внука, возложил руки свои на голову Вениамина Франклина младшего со словами: «*God and Liberty* («Бог и свобода»). По поводу этой встречи А. С. Пушкин писал: «Влияние Вольтера было неимоверно... Все возвышенные умы следуют за Вольтером. Задумчивый Руссо²³ провозглашается его учеником; пылкий Дидро²⁴ есть самый ревностный из его апостолов. Англия в лице Юма,²⁵ Гиббона²⁶ приветствует энциклопедию, Европа едет в Ферней на поклонение, Екатерина вступает с ним в дружескую переписку. Фридрих с ним ссорится и

мирится. Общество ему покорено. Наконец Вольтер умирает в Париже, благословляя внука Франклина и приветствуя Новый Свет словами, дотоле неслыханными!».²⁷

Несмотря на безмерно возраставшую свою популярность во Франции, Франклин не забывал и английских друзей, которые в самые тяжелые времена не переставали содействовать правому делу американской революции. Одно из виднейших мест среди этих англичан занимал по-прежнему Дж. Пристли; с ним Франклина связывали общие научные интересы. Английский химик и физик не замедлил возобновить с ним переписку, как только узнал, что посланец Соединенных Штатов прибыл во Францию. Первое известное нам ответное письмо Франклина из Парижа датировано 27 января 1777 г.;²⁸ оно, следовательно, написано месяца через полтора после прибытия Франклина во Францию. Эти полтора месяца были до предела заполнены хлопотами об установлении контактов с французскими правительственными и общественными кругами — первая, неофициальная, встреча с министром иностранных дел Верженном состоялась уже 27 декабря 1776 г.²⁹

В этой напряженной обстановке Франклин тем не менее не переставал живо интересоваться успехами науки. Свое письмо к Пристли он начал с выражения удовольствия сообщением ученого о своих изысканиях в области пневматической химии, как тогда называли область химии газов. Французские ученые были хорошо осведомлены о трудах Пристли, и Франклин поспешил написать своему другу: «С большим удовольствием слышал я, как высоко они Вас ценят, ибо слава моих друзей — моя собственная слава».³⁰

Общение Франклина с близкими ему людьми всегда носило непринужденный характер, и в письмах к ним он часто придерживался легкого шуточного тона, который был не чужд и его корреспондентам. Так и Пристли в письме к Франклину заметил, что не теряет надежды найти «философский камень». И Франклин и Пристли, конечно, были убеждены, что дальнейшие успехи науки дадут в руки человека необычайно мощную силу, может быть, еще большую, чем порох, который принес людям больше вреда, чем пользы. То была эпоха промышленного переворота, когда техника в сравнении с предыду-

щим веком начала развиваться поистине семимильными шагами. Наиболее дальновидные ученые уже тогда понимали, что наука может принести человечеству не только пользу, но и величайший вред, если ее достижения будут использованы в военных целях. Это опасение, даже тревога, выражено в письме Франклина к Пристли следующими словами: «Ваше шутливое замечание, что Вы не отчаиваетесь найти философский камень, вызывает у меня просьбу к вам: когда Вы его найдете, постарайтесь скорее утратить его, ибо я убежден, что человечество достаточно погрязло в грехах, чтобы больше не убивать друг друга».³¹

Здесь уместно сказать несколько слов об отношении Франклина к войне вообще. Над этим бичом человечества он не раз глубоко задумывался и даже набросал свои мысли в статье «Высказывания о войне».³² Тогда до тотальных войн было еще далеко, но и в те времена мирные жители терпели подчас от вражеского нашествия не меньше бедствий, чем солдаты действующей армии. Не следует забывать, что одной из побудительных причин захватнических войн была возможность безнаказанного грабежа населения захваченных территорий. Франклин был принципиальным врагом войны и считал, что если бы можно было устранить побудительные мотивы к войне, то легко было бы предотвратить саму возможность войны. «В интересах человечества в целом надо, чтобы бедствия войн и побуждающие их моменты были уменьшены. Если уничтожить грабеж, то будет устранено одно из поощрений войн, и мир, вероятно, будет более прочным и длительным».³³ Франклин любил повторять, что нет хорошей войны и плохого мира, ибо всякая война неизбежно влечет за собой жертвы и страдания, мир же нужен людям для их счастья и покоя.

Относясь отрицательно к войнам, Франклин все же считал, что война войне рознь, что война бывает и справедливая, какой является, например, освободительная борьба против чужеземцев, стремящихся силой навязать свою волю другим народам и поработить их. Не такие ли цели преследовали англичане, подавлявшие оружием — своим и наемным — борьбу американцев за свое освобождение? Франклин писал Пристли: «Из всех известных мне войн, война, которую ведет теперь Англия,

В. Франклин. (Гравюра Хайда. 1780).

Подпись под гравюрой: «Славен и жизнью, проведенной среди американцев, и великими опытами по электричеству».

является самой худшей, ибо она не имеет в своей основе ничего, кроме дикой ненависти к свободе и жажды наживы».³⁴

Когда Франклин писал эти строки, чаша весов склонялась на сторону английской армии, наносившей повстанцам тяжелые удары. Английская пропаганда изображала дело таким образом, что восстание колоний скоро будет совсем подавлено, что среди американцев возник раскол, который скорее, чем победа английского оружия, приведет к гибели революции. Однако правящие круги Англии принимали желаемое за реальное. В письме Франклина к Пристли мы читаем: «Я полагаю, что Вы хотели бы что-нибудь узнать об американских делах. В любом случае в следующей кампании мы будем значительно сильнее, чем теперь, богаче вооружены, более дисциплинированы, лучше снабжены. Когда я находился в армии под Бостоном, она не располагала и пятью патронами на солдата. Это скрывалось даже от нашего народа. Мир тогда поражался, почему мы так мало используем артиллерию, но мы не могли себе этого позволить, теперь же мы располагаем достаточным запасом пороха. Я уверен, что эта война закончится нашей победой и крушением Англии, если только она не постарается быстро ее прекратить... Не верьте слухам о наших внутренних разногласиях. Знайте, что мы едины и непоколебимы, как никогда и никто».³⁵

В эти дни французское правительство, оказывая существенную поддержку американским колониям в их войне против метрополии, все же не решалось еще на открытый военно-политический союз с Соединенными Штатами. Неудачи, преследовавшие повстанцев на первых шагах, лишь усиливали позицию тех влиятельных людей во Франции, кто высказывался в пользу осторожной, выжидательной политики. Однако в октябре 1777 г. в ходе войны наступил перелом: американские войска одержали серьезную победу на севере у Саратоги (штат Нью-Йорк), и это положило конец колебаниям французского короля и его министра иностранных дел графа де Верженна. Уже в феврале 1778 г. Франклин заключил франко-американский союз и подписал торговый договор между Францией и США. Отныне США не были одиноки в борьбе. На помощь им открыто выступила такая мощная держава, как Франция.

Одним из первых известий о подписании столь важного международного договора является хранящееся в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде письмо Франклина к своему зятю Р. Бейчу.³⁶ «Мы, — сообщает Франклин, — 2 марта 1778 г. заключили договор о союзе с Францией и наш торговый договор. Они очень выгодны для Соединенных Штатов. Они отправляются с этой же почтой. Вся Европа на нашей стороне, и Англия в замешательстве».³⁷

Известие о заключении военно-политического союза между Францией и Соединенными Штатами Америки было воспринято в Англии как вызов. В июне 1778 г. английский флот обстрелял французские суда. Это и послужило сигналом к открытию военных действий.

Франклин оказал своей Родине неоценимую услугу, добившись заключения договора о союзе и взаимопомощи с Францией, организовав с ее стороны большую помощь восставшим колонистам — оружием, военными материалами, деньгами и людьми. Его заслугу следует оценить тем выше, что условия его деятельности были чрезвычайно сложными и наряду с такими положительными факторами, как глубокие симпатии общественного мнения к борьбе североамериканских колоний за свободу и заинтересованность французского правительства в ослаблении Англии, существовали и факторы отрицательные. Франклин очень часто наталкивался на множество различных и иногда очень серьезных препятствий. Во Франции помнили не только о потере французских колоний в Северной Америке в 1763 г., но помнили и понимали, что победа Англии была бы в то время невозможна без активной помощи тех самых колонистов, которым Франция теперь собиралась оказывать всемерную поддержку. Французскому двору было ясно, сверх того, что американские колонисты ведут войну против своего «законного» государя и поддержка заокеанских республиканцев могла иметь одним из своих важных последствий усиление влияния свободолюбивых идей во всем мире, и прежде всего в самой Франции. Там к тому времени было достаточно недовольных властью «христианнейшего короля»: это недовольство несколько лет спустя нашло выход в революции, потрясшей основы абсолютизма во Франции. К тому же, как было отмечено выше, могущество Англии

было еще слишком велико, чтобы с легким сердцем вступить в войну с ней.

Действуя в этой исключительно сложной, полной противоположных общественных течений обстановке, Франклин, сверх того, не был свободен в своих действиях и поступках. Два других уполномоченных, назначенных Конгрессом в помощь Франклину, Сайлас Дин и Артур Ли, не только не содействовали успешному выполнению задач миссии, но существенно ему мешали. Дин был человеком ограниченным, больше коммерсантом, чем политиком и дипломатом, к тому же не вполне надежным и политически, что же касается Артура Ли, то это был честолюбивый, завистливый и очень раздражительный человек, относившийся ко всему, что предпринимал Франклин, с крайней подозрительностью и неодобрением. Оба они досаждали Франклину неумными, часто провокационными требованиями и советами и не раз своим бестактным поведением затрудняли Франклину выполнение возложенных на него задач. Они, в частности, нередко толкали Франклина на путь острых конфликтов с французским правительством, так как последнее, как им казалось, недостаточно обильно снабжало американских повстанцев оружием и военными материалами, да и финансовая помощь оказывалась, по их мнению, не столь щедро. Со стороны Франклина требовалось много усилий, чтобы сдерживать своих горячих и неблагоприятных коллег, не понимавших, что время для таких серьезных требований еще не наступило.

Следует, кроме того, подчеркнуть, что, оставаясь на труднейшем посту посла во Франции, хотя преклонный возраст и многочисленные услуги, оказанные им в прошлом отечеству, давали ему полное право на покой и отдых, Франклин все же не получал от Конгресса полной и безоговорочной поддержки. В Конгрессе было немало ограниченных людей, для которых Франклин был прежде всего отцом «изменника Уильяма», человеком отнюдь не представительным, сыном простого мыловара, так и не получившим систематического образования. Эти люди охотно прислушивались к разным сплетням и наговорам и постоянно, где могли, мешали Франклину.

Некоторые американские газеты, вдохновляемые недругами Франклина, прямо нападали на него, требуя его замены другим послом. «Познания Франклина в элект-

ричестве вовсе не означают наличие таких же познаний в области международной политики, — писала, например, газета „Connecticut Courant“ в номере от 21 сентября 1779 г. — Если он умеет при помощи бечевки направлять молнию, то из этого не следует, что он умеет проникать и в тайны английского двора».³⁸

Враги Франклина засыпали Конгресс доносами, в которых посол обвинялся в расточительстве, в недостаточном служебном рвении и небрежном ведении документации. Эти доносы и сами по себе способны были нарушить нормальный ход жизни в Пасси и затруднить Франклину исполнение его ответственных обязанностей.

Еще более важными представляются нам далекие от объективности замечания министра иностранных дел Франции де Верженна, выраженные им в письме французскому послу в Филадельфии: «Я питаю большое уважение к г-ну Франклину, но его возраст и стремление к спокойствию порождают дух апатии, несовместимый с его положением посла, и это тем более прискорбно, что имеются множество важных дел, о которых посол хранит молчание, тогда как его обязанности требуют, чтобы он сообщил свое мнение Конгрессу».³⁹

Все это достаточно отчетливо воспроизводит ту тяжелую обстановку, в которой приходилось работать престарелому послу.

И все же, преодолевая возникавшие преграды, обходя препятствия, пользуясь всеми средствами, совместимыми с достоинством и честью представляемой им страны, Франклин сумел обеспечить дипломатическую и политическую победу США, имевшую исключительно важные политические и экономические последствия.

После заключения договора с Францией основное поручение Конгресса Франклином было выполнено. Но на очереди стали еще и другие задачи, которые необходимо было срочно разрешать. Нужно было позаботиться о пополнении американской армии добровольцами, прежде всего офицерским составом — в нем особенно остро нуждались вновь формируемые войска колонистов. К счастью, почва для этого была благоприятной. Не только во Франции, где патриоты не переставали мечтать о том, чтобы отомстить Англии за позорный договор 1763 г., но и в других странах Европы нашлось немало охотников

посвятить себя борьбе за правое дело, считая американскую свободу делом, близким всему человечеству.

Некоторые из таких бескорыстных добровольцев прославились потом своими умелыми действиями и достигли высоких постов в американской армии. Выдающийся герой национально-освободительной борьбы польского народа Тадеуш Костюшко (1746—1817) впервые проявил свои военные и организаторские способности в армии Вашингтона, в частности во время решающей битвы при Саратоге. Из французских волонтеров наибольшую известность приобрел также маркиз Лафайет.⁴⁰

В действующую армию Лафайет вступил восемнадцатилетним юношей, снарядив на собственные деньги целый корабль и возглавив отряд французских добровольцев, отправляющихся в Америку.

Все это он осуществил без разрешения французского короля и этим снискал его немилость. Поэтому, когда после ряда сражений он вернулся во Францию, то не решился сразу появиться в Париже, а некоторое время проживал в портовом городе Гавре. Туда Франклин послал ему в дар золотую саблю с приветственным письмом, из которого приведем следующие строки: «Конгресс, цenia Ваши заслуги перед Соединенными Штатами, но не имея возможности достойно Вас наградить, постановил преподнести Вам саблю в знак благодарности. Постановлено орнаментировать ее соответствующим образом. На ней представлены некоторые главные военные действия, которыми Вы руководили и в которых Вы отличились своей доблестью. Эти надписи, вместе с несколькими превосходно выполненными эмблемами, составляют ее главную ценность. С помощью искусных художников, имеющихя во Франции, можно легко выразить все, что угодно, кроме тех чувств, которые внушают нам Ваши достоинства, и кроме всего того, чем мы Вам обязаны. Для этого недостаточны ни изображения, ни слова... Мой внук поедет с этой саблей в Гавр и будет иметь честь вручить ее Вам».⁴¹

Поток добровольцев превзошел самые смелые ожидания. Американская армия не была даже в состоянии принять всех желающих сражаться в ее рядах. Поскольку предложения явно превышали спрос, пришлось многим отказывать. Некоторые из претендентов прибегали к протекции друзей Франклина. В ответ на одну такую просьбу

Франклин написал своему другу: «Вы не можете себе представить, до какой степени я извелся. Все мои друзья только и думают, как бы доконать меня. Высшие офицеры различных рангов, леди, знатные и незнатные, не говоря уже о профессиональных просителях, — все докучают мне с утра до вечера. Шум каждого экипажа, въезжающего в мой двор, ужасает меня. Я боюсь принять приглашение пообедать у кого-нибудь из страха встретить там какого-нибудь офицера или его друга, который, заметив мое хорошее настроение после доброго стакана шампанского, станет атаковать меня. К счастью, эти сцены не преследуют меня во время сна, иначе я лишился бы единственного утешения. Если, после всего сказанного, у Вас сохранилась хоть капля доброты ко мне, если Вы не желаете способствовать тому, чтобы меня отозвали из Франции, то ради бога, дорогой друг, пусть Ваше 23-е ходатайство будет последним».⁴²

Надо сказать, что далеко не все добивавшиеся зачисления в американскую армию руководствовались искренним желанием помочь «общечеловеческому делу». Было немало и таких, кто имел в виду лишь сделать быструю карьеру. Знатные бездельники, шалопаи из влиятельных кругов благодаря своему происхождению и связям старались получить за океаном ответственные и высокооплачиваемые посты, которые были бы лишь синекурой. Такие люди полагали, что в новом государстве удобных должностей будет сколько угодно. Молодое государство действительно нуждалось в людских резервах, но ему нужны были только деятельные и трудолюбивые люди. Об этом Франклин подробно написал в своей статье «К сведению тех, кто собирается переехать в Америку».⁴³ «Америка, — сообщил в ней Франклин, — это страна труда и ни в коем случае не то, что называют раем для дураков, где, говорят, улицы вымощены большими булками, дома покрыты блинами и где летают жареные куры и кричат: *приди съешь меня!*».⁴⁴ Он привел следующее место из Конституции родного ему штата Пенсильвания: «Так как каждый свободный человек, чтобы сохранить свою независимость (если у него нет достаточного имущества), должен иметь какую-нибудь профессию, ремесло, торговлю или ферму, дающие ему возможность честно существовать, то не может быть никакой необходимости и пользы в том, чтобы учреждать выгодные должности,

обычным результатом которых является зависимость и раболепство владельцев и претендентов, не подобающие свободным гражданам, и раздор, борьба, подкуп и беспорядок в народе. Если когда-нибудь или где-нибудь путем увеличения жалованья или еще каким-нибудь способом должностное место станет настолько выгодным, чтобы многие стали добиваться его, то законодательная власть должна сократить это жалованье».⁴⁵

Свое презрение к людям, не имеющим за душой ничего, кроме знатности, Франклин выразил в следующих словах: «В Европе действительно это имеет свою цену, но этот товар не может быть привезен на рынок худший, чем Америка, где люди интересуются не тем, кто чужеземец, а тем, что он может делать. Если он знает какое-нибудь полезное ремесло, то его радушно примут, и если он выполняет свои обязанности и хорошо себя ведет, то его будут уважать все, кто его знает; но человека знатного, который благодаря этому захочет жить за счет общества на жалованье, будут презирать и игнорировать. Землепашцам и даже ремесленникам там оказывается уважение, так как их занятия полезны. Есть поговорка, что всемогущий бог — сам величайший в мире ремесленник, и его уважают и им восхищаются больше за разнообразие, изобретательность и полезность его работы, чем за древность его рода».⁴⁶

Далее Франклин еще более саркастически продолжает: «Людям (в Америке, — М. Р.) нравятся слова одного негра, и они часто их повторяют, что Боккарора (имеется в виду белый человек) „заставляет работать лошадь, заставляет работать быка, заставляет всех работать, кроме свиньи. Свинья не работает, она ест, пьет, гуляет, спит, когда захочет, она живет как джентльмен“».⁴⁷

Франклину было уже семь с половиной десятков лет, и хотя его энергия казалась неистощимой, а всех окружающих он по-прежнему поражал ясностью своих суждений, все же преклонный возраст не мог не сказаться на его здоровье. Давали себя знать старческие недуги; особенно донимала его подагра, приступы которой были очень мучительны. Когда в 1781 г. ему минуло 75 лет, он решил обратиться в Конгресс с просьбой об освобождении его от возложенных на него обязанностей.

Вот что писал Франклин 13 марта 1781 г. лидеру Конгресса: «Мне минуло 75 лет, длительная и мучитель-

ная подагра, изводившая меня последнюю зиму, надломил меня до крайности, и в настоящее время я чувствую себя далеко не таким здоровым, как раньше. Мои умственные способности как будто не сдали — должно быть, я об этом узнаю последний — однако я сознаю ослабление моей энергии, то есть качества, особенно необходимого на посту посла при этом дворе. Это внушает мне опасение, что от этого моего недостатка может пострадать наше дело». ⁴⁸

Далее Франклин писал: «Как общественный деятель, я на протяжении пятидесяти лет в той или иной форме пользовался доверием общества и сознание этого может удовлетворить всякое разумное честолюбие. Я не стремлюсь теперь ни к чему, кроме покоя, который, надеюсь, Конгресс мне предоставит, направив другого человека на мое место». Свое прошение об отставке Франклин закончил следующими словами: «Я хочу заверить Конгресс, что ходатайствуя об увольнении, я исхожу не из каких-нибудь сомнений в успехе нашего славного дела, не из отвращения к обязанностям по службе, а исключительно из вышеназванных побуждений. Поскольку в настоящее время я не в силах перенести трудности морского путешествия (последний переезд оказался для меня слишком утомительным) и не хочу подвергать себя риску попасть в плен в нынешнее военное время, прошу разрешить мне остаться здесь хотя бы до заключения мира; возможно это будет последний период моей жизни, и если знания и опыт, которые я приобрел, понадобятся моему преемнику — я охотно окажу ему помощь влиянием, которым я в известной мере располагаю, и советом».

Свое ходатайство об отставке Франклин возбудил тогда, когда ход войны предвещал близкую победу и начало мирных переговоров. Но именно поэтому Конгресс и отказал Франклину в его просьбе и поручил ему вести эти переговоры. Помимо всего прочего, его услуги оказались настоятельно нужными и потому, что сменивший прежнее правительство новый кабинет министров в Англии, состоявший из тех, кто требовал окончания войны в Америке, послал для переговоров в Париж Дэвида Хартли, ⁴⁹ одного из друзей Франклина.

Переговоры закончились подписанием 3 сентября 1782 г. англо-американского мирного договора, по которому Англия признала независимость Соединенных Шта-

тов Америки. В тот же день был подписан мирный договор между Англией и Францией. Договор с Соединенными Штатами был 9 апреля следующего года утвержден английским королем. Этим актом завершилась семилетняя война за независимость, и Соединенные Штаты Америки заняли почетное место в семье суверенных наций.

Франклин долго жил в Англии и хорошо изучил нравы тех, кто управлял этой страной. Он сознавал, что Англия, подписав договор, отнюдь не отказалась от своих честолюбивых притязаний. В декабре 1783 г. он писал президенту США: «Что касается английского двора, то мы, на мой взгляд, должны всегда быть начеку и всегда иметь в виду, что хотя мир и заключен, это, однако, не прочный мир, ибо Англия живет надеждой, что какие-нибудь изменения в Европе или разлад в наших рядах позволят ей вновь установить свое господство над нами, строго наказав всех причастных к движению за независимость. Официальные газеты подобны легчайшим предметам, таким, как солома или пух, — по их движению легко определить направление ветра. По высказываниям газет, по активности, которую проявляют английские представители в иностранных дворах, по тому, как они используют малейший инцидент или несогласие в наших рядах, ... по тому, как они стараются представить наше правительство как анархическое, которым народ недоволен и которое будто бы лишено влияния, — по всему этому я повторяю, легко определить, что Англия не питает к нам добрых чувств... Она обладает множеством агентов, готовых выполнить ее волю, причем многие из них обучены военному делу. В этих условиях мы должны сохранить нашу дружбу с иностранными державами и сплоченность в собственных рядах и точным исполнением наших различных обязательств сохранить доверие к нам... Нам надлежит оправдать нашу репутацию, ибо мы не знаем, как скоро судьба представит нам возможность приобрести новых друзей и их доверие».⁵⁰

Лишь в 1785 г., когда Франклину шел уже восьмидесятый год, он получил долгожданную отставку. Нелегко было ему покидать Францию, где протекли годы его напряженной, но исключительно важной для родной страны полезной деятельности, где он приобрел множество достойных, близких его сердцу друзей.⁵¹

Недуги, все чаще и острее мучившие Франклина, заставляли его думать, что он едет на родину умирать, что вся жизнь — ее он понимал исключительно как общественно-полезную деятельность — уже позади, а впереди только изнуряющая болезнь. В письме, адресованном Дэвиду Хартли и написанном им за пять дней до отъезда, Франклин отмечал с грустью: «Я не могу покинуть европейский берег, чтобы не проститься с моим дорогим другом м-ром Хартли. Мы оба были заняты самым лучшим из всех дел — обеспечением мира. Я оставляю Вас еще на посту, сам же, исполнив свой долг, отправляюсь, чтобы быть привязанным к постели. Пожелайте же мне покойной ночи, как я Вам желаю приятного вечера.⁵² Прощайте, верьте, всегда Вас любящий В. Франклин на 80-м году своей жизни».⁵³

АБОЛИЦИОНИСТ

Возвращение Франклина из Франции на родину было отмечено как всенародное празднество. Если не считать Джорджа Вашингтона, признанного национального героя молодой республики, никому не было воздано больше почестей, чем этому престарелому типографу, каким он себя не переставал считать до последних своих дней. Уважение, каким он пользовался, выражено в бесчисленном количестве официальных и частных документов, а также в откликах прессы всего мира. Среди приветствий, полученных Франклином, было и следующее письмо Вашингтона, посланное 25 сентября 1785 г.:

«Дорогой сэр!

«Вместе с другими публичными поздравлениями по поводу Вашего благополучного возвращения в Америку после долгого отсутствия и в связи с Вашими выдающимися заслугами я хочу лично выразить Вам свою признательность и заверить Вас, что никто не может сильнее, чем я, и с большим удовольствием, чем я, приветствовать Вас.

«С величайшим уважением остаюсь Вашим
Джордж Вашингтон».¹

Вся Америка считала Франклина своим великим сыном. Соотечественники называли его «Первым гражданином республики». Больше же всех им гордились колонисты Пенсильвании, где протекала вся его общественная, научная и политическая деятельность, за исключением тех лет, когда он представлял интересы своей родины за рубежом. По возвращении в Филадельфию Франклина сразу же избрали президентом штата Пенсильвания. Преклонный возраст не позволял ему теперь с былой активностью отдаваться политическим делам.

Остаток сил своих он посвятил тому, чтобы смыть позор Америки, каким он считал рабство. Рабство, являвшееся самым неприкрытым, жестоким и бесчеловечным угнетением негритянского народа в США, было глубоко противно гуманным и свободолюбивым убеждениям Франклина. Оно всегда встречало с его стороны яростное возмущение. Еще в 1772 г. в письме к известному американскому аболиционисту и филантропу Антони Бенезету он самым энергичным образом протестовал против работорговли. «Америка, — писал он с негодованием и болью, — ... поощряет отвратительную торговлю... с Гвинеей, и в то время, как она чванится своей добродетелью, любовью к свободе и справедливостью своих судов, она не сделала свободным ни одного негра».²

Негритянская проблема была для Соединенных Штатов тем более актуальной, что уже тогда негров насчитывалось в стране 600 тысяч человек, они составляли одну пятую часть всего населения США, которое достигало 3 миллионов жителей.

Движение за отмену рабства (по-английски abolition — отменять, упразднить) возникло задолго до войны за независимость. Во многих американских провинциях будущие руководители восстания колоний выступали против этого постыдного института, и во многих местах были учреждены аболиционистские общества, ставившие своей целью освобождение негров. Среди видных общественных деятелей, выступавших против рабства, были Т. Джефферсон, Т. Пейн,³ Т. Поунэлл,⁴ С. Гопкинс,⁵ Дж. Отис⁶ и др. Когда в колониях все выше поднималась волна народно-освободительного движения, передовые люди Америки надеялись, что справедливость восторжествует и рабство будет отменено. Однако их надеждам не суждено было сбыться.

В первоначальном тексте «Декларации независимости» Томас Джефферсон внес следующие строки, перечисляя преступления английского короля: «Он вел жестокую войну против самой человеческой природы. Он пограл ее священнейшие права, посягнув на жизнь и свободу лиц, принадлежащих к народу, который живет в далеком краю и никогда не причинил ему ничего дурного. Он захватывал и обращал их в рабство и в другом полушарии, причем часто они погибали ужасной смертью при перевозке их туда (в колонии). Эту пиратскую войну,

позорящую даже языческие государства, вел христианнейший король Великобритании, решившись поддержать торговлю человека человеком».⁷

Решающее слово осталось тогда за рабовладельцами. Усилиями их представителей в Конгрессе приведенные строки были исключены из «Декларации», но деятели американской революции, искренно преданные делу свободы, не сложили оружия и продолжали борьбу за отмену рабства в стране. Франклин, участвовавший в разработке цитированного выше документа, уже задолго до того проявил себя убежденным противником рабства. Когда же он возвратился на родину, американские аболиционисты единодушно признали его своим лидером, и он возглавлял это движение до самой своей кончины.

Говоря об этом периоде в истории аболиционистского движения, Уильям Фостер категорически утверждает: «Душой этой организации был Бенджамин Франклин».⁸ Когда Конгресс голосами реакционных элементов исключил из «Декларации» пункт, предусматривающий отмену рабства, и своим постановлением фактически узаконил этот позорный институт,⁹ Франклин решительно отмежевался от этого акта и подчеркнул свое несогласие с ним.

Отказ Конгресса отменить рабство предопределил непоследовательность и противоречивость основного закона нового государства: в то время как «Декларация независимости» торжественно провозглашала, «что все люди рождены равными и все наделены творцом определенными неотъемлемыми правами, к которым относятся права на жизнь, свободу и на стремление к счастью»,¹⁰ конституция обрекла значительную часть населения США на полное бесправие и подлинную рабскую долю. Много лет спустя, имея в виду это противоречие, Ф. Энгельс писал: «Весьма показательно то обстоятельство, что американская конституция, которая первая выступила с признанием прав человека, в то же самое время санкционирует существующее в Америке рабство цветных рас; классовые привилегии были заклеены, расовые привилегии — освящены».¹¹

Деятельность Франклина как идейного вождя аболиционизма была хорошо известна во всем мире, в том числе в самой Англии, где нашлось немало сторонников этого движения. Один из них, Джон Райт, прислал Франклину

в 1789 г. напечатанный за тридцать лет до этого документ, в котором осуждалось рабство. Франклин в своем ответе писал Райту: «Желаю успеха Вашим усилиям, направленным на освобождение негров. Призыв, содержащийся в Ежегоднике за 1758 год, не является первым посевом добрых семян, как там говорится, ибо, как я установил, сто лет назад Джордж Кейт выступал против рабства, рекомендуя своим друзьям предоставлять свободу своим неграм „после того, как они отслужат известный срок“». Далее Франклин указывал, что как только он открыл свою типографию в Филадельфии, он стал печатать такие призывы, исходящие от многих борцов за отмену рабства.¹²

Франклин глубоко сочувствовал бедственному положению не только негров, но и индейцев. Ему чуждо было чувство расового превосходства и пренебрежения, тем более ненависти к людям лишь на том основании, что цвет кожи их отличался темной или красноватой окраской. Это определило отношение американского ученого и демократа к неграм и к индейцам. С тех пор как европейцы появились в Новом Свете, им приходилось входить в тесное соприкосновение с жителями этого континента, населявшими его с незапамятных времен. Пока пришельцы не проявляли своих захватнических притязаний, белые и аборигены мирно уживались. Когда же в ход были пущены огонь и меч, то на насилие индейцы отвечали тем же, применяя традиционные формы расправы с врагами и способы, какие подсказывали им существовавшие у них быт и нравы, а также и те, какие они нередко заимствовали у самих европейцев.

Коренное население Америки в своем культурном развитии, конечно, отставало от европейцев, однако Франклин был далек от того, чтобы считать их дикарями. В период своего пребывания во Франции он напечатал на английском языке брошюру под названием «Заметки относительно дикарей Северной Америки»,¹³ где, опираясь на убедительные факты, показал, насколько несостоятельно само название «дикари», данное пришельцами коренному населению, у которого европейцы могут позаимствовать немало образцов подлинной культуры и высокой нравственности. Свой очерк Франклин начал со следующих строк: «Мы называем их дикарями, потому что их нравы отличаются от наших, которые мы считаем

верхом учтивости; они думают то же самое о своих нравах. Возможно, если бы мы могли беспристрастно изучить нравы различных наций, мы не нашли бы ни одного народа, настолько грубого, чтобы у него не было хотя бы некоторых правил вежливости, так же как мы бы не нашли ни одного настолько благовоспитанного народа, у которого бы не было остатков грубости».

Обстоятельно изучив жизненный уклад и нравы индейцев, Франклин утверждал, что кичливые европейцы могли бы поучиться у презираемых ими «дикарей» вежливости, которая, например, покидает англичан, когда предметом обсуждения являются спорные вопросы. «Имея возможность часто собирать общественные собрания, — отмечал Франклин, — индейцы добились большого порядка и благопристойности в их проведении... Тот, кто собирается говорить, встает. Остальные хранят молчание. Когда говорящий кончает и садится на место, ему дается еще пять или шесть минут для того, чтобы сосредоточиться, и, если он пропустил что-нибудь из того, что намеревался сказать, или хочет что-нибудь добавить, он снова может подняться и сказать. Перебивать другого, даже в общей беседе, считается в высшей степени неприличным. Как это отличается от поведения благовоспитанной английской палаты общин, где редкий день проходит без какого-нибудь столкновения и спора, что заставляет председателя кричать до хрипоты, призывая к порядку. Как это отличается от способа беседы во многих изящных салонах Европы, где если вы не произнесли свое суждение с большой скоростью, вас перебьют на полуслове нетерпеливой болтовней те, с кем вы разговариваете, и никогда не дадут докончить вашу фразу».¹⁴

Больше всего моральные достоинства индейцев видны при их встречах с белыми, которым они оказывали почтение и радушное гостеприимство. Европейцы, как известно, пришли в Америку не только с мечом, но и с крестом. Целая армия миссионеров занялась обращением в «истинную веру» туземцев, «погрязших во тьме невежества и суеверия», но эти «дикари» не раз преподавали уроки благопристойности «божьим людям», претендовавшим на роль их наставников. Франклин приводит следующий пример.

«Шведский священник собрал вождей индейцев Сускеханна и произнес проповедь, познакомив их с основ-

ными историческими фактами, на которых основана наша религия, как-то: грехопадение наших прародителей, которые съели яблоко, пришествие Христа, чтобы искупить зло, его чудеса и страдания и т. д. Когда он кончил, поднялся индейский оратор, чтобы поблагодарить его. „То, что вы нам рассказали, — сказал он, — очень хорошо. Действительно, очень плохо кушать яблоки. Гораздо лучше сделать из них сидр. Мы очень обязаны вам за то, что вы были настолько добры, что пришли так далеко и рассказали нам, что вы слышали от своих матерей. В ответ на это я расскажу вам несколько наших историй, которые мы слышали от своих матерей“. Далее следует изложение индейской легенды, достаточно, правда, наивной, но не более фантастической, чем библейские басни, которыми миссионеры любили угощать индейцев. У миссионера не хватило ни терпения, ни желания выслушать индейца до конца. „То, что я вам рассказал, было святой истиной, а то, что вы говорите, только небылица, вымысел и ложь“, — закричал „святой отец“. Оскорбленный индеец ответил: „Мой брат, мне кажется, что ваши друзья не дали вам достаточного образования, они недостаточно хорошо обучили вас правилам общепринятой вежливости. Вы видели, что мы понимаем эти правила и пользуемся ими и поэтому верим всем вашим рассказам, почему же вы отказываетесь поверить нашим?“¹⁵

Человек широких взглядов и необычайной эрудиции, Франклин категорически отвергал рассуждения чванливых завоевателей, приписывавших только «избранным» нациям, вернее верхушке этих наций, честь развития мировой культуры. Франклин понимал, что мировая культура и цивилизация обязаны своими успехами прежде всего широкому обмену культурными ценностями и что в сокровищницу общечеловеческого практического опыта индейцы внесли немало ценного. Истекшие после Франклина почти два столетия полностью подтвердили эти взгляды великого американца.¹⁶

Говоря о чувстве превосходства «белого человека», чувстве, не имеющем под собой никакого другого основания, кроме самомнения и превосходства в грубой материальной силе, Франклин имел, конечно, в виду не только американских «господ», но всех колонизаторов.

Он считал, что претендовать на расовое превосходство не имеет права ни один народ, в том числе, разумеется, и

английский, правящие круги которого приписывали себе особую роль по руководству всем миром, не говоря уже о «дикарях» — жителях английских колоний.

Эти идеи Франклин вынашивал долго; его взгляды на права и обязанности человека значительно развились и углубились в годы, когда он жил в Лондоне. Там у него нашлось немало друзей-единомышленников, которые тяжело переживали тот позор, каким покрыла себя Англия, занимавшаяся работорговлей более, чем какая-нибудь другая страна, организуя буквально охоту за обитателями завоеванной ею Африки.

Свою мечту об освобождении негров Франклин попытался осуществить, как только в 1775 г. вернулся из Англии в Филадельфию. В этом году он организовал Пенсильванское аболиционистское общество, президентом которого он и был избран.

Как человек, хорошо знающий жизнь, Франклин понимал, что освобождение негров связано с целым рядом острых проблем и что потребуются огромные усилия для того, чтобы вчерашним рабам создать жизненные условия, в которых они могли бы существовать как свободные люди. В том же 1775 г. он выдвинул «План улучшения условий существования свободных негров».¹⁷ Он предложил возглавляемому им обществу образовать несколько комитетов для разрешения различных вопросов по устройству жизни людей, не знавших, по существу, что представляет собой свободный образ жизни.

Первый из этих органов должен наблюдать (он так и назывался — Комитет по наблюдению) за «общим поведением и обычным положением свободных негров, давать им советы и указания, защищать от несправедливости и оказывать другие дружеские услуги». Особое значение Франклин придавал заботам о подрастающем поколении свободных негров. Задачу организации трудового воспитания и начального образования детей и юношей он ставил на первый план. Для этого он предложил создать Комитет попечителей и Комитет образования. Первый должен был следить, чтобы подростки-негры могли обучаться у добросовестных мастеров для овладения каким-либо ремеслом или профессией. Столь же важны были и задачи, возложенные на Комитет образования. Тогда еще ни в одной стране не существовало законов о всеобщем обязательном обучении. Определение детей

в школу зависело только от инициативы их родителей. Если дети белых родителей, правда тоже не всегда, но имели возможность получить хотя бы начальное образование, то негры, как правило, оставались безграмотными. Поэтому в отношении детей освобождаемых негров Франклин считал, что должны быть приняты меры, которые можно рассматривать как первый шаг к всеобщему обучению. «Комитет образования, — писал он, — будет наблюдать за школьным обучением детей и молодежи свободных негров. Члены Комитета будут побуждать их регулярно посещать школы, уже устроенные в этом городе, или организовать для этой цели новые; они будут во всяком случае заботиться, чтобы ученики могли получать образование, необходимое для их будущего положения в жизни».

Самыми сложными были, пожалуй, обязанности того органа общества, на попечении которого лежала забота о трудоустройстве освобождаемых негров.

Заботясь о привлечении подлежащих освобождению негров к полезному труду, Франклин требовал от Комитета найма, чтобы он постоянно имел в виду тех из них, которые станут высококвалифицированными работниками. Комитет, писал он, должен «заботиться, чтобы талантливые люди могли изучать подходящие для них различные ремесла, что может быть сделано, если их убедить подписать контракт на такой период времени, чтобы восполнить расходы их хозяев на их обучение и содержание». Если не удастся определить всех освобожденных негров таким путем, то Франклин предлагал учредить для этого специальные мастерские.

План Франклина нашел поддержку со стороны группы передовых людей Америки, успешно развивавших деятельность Аболиционистского общества и после того, как Франклин уехал во Францию. Хотя американская революция не оказалась в состоянии решить вопрос об освобождении рабов, позиции аболиционистов значительно укрепились. Деятельность общества оживилась, когда его президент вернулся — на этот раз окончательно — на родину. Через четыре года после возвращения в Филадельфию из Франции Франклин смог уже написать: «С особым удовлетворением мы сообщаем друзьям человечества, что при выполнении плана нашей Ассоциации наши старания увенчались 'успехом и далеко превзошли самые большие ожидания».

Этими словами начинается «Обращение к населению Пенсильванского общества содействия уничтожению рабства и оказания помощи свободным неграм, незаконно удерживаемым в рабстве».¹⁸ Отмечая успехи, достигнутые обществом, Франклин сознавал тем не менее, сколь они малы по сравнению с основными задачами, стоящими перед аболиционистами. «Рабство, — писал Франклин, — это такое жестокое унижение человеческой природы, что самое его искоренение, если только оно не проводится с максимальной осторожностью, иногда может сделать источником серьезных пороков. Несчастный человек, с которым долго обращались, как с животным, очень часто опускается и не имеет человеческого достоинства. Тягостные цепи, которые связывают его тело, сковывают и его умственные способности и ослабляют общественную привязанность его сердца. Он привык двигаться, как машина, по желанию хозяина; у него приостанавливается мышление; у него нет права выбора; причины и следствия имеют очень небольшое влияние на его поведение, потому что им преимущественно управляет чувство страха».¹⁹

В войне американских колонистов за независимость американские негры участвовали весьма активно и сыграли немаловажную роль в обеспечении победы. По окончании войны многие бывшие рабы в виде вознаграждения за военные заслуги получили свободу, но эта была ничтожная часть свыше полумиллионного негритянского населения США. Аболиционисты не сомневались, что, несмотря на ожесточенное сопротивление рабовладельцев, особенно в южных провинциях, поставленная ими цель рано или поздно будет достигнута. Однако возникавшие в связи с этим правовые проблемы могло разрешить в законодательном порядке только государство. Это побудило Франклина апеллировать от имени общества к Верховному законодательному органу страны.

Франклин отдавал себе отчет, насколько трудно побудить Конгресс к активным и решительным мерам, направленным к уничтожению рабства, но обратился все же 9 ноября 1789 г. в Конгресс с петицией, требовавшей запретить рабство. Автор петиции напоминал почтенным членам парламента, что «все люди созданы одним и тем же всевышним, они одинаково составляют предмет его забот; они имеют одинаковые права на свободу и благо-

состояние». «Соответственно этому, — говорилось далее в петиции, — нижеподписавшиеся считают своей обязанностью употребить все законные средства, чтобы уничтожить рабство и каждому существу сделать доступными блага свободы. Поэтому они убедительнейше просят вас обратить особенное внимание на рабство, оказать милость и милосердие этим несчастным, осужденным на вечное рабство, и удалить из нашей земли отвратительное противоречие — рабство в свободном государстве».²⁰

Работорговцы, конечно, и слышать не хотели об осуществлении планов, изложенных в петиции.

Особенно яростно протестовал в Конгрессе против требований аболиционистов представитель одного из южных штатов Джексон. В ответ на его выступление Франклин, за подписью «Историк», напечатал в «Федеральной газете» статью «О работорговле». Статья написана в таком же сатирическом духе, как «Эдикт прусского короля» или «Как из великой империи сделать маленькое государство». И в этой статье Франклин вкладывает в уста вымышленного лица мысли и слова тех, кого он бичует саркастической критикой. Сарказм получился особенно ярким, потому что вымышленный им Сиди Магомет Ибрагим в Диване Алжира произносит в защиту рабства речь, которая является воспроизведением выступления Джексона.

Статья представляет собой «письмо» к редактору «Федеральной газеты» и начинается со следующих слов: «Сэр, читая вчера в вашей замечательной газете речь мистера Джексона, произнесенную им в Конгрессе против вмешательства Конгресса в дела работорговли или попыток улучшить положение рабов, я вспомнил нечто подобное, изреченное устами члена Дивана Алжира — Сиди Магомет Ибрагима. Эта речь была произнесена сто лет назад, и подробную запись ее вы можете видеть в консульском отчете 1687 года консула в Алжире Мартина. Эта речь была направлена против удовлетворения петиции секты *Erika*, или пуристов, обратившихся с просьбой об уничтожении пиратства и рабства ввиду их несправедливости. Мистер Джексон не ссылается на эту речь. Возможно, он не видел ее. Но, если мы могли обнаружить в выразительной речи мистера Джексона некоторые из рассуждений Сиди Магомет Ибрагима, это только доказывает, что интересы и умы людей всех стран

и климатов действуют удивительно одинаково всякий раз, когда люди оказываются в сходных обстоятельствах».²¹

Далее следует «перевод речи африканца», в которой приведены доводы и аргументы Джексона, выразившего мнения рабовладельцев, для которых рабство является истинным благом. Речь так искусно имитирована, что читатель воспринимает наименования Диван, Сиди Магомет Ибрагим, *Erika* как — палата представителей, Джек-сон, Аболиционистское общество.²²

Памфлет был направлен в адрес не одного Джексона, он имел в виду и реакционное большинство Конгресса, которое провалило внесенный от имени Аболиционистского общества проект прекращения работорговли в Америке как первый шаг к повсеместной отмене рабства.

Памфлет метил не только в отечественных реакционеров и лицемеров, но и во всех тех, кто поощрял и поддерживал позорную торговлю людьми, безжалостную эксплуатацию рабов, прибегая для оправдания этого к самым нелепым и постыдным аргументам.

Памфлет этот написан 24 марта 1790 г. Больше Франклину не суждено было ничего написать: три недели спустя, 17 апреля 1790 г. великого ученого, философа и патриота не стало.

О последних днях Франклина сохранилось немного известий. Здесь приведем запись врача Джонсона, лечившего его: «Мучившая его в течение нескольких лет каменная болезнь, в последние 12 месяцев жизни держала его в постели. Во время острых приступов боли он вынужден был принимать значительные дозы опиума, но в перерывах между приступами он не только мог отдаваться чтению и свободно разговаривать с родными и с навещавшими его немногочисленными друзьями, но находил в себе силы заниматься общественными и частными делами, беседуя с людьми, специально приходившими к нему для этого. Во многих случаях он не только проявлял готовность делать доброе дело, что всегда было отличительной чертой его характера, но и полную всестороннюю умственную способность. Часто он проникался таким светлым и радушным духом, рассуждения его были полны такой жизнерадостностью, что слушавшие его испытывали истинное наслаждение... За шесть дней до смерти он впал в горячку, не сопровождавшуюся ника-

кими осложнениями, на третий или четвертый день он стал жаловаться на боль в левой стороне груди, сильно обострившуюся впоследствии, вызывая кашель и затруднение дыхания. В минуты наиболее нестерпимой боли ему казалось, что он недостаточно владеет собой. Он благодарил судьбу, которая была милосердна к нему и подняла его с самых низов на высокие посты, и считал, что страдания, испытываемые им, означают, что он должен уйти из мира, в котором он больше не может играть подобающей роли. За несколько дней до кончины боли оставили его, и у родных появилась надежда на его выздоровление, но внезапно настало ухудшение, и 17 апреля 1790 г. в 11 ч. вечера он тихо скончался в возрасте 84 лет и 3 месяцев». ²³

Из других известий о кончине Франклина достойны упоминания строки из письма доктора Раша к доктору Прайзу: «Это письмо известит Вас о смерти нашего друга Франклина. Закат его жизни был отмечен такой же моральной и умственной активностью, как и в зените. О своей кончине он говорил с близкими спокойно и мирно. За несколько дней до смерти он пытался подняться в постели и просил посадить его, чтобы „умереть достойно“. Его дочь выразила надежду, что он поправится и еще долго будет жить. На это он спокойно заметил: „Я не имею надежды“. Когда его попросили повернуться в постели, так как это облегчит ему дыхание, он сказал: „Умиравшему ничто не может быть облегчено“». ²⁴

Франклину посчастливилось обрести известность, славу и любовь своих земляков еще при жизни, однако только смерть показала, насколько широка была его популярность на родине и далеко за ее пределами. Двадцать тысяч человек сопровождали его гроб — подобных процессий с участием столь большого числа людей Филадельфия того времени не знала. Флаги на судах в порту были приспущены в знак траура. Когда гроб с телом великого ученого и гражданина был опущен в могилу рядом с местом вечного покоя его жены, артиллерийская батарея милиционных войск произвела прощальный салют основателю милиции этой провинции и первому ее полковнику. Множество учреждений, созданных по инициативе Франклина и благодаря его энергии, почтило его память специальными траурными заседаниями.

По мере того как печальная весть о кончине Франклина достигала различных стран Европы, она и там находила широкий отклик. Бюст Франклина был выставлен якобинцами в их клубе, а смерть его оплакивали все передовые представители французского народа. Парижская газета «Le Moniteur» 8 июля 1790 г., отдавая долг памяти Франклину, поместила письмо анонимного автора из Нью-Йорка, в котором в следующих словах определяется тяжесть утраты, понесенная народами Франции, Америки и всем культурным миром: «Франция потеряла в его лице искреннего друга, Америка — лучшее свое украшение, литературный мир — человека, который обогатил ее новыми жанрами. Хотя болезнь, терзавшая его на протяжении последних восьми лет, и прогрессирующая слабость должны были подготовить публику к печальному концу, тем не менее весть о нем потрясла всех... Он заслужил высочайших почестей, какие могла воздать ему его родина. Он умер, когда его имя славится в двух земных полушариях и в момент, когда воцарившийся мир между народами открывает перед его страной надежды на блестящее будущее. Мало найдется людей, которые были так счастливы, как он, и в такой мере, как он, заслужили это счастье».²⁵

Память о Франклине, выдающемся ученом, политическом и общественном деятеле американских колоний и молодой заокеанской республики, свято чтится на его родине и во всем цивилизованном мире. Обширная литература о Франклине, о его жизни, научной и литературной деятельности, помогает воссоздать в сознании позднейших поколений правильное представление об этом великом сыне американского народа, одного из активных руководителей национально-освободительной борьбы против колониальных угнетателей. И чем больше читаешь, чем глубже вникаешь в жизнь этого замечательного человека, тем тверже становится убеждение, что престарелый Франклин далек был от восторженной оценки той системы правления, которая установилась в молодых Соединенных Штатах Северной Америки. Нежелание правящих кругов облегчить положение поработанных негров, не говоря уже о полном их освобождении и уравнивании в правах, жестоко угнетало Франклина, как подлинного гуманиста и демократа. Он не мог, конечно, предполагать, что и 175 лет спустя после его кончины

положение негров в США останется таким же бесправным, а отстаивание принципов свободы и равноправия, зафиксированное в «Декларации независимости», будет рассматриваться властями США как проявление «нелояльности» по отношению к государственному и общественному строю республики.

Первое собрание сочинений В. Франклина в 6 томах было издано его внуком У.-Т. Франклином в 1817—1819 гг.; второе, более полное издание в 10 томах было выпущено Дж. Спарксом в 1836—1842 гг. В 1887—1889 гг., в связи с приближавшимся столетием со дня смерти Франклина, вышло из печати так называемое полное собрание сочинений под редакцией Дж. Байджелоу (Bigelow). К числу наиболее полных и лучших следует отнести издание Смита, увидевшее свет в 1905—1907 гг. Из многочисленных жизнеописаний Франклина наибольшего внимания заслуживает труд Ф. Расселла «Вениамин Франклин — первый цивилизованный американец».

Память и своеобразный культ Франклина сохраняется и поныне в Институте Франклина, основанном в 1824 г. в Филадельфии деятелями просветительных организаций, учрежденных в свое время самим Франклином. В 1825 г. Институт стал выпускать специальный журнал, являющийся ныне одним из наиболее популярных научно-технических периодических изданий. За время своего существования Институт Франклина организовал ряд выставок последних научно-технических достижений, главным образом в области электротехники и физики. С этой же целью поощрения оригинальных работ в области точных наук и техники Институтом были учреждены 12 медалей; ими были отмечены выдающиеся научные успехи в 1848, 1890, 1914, 1926, 1943 и 1946 гг. Исследованию жизни и деятельности Франклина посвящены сотни книг и статей на различных языках мира. Даже простое их перечисление, если бы это было вообще возможно, заняло бы много страниц. Имя Франклина, как мы неоднократно это отмечаем, широко известно ныне во всех странах мира каждому сколько-нибудь культурному человеку. Особую популярность приобрел Франклин в нашей стране, где передовые люди, борцы за научный прогресс и торжество справедливости пользовались неизменной симпатией и любовью общества.

СВЯЗИ С РОССИЕЙ *

Имя Франклина как оригинального ученого стало известно в России после первых сообщений в зарубежной периодической печати о его опытах с электричеством. Его труды были достойно оценены еще до того, как в С.-Петербурге был получен экземпляр его книги «Опыты и наблюдения».

Уже в первые десятилетия своего существования Петербургская Академия наук прочно заняла видное место среди мировых научных корпораций. Это было достигнуто, когда ею были опубликованы труды академиков, работавших главным образом над проблемами математики и механики. Вслед за этими областями знания выдвинулась физика, особенно новая ее отрасль — учение об электричестве. В 50-х годах XVIII столетия члены Петербургской Академии Г.-В. Рихман (1711—1753), М. В. Ломоносов (1711—1765), а потом Ф. Эпинус (1724—1802) внесли весьма ценный вклад в науку о грозовых явлениях и в начальную разработку теории электричества. Из последних исключительное значение приобрели исследования электричества академика Эпинуса. Значение его трудов для дальнейшего развития идей Франклина отчасти напоминает значение трудов Дж. Максвелла (1831—1879) по уточнению взглядов М. Фарадея (1791—1867).¹ В том и другом случаях имело место характерное для истории науки явление — опыты и наблюдения гениальных самоучек были математически подкреплены и истолкованы глубокоэрудированными учеными.²

Официальным актом признания Петербургской Академией наук заслуг Франклина было избрание его 2 ноября 1789 г. почетным или, как тогда говорили, иностранным

* Для составления данной главы автор использовал материалы, помещенные в его работе «Вениамин Франклин и его связи с Россией». М.—Л., 1958.

членом. В письме неперменного секретаря Академии И. А. Эйлера³ к В. Франклину отмечается, что хотя хронологически Петербургская Академия наук одной из последних проявила «публичный знак своего уважения» к великому американцу, она в течение четверти века фактически не переставала свидетельствовать о своем признании его выдающихся заслуг.⁴

Действительно, документы показывают, что в то время как в Западной Европе американский исследователь подвергался нападкам и даже осмеянию, в русских научных кругах и в периодической печати изыскания Франклина встретили восхищение и горячее одобрение. Документы, хранящиеся в Архиве Академии наук СССР, равно как и материалы, содержащиеся в газетах и журналах того времени, дают представление о том, как в Россию дошли сведения о проводившихся в далекой Америке экспериментах и как они были здесь приняты.

Впервые имя Франклина встречается в «С.-Петербургских ведомостях» 12 июня 1752 г. (газета издавалась Академией наук). Там было напечатано сообщение о его работах в области атмосферного электричества, указывавших реальные возможности устранения опасных последствий грозных разрядов. К этому времени за рубежом уже было издано упомянутое выше произведение Франклина по электричеству. Заметка (напечатана в «С.-Петербургских ведомостях» без указания автора), из которой русские читатели узнали об опытах Франклина, была составлена на основании сообщения от 1 июня 1752 г., полученного из Кельна.

Напомнив о том, что почти всем известны «полезные действия электрической силы», «С.-Петербургские ведомости» отмечали, что не только в научных изданиях, но и в общей прессе — «немецких, французских и итальянских ведомостях» — непрерывно появляются сообщения о многих вызванных ею «изобретениях и исцелениях».⁵ Однако, подчеркивает автор заметки, никто не полагал, что из далекой Америки можно ждать таких исследований, которые открывали бы новые горизонты в деле изучения электрических явлений или, как он выразился, «новых наставлений об электрической силе». Тем не менее дело обстояло именно так. «В Филадельфии в Северной Америке господин Вениамин Франклин столь далеко отважился, что хочет вытягивать из атмосферы тот страшный огонь, который часто целые земли погубляет».⁶ Далее при-

водится краткое изложение опытов Франклина с атмосферным электричеством и сообщается о повторении этих опытов во Франции.

Публичные демонстрации опытов с атмосферным электричеством производились во многих городах, в том числе и в Петербурге. Здесь такие демонстрации воспроизводил академик Рихман, и столичная газета поместила обстоятельный отчет об этом; он оканчивался следующим решительным выводом в пользу новой теории: «Итак, совершенно доказано, что электрическая материя одинакова с громовою материею, и те раскаиваться станут, которые преждевременно маловероятными основаниями доказывать хотят, что обе материи различны».⁷

«С.-Петербургские ведомости» сообщили и об оппозиции, с которой столкнулся Франклин в среде ученых того времени. Выступая 21 августа 1752 г. в Конференции (Общем собрании) Академии наук, Рихман не мог обойти молчанием противников (к ним принадлежал и такой видный ученый XVIII в., как упоминавшийся уже голландский физик П. Мушенбрек) новой теории грозových разрядов. При этом Рихман подчеркнул, что трудами Франклина в Филадельфии подтверждена справедливость взглядов на электрическую природу молнии, которые давно уже были высказаны учеными экспериментаторами.⁸

Как ни замечательны были труды Франклина, они все же нуждались не только в дополнениях и уточнениях, но и в некоторых исправлениях.

Как физик, Рихман отдавал себе отчет в том, что область электричества, обогащаясь все новыми фактами, сможет стать научной дисциплиной лишь при том условии, если экспериментаторы начнут изучать не только качественную, но и количественную сторону исследуемых явлений. Поэтому он сам приложил много упорного труда, чтобы построить электроизмерительный прибор.

Петербургский академик должным образом оценил усилия Франклина решить эту задачу. «Чтобы сделать явным движение электрической материи, — читаем мы в одной рукописи Рихмана, лишь недавно опубликованной, — Франклин, который первый открыл замечательное явление, а именно порождение электричества с помощью молнии, приводил в движение посредством электричества маленькую машину вроде ветряной мельницы, состоящую из очень легких картонных колесиков. Возможно, что эта

машина будет способна измерять силу электричества быстротой своего вращения».⁹

Имея в руках другой измерительный прибор, русский ученый сделал очень важное открытие своеобразной электризации проводника за счет электрической индукции и стекания заряда. «Указатель, — писал Рихман, — обнаружил, что остроконечная масса, надлежащим образом изолированная, находясь около тела, непосредственно электризуемого шаром, сама наэлектризовывается, если ее острие направлено на наэлектризованное тело и находится от него на расстоянии нескольких дюймов, ибо нить указателя, приложенного к такой массе, мало-помалу поднимается. Если удалить электричество из тела, электризуемого непосредственно шаром, то в остроконечной массе электричество постоянно ослабевает».¹⁰

Открытие, сделанное Рихманом, могло бы оказать исключительное влияние на дальнейшее развитие учения об электричестве, но подробнее разработать его он не успел, ибо вскоре после того, как были написаны приведенные выше строки, погиб, сраженный молнией во время опытов с атмосферным электричеством.

Остались неразработанными и многие другие мысли Рихмана, о чем свидетельствуют его недавно изданные труды. Он, в частности, указал на необходимость некоторых исправлений в описаниях опытов Франклина, в которых обнаружил неточности. И здесь важную услугу оказал его новый измерительный прибор. Вот, например, что он написал об опытах с лейденской банкой: «Франклин, открывший природное электричество. . . , утверждал, что после сотрясения происходит полное затухание электричества. Я этого не замечал, ибо всегда находил в линейке (измерительного прибора, — *M. P.*) осязаемое электричество после того, как отодвигал от нее руку и ставил банку на производно-электрические тела».¹¹

Рихман погиб 6 августа (26 июля) 1753 г.; весть о катастрофе распространилась по всему миру и в том же году дошла до далеких провинций Америки. Один из ученых друзей Франклина Джемс Бодуэн (1727—1779) написал ему 12 ноября 1753 г. из Бостона, что из прессы он узнал «о том, что в Петербурге один человек был убит молнией, когда производил опыты по защите от ее действия», и добавил: «если у Вас есть или будут более подробные сведения, я буду Вам благодарен за сообщения об этом».¹²

В ответном письме, посланном через месяц, Франклин писал: «До сих пор я не получил подробных сведений о смерти несчастного человека в Петербурге (о чьей судьбе я скорблю). В одной из газет было указано, что все письма оттуда подтверждают сообщение и упоминают имя (профессор Рихман), но ничего более. Я думаю, что мы будем иметь подробные сведения об этом происшествии и всех связанных с ним обстоятельствах в каком-либо из журналов или в Transactions of the Royal Society».¹³

Когда Рихман погиб, петербургский двор находился в Москве. Академия не замедлила подробно доложить о случившемся с описанием всех обстоятельств, которые удалось установить. Доклад Академии был опубликован в зарубежной печати. Известие об этом в конце 1753 г. поместил распространенный тогда английский журнал «Gentlemen's Magazine». До Филадельфии сообщения дошли лишь через несколько месяцев, и когда Франклин об этом узнал, он поместил 5 марта 1754 г. в своей газете «Извлечение из письма из Москвы, датированного 23 августа». Здесь приведем заключительный абзац, который принадлежит несомненно самому Франклину: «Этим роковым случаем подтверждено новое учение о молнии; много жизней будет спасено в дальнейшем практическими уроками, какие можно из него извлечь. Г-н Рихман делал опыты над природой молнии и установил свой стержень и провода на электрике самом по себе (диэлектрике, — *M. P.*), которые разобщили их от земли; а сам стоял слишком близко от места, где проволока кончалась, причем его тело дополняло контакт с землей. Ясно, что проволока привела к нему молнию через всю длину галереи: и если бы его аппарат был предназначен для обеспечения безопасности его дома и проволока (как и следовало бы) протянута без разрыва от крыши на землю, то более, чем вероятно, что молния прошла бы по проволоке, и ни дом, ни кто-либо из семьи не был бы затронут этим несчастным ударом».¹⁴

В напечатанном Франклином «Извлечении» имеются также такие строки: «Советник Ломоносов производил тот же опыт у себя дома, близ дома г. Рихмана, и наблюдал только большие искры в то самое время, когда тот был убит молнией». Изыскания М. В. Ломоносова завершились предложенной им теорией атмосферного электричества¹⁵ на основе идей, принципиально отличавшихся от воззрений Франклина. Последний допускал реальное существование

«электрической материи», Ломоносов же всегда ее отвергал.¹⁶

Взгляды Ломоносова на природу электрических явлений в известной степени предвосхитили развитую позже в XIX в. теорию поля.

Объясняя электрические явления в атмосфере «движением мирового эфира», Ломоносов дал свою теорию северного сияния, достаточно для того времени развернутую. «Франклинова догадка о северном сиянии, — писал он, — от моей теории весьма разнится. Ибо он материю электрическую для произведения северного сияния от жаркого пояса привлечь старается, я — довольную нахожу в самом том месте, то есть эфир, везде присутствующий. Он места ее не определяет, я выше атмосферы полагаю. Он не объявляет, каким она способом производится; я изъясняю понятным образом. Он никакими не утверждает доводами; я, сверх того, истолкованием явлений подтверждаю».¹⁷

Несмотря на эти свои расхождения с Франклином, Ломоносов всегда воздавал ему должное. Он подчеркивает: «Все сие не того ради здесь прилагается, чтобы я хотел себя ему предпочесть».¹⁸ Франклин с своей стороны внимательно следил за исследованиями Ломоносова явлений электричества. Об этом свидетельствует публикация в «Пенсильванской газете». Дошедшие до нас сведения указывают, сверх того, что и другие работы русского ученого были известны американскому исследователю.

В середине XVII в. во многих американских городах проживали ревностные любители естествознания. К их числу принадлежал Эзра Стайлс, священник из Нью-Порте в штате Род-Айленд, интересовавшийся метеорологией и природой полярных областей земного шара. Он знал, что в России им уделяется большое внимание; знал он и о проекте «Северо-восточного прохода», выдвинутом Ломоносовым, равно как и о других его работах, а также о трудах петербургских академиков (Брауна, Эпинуса) в области низких температур.

Желая установить личную переписку с М. В. Ломоносовым касательно его работ, и в частности об экспериментах с атмосферным электричеством, Стайлс обратился 20 февраля 1765 г. за содействием к В. Франклину, который в качестве представителя колоний проживал тогда в Лондоне.¹⁹

Нам неизвестно, состоял ли Франклин в переписке с другими петербургскими академиками; об этом можно бу-

дет сказать, когда будет опубликовано все его эпистолярное наследие. Тем не менее об их работах, особенно о работах Эпинуса, он был обстоятельно осведомлен. 29 мая 1763 г. он написал Стайлсу: «Русские физики нашли, что при сильном охлаждении ртуть переходит в твердое состояние и становится ковкой, подобно другим металлам. Следовательно, по всей вероятности, в обычном состоянии она является расплавленным металлом, который плавится при меньшем нагревании, чем другие металлы. Эпинус — член Петербургской Академии наук — недавно опубликовал труд на латинском языке (in quarto) „Tentamen Theoriae Electricitatis et Magnetismi“, в котором он применил мои основные положения об электричестве для объяснения многих явлений магнетизма, и я думаю, что он сделал это с большим успехом».²⁰

Среди работ Франклина по электричеству, помимо изучения грозových разрядов, наибольшее значение, как мы видели, имели исследования лейденской банки (электрического конденсатора) и выдвинутая им унитарная теория. Продолжая работы Франклина, Эпинус построил воздушный плоский конденсатор и наглядно показал, что для этой цели вполне пригоден любой диэлектрик. «К моему удивлению, — писал Эпинус, — сей прозорливейший муж не заметил того, что эта непроводимость или, иначе, сила сопротивления, препятствующая прохождению электрической жидкости, является всецело следствием сущности тел, электрических по природе (диэлектриков), она — не особое свойство стекла, а общее свойство всех тел, электрических по природе».²¹ Тем самым Эпинус внес еще одно существенное добавление к положениям, выдвинутым Франклином.

Принимая унитарную теорию Франклина, Эпинус четко разделил все тела в природе на проводники и изоляторы, хотя и не употреблял еще этих терминов. «В самом способе, каким другие тела действуют на частицы электрической жидкости, существует примечательное различие. В самом деле, одни из тел отличаются тем свойством, что электрическая материя в их порах движется с чрезвычайной легкостью и не встречает никакого сопротивления, свободно проходя через их поры в любом направлении; напротив, другие тела имеют такую природу, что с трудом лишь допускают такого рода движение и препятствуют ее свободному перемещению».²²

М. В. Ломоносов.

Эпинус, таким образом, вполне обоснованно написал в посвящении своего труда президенту Петербургской Академии наук К. Г. Разумовскому: «Меня в высшей степени удовлетворяет предложенная Франклином теория этой силы (электрической, — *M. P.*), с тех пор, как я неоднократно убеждался на опыте, что она лучше отвечает явлениям, чем какая-либо другая. Однако я пришел к выводу, что мне удалось обнаружить в этой замечательной теории некоторые недостатки; поэтому я приложил усилия к тому, чтобы исправить их и, при помощи этих исправлений, так приспособить эту теорию, чтобы она была приведена к полнейшему согласию с явлениями».²³

Франклин с своей стороны был знаком с трудами Эпинуса и, как отмечалось, высоко их ценил. Вот что он писал в 1773 г.: «Любой кусок стали, после того как намагничен, в действительности не приобретает извне большего количества магнетизма, чем он имел до намагничивания, а это естественное количество магнетизма только перемещается или отталкивается. Из этого следует, что сильный намагничивающий аппарат может намагнитить миллион стальных стержней, не передавая им никакой части своего собственного магнетизма и только приводя в движение тот магнетизм, который уже существовал в этих стержнях. Этой гипотезой я обязан преимущественно замечательному петербургскому ученому, г-ну Эпинусу. Она представляется мне столь же остроумной, сколько и основательной. Я говорю преимущественно потому, что читал книгу Эпинуса много лет тому назад и оставил ее в Америке. Поэтому могло случиться, что я кое-что в ней изменил или добавил от себя, и если что-либо представлено в искаженном виде, то ошибка должна быть отнесена на мой счет».²⁴

Идеи Франклина о природе электричества несколько позднее разрабатывал почетный член Петербургской Академии наук Д. А. Голицын (1734—1803),²⁵ живший тогда в Гааге. Он занимал пост русского посла в Голландии в годы, когда Франклин представлял свою страну во Франции. В работе Голицына, опубликованной в трудах Академии за 1777 г.,²⁶ он полностью разделяет взгляды Франклина на природу электрических явлений, указывая на несостоятельность противоположных воззрений.²⁷

Замечательно, что русский исследователь придерживался в своих изысканиях унитарной теории американского ученого. Необходимо отметить, что в это время были еще

широко распространены противоположные воззрения, получившие поддержку благодаря работам англичанина Роберта Симмера (ум. в 1763 г.), выступившего в 1759 г. в Королевском обществе с сообщением «Новые опыты и наблюдения, касающиеся электричества».²⁸

Голицын придерживался унитарной теории и в последующих своих работах, относившихся к области атмосферного или, как он писал в соответствии с терминологией того времени, естественного электричества. Эти труды²⁹ не остались незамеченными в литературе по истории электричества.³⁰

В России идеи Франклина не только изучались, но и широко популяризировались, главным образом в трудах Эпинуса. Этот выдающийся ученый второй половины XVIII в. выдвинулся и как деятель в области просвещения и популяризации науки. В XVIII в., кроме «С.-Петербургских ведомостей» (в специальных прибавлениях), популяризацией научных знаний занимались и другие печатные органы, в частности издававшиеся Академией «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» (переименованные затем в «Сочинения и переводы») и «Труды Вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства».³¹ Статьи Эпинуса печатались в этих журналах. Одна статья, озаглавленная «Рассуждение о средствах, служащих к отвращению повреждения, производимого громовым ударом и молнией домам и другим строениям», появилась в связи с выходом в свет в 1769 г. нового издания «Опытов и наблюдений» Франклина. Он прислал в Петербург экземпляра своего труда с дарственной надписью.³² Это произошло через 20 лет после того, как Франклин на основе поставленных им опытов с атмосферным электричеством впервые выдвинул идею защиты от грозы. Как известно, применение громоотводов встретило настойчивое сопротивление со стороны реакционных кругов; дело доходило даже до возбуждения судебных преследований против тех, кто применял это новшество.³³ Борьба длилась на протяжении десятилетий, и не без успеха для противников Франклина. Эпинус приводит письмо Франклина, написанное в 1762 г. во время его пребывания в Лондоне и адресованное Э. Киннерсли (о котором речь была в гл. VII). «Вы, — цитировал Эпинус письмо Франклина в русском переводе, — изобретение отвода громовых ударов так, как и многие у нас в Аме-

рике, признавали весьма важным, здесь же в Англии оно поныне немного почитают, так что, хотя лет с семь или с восемь публике дано знать, однако ж столько ныне известно, что еще ни единого дома или строения таковым способом не приведено в безопасность».³⁴

Написанная в условиях ожесточенной борьбы против громоотводов, начатой и в России церковниками, статья Эпинуса имела своей целью наглядно показать, что предложенное средство грозозащиты основано на новейших успехах учения об электричестве и что выводы, сделанные Франклином, подтвердились убедительными фактами, накопленными практикой многих лет.

Наличие надежного средства грозозащиты имело большое психологическое значение. Эпинус, так же как и сам Франклин, обращает особое внимание на то, что у весьма значительного числа людей уже одно приближение грозовой тучи вызывает панический страх и лишает их возможности спокойно трудиться. Он приводит высказывания самого Франклина из письма к Киннерсли, где тот особо подчеркивает, что грозоотвод способствует освобождению от этого тяжелого переживания, тем более что страх перед грозой наблюдается в жизни гораздо чаще, чем конкретно разрушительное действие молнии. Освобождение людей от этого страха, с точки зрения Франклина, является немаловажным достоинством его изобретения.

Популяризации знаний в России немало способствовали «Месяцословы», издававшиеся Академией наук. Она выпустила их с первых лет своего существования на протяжении свыше полутора веков.

Эти издания содержали общедоступные сведения по различным актуальным вопросам естествознания, преимущественно прикладного характера.³⁵ В «Месяцослове» на 1773 г. напечатана была большая статья «О происхождении грома». Касаясь истории изучения этого грозного явления природы, автор (статья напечатана без указания его имени) отмечает, что все попытки его объяснения не достигали цели, пока Франклином не была установлена электрическая природа молнии.³⁶

Далее автор указывает, что последующие изыскания, в том числе и работы петербургского академика Рихмана, подтвердили взгляды Франклина, которому принадлежит также и честь изобретения громоотвода.³⁷

В научно-популярных изданиях Академии каждый раз имя Франклина приводится, когда речь идет о грозových разрядах. В 1776 г. здание Академической гимназии было поражено молнией, и по этому случаю в издававшемся Академией наук журнале «Собрание разных сочинений и новостей» в отделе «Ученые известия» была помещена статья «Описание бывшей в Санкт-Петербурге грозы 11 сего месяца, с некоторыми другими свойственными к тому примечаниями». После перечисления повреждений, причиненных ударом молнии, в статье было указано, что шпиль Петропавловской крепости, снабженный громоотводом, ни разу не пострадал: «... бывшие в начале весны грозы хотя в близости оного происходили, однако оному вреда не сделали».³⁸

Все это свидетельствует, что признание в России заслуг Франклина, и в частности признание пользы громоотводов, не отставало от зарубежных стран и появившаяся было оппозиция их внедрению быстро ослабевала.

Когда был изобретен воздушный шар, произведший чрезвычайную сенсацию, и к Франклину обратились с просьбой высказать свое мнение о значении этого изобретения, он ответил словами, которые позднее повторил Фарадей, говоря о пользе научных исследований.³⁹ Это высказывание Франклина было напечатано в «С.-Петербургских ведомостях» после пространного описания опыта Монгольфье, произведенного перед французским королем в октябре 1783 г. и содержит следующие слова: «Г. доктор Франклин, вопрошен будучи недавно, что думает он о новоизобретенной воздушной машине, отвечал: „Она подобна новорожденному младенцу, о котором в начале бытия его ничего другого достоверно сказать не можно, кроме сего, что он требует попечения и порядочного воспитания“».⁴⁰

«С.-Петербургские ведомости» сообщили попутно и о выдающейся научной активности Франклина, в заметке, полученной от пражского корреспондента: «Американский министр г. Франклин, кажется, при всех своих великих трудах и попечениях, каковых требует устройство нового государства, не уклоняется еще и от упражнений своих в физике, в которой имя его не менее славно, как и в новой Американской республике. В письме к одному из здешних своих ученых знакомцев, где выхваляет он отличное богемское искусство в выделывании полотняных материй с зо-

лотом, упоминает он между прочим, что в Париже при плавке золота увеличивают силу огня целым градусом выше всех тех степеней, до каких оный искусством доселе доводим был, чрез то единственно, что раздувают уголье очищенным от флогиста воздухом; и притом говорят, что белое золото, которого прежде иначе расплавить невозможно было, как только самым лучшим к тому употребляемыми зеркалами, производится вышеупомянутым образом в несколько минут».⁴¹

Из основанных Франклином научных учреждений наиболее долговечным и плодотворным оказалось созданное им еще в 1743 г. Американское философское (т. е. научное) общество содействия успехам полезных знаний.

Это была первая и долгое время единственная в Америке научная корпорация, если не считать университетов и колледжей. Национальная Академия наук США (первым ее президентом был правнук Франклина А. Бейч) была создана более чем сто лет спустя, в 1863 г.

Деятельность этого Философского общества в России была хорошо известна; ее здесь высоко ценили, о чем свидетельствует, например, следующий факт. В 1775 г. в «Месяцослове» была напечатана статья «О Академиях», в которой приведены сведения о высших научных учреждениях разных стран; относительно созданной Франклином корпорации там говорится: «В Филадельфии в нынешние времена прославилось общество, которое учреждено на том же почти основании как Аглинское общество наук в Лондоне и которое во всем малым чем уступает славнейшим Европейским Академиям».⁴²

Свои труды Философское общество издает с XVIII в. Первый выпуск был прислан Петербургской Академии наук, о чем в Протоколе Конференции (22 августа 1774 г.) имеется следующая запись: «Представлен от имени Философского общества, учрежденного в Филадельфии в Америке, и через посредство знаменитого г. Франклина, первый том Записок под заглавием „Transactions of the American Philosophical Society, held at Philadelphia for promoting useful knowledge“. Vol. I from January 1-st 1769 to January 1-st 1771, Philadelphia, 1771. Труд передан в Библиотеку, и секретарю поручено поблагодарить Философское общество за этот дар».⁴³ Том этот, посланный в Европу, был сначала направлен в Лондон Франклину, находившемуся там в качестве представителя колоний, а он уже

послал его в Академию с своей надписью и датой 31 июля 1772 г.

Приведенная протокольная запись является первым известным нам документом о научном обмене между США и Россией. В 1945 г. Философское общество, приветствуя Академию наук СССР по случаю ее 220-летия, отметило в оглашенном на торжественном собрании адресе: «Близкие отношения между нашими обществами существовали с самого их основания в форме обмена изданиями, научными книгами, научными образцами и перепиской между работниками и членами наших обществ».⁴⁴

О внимании, которое привлек к себе первый выпуск «Трудов» Философского общества, можно судить по тому факту, что в «Академических известиях», печатном органе Петербургской Академии наук, рассчитанном на широкий круг читателей, было подробно сообщено содержание «Сочинения Ученого Американского общества, учрежденного в Филадельфии для приращения полезных знаний. Том 1 на 1769 и 1770 год».⁴⁵

Если в России имя Франклина было хорошо известно образованному кругу людей, то и Франклин был неплохо осведомлен относительно России. Это видно по его произведению «Рассмотрение интересов Великобритании в отношении ее колоний и приобретения Канады и Гваделупы».⁴⁶ Оно относится к 1760 г., когда шла война между Англией и Францией. Развивая свою точку зрения о том, что Канада должна принадлежать Англии, Франклин сравнивает территорию Канады и России и в связи с этим приводит данные о русской торговле. Из этих высказываний видно, что автор достаточно сведущ в данном вопросе. Находясь в Англии, которая на протяжении уже двух веков вела оживленную торговлю с Россией, Франклин пристально присматривался к тому, что привозилось оттуда. На глазах Франклина в Англии происходил тот промышленный переворот, когда возник огромный спрос на железо, ввозившееся, как известно, в больших количествах из России. При этом экспорт других товаров, которые издавна являлись предметом вывоза из России (меха, пенька и другие сельскохозяйственные продукты) не понизился. Все привозимые в Англию русские товары добывались или в глубине России, или на ее далеких окраинах, и Франклин внимательно знакомился с путями сообщений, обеспечивающими доставку указанных материалов на внешние

рынки. «Пенька, — писал он, — раньше доставлялась из Украины — самой южной части России, в Вологду и вниз по Двине в Архангельск, а оттуда опасным морским путем вокруг Нордкапа в Англию и другие части Европы. Сейчас она доставляется из той же области вверх по Днепру и затем вниз по Дунаю, причем большие расстояния проходятся сухим путем. Значительная часть русского железа — недорогого товара — перевозится за триста миль из глубины Сибири⁴⁷ по суше и по воде. Меха доставляются в Амстердам из всех частей Сибири и даже из самой отдаленной из них — Камчатки. Та же страна дает еще один пример широкой внутренней торговли».⁴⁸

Из другого сочинения Франклина, написанного им значительно позже — более, чем через десять лет, — можно заключить, что он глубоко вникал в статистические данные, доходившие до него и характеризовавшие прогресс русской экономики XVIII в. Давняя статья русского экспорта — пенька — оставалась по-прежнему одним из важнейших предметов вывоза; ее охотно покупали английские купцы. Франклин отмечает, что за тридцать лет число судов, отправлявшихся ежегодно из Англии за пенькой в русские порты — Петербург, Нарву, Ригу и Архангельск — увеличилось вдвое (с 250 до 500). «Это, — как подчеркивал Франклин, — поставило Англию в известную зависимость от России, так как без указанной статьи импорта не мог бы существовать английский флот и, следовательно, торговля Англии».⁴⁹

Если русские ученые напряженно интересовались научными работами Франклина, то за его общественной и политической деятельностью внимательно следили все прогрессивные круги русского общества. Это нашло отражение и в повременной печати тех лет, подробно освещавшей роль Франклина как одного из руководителей народно-освободительной борьбы американских колоний.

Когда правительство молодого американского государства возложило на Франклина исключительно важную миссию посла во Франции, «С.-Петербургские ведомости» поместили отчет о прибытии американского представителя в Нант: «Из Нантеса, от 7 декабря. Миль за 20 от гавани стал на якорь один американский капер о шестнадцати пушках, взявший на пути своем два английских судна... Суда сии и теперь еще в его власти. На капере сем находится славный доктор Франклин с двумя своими

внуками... Он говорит, что Англия не может уже теперь покорить мятежных селений (колоний, — *М. Р.*); что генерал Лее⁵⁰ соединился с генералом Васингтоном и что генерал Гове не осмелится сделать на него нападения. Престарелый Франклин живет уже другой день здесь в Нантесе; и по прошествии трех дней отправится в Париж. Должно думать, что он имеет важный предмет в своем путешествии».⁵¹

Затем помещено сообщение из Парижа от 16 декабря следующего содержания: «Славный доктор Франклин прибыл сюда на сих днях из Нантеса. Прямой предмет его путешествия неизвестен. Однако ж иные думают, что он с начальниками Конгресса пришел в несогласие и намерен пробыть во Франции до окончания ссоры с селениями. Иные же думают, будто он намерен жить неподалеку от Англии, дабы тем лучше споспешествовать примирению ее с селениями. Сам же г. Франклин хранит намерение свое в тайне и говорит только, что 30 числа октября, когда отправлялся он в путь, не было при Новом Йорке никакого достопамятного происшествия и что англичане нынешнею зимою не в состоянии будут пройти далее во внутренность земли».⁵²

А в следующем номере было помещено сообщение из Лондона: «Теперь за подлинно уже известно, что доктор Франклин прибыл во Францию, причем говорят также, будто он отправлен от Филадельфского Конгресса к французскому двору для заключения с Франциею союза. Англинский двор наблюдает по сему обстоятельству великую осторожность, и потому лорд Стормонт (посол во Франции, — *М. Р.*) присылает сюда часто нарочных с известиями, касающимися до сего сношения».⁵³

Противоречивые толки о цели приезда Франклина облегчали его задачу, так как скрывали его действительные намерения. Ему было весьма на руку то, что в прессе появилась версия о его «лояльности»; это было тем более правдоподобно, что сын его зарекомендовал себя как активный сторонник Англии, лоялист. Московская газета, которая, так же как и петербургская, систематически освещала события в Америке, писала в сообщении из Парижа: «Теперь за подлинно известно, что сей сединами украшенный муж ни малейше не входит в дела мятежных Американских селений, но паче он

совершенно предан королю Аглинскому так, как и сын его, губернатор Нового Ерсея (Нью-Джерси), который недавно писал весьма укоризненное письмо против Американского конгресса, обвиняя оный введением насильственного правления над своими соотчичами. По приезде своем доктор Франклин был в Версалии, где он долго разговаривал с Великобританским послом». ⁵⁴

Вскоре, однако, в дипломатических кругах стало известно об истинных намерениях Франклина, и об этом незамедлительно было сообщено в Россию русским послом в Париже кн. И. С. Барятинским. ⁵⁵ В донесении, написанном 15 декабря 1776 г., на второй день после приезда Франклина в Париж, Барятинский, упоминая о слухах, циркулирующих в связи с этим, отметил, что задачей Франклина является «трактовать с Францией» (т. е. вести переговоры) о союзе. ⁵⁶

Вопросы франко-американских отношений живо интересовали русскую прессу. «С.-Петербургские ведомости» напечатали датированное 20 декабря 1776 г. сообщение из Парижа: «Правительство здешнее приказало как в кофейных, так и в других публичных домах объявить, чтобы никто не дерзал говорить таких речей, какие находятся в Англинских Ведомостях, об американце ФранкLINE и других обстоятельствах; а особливо о том, будто Двор наш (французский, — М. Р.) вспомоществует отложившимся американцам». ⁵⁷

Тем временем из-за океана поступали новые сведения, подтверждающие слухи о превращении колоний в независимое государство.

Уже в помеченной 3 февраля 1777 г. корреспонденции из Парижа сообщалось: «Уверяют, что доктор Франклин получил из Америки письма, в коих объявляют, что между королевским войском под начальством генерала Гове и мятежниками, предводительствуемыми Васингтоном, происходило кровопролитное сражение, во время которого сии последние одержали победу». ⁵⁸ И скоро уже ни у кого не оставалось сомнения в том, что Франклин является представителем страны, которая сбросила с себя иго колониальной зависимости. В этом отношении показательна заметка, напечатанная в «Московских ведомостях» (14 марта 1777 г.). В ней сказано, что на карете, в которой обыкновенно ездит Франклин, изображен герб с надписью: «Libertas», ⁵⁹ т. е. Вольность.

Все же эту свободу, подлинную независимость от метрополии надо было еще завоевать. При таких обстоятельствах поддержка восставших колоний европейскими державами, враждовавшими с Англией, имела существенное значение. Главной задачей Франклина было заключить с ними, в первую очередь с Францией, прочный союз. Однако Франция оттягивала свое выступление, и положение американцев на театре военных действий становилось все более тяжелым.

Все это находило своеобразное отражение в русской прессе тех лет. Известия об успехах восставших давались всегда в сочувственных тонах. Положение за океаном освещалось по данным, получаемым как из Англии и Франции, так и из самой Америки, и в этих сообщениях подробно излагались сведения о деятельности Франклина в это тяжелое для его родины время, особенно в начале военных действий.

В корреспонденции из Лондона от 9 сентября 1777 г. «Московские ведомости» сообщали о перехваченном англичанами письме Франклина, адресованном американским представителям в Стокгольме; газета сопроводила это сообщение уточнением: «Сие письмо весьма много объясняет американские обстоятельства. Доктор Франклин жалуется в оном на поступок французского двора против Американского Конгресса в том, что оный (двор, — *М. Р.*) не сдержал своего обещания в рассуждении пересылки вспомогательных денег на продолжение войны против Англии».⁶⁰ «При всем том, — продолжает газета, — помянутый доктор ободряет помянутых агентов, чтобы они всеми силами домогались в Швеции получить несколько военных кораблей, в которых американцы имеют крайнюю нужду».

Скоро с театра англо-американской войны стали приходиться вести о дальнейших успехах американцев, и корреспонденты русских газет, ссылаясь на высказывания Франклина, спешили их опубликовать. «Говорят также, что доктор Франклин получил весьма приятные письма», — сообщали «Московские ведомости».⁶¹ Потом последовали сообщения о полном разгроме английских войск на некоторых участках. В тяжелое положение попали и главные силы англичан. В корреспонденции из Парижа, датированной 6 марта 1778 г., мы читаем: «Доктор Франклин получил из Америки известие, что

войско генерала Васингтона, по присоединению к нему на три месяца ландмилиции, умножилось до 40 тысяч человек и что войско генерала Гове претерпевает великий недостаток в съестных припасах». ⁶² Эти известия вызывали в образованных кругах русского общества напряженный интерес и горячо обсуждались. Русские газеты стали систематически печатать корреспонденции о дипломатических успехах американской миссии в Париже.

Уже более года Франклин проживал в Париже, а Соединенные Штаты Америки не были признаны Францией, однако он продолжал упорно стремиться к поставленной цели.

20 января 1778 г. корреспондент «Московских ведомостей» передавал из Лондона: «Американским агентам Франклину, Деану и Лее оказывается в Париже отменное уважение и слышно, что они были недавно допущены ко Двору. Сие обстоятельство почитается здесь несомненным доказательством, что между Францией и Селениями заключен будет трактат». ⁶³

Когда в марте 1778 г. Франция признала наконец Соединенные Штаты Америки независимым государством, в Англии об этом узнали еще до официального объявления, и первое сообщение в русскую печать было передано из Лондона: «В полученных здесь из Франции некоторых письмах уверяют за подлинно, что находящийся в Париже доктор Франклин признан там от французского министерства полномочным поверенным Американских Соединенных Селений». ⁶⁴ Это сообщение было датировано 13 марта, т. е. более чем за неделю до приема Франклина французским королем, что считалось официальным актом признания.

Обращает на себя внимание то, что на основании сообщений из Франции было опубликовано лишь краткое сообщение о состоявшемся в Версале приеме, ⁶⁵ обстоятельные же известия об этом событии, имевшем столь важное для молодого государства значение, были получены из Лондона. Не следует забывать, что у американцев и в Англии были друзья, поддерживавшие их благородную борьбу за свободу и независимость своей родины. Только благодаря этим друзьям Франклин, в бытность свою в Англии, избежал королевского застенка.

В переданном 3 апреля 1778 г. из Лондона сообщении нельзя не заметить явно выраженных симпатий корреспон-

дента русской газеты к молодому американскому государству: «Из Парижа получено известие, что американские поверенные, при данной им в Версалии аудиенции, приняты так, как посланники первого ранга. Поезд их во Дворец состоял из 20 карет, и служители одеты были в великолепную ливрею. По приезде их отдана им честь ружьем, военной музыкою и знаменами. Во Дворце встречены они стом человек швейцарцов. По введении их к королю отдан им поклон всеми собравшимися к зрению сей аудиенции перами, епископами, дворянством, министрами и дамами. Престарелый доктор Франклин столько тронут был сим зрелищем, что видны были у него на глазах слезы. Граф Вержень,⁶⁶ взяв его за руку, подвел к королю, который, приняв от него верующую грамоту, с ним разговаривал. При сей аудиенции было еще 17 других американцев, из коих некоторые отправляются к разным морским державам, единомысленным с Франциею. Теперь известно уже за подлинно, что г. Жерард, сын первого секретаря при министре иностранных дел, отправится к Конгрессу в лице французского полномочного министра».⁶⁷

Дипломатические отношения между Англией и Францией были прерваны еще до этой демонстрации франко-американской дружбы; послы обеих стран уже покинули соответствующие столицы. Помещая эти известия, московская газета писала, что Франклин поселился в Париже в том доме, который занимал до него английский посол.⁶⁸

Начались военные действия между Англией и Францией, развернувшиеся в основном в американских территориальных водах. «Московские ведомости» с самого начала освещали развернувшиеся события в благоприятном для Америки тоне. В русской газете появилась заметка, сообщавшая, что на одном из кораблей французской эскадры, направленной за океан, находился назначенный в Америку французский посол, «который в сем качестве с доктором Франклином подписал заключенный между Францией и Союзными Американскими областями трактат». Газета делала вывод, что в Америку послано подкрепление, и сообщалось, что в Париже «ни о чем более не говорят, как о том, куда назначен вышедший из Тулона флот». Она заканчивала свое сообщение словами: «Итак оный флот пошел в Америку».⁶⁹

Материалы об американской войне занимали очень много места в русской прессе того времени. Еще больше

внимания она уделяла заключению мира между воюющими сторонами.

Когда был подписан мирный договор, русская печать стремилась беспристрастно отразить впечатление, которое произвело это историческое событие и в Америке, и в Англии. В Соединенных Штатах оно вызвало радость и ликование: длившаяся в течение семи лет война, стоившая многих лишений и жертв, принесла им свободу от колониальной зависимости. В английских правящих кругах царили растерянность и уныние. Эти противоположные настроения отражены в следующей характерной корреспонденции, переданной из Лондона и напечатанной в № 43 «С.-Петербургских ведомостей»: «Доктор Франклин пишет одному из здешних своих приятелей, что известие о восстановлении мира произвело в Америке великую радость и что Конгресс учредил принести за сие благополучное происшествие всенародную богу благодарность». Далее корреспондент добавляет: «Здесь же и в других местах Англии не было еще за дарование мира таких богу благодарений».⁷⁰

Таким образом, мы должны отметить, что научные труды В. Франклина, его открытия и его многогранная блестящая политическая деятельность неизменно находили живой отклик среди просвещенных кругов современной ему России. Однако наиболее глубокий след в истории культуры и умственной жизни русского общества несомненно оставила его общественно-просветительная деятельность, его своеобразный моральный облик и четко выраженные этические взгляды, изложенные в целом ряде литературных произведений, которые не раз издавались на русском языке, даже спустя много лет после его смерти.

Научные заслуги Франклина, его популярные сочинения, рассчитанные на массового читателя, и гуманное самоотверженное направление всей его жизни и деятельности многие годы не переставали привлекать внимания передовой русской общественности. В «Московских ведомостях» в 1783 г. была напечатана серия очерков «Примечания о некоторых славных людях нынешнего столетия, взятые из одного новейшего французского сочинения», где о Франклине сказано: «Электричество преобразует всю физику; селения аглинские преобразуют всю политику. Франклин был главою при обеих сих важных переменах и тем самым заслужил себе у потомства два лучших места».⁷¹

Широта научных и общественно-политических интересов Франклина, как это было указано выше, счастливо сочеталась с многогранной и постоянной литературной деятельностью. Морально-этическим вопросам Франклин уделял в своих сочинениях особенно много внимания. Статьи на эти темы были широко распространены не только в Америке, но и в Европе. Переведенные на многие языки, они выдержали большое количество изданий и доходили до самых широких кругов читателей. О популярности этих сочинений Франклина свидетельствуют появление их в русской печати и положительные отзывы о них передовых представителей русской культуры.

При жизни автора самым распространенным произведением в Америке и Европе был «Альманах бедного Ричарда». В России это сочинение тоже выдержало несколько изданий. В русском переводе «Альманах бедного Ричарда» появился в 1784 г. в Петербурге под названием «Учение добродушного Рихарда» без указания автора; так издавался «Альманах» в Америке и в других странах. Кто является автором, впрочем, не составляло секрета. В предисловии к «добродушному Рихарду» сделано лишь следующее краткое редакционное примечание: «Сочинитель календарей в другой части света человек весьма известный». Ведь строгих правил относительно того, что мы теперь называем «выходными данными», тогда не существовало. На титульной странице отмечено, что оно «напечатано в вольной типографии у Карла Шнора», но не указано, с какого издания и кем выполнен перевод.

Во втором издании, вышедшем в Москве в 1791 г. под названием «Как благополучно век прожить. Наука доброго человека Рихарда», указано, что перевод сделан с французского, хотя и не названо имя переводчика. Московское издание отличается еще тем, что оно начинается с «Автора предуведомления»: «Предмет издания в свет сея книжки есть тот, чтобы распространить верные начала для мудрого поведения себя во время течения жизни и внушать вкус к гражданским и нравственным добродетелям тому драгоценному классу людей, без которых бы мы почти во всем имели недостаток. О есть ли б книжка сия возвала оных к первообразной их простоте и могла бы сделать им их труды, их семейства и их смиренные жилища любезными!».

Это произведение имело в России большой успех: оно издавалось не менее пяти раз и все в новых переводах.

Один из них был напечатан в 1804 г. в Москве известным издателем Платоном Бекетовым⁷² под названием «„Ручная философия“, или наука доброго Рихарда. Из сочинений В. Франклина». Это миниатюрное издание, помимо всего прочего, является ярким свидетельством высокого уровня книгоиздательского дела в Москве, продукция которого играла столь важную роль в истории просвещения в России начиная со второй половины XVIII в. Русский читатель, впрочем, имел возможность ознакомиться с сочинениями Франклина еще раньше.

В 1778 г. Общество любителей наук предприняло издание нового журнала «Санкт-Петербургский вестник», который, как сказано в «Предуведомлении», имел своей задачей «стать вместилищем всех российских как политических, ученых и физических, так и до свободных наук и художеств касающихся дел и известий, в коем разных склонностей читатели обретут для себя приятное и с пользою смешанное увеселение».⁷³

Редакция обещала наряду с оригинальными русскими произведениями печатать и переводы «из лучших французских, немецких и английских периодических сочинений». «С.-Петербургский вестник» издавался всего три года. В нем была напечатана «Надгробная надпись Вениамина Франклина, кою он сам себе сочинил, будучи типографом в Бостоне». Как в самом заголовке, так и в переводе текста эпитафии допущены некоторые неточности. Она написана в 1728 г., через пять лет после того, как Франклин покинул Бостон. Слова «Like the cover of an old book Its contents torn out and stript of its lettering and gilding» переведены: «Как переплет старой книги, лишенный своего сочинения, своей надписи и позолоты».⁷⁴ Но смысл строк, написанных Франклином в 22-летнем возрасте, передан правильно. Через всю жизнь он пронес мысль, что если б ему пришлось начать все сначала, то «согласился бы снова начать ту же жизнь».⁷⁵

Сочинения Франклина появлялись не только в изданиях, вышедших в Петербурге и Москве. В первом русском журнале, печатавшемся в провинции, «Уединенный пошехонец», мы находим «Аллегорическое и философское письмо к г-же Б. . . , писанное на английском языке».⁷⁶

Среди других сочинений Франклина, напечатанных на русском языке, преследующих поучительные цели, следует отметить «Нравственность игры в шахматы».⁷⁷ В 1791 г.

П Р А В И Л А
д л я
Ш А Ш Е Ч Н О Й
И Г Р Ы
СОЧИНЕННЫЯ ФРАНКЛИНОМЪ,
и
Переведенныя
с ъ
Французскаго языка.

П е ч а ш а н о
ВЪ С А Н К Т П Е Т Е Р Б У Р Г Ъ
1791 года.

Титульный лист брошюры В. Франклина «Правила для шашечной игры», 1791.

это произведение было переведено (с французского и не совсем точно) на русский язык под неправильным названием «Правила для шашечной игры, сочиненные Франклином». Как и в других своих статьях на этические темы, и в этой он пропагандирует оптимизм, призывая людей не падать духом в житейских затруднениях, а извлекать из них необходимые уроки.⁷⁸

Русские просветители конца XVIII в. к сочинениям Франклина проявляли большой интерес. Известный русский писатель и историк Н. М. Карамзин (1766—1826) предпринял в 1798 г. издание «Пантеона иностранной словесности», желая ознакомить широкий круг русских читателей, не владеющих иностранными языками, с произведениями писателей как нового времени, так и древних веков. «В древности, — писал Карамзин в предисловии к принятому им изданию, — назывались Пантеонами храмы, посвященные всем богам; в наше время называются Пантеонами места, посвященные разным удовольствиям, а я под именем Пантеона иностранной словесности издаю и буду издавать собрание переводов всякого рода для тех, которые не читают иностранных книг, но имеют вкус и любят чтение».

В третьем выпуске «Пантеона» Карамзин поместил три морально-философские притчи Франклина: «Челобитная левой руки», «Нога хорошая и дурная» и «Свисток».⁷⁹

В 1791 г. в Париже появилась на французском языке «Автобиография» Франклина. Несмотря на затруднения, связанные с событиями того времени, это посмертное произведение проникло в Россию, и Карамзин тотчас же на него откликнулся в издаваемом им «Московском журнале».⁸⁰

«Всякий, — писал Карамзин, — читая сию примечания достойную книгу, будет удивляться чудесному сплетению судьбы человеческой. Франклин, который бродил в Филадельфии по улицам в худом кафтане, без денег, без знакомых, не зная ничего, кроме английского языка и бедного типографского ремесла, — сей Франклин через несколько лет сделался известен и почтен в двух частях света, смирил гордость британцев, даровал вольность почти всей Америке и великими открытиями обогатил науки!». Карамзин упоминает также о предисловии французского издателя, указавшего, что перевод выполнен «с английского манускрипта, доставшегося ему в руки по особливому случаю».

СОБРАНИЕ
РАЗНЫХЪ СОЧИНЕНИЙ
ВЕНІАМИНА ФРАНКЛИНА.

Переводъ съ Французскаго.

МОСКВА,
Въ Типографіи Платона Бекетова.
1803.

Титульный лист «Собрания разных сочинений»
В. Франклина. 1803.

Отдельные части «Записок» Франклина неоднократно появлялись в русской печати. В журнале «Приятное и полезное препровождение времени» были напечатаны отрывки из его «Записок»,⁸¹ вышедших впоследствии в свет отдельным изданием. Была издана также та часть «Автобиографии» Франклина, где он рассказывал о применявшихся им средствах к самоусовершенствованию и о правилах, которые он в связи с этим выработал и которым неуклонно старался следовать. Часть эта под названием «Правила, руководящие к лучшей нравственности» издана в переводе П. Енгальцева в 1825 г.

Еще в XVIII в. в Москве в университетской типографии вместе с «Отрывком из Записок Франклиновых» отдельным изданием был напечатан ряд его статей, а также материалы из его эпистолярного наследия.⁸² В 1803 г. появилось «Собрание разных сочинений Вениамина Франклина», напечатанное, как и предыдущее издание, в Москве. Некоторые из них русские читатели уже знали: «Нравственность игры в шахматы», «Разговор эфемеров и монолог одного старого насекомого», «Хорошая и дурная нога», «Свисток», «Дорога к щастию, или Наука добродушного Ричарда», «Отрывок из Франклиновых записок». В «Собрание» вошли впервые напечатанные на русском языке морально-философские притчи: «Замечания на всеобщие мнения о жизни и смерти», «Искусство доставлять себе приятные сновидения», «Разговор Франклина с подагрой», «Письмо о роскоши, лени и трудолюбии», «Бумага, поэма», «Анекдот». В этом собрании научным вопросам посвящены «Мысли о теплотворной материи вообще и проч.» и «О теории земли», хотя эти работы и не относятся к числу наиболее глубоких научных исследований Франклина.

Составителя сборника, помимо морально-этических сочинений, интересовали и общественно-политические выступления Франклина. Последние представлены его статьей «Замечания о войне», в которой разоблачаются низменные побуждения организаторов и вдохновителей захватнических войн, и статьей «Замечания о диких Северной Америки».

В «Собрание» включены также материалы из обширного эпистолярного наследия Франклина, в том числе переписка с лордом Хоу. Кроме того, составитель включил в «Собрание» «Выписки из духовной Вениамина Франклина» и «Дополнения к духовной».

Таким образом, уже к началу прошлого столетия усилиями русских просветителей самые широкие читательские круги России могли ознакомиться с главными произведениями Франклина, отражающими основные направления его литературного творчества, характеризующие весь его облик мыслителя и общественно-политического деятеля.

Сочинения Франклина и работы о нем не переставали издаваться в XIX—XX вв. Его жизнь и деятельность становятся предметом публичных лекций и выступлений в печати.

Научные работы Франклина оказали значительное влияние на преподавание физики в русской высшей школе. Особенно памятно выступление профессора Московского университета П. И. Страхова (1757—1813), известного популяризатора физики. Его лекции, прочитанные перед широкой аудиторией, надолго запомнились слушателям, среди которых было немало людей, давно вышедших из студенческого возраста. Вот как описывает лекцию Страхова один из его слушателей: «В 1803 г. последовало первое преобразование Московского университета и открыты публичные лекции. Много лет прошло с того времени, но лекции опытной физики профессора Страхова были так занимательны, новы, интересны, что воспоминание о них и теперь еще доставляет какое-то неизъяснимое удовольствие посещавшим их. Каждую субботу в 11 часов утра Большая аудитория университета наполнена лучшею публикою... Карамзин, Дмитриев,⁸³ В. Л. Пушкин⁸⁴ и другие известные литераторы того времени были также слушателями занимательных лекций Страхова... Некоторые из любознательных посетителей записывали лекции, особенно о новых открытиях в физике, тотчас после окончания их. Вот отрывок одной уцелевшей с того времени: она об электричестве и очень занимательна. Сделав несколько удачных опытов, профессор произнес к посетителям: Теперь позвольте обратить внимание ваше на одного знаменитого мужа прошедшего века, снискавшего бессмертную славу глубокими познаниями природы. Им открыта электрическая сила, которая в новейшее время более и более занимает умы знаменитейших ученых в Европе; это — Франклин — философ, законодатель, дипломат... Он изобрел громовые отводы, и, когда повторены были дивные опыты этого открытия в Париже, Вольтер сказал: Если бы Франклин произвел свои

отводы во времена язычества, то, вероятно, Гомер в своей Илиаде сказал бы, что он обезоружил Юпитера Громовержца... Карамзин был восхищен этим панегириком Франклину; он подошел к Страхову и с живостью сказал: Признаюсь Вам, Петр Иванович, слушая Вас, я воображением переносился в Париж, где слушал лекции Вашего наставника, Бриссона,⁸⁵ также об электричестве и о Франклине, но Ваши лекции для меня занимательнее».⁸⁶

Образ Франклина, прогрессивного деятеля своей эпохи, сделался близким всем передовым представителям русской общественной мысли. Из них прежде всего следует назвать современника Франклина, революционера-просветителя А. Н. Радищева (1749—1802). В своем знаменитом произведении «Путешествие из Петербурга в Москву», самом резком в русской литературе XVIII в. протесте против абсолютистско-крепостнического строя, автор так перевел известное изречение Тюрго — надпись к портрету Франклина: «Eripuit coelo fulmen, sceptrumque tyrannis» — «Се исторгнувший гром с небеси и скиптр из руки царей».⁸⁷ В советской литературе уже отмечалось, что, переводя слово «tyrannis» словом «царей», Радищев подчеркивал свои глубокие антимонархические убеждения, считая всех властелинов, в том числе и «просвещенных монархов», первоисточником социальных несправедливостей.⁸⁸ Взгляды Радищева выражены в предшествующей приведенному изречению строке: «Надпись, начертанная не ласкательством, но истиной, дерзающею на силу».

Известно, как высоко ценил Франклина А. С. Пушкин, знавший многие подробности его жизни. Это нашло отражение в ряде высказываний великого поэта, между прочим в характеристиках деятельности Ломоносова и Радищева.⁸⁹

Для работы над очерком «Александр Радищев» Пушкин воспользовался записками статс-секретаря Екатерины II Храповицкого (впервые напечатаны в журнале «Отечественные записки», издававшемся П. Свиньиным в 1820—1830 гг.). Говоря о «Путешествии из Петербурга в Москву», Пушкин писал: «Книга дошла до государыни. Екатерина сильно была поражена. Несколько дней сряду читала она эти горькие, возмутительные сатиры. Он мартирист, говорила она Храповицкому (см. его записки), он хуже Пугачева; он хвалит Франклина. — Слово глубоко замечательное: монархиня, стремившаяся к соеди-

нению воедино всех разнородных частей государства, не могла равнодушно видеть отторжение колоний от владычества Англии».

Особый интерес Пушкин проявил к парижскому периоду жизни Франклина. Встречи и дружба его с прославленными французскими деятелями были в центре внимания культурных кругов всей Европы. Очень много говорили тогда о взаимоотношениях между ним и Вольтером. Об этом Пушкин знал. Ему известно было, что Франклин приводил к Вольтеру своего внука, которого французский мыслитель благословил, приветствуя народившуюся за океаном республику. Об этом Пушкин написал: «Вольтер умирает в Париже, благословляя внука Франклина и приветствуя Новый свет словами, дотоле несслыханными».⁹⁰

Самоотверженная борьба Франклина за свободу и независимость своей родины, его роль в аболиционистском движении сделали образ американского ученого и патриота привлекательным для всех, кто выступал против абсолютизма. Они внушали глубокое уважение не только его современникам в России, но и революционерам XIX в. Поэт-декабрист В. Ф. Раевский (1795—1872) в наброске «О политике», сравнивая Франклина с Наполеоном, отдает предпочтение первому, так как он оставался верным своим идеалам до конца, в то время как французский полководец задушил революцию. «Не Бонопарт сделал революцию: он только воспользовался ею для своего властолюбия... Вашингтон и Франклин — освободили от рабства Американские Соединенные Штаты».⁹¹

«Автобиографию» Франклина читали и питомцы Царскосельского лицея — будущие декабристы. Один из них, И. И. Пущин (1798—1859), находясь в Сибири на каторге, совместно с другим декабристом В. И. Штейнгелем (1783—1862) даже предпринял перевод «Записок» Франклина, но бдительное начальство позаботилось о том, чтобы этот перевод не дошел до русского читателя.⁹²

Систематическое изучение литературного наследия Франклина стало по-настоящему возможным в России лишь после того, как были изданы собрания его сочинений, включая и переписку, а также некоторые другие материалы. К ним обычно обращались, когда отмечались знаменательные даты жизни и деятельности прославленного ученого и общественного деятеля.

В Протоколе Общего собрания Академии наук от 4 февраля 1906 г. записано: «Посланник Северо-Американских Соединенных Штатов письмом от 18 января с. г. передал Академии от имени Американского философского общества приглашение на торжество 200-летней годовщины со дня рождения Вениамина Франклина, имеющее быть 17—20 апреля с. г. нового стиля в Филадельфии».⁹³

В те годы Академия, хотя и объединяла лучшие научные силы страны, все же стояла в стороне от того, что имело ярко выраженный общественно-политический характер. Даже празднование научных юбилеев практиковалось весьма редко. Чествование же памяти Франклина в охваченной революционным движением России неизбежно вылилось бы в политическую демонстрацию со стороны демократической общественности, поэтому ответ императорской Академии наук, принятый на Общем собрании, был очень сдержанным: «Положено приветствовать Общество от имени Академии». Была послана следующая, подписанная президентом телеграмма: «Филадельфия, Философское общество. Императорская Академия наук шлет горячие поздравления по случаю двухсотлетия рождения знаменитого ученого. Слава Вениамину Франклину».⁹⁴

Иное отношение к предстоящему юбилею было проявлено Русским физико-химическим обществом. Здесь чествование Франклина вылилось не только в научное празднество, но и в яркое выражение возмущения передовой научной общественности существовавшим в России самодержавным строем.

24 января 1906 г. на 240-м заседании Физического отделения Русского физико-химического общества председательствовавший Н. А. Гезехус⁹⁵ заявил, что Физическое отделение получило от Американского философского общества приглашение на намеченное в апреле в Филадельфии празднование юбилея Франклина. Было принято постановление: «Отправить от имени Отделения приветственное письмо Американскому философскому обществу»⁹⁶ и посвятить специальное заседание Отделения памяти прославленного ученого. Совет же Общества, «принимая во внимание огромное, универсальное значение Франклина», решил созвать объединенное собрание обоих отделений. Оно состоялось 16 апреля 1906 г.

Со вступительным словом «В. Франклин как ученый и как общественный деятель» выступил Н. А. Гезехус.

Речь профессора Н. А. Гезехуса отражала настроения и чаяния прогрессивных научных деятелей, желавших выразить свое сочувствие борьбе русского народа за свою свободу. Очерчивая выразительными, надолго запоминающимися штрихами образ Франклина, оратор показал, сколь, несмотря на отдаленность этой исторической эпохи, когда жил и творил Франклин, дела и мысли этого ученого и общественного деятеля были близки к современности.

«Франклин, — заявил Гезехус, — знаменит одинаково и как великий ученый, создавший учение об электричестве и изобретший громоотвод, и как выдающийся общественный деятель, боровшийся за независимость и свободу народа и указавший вполне ясно, остроумно и убедительно на меры, которые, в параллель к упомянутому изобретению, можно назвать погромоотводами... В области электричества, которую Франклину посчастливилось значительно расширить и осветить, в настоящее время благодаря накопившимся новым фактам, не укладывающимся в прежние рамки установившейся теории, идет разработка новой, так называемой электронной теории, очень напоминающей, в сущности, старую унитарную теорию Франклина. Как понятны и близки в настоящее время для нас также и те политические идеи, которые воодушевляли Франклина и которым он служил и словом и делом».⁹⁷

В Адресе, отправленном русским научным обществом Американскому философскому обществу в Филадельфию, говорилось: «Физическое отделение Русского физико-химического общества приветствует Американское философское общество с 200-летней годовщиной со дня рождения Вениамина Франклина. Для всех нас это имя напоминает о светлом царстве идеалов и разума. Русские дети в одной из первых своих книг читают описание жизни В. Франклина как пример добрых качеств человека; юноши в школах учатся на примере Франклина, как смелая мысль побеждает грозные явления природы; перед гражданами великой России, переживающей новую ступень движения к свободе, восстает славный образ вождя великого американского народа. — Физическое отделение посвящает свое апрельское заседание памяти В. Франк-

N 44

THE AMERICAN PHILOSOPHICAL SOCIETY
FOUNDED BY BENJAMIN FRANKLIN IN 1727-1743
For the Promotion of Useful Knowledge

EXTENDS TO
THE ACADEMY OF SCIENCES OF THE UNION OF SOCIALIST SOVIET REPUBLICS
C O R D I A L G R E E T I N G S
On the Occasion of
The Celebration of the Two Hundred and Twentieth
Anniversary of its Foundation.

Close Relationships between our SOCIETIES have existed since their Foundation by means of Exchange of their Publications as well as of Scientific Books, Specimens, and by Correspondence between Officers and Members.

John Bartram, a Charter Member of our Society, recorded the following Prophecy by a distinguished Russian Visitor to America:

"Who knows what Revolutions Russia and America may bring about! We are, perhaps, nearer neighbors than we imagine."

In the Spirit of that Prophecy we have commissioned two of our Members, HARLOW SHAPLEY, Vice-President, and DETLEV W. BRONK, to Convey in person the CONGRATULATIONS and BEST WISHES of THE AMERICAN PHILOSOPHICAL SOCIETY to THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES.

Thomas S. Gale
President

Philadelphia, Pennsylvania
June Fifth
Nineteen hundred and forty-five

Поздравление Американского философского общества, присланное в АН СССР в связи с 220-летней годовщиной со дня ее основания.

THE PAPERS OF BENJAMIN FRANKLIN

Sponsored by the American Philosophical Society and Yale University

LEONARD W. LABAREE, Editor

WHITFIELD J. BELL, JR., Assistant Editor

Yale University Library,
New Haven, Connecticut, U.S.A.
February 27, 1956

President A. N. Nesmeyanov,
Academy of Sciences of the U.S.S.R.,
E. Kaluzhskaya 14,
Moscow, U.S.S.R.

Dear Sir:

On the occasion of the 250th anniversary of the birth of Dr. Benjamin Franklin the Academy of Sciences of the U.S.S.R. paid tribute to this great scientist in a cablegram sent to the American Philosophical Society of Philadelphia.

This Society and Yale University, as you may know, are now engaged in preparing a comprehensive edition of all the writings of Franklin and of letters sent to him. For the past year and a half the editors have been searching for materials, which are owned by several hundred institutions and private persons, both in this country and abroad.

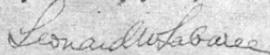
Franklin was elected a member of the Russian Academy of Sciences and the President of the Academy, Princess Dashkova, was made a member of the American Philosophical Society. In addition, Franklin may have corresponded with Lomonosov, and knew of the scientific work of Epinus, Braun, and others. Perhaps in the archives of the Academy of Sciences letters of Franklin or drafts of letters to him survive.

We do know, thanks to an article by M. Radovsky, secretary of the History of Physics and Mathematics Commission of the Academy of Sciences, that in the library of the Academy at Leningrad there is a copy of Franklin's book, Experiments and Observations on Electricity, inscribed by the Author to the Academy.

It is the editors' purpose to obtain photostat copies of all the original material on Franklin they can find. I am therefore writing to ask whether you will arrange to have photostatic copies made of the inscribed title page of Franklin's book at Leningrad, and of any letters from or to Franklin which, after search, may be found in the libraries of the Academy of Sciences at Moscow and Leningrad.

In a real sense Franklin belongs to all the world, and it is fitting that scholars and learned societies of the whole world are assisting in the preparation of this edition of his writings.

Very sincerely yours,

Leonard W. Labaree
Professor of History, Yale University
Editor, The Papers of Benjamin Franklin

Письмо издателя «The Papers» Леонарда Лабареэ президенту АН СССР в связи с 250-летней годовщиной со дня рождения В. Франклина.

лина, заложившего то простейшее и глубочайшее учение об электричестве, которое, как прекрасный цветок, вновь расцвело на научной ниве, утучненной поразительными открытиями последних лет».⁹⁸

Доклады, прочитанные на собрании Русского физико-химического общества, заметно дополнили русскую литературу о Франклине.

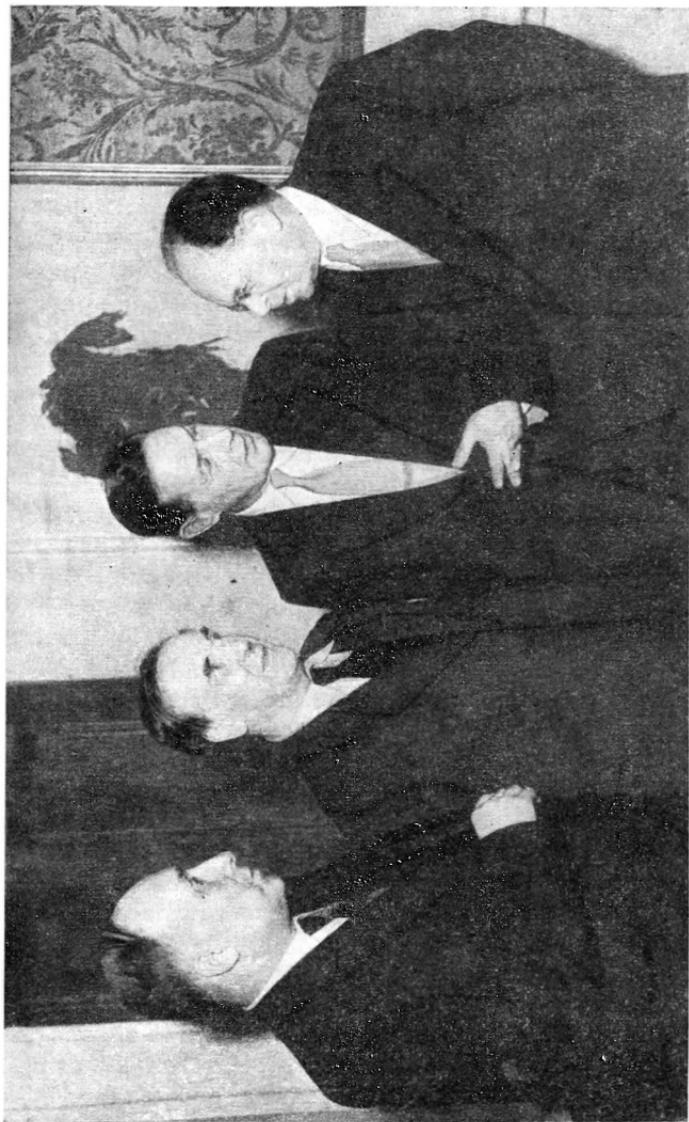
Основным работам Франклина был посвящен доклад В. К. Лебединского «Венъямин Франклин как исследователь электрических явлений».⁹⁹ Докладчик с присущей ему эрудицией и блеском нарисовал увлекательную картину борьбы, которую пришлось выдержать сторонникам новых революционных воззрений Франклина со старыми, отжившими представлениями, защищавшимися в середине XVIII в. видными научными авторитетами.

Остановившись на главных этапах развития учения об электричестве, насчитывавшего до Франклина уже более ста пятидесяти лет существования (считая началом труды У. Гильберта), В. К. Лебединский на ряде примеров показал, что «нужно было особое напряжение физико-философской мысли, чтобы найти нить, распутывающую электрические явления», и что это превосходно удалось автору унитарной теории.

Большой интерес представлял и доклад «Электронная теория как унитарная»,¹⁰⁰ прочитанный К. К. Баумгартом.

Через полвека уже в Советском Союзе в несравненно больших масштабах отмечалось 250-летие со дня рождения В. Франклина. В праздновании этой примечательной даты в истории мировой культуры приняли участие самые широкие общественные круги. Оно было отмечено торжественными заседаниями во многих городах Советского Союза.

В Актовом зале Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова состоялось торжественное заседание, организованное Академией наук СССР, Советским комитетом защиты мира, Московским государственным университетом им. М. В. Ломоносова, Союзом писателей СССР и Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей. Заседание открыл президент Академии наук СССР акад. А. Н. Несмеянов. Он охарактеризовал облик Франклина — ученого, общественного и политического деятеля — и сообщил собравшимся, что

Группа участников торжественного заседания в МГУ, посвященного 250-летию со дня рождения В. Франклина.

Слева направо: академики А. Н. Несмеянов и П. Л. Капица, чрезвычайный и полномочный посол США в СССР Чарльз Болен, академик К. В. Островитянов.

Президиум АН СССР принял постановление об издании трудов Франклина.

На этом заседании с большим докладом «Научная деятельность В. Франклина» выступил акад. П. Л. Капица, давший глубокую оценку его работ по электричеству с позиций современного уровня физики. Он отметил, что гипотеза Франклина о причине электрических явлений создала ясную картину процессов, происходящих при электризации тел, и эта картина до сих пор в основном остается правильной.¹⁰¹

Чл.-корр. АН СССР А. В. Ефимов посвятил свое сообщение общественной деятельности Вениамина Франклина. Он специально остановился на связях Франклина с Россией и отзывах о нем выдающихся русских деятелей.

Пресса — общая и специальная — широко откликнулась на этот юбилей очерками, исследованиями и новыми публикациями.

Все центральные газеты отметили 17 января 1956 г. — день рождения Франклина. «Правда» напечатала беседу с лауреатом Франклиновской медали акад. П. Л. Капицей. Обрисовав основные черты жизни и деятельности Франклина, П. Л. Капица закончил беседу следующими словами: «Франклин был одним из самых популярных людей XVIII в., и уже после смерти в 1790 г. обаяние его образа и слава его как крупнейшего ученого, борца за свободу и дружбу народов продолжают жить в памяти передового человечества. В эпоху быстрого роста естественных знаний каждая страна дала своего великого родоначальника науки. У нас это был Ломоносов, в Англии — Ньютон, в Италии — Галилей, в Голландии — Гюйгенс, во Франции — Декарт, в Германии — Лейбниц, в Америке — Франклин... И мы, советские люди, благодарны американскому народу, давшему человечеству великого Франклина».¹⁰²

Освещению роли и значения трудов Франклина в истории учения об электричестве были посвящены статьи Я. Г. Дорфмана «Вениамин Франклин — выдающийся физик XVIII века»¹⁰³ и И. С. Стекольниковой «Вениамин Франклин. К 250-летию со дня рождения».¹⁰⁴

Я. Г. Дорфман, исследователь творчества Ф. Эпинуса, показал, как петербургский академик в разработке математической основы электростатики опирался на теорию Франклина, дополненную его собственными изысканиями.

Я. Г. Дорфман отметил то новое, что внес Ломоносов в учение об атмосферном электричестве. Помимо фактов, относящихся непосредственно к теме, в статье Я. Г. Дорфмана содержатся и другие сведения, освещающие работы не только Франклина, но и его предшественников, а также ту обстановку, в которой жил и творил замечательный исследователь.

И. С. Стекольников, специалист по грозозащите, в своем очерке подробно рассмотрел работы Франклина в области атмосферного электричества и при этом остановился на проводившихся тогда в России аналогичных работах, приведших к сооружению «громовой машины» (молниеотвода).

В журнале «Коммунист» была напечатана статья И. В. Кузнецова «Вениамин Франклин — выдающийся американский ученый и общественный деятель». ¹⁰⁵ Автор изложил основные работы Франклина как в области учения об электричестве, так и в других областях физики; он привел некоторые сведения, относящиеся к участию Франклина в общественной жизни Америки, особенно в эпоху борьбы за независимость, коснулся просветительской деятельности Франклина и его философских воззрений.

Философские вопросы в творчестве Франклина были подробно рассмотрены в статье М. П. Баскина «Выдающийся американский мыслитель». ¹⁰⁶ Он отметил, что гневные высказывания Франклина против грабительских войн и ныне звучат как обвинительный акт против поджигателей войны, которых, как известно, еще немало на родине Франклина.

Среди прочих работ Франклина особенно выделяются его произведения, относящиеся к экономике, хотя надо сказать, что эта сторона деятельности Франклина наименее изучена. Поэтому значительный интерес представляет статья В. А. Казакевича «Воззрения Вениамина Франклина по экономическим вопросам». ¹⁰⁷

В сущности именно передовые экономические идеи Франклина предопределили его участие в освободительном движении, которое привело к отпадению английских колоний в Северной Америке от метрополии. Этой теме посвящена статья И. А. Белявской «В. Франклин — деятель национального освободительного движения американского народа». ¹⁰⁸

В связи со знаменательной датой Государственным издательством политической литературы выпущен в свет однотомник избранных произведений Франклина (под редакцией и с большой вводной статьей М. П. Баскина). Сюда вошли (в новых переводах) почти все сочинения Франклина, изданные на русском языке в XVIII и в начале XIX в., и целый ряд других работ. Из них прежде всего следует упомянуть «Автобиографию», впервые полностью переведенную. Все, что вошло в это издание, отражает основные разделы литературного наследия Франклина, за исключением его научных работ. Последним посвящен специальный выпуск издаваемой Академией наук серии «Классики науки». Издание включает двадцать пять писем (и приложения к ним), посланных П. Коллинсону и другим адресатам, с которыми Франклина объединяли общие научные интересы, касающиеся области электричества.

Юбилей Франклина был отмечен рядом других публикаций. В «Вестнике Академии наук СССР» был напечатан новый перевод писем к П. Коллинсону, где изложены основные воззрения Франклина на природу электрических явлений и происхождение атмосферного электричества.

В журнале «Исторический архив» опубликовано письмо Франклина к его зятю Р. Бейчу.¹⁰⁹ Оно хранится в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, в фонде известного коллекционера П. К. Сухтелена.¹¹⁰ Это письмо Франклина написано в Париже в марте 1778 г. (о нем речь была в гл. X), оно содержит одно из первых известий о заключенных при посредстве Франклина двух договорах о союзе и торговле с Францией. В журнале «Иностранная литература» были помещены отрывки (в переводе Н. Волжиной) из его мемуаров, охватывающие период юношеских лет до переезда в Филадельфию, и маленькие памфлеты: «Об экспорте уголовных преступников в Колонии», «Продажа гессенцев», «Заметки о североамериканских дикарях», «О переработке текста библии» и «О торговле рабами» (перевод А. Старцева). В последних произведениях Франклин выступает как смелый борец против угнетения негров и пользуется острым оружием сатиры, доводя ее до уничтожающего сарказма.¹¹¹ Этим публикациям предпослана обзорная статья А. Старцева, давно

работающего над изучением литературного наследия Франклина.¹¹²

В связи с 250-летием со дня рождения Франклина в США по почину Йэльского университета и Американского философского общества предпринято новое издание Полного собрания сочинений Франклина, куда войдет все то, что написано им и к нему. В этом поистине грандиозном издании принимают участие научные учреждения не только Америки, но и многих других стран, с которыми Франклин был связан. Как справедливо сказано в обращении редакции этого издания, Франклин принадлежит не только Америке, но и всему миру.

Академия наук СССР охотно приняла приглашение участвовать в этом издании сочинений Франклина. Она послала в Америку фоторепродукции документов и рукописей, хранящихся в нашей стране; предприняты и новые розыски материалов.¹¹³ Автографы Франклина, кроме Рукописного отделения Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, обнаружены в Отделе особых фондов Библиотеки АН СССР и в Рукописном фонде Ленинградского отделения Института истории АН СССР. Непрерывающиеся розыски, надо надеяться, принесут новые плоды.

Советские люди относятся с уважением ко всем научным и культурным ценностям, какие внесли народы мира в общую сокровищницу человеческих знаний, в многовековой опыт созидания и развития цивилизации и прогресса. Замечательный сын американского народа Вениамин Франклин занимает в сознании советских людей достойное место в рядах тех великих исторических деятелей, кто внес значительный вклад в развитие науки, кто успешно способствовал распространению освободительных идей и являл собой на протяжении своей долгой жизни образец ученого, просветителя, борца и гражданина.

ПРИМЕЧАНИЯ

К главе I

¹ А. М. Саймонс. Социальные силы в американской истории. Пер. с англ. С. Цедербаума. ГИЗ, М., [б. г.], стр. 19.

² Очень яркую картину бедственного положения английского крестьянства, вызванного развитием овцеводства и обезземеливанием хлебопашцев дал Томас Мор в своей «Утопии»: «Ваши овцы, — говорил он, — обычно такие кроткие, довольные очень немногим, теперь, говорят, стали такими прожорливыми и неукротимыми, что поедают даже людей, разоряют и опустошают поля, дома и города. Именно во всех тех частях королевства, где добывается более тонкая и потому более драгоценная шерсть, знатные аристократы и даже некоторые аббаты, люди святые, не довольствуются теми ежегодными доходами и процентами, которые обычно нарастают от имений у их предков; не удовлетворяются тем, что их праздная и роскошная жизнь не приносит никакой пользы обществу, а, пожалуй, даже и вредит ему. Так вот, в своих имениях они не оставляют ничего для пашни, отводят все под пастбища, сносят дома, разрушают города, оставляя храмы только для свиных стойл. Эти милые люди обращают в пустыню все поселения и каждую пядь возделанной земли, как будто и без того у вас мало ее теряется под загонами для дичи и зверинцами» (Томас Мор. Утопия. Пер. с лат. и комм. А. И. Маленина и Ф. А. Петровского. Вступ. статья В. П. Волгина. 2-е дополн. изд. АН СССР, М., 1953, стр. 62—63).

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. второе, т. 23, Госполитиздат, М., 1960, стр. 744.

⁴ См.: А. Л. Мортон. История Англии. Пер. с англ. Н. Чернявской. М., Изд. иностр. лит., 1950; А. В. Ефимов. Очерки истории США. Изд. 2-е, Учпедгиз, М., 1958; К. Н. Татаринова. Очерки по истории Англии, 1640—1815 гг. Изд. ИМО, М., 1958; В. Г. Трухановский. Новейшая история Англии. Соцэргиз, М., 1958.

⁵ К. Ф. Нейманн. История Американских Соединенных Штатов. Т. I. От основания колоний до президентства Томаса Джефферсона. СПб., 1866, стр. 25 и сл.

⁶ А. С. Самойло. Английские колонии в Северной Америке в XVII веке. Начальный период истории США. Изд. АН СССР, М., 1963.

⁷ П. Г. Мижуев. История великой американской демократии. СПб., 1906, стр. 12.

⁸ Цит. по кн.: Д. О. Заславский. Очерки истории Североамериканских Соединенных Штатов XVIII и XIX вв. М., 1931, стр. 8—10.

⁹ Мэн — штат на северо-востоке США в Новой Англии, граничит с Канадой, расположен на берегу Атлантического океана. Адми-

нистративный центр — Огаста. Назван в период оснований колоний «Мэн» для обозначения его материкового положения (Mainland) в отличие от островов.

¹⁰ Нью-Гемпшир (или Хэмпшир) — штат на северо-востоке США. Административный центр — Конкорд. Своим названием штат обязан капитану Джону Масону, уроженцу графства Гемпшир в Англии, получившему эту землю в «дар» в 1629 г.

¹¹ Виргиния — штат на востоке США, у побережья Атлантического океана. Административный центр — Ричмонд. Свое название штат получил в 1584 г. в честь «королевы-девственницы» (Virgin) Елизаветы.

¹² Род-Айленд — штат на северо-востоке США, у берегов Атлантического океана. Административный центр — Провиденс. Своим названием штат обязан итальянскому мореплавателю Джованни Веррадзано, который посетил в 1524 г. Наррагансетский залив и в своем отчете отметил, что один из островов напоминает по своим очертаниям о Родос на Средиземном море.

¹³ Массачусетс — штат на северо-востоке США, в Новой Англии. Административный центр — Бостон. Массачусетс — индейское название, означает «близ большого холма».

¹⁴ Коннектикут — штат на северо-востоке США у залива Лонг-Айленд. Административный центр — Хартфорд. Название штата происходит от индейских слов, означающих «близ приливо-отливной реки».

¹⁵ The Encyclopedia Americana. The International Reference Work, vol. 20, New York—Chicago—Washington, 1963, p. 156.

¹⁶ Пуритане — религиозная секта, возникшая в XVI в. и требовавшая «очищения» англиканской церкви от остатков католицизма. О пуританах см.: А. Л. Мортон, ук. соч., стр. 186 и сл. О деятельности этой секты в Америке см.: В. Л. Паррингтон. Основные течения американской мысли. Американская литература со времени ее возникновения до 1920 г. Т. I, Система взглядов колониального периода (1620—1800). Пер. с англ. Изд. иностр. лит. М., 1962, стр. 55 и сл.

¹⁷ J. Winsor. Memorial History of Boston. Boston, 1880.

¹⁸ Григорианский календарь (новый стиль) был принят в Англии в 1752 г. О Григорианском и предшествовавшем ему Юлианском календарях см.: Н. Идельсон. История календаря. Научное книгоизд., Л. 1925.

¹⁹ Bennett Nolan. Benjamin Franklin in Scotland and Ireland, 1759 and 1771. University of Pennsylvania Press, Philadelphia, 1938.

²⁰ Герцогство в средней части Англии; отсюда, между прочим, происходят и предки Дж. Вашингтона.

²¹ Подробности об этом посещении содержатся в письме к жене от 6 сентября 1758 г. (The Life of Benjamin Franklin, written by himself. Now first edited from original Manuscripts and from his printed correspondence and other Writings by John Bigelow. Second edition revised and corrected, vol. I, London, 1890, p. 392. — Далее: Bigelow).

²² См. Genealogy в кн.: The Papers of Benjamin Franklin, vol. I, January 6, 1706 through December 31, 1734. New Haven, Yale University Press, 1959, pp. XLIX—LXVI. — Далее: The Papers.

²³ В одном из своих писем жене (6 сентября 1758 г.) Франклин сообщает о посещении им родных мест в Англии, где жили его предки. Жена местного священника, пишет Франклин, очень живая старушка, показала ему могилы его предков, чьи надгробные памятники на-

столько покрылись от времени мхом, что с трудом можно было разобрать надписи на них. Она знала много подробностей из жизни этой большой семьи и в частности рассказала ему о Томасе Франклине — старшем брате его отца. Это был, по словам старушки, энергичный и передовой человек, интересовавшийся общественными делами. Он предложил простой и эффективный способ как извратить сельский луг от частых затоплений, причиняемых близкой рекой, к нему обращались во многих случаях за советом и помощью, и всегда он обнаруживал такую осведомленность, что некоторые даже приписывали это связи с нечистой силой. Свое письмо жене Франклин, говоря о дяде Томасе, заканчивает указанием, что тот умер за 4 года до рождения Франклина, но в тот же день и в тот же месяц (Bigelow, vol. I, стр. 392—393).

²⁴ См.: Жизнь Вениамина Франклина. Автобиография. В кн.: Вениамин Франклин, Избр. произв., Госполитиздат, М., 1956, стр. 420. — Далее: Избранные произведения.

²⁵ Мария Тюдор (1515—1558), прозванная Кровавой за жестокую расправу с «еретиками».

²⁶ Карл II Стюарт (1630—1685) занимал английский престол с 1660 г.

²⁷ Избранные произведения, стр. 421. — Сведения о своем происхождении Франклин получал не только от своего любознательного дяди, но и от отца, который более чем через десять лет после смерти брата написал сыну (26 мая 1739 г.): «Относительно происхождения нашей фамилии существуют различные мнения: некоторые говорят, что она произошла от своего рода заглавия, которое ясно указывается в книге, купленной тобой, когда ты был здесь. Другие полагают, что мы родом из Франции и прежде назывались Франками; есть и такие, которые приписывают нам свободное происхождение, свободное от вассальной зависимости, в которой находились люди в старое время; иные производят нашу фамилию от птицы с длинными красными ногами. Твой дядя Вениамин спрашивал у одного лица, осведомленного в геральдике, и тот сказал ему, что есть две линии гербов, одна, относящаяся к северным Франклинам, а другая — западным. Впрочем, обстоятельства наши были тогда таковы, что вряд ли стоило бы много думать над этими вопросами, разве только, чтобы дать некоторую волю воображению.

«Первым, о ком я могу сказать что-либо, был мой прадед; в те дни молодые люди часто уезжали искать счастья; так и он в своих путешествиях попал было к портному; но у последнего был такой скверный дом, что он покинул его и отправился дальше, и попал в дом кузнеца; это пришлось в постный день в те папистские времена, и ему с первого взгляда там не понравилось; на следующее утро нового слугу потребовали с пяти часов утра, но через некоторое время ему дали хороших гренков и хорошего пива, и он нашел, что хозяйство ведется здесь неплохо; он остался служить и обучаться ремеслу кузнеца... Мой дед также был кузнецом и жил в Эктоне в Нортгемптоншире, и был посажен в тюрьму на один год и один день, будучи заподозрен в том, что он автор стихов, затрагивавших одно высокое лицо. У него было только один сын и одна дочь. Моего деда звали Генри, отца — Томасом, имя моей матери было Джен. Мой отец родился в Эктоне, Нортгемптоншир, 18 октября 1598; женился на мисс Джен Уайт, племяннице полковника Уайта из Банбери, и умер на 84 году жизни. Нас было девять человек детей, и мы были благодарны своим роди-

телям, которые своими поучениями и благочестивым примером старались воспитать нас в религиозном духе» (The Papers, vol. II, Jan. 1. 1735—Dec. 31, 1744, pp. 229—231).

²⁸ В течение лишь одного года в деревне Сайлем (нынешний Дачверс) и в других населенных пунктах округа Эссекс были казнены 20 «ведьм и колдунов», 150 были заключены в тюрьму и еще двумстам было предъявлено обвинение (см.: Г. Аптекер. История американского народа. Колониальная эра. Пер. с англ. И. З. Романова. Изд. Иностран. лит., М., 1961, стр. 140).

²⁹ Там же, гл. 8 (Уильямс, Хатчинсон и «охота за ведьмами») и гл. 9 (Уайз, «Пробуждение» и Зенгер).

³⁰ О семье Франклина см. гл. I Family Relations в кн.: P. L. Ford. The Many-sided Franklin, N. Y., 1899, p. 1 sq.

³¹ Избранные произведения, стр. 424.

³² P. Folger. A Looking-Glass for the Times, or The Former Spirit of New England Revived in This Generation. Boston, 1676.

³³ Cotton Mather. Magnalia Christi Americana («Великие деяния Христа в Америке»). London, 1702.

³⁴ The Encyclopedia Americana. Complete in thirty volumes, vol. 11. New York—Chicago, 1953, p. 415.

³⁵ О Фолгере и литературу о нем см.: Dictionary of American Biography, vol. VI, London—New York, 1931, pp. 488—489.

³⁶ Мезер, Коттон (Mather, Cotton, 1662—1727), о нем см.: В. Л. Паррингтон. Основные течения американской мысли, т. I, стр. 159 и сл.

³⁷ Анабаптисты, буквально «перекрещенцы» — религиозная секта, возникшая в XVI в.; название получила от одного из выдвинутых ею требований, чтобы крещение производилось не в младенчестве, а в зрелом возрасте.

³⁸ О квакерах см. в следующей главе.

³⁹ Избранные произведения, стр. 422.

⁴⁰ Bigelow, vol. I, p. 98.

⁴¹ Избранные произведения, стр. 425. — В начале XIX в. памятник начал разрушаться, а надпись стерлась. Бостонцы возвели новый монумент с той же надписью и следующим прибавлением:

«Мраморная доска, на которой была высечена выше эпитафия,

Разрушена под влиянием времени.

Группа граждан,

Питающая глубочайшее уважение

К памяти знаменитого Вениамина Франклина

И желающая напомнить последующим поколениям,

Что он рожден в Бостоне

в 1706 г.,

Возвела этот

Обелиск

На могиле его родителей

в 1827 г.».

Под могильной плитой была положена серебряная пластинка с следующей надписью: «Этот памятник воздвигли граждане г. Бостона над останками родителей Вениамина Франклина из уважения к чертам его характера и общественным заслугам этого знаменитого патриота и философа, а также за особую привязанность к родному городу» (Bigelow, vol. I, pp. 103—104).

⁴² Carl van Doren. Benjamin Franklin. New York, 1938, p. 9.

⁴³ Три из них посвящены американскому племяннику — «тезке» (там же).

⁴⁴ in folio — лат. (в лист), in quarto (в четверть листа), in octavo (в восьмую часть листа).

⁴⁵ Избранные произведения, стр. 420—421. См. еще письмо В. Франклина своему двоюродному племяннику от 12 июля 1771 г. (Bigelow, vol. I, p. 95).

⁴⁶ Из братьев Франклина, достигших зрелого возраста, укажем: Самюэль — старший из сыновей, кузнец, за ним Иосиа — моряк, Джон — мыловар, подобно отцу, Петер — судовой шкипер и Джеймс — типограф (The Papers, vol. I, pp. LVII—LIX).

⁴⁷ Samuel Eliot Morrison. Three Centures of Harvard, 1636—1936. Cambridge, Massachusetts, Harvard university Press, 1946.

⁴⁸ Свою признательность к этому учебному заведению Франклин сохранил на всю жизнь; в его завещании мы читаем: «Я родился в Бостоне, в Новой Англии, и первыми познаниями в словесности обязан публичным грамматическим училищам, там заведенным; почему и оставляя исполнением моего завещания сто фунтов стерлингов, с тем, чтобы они сами, или те, которые займут их места, отослали их к директорам сих училищ. Директоров же и публичных главных надзирателей училищ прошу отдать эту сумму в проценты и на процентные деньги каждый год выбивать серебряные медали и раздавать их для награждения и поощрения учащимся. Во всем этом полагаюсь на благоразумие знатнейших граждан бостонских и надеюсь, что они расположат всё это приличным образом». (Выписка из духовной Вениамина Франклина в кн.: Собрание разных сочинений Вениамина Франклина. М., 1803, стр. 193—194).

⁴⁹ Избранные произведения, стр. 423.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же, стр. 423—424.

⁵² Там же, стр. 423.

⁵³ Там же, стр. 426.

⁵⁴ Плутарх из Хероней (ок. 46—ок. 126) — древнегреческий писатель, автор 50 дошедших до нас биографий греческих и римских деятелей; рус. пер.: Избранные биографии. Под ред. и с пред. С. Я. Лурье. Соцэкгиз, М., 1941; Сравнительные жизнеописания. В трех томах. Издание подготовили С. П. Маркиш и С. И. Соболевский. Изд. АН СССР, М., 1961—1963. (Серия «Литературные памятники»). Вышли в свет два тома.

⁵⁵ Дефо, Даниель (1660—1731) — английский писатель и политический деятель, автор знаменитого романа «Робинзон Крузо» (1719). «Опыты о проектах» изданы в 1698 г.

⁵⁶ An Essay to Do Good. Boston, 1710.

⁵⁷ Избранные произведения, стр. 426.

⁵⁸ См. гл. I. The Education of Benjamin Franklin в кн.: V. W. Сгап е. Benjamin Franklin. Englishman and American. Baltimore, 1936, p. 8.

⁵⁹ Carl van Doren. Benjamin Franklin, p. 13.

⁶⁰ См.: Хозяин и ученик. В кн.: Г. Майерс. История американских миллиардеров. Пер. с нем. С. О. Цедербаум, т. I, ГИЗ, М., 1924, стр. 41.

⁶¹ «Трагедия у маяка» была навеяна действительно имевшей место незадолго до этого трагедией: 3 ноября 1718 г. смотритель 1-го Бостонского маяка Георг Уортилейк утонул по пути в город вместе с же-

ной и дочерью, а не с двумя дочерьми, как ошибочно указал Франклин в своих автобиографических записках (Carl van Doren. Benjamin Franklin, p. 9).

⁶² 2-я баллада написана 13-летним Франклином в марте 1719 г., после того как в «Boston News Letter» был помещен отчет о стычке полиции с пиратом Эдвардом Тичем 22 ноября 1718 г., во время которой последний был убит (The Papers, vol. I, p. 7).

⁶³ Избранные произведения, стр. 427.

⁶⁴ Там же, стр. 427—428.

⁶⁵ В Америке в те времена доступ женщинам в немногочисленные высшие учебные заведения был закрыт, как, впрочем, закрыты они были и для их современниц в Европе. Тем не менее из среды женщин в Новой Англии еще в XVII в. выделялись способные писательницы, встречавшие на пути своего творчества множество препон и именно поэтому остро чувствовавшие несправедливость существовавших социально-политических порядков. Настроения этих женщин, глубоко переживавших общественную неправомерность своего положения, ярко выразила поэтесса XVII столетия Анна Бредстрит (Anne Bradstreet, 1612—1672) в книге стихов, впервые изданной анонимно в 1650 г. в Англии, под названием «The Tenth Muse, Lately Sprung up in America» (Десятая муза, недавно появившаяся в Америке):

«Здесь многие клеветают на меня,
Что, мол, иглу бы ей в руке держать,
А не перо. Но я, за женщин мстя,
Сумею и пером всяк злой язык пронзять!
Да не всесиально и поэта мастерство.
Пусть и пронзит их всех мой стих могучий,
Они шипеть все же будут: „Воровство,
(Какой она поэт!) или удачный случай“».

Цит. по переводу, приведенному в кн.: Г. Аптекер. История американского народа. Колониальная эра, стр. 133; см. также: История американской литературы, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1947, стр. 40.

⁶⁶ Избранные произведения, стр. 428.

⁶⁷ Этот журнал издавался в Лондоне в 1711—1712 гг.; в нем участвовали такие видные английские писатели, как Аддисон и Дефо.

⁶⁸ Избранные произведения, стр. 428—429.

⁶⁹ Там же, стр. 429.

⁷⁰ Thomas Turgon. The way to Health, Long Life and Happiness or a Discourse of Temperance, 1691. — Впервые напечатано в 1682 г. под названием «Health Grant Preservation, or the Womans Best Dostor».

⁷¹ Избранные произведения, стр. 429—430.

⁷² Ксенофонт (430—355 до н. э.) — древнегреческий историк и политический деятель, ученик Сократа. Произведения Ксенофонта, переведенные на русский язык: Греческая история. Пер., вступ. статья и комм. С. Лурье. Соцэкгиз, Л., 1935; Анабасис. Пер., статья и прим. М. И. Максимовой. Под ред. акад. И. И. Толстого. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951.

⁷³ Шефтсбери, Антони Эшли Купер (Shaftsbury, Anthony Ashley Cooper, 1671—1713) — английский философ-моралист.

⁷⁴ Коллинс, Антони (Collins, Anthony, 1676—1729) — прогрессивный английский философ, последователь Дж. Локка.

⁷⁵ Избранные произведения, стр. 430.

⁷⁶ Там же, стр. 430—431.

⁷⁷ Лорду Роскоммону (Roscommon, Wentworth Dillon, 1630—1685) — см. прим. 21 в кн.: Benjamin Franklin's own story. His Autobiography continued from 1759 to his death in 1790 with a Biographical sketch drawn from his writings. By Nathan G. Goodman. Philadelphia, 1937, p. 258.

⁷⁸ W. G. Bleuer. Main currents in the History of American Journalism. Cambridge, Massachusetts, 1927, p. 52.

⁷⁹ См., например: Г. Аптекер. История американского народа. Колониальная эра, стр. 150 и сл.

⁸⁰ «Появление 7 августа 1721 года в Бостоне газеты Джеймса Франклина „Нью Инглэнд Курант“, — отмечает, например, У. Блейер, автор ряда трудов, посвященных проблемам журналистики, — знаменовало собой новый этап в развитии американской журналистики. „Курант“ была первой в колониях газетой, противостоявшей местным заповедям. Она первая стала печатать на своих страницах очерки, письма и стихи».

В первом номере Джеймс Франклин объявил, что его газета будет выходить один раз в две недели, но уже в следующем номере, вышедшем неделю спустя, он писал, что «в соответствии с пожеланиями, высказанными несколькими джентльменами в городе, наша газета будет выходить еженедельно» (W. G. Bleuer. Main currents in the History of American Journalism, p. 52).

⁸¹ Молчание — добродетель.

⁸² The Papers, vol. I, pp. 9—45.

⁸³ Там же, стр. 15.

⁸⁴ Там же, стр. 17.

⁸⁵ Джон Тиллотсон (1630—1694) — английский богослов, архиепископ Кентерберийский.

⁸⁶ The Papers, vol. I, p. 18.

⁸⁷ Там же, стр. 30.

⁸⁸ Там же, стр. 44.

⁸⁹ Подробнее об этом см.: Н. М. Гольдберг. Вопросы религии в трудах Б. Франклина. Ежегодник Музея истории религии и атеизма, т. VI, Изд. АН СССР, М.—Л., 1962, стр. 214 и сл.

⁹⁰ The Papers, vol. I, стр. 45.

⁹¹ Избранные произведения, стр. 432.

⁹² Совершеннолетие достигалось в 21 год.

⁹³ Г. Аптекер. История американского народа. Колониальная эра, стр. 151.

⁹⁴ Требуя применения репрессивных мер в отношении издателя «Куранта», местные власти мотивировали это тем, что «много заметок, помещенных в газете, дерзко направлены против Правительства е. в. и его администрации в провинции, против духовенства, церкви и колледжа (Гарвардского), очень часто они содержат материалы, которые способны наполнять умы читателей суетой, оскорбляют бога и наносят ущерб людям» (W. G. Bleuer. Main Currents in the History of American Journalism, p. 58).

⁹⁵ Подробнее об этом см. гл. III, «The Boy Publisher» в кн.: P. Russell. Benjamin Franklin. The first civilized American. N. Y. 1927, p. 32 sq.

⁹⁶ Избранные произведения, стр. 437.

К главе II

¹ Холм, Томас (Holme, Thomas, 1624—1695) — в ранней молодости солдат армии Кромвеля, в 1672 г. примкнул к «Обществу друзей» и стал доверенным лицом владельца Пенсильвании.

² О нем см. гл. VII.

³ *Colliers Encyclopedia*, vol. 15, New York, 1950, p. 644.

⁴ Квакеры — буквально трясуны, от английского слова «quake» — трястись, дрожать. Адептов этой секты так прозвали из-за конвульсий и дерганий, которыми они сопровождали свои молитвы. О квакерах см.: A.-C. Thomas and R.-H. Thomas. *History of the friends in America*. Philadelphia, 1930; E. Russell. *History of quakerism*. New York, 1942; W.-W. Comfort. *Quakers in the Modern World*. New York, 1949.

⁵ Избранные произведения, стр. 438.

⁶ Бредфорд, Эндрю (Bradford, Andrew, 1686—1742) — сын Уильяма Бредфорда, один из пионеров печатного дела, издатель газеты «*American Weekly Mercury*» (с декабря 1719 г.) — первой газеты в Пенсильвании и третьей в истории Соединенных Штатов.

⁷ Кеймер, Сэмюэль (Keimer, Samuel, 1688—1739) — уроженец Лондона, основал типографию еще в молодые годы, но разорился и впоследствии эмигрировал в Америку. В Филадельфию прибыл в 1722 г., свою типографию, довольно бедно оборудованную, основал летом 1723 г.

⁸ Избранные произведения, стр. 438—439.

⁹ Рид, Джон (Read, John, 1677—1724) — занимался скупкой и продажей земельных участков.

¹⁰ Избранные произведения, стр. 440.

¹¹ Мэри была старше Франклина на 12 лет.

¹² Хомс, Роберт (Homes, Robert) — умер в 1743 г.

¹³ Ньюкасл — город, расположенный на р. Делавэр. Первыми поселенцами были шведы, финны и голландцы. В 1655 г. власть над поселением перешла от шведов к голландцам, а в 1664 г. последних вытеснила Англия. В 1776 г. весь район Ньюкасла составил штат Делавэр.

¹⁴ Кейс, Уильям (Keith, William, 1680—1749) — потомок знатной шотландской фамилии, губернатором Пенсильвании был назначен в мае 1717 г.

¹⁵ Избранные произведения, стр. 441.

¹⁶ Там же, стр. 442.

¹⁷ Ньюпорт — Новый порт, расположен в устье Наррагансетского залива. Основан в 1639 г. выходцами из Массачусетс, искавшими здесь убежище от религиозных преследований. Ньюпорт сыграл заметную роль во время войны американских колоний за независимость.

¹⁸ Избранные произведения, стр. 444.

¹⁹ В «Историческом очерке конституции и правительства Пенсильвании» Франклин писал о Кейсе, что «его правление полностью отличалось от правления обоих его предшественников» (Избранные произведения, стр. 159).

²⁰ Избранные произведения, стр. 445—446.

²¹ Там же, стр. 447.

²² Лукулл, Луций Лициний (106—56 до н. э.) — римский политический деятель и полководец. Приобретя путем грабежа завоеванных территорий значительное богатство, Лукулл отошел от полити-

ческой деятельности и получил известность главным образом благодаря грандиозным пирам, которые он устраивал. Имя Лукулла стало нарицательным — им называют чревоугодников.

²³ Избранные произведения, стр. 447—448.

²⁴ Там же, стр. 446—477.

²⁵ В этом свете нелишне будет указать, что, приехав в Бостон на короткий срок для свидания с родителями, Франклин не преминул установить контакт с владельцем книжного магазина, который снабжал его нужными книгами. В бумагах Франклина сохранилось его долговое обязательство, выданное им бостонскому книготорговцу Джону Филиппсу, которым он обязуется «уплатить долг в сумме 3 фунтов 3 шиллингов к январю будущего года, в чем порука моя подписью» (The Papers, vol. I, p. 53).

²⁶ См. о Ралфе, Джеймсе (Ralph, James, 1695—1762) в кн.: Dictionary of American Biography, vol. XV, New York, 1935, p. 331.

²⁷ Избранные произведения, стр. 448.

²⁸ Там же.

²⁹ Франклин и его друзья избрали для стихотворных упражнений весьма трудный предмет. Известно, что такую же цель (переложение на стихи псалма 103) поставил перед собой великий русский ученый и поэт М. В. Ломоносов, причем Михаил Васильевич отдавал себе отчет, сколь сложна задача переложения в стихах полного загадочных аллегорий и глухих намеков древнего текста. В письме к историку В. Н. Татищеву М. В. Ломоносов писал: «Совет Вашего превосходительства о предложении псалмов мне весьма приятен, и сам я давно к тому охоту имею, однако две вещи препятствуют: первое — недосуги. . . ; второе — опасение, ибо я не смею дать в переложении другого разума, нежели какой псаломские стихи в переводе имеют. Так, принявшись перелагать на стихи прекрасный псалом 103, для того покинул, что многие нашел в переводе погрешности» (М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. X, Изд. АН СССР, М.—Л., 1957, стр. 462). Заметим, кстати, что несмотря на эту оговорку, Ломоносов успешно справился со своей задачей.

³⁰ Избранные произведения, стр. 450.

³¹ Там же, стр. 450—451.

³² Там же, стр. 452.

³³ Там же.

³⁴ The Encyclopedia Americana, vol. 16, New York—Chicago, 1953, p. 336.

К главе III

¹ Пистоль — испанская монета; ее стоимость равна была тогда четырем долларам.

² Для характеристики Ралфа и его отношения к «незначительным» занятиям показательно, что, приняв должность учителя, он преисполнен был страха как бы в будущем, когда придет ожидаемая слава, эта скромная профессия не «запятнала» его биографию. Имея это в виду, он принял предупредительные меры, назвавшись ничего не говорящей, на его взгляд, фамилией — Франклин (Carl van Doren, Benjamin Franklin, p. 50).

³ Первой Франклин считал растрату чужих денег (долг Вернону).

⁴ Избранные произведения, стр. 453.

⁵ Wollaston, William (1659—1724). Его произведение «The religion of Nature Delineated» было впервые напечатано в 1722 г.

⁶ Локк, Джон (Locke, John, 1632—1704) — видный английский буржуазный философ-материалист. Основное его сочинение «Опыт о человеческом разуме».

⁷ A Dissertation on Liberty and Necessity, Pleasure and Pain. London, Printed in the Year MDCCXXV.

⁸ Драйден, Джон (Dryden, John, 1631—1700) — английский поэт и драматург.

⁹ Цит. по переводу, приведенному в «Избранных произведениях», стр. 466.

¹⁰ Там же, стр. 453.

¹¹ The Papers, vol. I, p. 58—59.

¹² Избранные произведения, стр. 466.

¹³ The Papers, vol. I, p. 71.

¹⁴ По выходе в свет «Рассуждения о свободе и необходимости...» Франклин раздал несколько книг своим друзьям. Теперь известны два экземпляра этого издания — один находится в Библиотеке Конгресса, а другой в Йельском университете (The Papers, vol. I, p. 57). В 1733 г. «Диссертация» была вторично издана, на этот раз в Дублине, но автору об этом факте известно не было. Pamфлет считался утерянным, и более ста лет о нем ничего не сообщалось. В середине прошлого (XIX) века «Диссертация» была издана в Лондоне тиражом всего лишь 25 экз., а также в Нью-Йорке. В последующие большие издания сочинений Франклина эта работа не включалась, как малоценная. По этой же, по-видимому, причине и современные американские издатели сочинений Франклина предпочитают не включать в издания упомянутый памфлет.

¹⁵ Избранные произведения, стр. 453.

¹⁶ Более подробно см.: Н. М. Гольдберг. Вопросы религии в трудах В. Франклина. Ежегодник Музея истории религии и атеизма, т. VI. Изд. АН СССР, М.—Л., 1962, стр. 222 и сл.

¹⁷ Мандевилл, Бернард (Mandewill, Bernard, 1670—1733) — писатель, обличитель пороков буржуазного мира. Названное произведение было вторым изданием выпущенной в 1705 г. книги «Ропшущий улей, или мошенники, ставшие честными». К. Маркс положительно оценил его творчество, назвав Мандевилла «честным человеком и ясной головой». (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 629).

¹⁸ The Record of the Royal Society of London for the promotion of natural knowledge. Fourth Edition, London, 1940, p. 396.

¹⁹ Слоан, Ганс (Sloane, Hans, 1660—1753) — известный коллекционер; его кабинет редкостей, приобретенный английским правительством, лег в основу Британского музея (см.: J. R. Veer: Sir Hans Sloane and the British Museum. London, New York, Toronto, 1953). Пост президента Королевского общества занимал с 1727 по 1741 г. Слоан — первый из английских ученых, избранный иностранным членом Петербургской Академии наук. О его связях с ней см.: М. И. Радовский. Из истории англо-русских научных связей. Изд. АН СССР, М.—Л., 1961, стр. 114 и сл.

²⁰ The Papers, vol. I, p. 54.

²¹ Избранные произведения, стр. 456.

²² Там же.

²³ E. N. da C. Andrade. Some aspects of Franklin's life in England. Journal of the Franklin Institute, vol. 261, № 1, 1956, p. 153.

²⁴ К. Н. Державин. Вольтер. Изд. АН СССР, М., 1946, стр. 24 и сл.

²⁵ Избранные произведения, стр. 454.

²⁶ Это был приблизительно полугодовой заработок Франклина; по условию с Денхамом он должен был получать пятьдесят фунтов стерлингов в год.

²⁷ Избранные произведения, стр. 460.

²⁸ Там же, стр. 459.

²⁹ The Papers, vol. I, p. 98.

³⁰ Там же, стр. 85—86.

³¹ Там же, стр. 99—100.

³² Там же, стр. 99.

К главе IV

¹ Избранные произведения, стр. 462.

² Там же.

³ В странах распространения испанского языка «хунта» — название различного рода объединений, союзов.

⁴ Избранные произведения, стр. 53.

⁵ Там же, стр. 51—52.

⁶ Среди бумаг Франклина сохранился документ, подписанный Мередитом 14 июля 1730 г., в котором говорится, что «Хью Мередит и Вениамин Франклин с этого дня перестают быть партнерами и будут действовать самостоятельно. Означенный Хью Мередит за соответствующую компенсацию со стороны Вениамина Франклина уступает ему право владения всем имуществом типографии, а означенный Вениамин Франклин является единственным собственником всего имущества, материалов и инвентаря, приобретает все права и признает все долги, сделанные в период их совместной деятельности, в удостоверение чего руку прилагаем» (The Papers, vol. I, p. 175).

⁷ Bigelow, vol. I, p. 185.

⁸ Benjamin Franklins own Story... By Nathan G. Goodman, p. 261—262.

⁹ Bigelow, vol. I, p. 186.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, стр. 187.

¹² См. выступление Питта Старшего, лорда Чатама в английском парламенте (Carl van Doren. Benjamin Franklin, p. 512).

¹³ Избранные произведения, стр. 477.

¹⁴ Там же, стр. 418—419.

¹⁵ Леонард Лабари, издатель «The Papers of Benjamin Franklin», считает, что имеется несколько вариантов «Эпитафии». Франклин раздал копии этого документа своим друзьям и впоследствии воспроизвел текст по памяти либо же сознательно вносил в него небольшие изменения. Некоторые неточности могли быть внесены также друзьями и почитателями Франклина. Настоящий текст находится в коллекции Масона в Библиотеке Иельского университета и является, по-видимому, одним из первых вариантов (The Papers, vol. I, p. 111).

К главе V

¹ Избранные произведения, стр. 464.

² The Papers, vol. I, pp. 140—141.

³ Там же, стр. 156—157.

⁴ См. там же — примечание к стр. 149 и 153.

⁵ Там же, стр. 142—145.

⁶ Там же, стр. 149.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 42.

⁸ Там же.

⁹ Там же, т. 16, стр. 125.

¹⁰ Там же, т. 13, стр. 43.

¹¹ Лишь после смерти Франклина, когда приступлено было к изданию собрания его сочинений, обнаружилось, что упомянутая брошюра принадлежит его перу. К. Маркс пользовался т. II трудов Франклина, изданных в Бостоне в 1836 г. под редакцией Дж. Спаркса. Через тридцать пять лет после издания «Скромного исследования» Франклин вернулся к вопросу о бумажных деньгах в Америке. К. Маркс и на нее сослался в главе II «К критике политической экономии» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 101).

¹² Избранные произведения, стр. 57.

¹³ «Почти у каждого человека, — пояснял Франклин, — есть естественное и сильное желание, чтобы люди им гордились и его ценили; но я обеспокоен и огорчен тем, что вижу, как мало людей избирают верный и единственно безошибочный способ достичь этого».

«Некоторые, чтобы выдвинуться, занимаются наукой; другие хватаются за богатство; иные стремятся к тому, чтобы их считали остроумными, другие заботятся только о том, чтобы быть красивыми; но что такое остроумие или богатство, или внешний вид, или ученость в сравнении с добродетелью? . Если бы мы так же стремились быть добродетельными, как и великими, мы действительно бы стали великими. . . и число замечательных людей сильно бы возросло; но было бы большой ошибкой думать, что можно не быть добродетельным и стать великим человеком; я совершенно определенно считаю, что еще не было действительно великого человека, который в то же время не был бы действительно добродетельным» (Избранные произведения, стр. 61).

¹⁴ The Papers, vol. I, pp. 112—113.

¹⁵ Там же, стр. 157.

¹⁶ Там же, стр. 158—159.

¹⁷ Там же, стр. 161.

¹⁸ Там же, стр. 194.

¹⁹ Там же, стр. 195.

²⁰ «Некоторые хорошие люди, — рассказывал Франклин, — очень сердились на меня в связи с этим случаем. Им нравилось говорить, что я слишком умен, чтобы сделать это по незнанию; что если бы они были печатниками, они никогда не сделали бы ничего подобного; что это могло произойти только от моей глубокой вражды к религии и духовенству; они поэтому объявили, что не будут больше брать в руки мою газету и не станут иметь никакого дела со мной, но постараются мешать мне всеми возможными способами» (The Papers, vol. I, p. 197).

²¹ Там же, стр. 199.

²² Избранные произведения, стр. 494.

²³ В России такие календари назывались «Месяцословами» (они издавались Академией наук). В таких изданиях помещались, кроме сведений чисто астрономического характера, как например время вос-

хода и захода солнца, рождение нового месяца и т. д., материалы познавательного и развлекательного характера.

²⁴ The Papers, vol. I, pp. 288—289.

²⁵ Избранные произведения, стр. 493.

К главе VI

¹ Избранные произведения, стр. 491.

² Г. Майерс. История американских миллиардеров, т. I, стр. 22. — Богатство Вашингтона, по данным Майерса, после его смерти составляло 530 000 долларов и было одним из самых крупных в стране; заключалось оно главным образом во владении землей — ему принадлежало около 10 000 акров по р. Огайо, свыше 3000 акров по р. Кенава, а также огромные участки земли почти во всех штатах.

³ Там же. — После длительной государственной карьеры, согласно тому же источнику, Франклин оказался обладателем крупного состояния. Его поместья за два года до смерти оценивались в 150 тыс. долларов.

⁴ Избранные произведения, стр. 491.

⁵ Там же, стр. 518—519.

⁶ Там же, стр. 522.

⁷ The Encyclopedia Americana, vol. VI, New York—Chicago, 1953, p. 443.

⁸ Избранные произведения, стр. 500.

⁹ The Papers, vol. I, p. 186.

¹⁰ В. Д. К а з а к е в и ч. Воззрения Вениамина Франклина по экономическим вопросам. Вопросы Экономики, № 2, 1956, стр. 114—121.

¹¹ Констебль (Constable) — низший полицейский чин в США и Англии.

¹² Франклин еще в 1735 г. выступил на заседании хунты с критикой существовавшей системы охраны города и тогда же внес предложение по упорядочению ее. Однако сопротивление консервативных элементов задержало реализацию предложенных мер на 16 лет: только в 1751 г. было принято постановление об изменении системы охраны города в соответствии с предложениями Франклина и специально разработанными им «Инструкциями для констеблей и стражников» (The Papers, vol. IV, p. 327).

¹³ Бонд, Томас (Bond, Thomas, 1712—1784) — медицинское образование получил в Париже, врачебную практику в Филадельфии начал в 1734 г. Был одним из основателей медицинского училища (1765 г.), членом Попечительского совета Пенсильванского колледжа, одним из учредителей Американского философского общества (1768 г.). В годы войны за независимость принимал деятельное участие в организации новой армии (Dictionary of American Biography, vol. II, New York, 1929, pp. 433—434).

¹⁴ Заслуживает быть отмеченным, что Франклин и в этом вопросе придерживался передовых взглядов. Вскоре после смерти четырехлетнего сына Фрэнсиса (1732—1736) он опубликовал в «Пенсильванской газете» от 30 декабря 1736 г. заявление, в котором публично опровергал слухи, будто Фрэнсис умер от оспопрививания. «Ввиду того, — писал он, — что кончина моего сына Фрэнсиса, умершего от оспы, породила слухи, будто он заразился этой болезнью от прививки, и учитывая, что эти и другие такие же беспочвенные слухи побуждают многих воздерживаться от применения по отношению

к своим детям упомянутых мер, я, желая внести ясность в этот вопрос, настоящим категорически заявляю, что мой сын не подвергался прививке, а заразился обычным путем. . . Я считаю прививку безопасной и благодательной мерой и намеревался подвергнуть своего ребенка этой операции, как только он окреп бы после дизентерии, которая изнурила его в течение долгого времени» (The Papers, vol. II, p. 154).

¹⁵ См.: Новая Англия в 1765 г. Медицина, право. В кн.: А. В. Бабин. История Северо-Американских Соединенных Штатов, т. 1. СПб., 1912, стр. 242—243.

¹⁶ Избранные произведения, стр. 516.

¹⁷ В течение ряда лет Франклин принимал непосредственное участие в управлении больницей: в 1751—1752 гг. он состоял секретарем Попечительского совета, а в 1755—1757 — ее директором. Только отъезд в Англию в 1757 г. заставил его отказаться от этого поста. Он интересовался делами этого учреждения до конца своей жизни и не забыл упомянуть о нем в своем завещании (The Papers, vol. IV, p. 110).

¹⁸ Т. Н. Montgomery. A History of the University of Pennsylvania from its Foundation to 1770. Philadelphia, 1900; E. P. Cheney. A History of the University of Pennsylvania, 1740—1940. Philadelphia, 1940.

¹⁹ Пенсильвания. Занятия, образование. В кн.: А. В. Бабин. История Северо-Американских Соединенных Штатов, т. 1, стр. 117.

²⁰ Independents (англ.) — буквально независимые; течение в пуританизме, сторонники которого выступали во время и после английской буржуазной революции XVII в. против английского абсолютизма и государственной английской церкви.

²¹ Пресвитериане — в период английской буржуазной революции XVII в. — приверженцы одной из религиозно-политических партий, сторонники умеренного пуританизма. Пресвитерианство как вероучение сохранилось в Англии, США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии.

²² Э. Чаннинг. История Северо-Американских Соединенных Штатов. Пер. с англ., М., [б. г.].

²³ Избранные произведения, стр. 514.

²⁴ «В 1737 году, — писал Франклин в своей «Автобиографии», — полковник Спотсвуд, бывший губернатор Виргинии, а затем главный почтмейстер, недовольный поведением своего представителя в Филадельфии, его неаккуратностью в составлении отчетов и в пересылке денег, лишил его полномочий, поручив их мне. Я охотно согласился, и эта должность принесла мне немало пользы» (The Papers, vol. II, p. 178).

²⁵ Избранные произведения, стр. 506.

²⁶ Лоренс, Генри (Laurens, Henry, 1725—1792) — коммерсант и политический деятель. В 1761 г. в чине подполковника милиционных войск участвовал в военных операциях против индейцев. В 1780 г., в разгар войны, был направлен в Европу с поручением вести переговоры о займе, но судно, на борту которого он находился, было перехвачено англичанами, и Лоренс угодил в знаменитый Тоуэр, откуда был освобожден в декабре 1781 г. Некоторое время принимал участие в предварительных мирных переговорах в Париже.

²⁷ Об этом подробней см.: J. B. Nolan. General Benjamin Franklin. The military career of a philosopher, Philadelphia, 1956.

²⁸ Избранные произведения, стр. 507.

²⁹ Логен, Джеймс (Logan, James, 1674—1751) — видный государственный деятель и ученый, автор ряда трудов по ботанике, а также по философским вопросам. Будучи квакером, он тем не менее считал оборонительные войны справедливыми. В 1741 г. он советовал своим «друзьям» по секте воздерживаться от выдвижения своих кандидатур в Совет, если они не намереваются голосовать за проведение военных оборонительных мер (Dictionary of American Biography, vol. XI, pp. 360—362).

³⁰ Избранные произведения, стр. 509.

³¹ Норрис, Исаак (Norris, Isaak, 1701—1766) — филаделфийский купец, лидер квакерской общины и спикер провинциальной палаты представителей в 1750—1764 гг. В качестве лидера квакеров противодействовал оборонным мероприятиям провинции, но поддерживал тех членов палаты, которые выступали против владельцев колонии. В 1757 г. был назначен палатой вместе с Франклином представителем колонии в Англии, но болезнь помешала ему отправиться в путь.

³² Пенн, Джон (Penn, John, 1729—1795) — внук основателя и собственника колонии Уильяма Пенна.

³³ Петерс, Ричард (Petters, Richard, 1704—1776) — на пост личного секретаря владельца колонии и секретаря провинциального Совета был приглашен в 1742 г.

³⁴ Александер, Джеймс (Alexander, James, 1691—1764) — юрист, главный прокурор Нью-Джерси.

³⁵ Кеннеди, Арчибальд (Kennedy, Archibald, 1685—1763) — таможенный чиновник, член Совета штата Нью-Йорк, автор брошюры, напечатанной в Лондоне в 1752 г.: «Необходимость приобретения и сохранения дружбы с индейцами».

³⁶ Избранные произведения, стр. 527.

³⁷ Брэддок, Эдвард (Braddock, Edvard) — генерал-майор английской армии. Был назначен главнокомандующим всеми английскими вооруженными силами в Северной Америке, куда прибыл в 1755 г.

³⁸ Избранные произведения, стр. 532.

³⁹ Сражение, закончившееся разгромом английских войск, произошло 9 июля 1755 г., Брэддок скончался от ран 13 июля (The Papers, vol. VI, p. 109).

⁴⁰ Избранные произведения, стр. 533.

⁴¹ Там же, стр. 552.

⁴² Там же, стр. 541.

К главе VII

¹ Избранные произведения, стр. 496.

² Там же, стр. 514.

³ The Papers, vol. II, p. 419.

⁴ Там же.

⁵ В «Автобиографии» Франклин ошибочно указывает, что это было в 1746 г.

⁶ Франклин именуется его Спенс. О нем см. вводную статью J. B. Cohen'a в кн.: Benjamin Franklins Experiments. A new Edition of Franklins Experiments and Observations on Electricity. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 1941, p. 49 sq.

⁷ Грей, Стефен (Gray, Stephan, ум. в 1736 г.) — первые занятия Грея электричеством относятся к 1720 г. (см.: Philosophical Transactions, vol. XXXI, p. 104 sq.).

⁸ Опыт этот описан в печатном органе Лондонского Королевского общества «Philosophical Transactions» (vol. XXXVII, pp. 39—40).

⁹ Перечисляя чудеса электричества, немецкий физик Г. М. Бозе в своей известной поэме «Die Electricität nach ihrer Entdeckung und Fortschritt mit Poetischer Feder entworfen. 1774» («Электричество, его открытие и развитие, поэтическим пером описанное») писал:

«Но как огнем назвать
Ту искру, что в воде способна пребывать?
Скорее шар земной притянет солнц просторы
И лев Ливийский побежит, увидя коз Ангоры,
Настанет долгий день в созвездии Козерога.
Алмаз разрезан будет куском стекла простого
Скорее, чем наш огонь в огне блеснет».

¹⁰ Philosophical Transactions, vol. XXVI, p. 71.

¹¹ Там же, стр. 75—76.

¹² Там же, т. XXXIX, стр. 24.

¹³ Избранные произведения, стр. 543.

¹⁴ Там же.

¹⁵ The Papers, vol. I, p. 450.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, стр. 452.

¹⁸ Избранные произведения, стр. 514.

¹⁹ Линней, Карл (1707—1778) — известный шведский естествоиспытатель и натуралист.

²⁰ Подробнее о Коллинсоне см.: В. Солен. Benjamin Franklin's Experiments. 1941.

²¹ Вениамин Франклин. опыты и наблюдения над электричеством. Пер. с англ. В. А. Алексева. Ред. статьи и комм. Б. С. Сотина. Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 7. — Далее: Вениамин Франклин. опыты и наблюдения.

²² В XVII—XVIII вв. и даже в XIX в. термином «философия» обозначали область естественных наук. Печатный орган Лондонского Королевского общества (основано в 1660 г.) был назван (и до сих пор так именуется) «Philosophical Transactions».

²³ The Papers, vol. III, p. 126.

²⁴ Гопкинсон, Томас (Hopkinson, Thomas, 1709—1751) — родился в Лондоне; в Филадельфию прибыл в 1731 г.; один из учредителей Американского философского общества, основанного Франклином.

²⁵ The Papers, vol. III, p. 127.

²⁶ Синг, Филипп (Syng, Philip, 1703—1789) — уроженец Ирландии, одиннадцатилетним мальчиком был привезен в Америку, где стал серебряных дел мастером; состоял членом хунты, участвовал в создании Филадельфийской библиотеки и Американского философского общества.

²⁷ Гильберт, Уильям (Gilbert, William, 1540—1603) — лейб-медик королевы Елизаветы, автор трактата, заложившего начало учения об электричестве «De magnetе, magneticisque corporibus et de magne tellure» (Londini, MDC). Рус. пер.: Вильям Гильберт. О магните, магнитных телах и о большом магните — Земле. Пер. с лат. А. И. Доватура. Ред. статьи и комм. А. Г. Калашникова. Изд. АН СССР, М., 1956.

²⁸ Дюфэ, Шарль Франсуа де Систерне (Dufay, Charles, François de Cisternai, 1698—1739), — французский физик и химик. О нем см.:

М. И. Радовский. Дюфэ — основатель дуалистической теории. *Электричество*, 1938, № 4, стр. 74—79.

²⁹ Histoire de l'Academie Royale de Sciences de Paris, за 1733 г., стр. 467.

³⁰ The Papers, vol. III, pp. 131—132.

³¹ Симмер, Роберт (Symmer, Robert, ум. в 1763 г.) — английский физик.

³² К. К. Баумгардт. Электронная теория как унитарная. Речь, произнесенная на Франклиновском заседании Р.ф.-х.о. 16 апреля 1906 г. *Журн. Русск. физ.-хим. общ.*, 1906, т. 38, вып. 4, физ. часть, отд. II, стр. 67—72; П. Л. Капица. Научная деятельность Вениамина Франклина. Доклад, прочитанный 17 января 1956 г. на торжественном заседании Академии наук СССР, Советского комитета защиты мира, Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Союза писателей СССР и Всесоюзного общества культурной связи с границей, посвященном двухсотпятидесятилетию со дня рождения Вениамина Франклина. *Усп. физ. наук*, 1956, т. LVIII, вып. 2, стр. 169—182; Я. Г. Дорфман. Вениамин Франклин — выдающийся физик XVIII века. (К 250 летию со дня рождения). *Природа*, 1956, № 2, стр. 72—81.

³³ Клейст, Эвальд Георг (Kleist, Ewald-Georg) — биографических сведений о нем сохранилось очень мало; год рождения неизвестен, скончался 11 декабря 1748 г.

³⁴ Versuche und Abhandlungen der Naturforschenden Gesellschaft in Danzig. 1747, p. 284. — О Клейсте см. там же, стр. 512 и сл.

³⁵ G. Krüger. Geschichte der Erde in den allerältesten Zeiten. Halle, 1746, p. 177 sq.

³⁶ Мушенбрек, фон, Питер (von Muschenbrock, Pieter, 1692—1761).

³⁷ Реомюр, де, Рене Антуан (de Reamur, Rene-Antoine, 1683—1757). Вот что писал Мушенбрек Реомюру: «Я хочу осведомить Вас об одном опыте, настолько ужасном, что не рекомендую его проделывать... Я производил некоторые опыты с силой электричества. С этой целью я подвесил на двух шнурах из голубого шелка железную трубку АВ, которой сообщалось электричество от стеклянного шара. Последний быстро вращался вокруг оси и терли руками. В конце В висела полоска латуни, конец которой погружался в круглую стеклянную банку D, наполненную доверху водой. Я держал ее в правой руке F, а другой E я пытался извлечь искры из наэлектризованной железной трубки. Вдруг моя правая рука получила такой удар, что все мое тело сотряслось, словно пораженное молнией. Банка, хотя и из очень тонкого стекла, не треснула, сотрясение не вывихнуло мне кисти. Но вся рука и тело были поражены так сильно, что нет слов для описания этого. Одним словом, я думал, что мне пришел конец» (*Histoire de l'Academie Royale des Sciences de Paris*, за 1746 г., стр. 2).

³⁸ Ноллэ, Жан Антуан (Nollet, Jean-Antoin, 1700—1770) — французский физик.

³⁹ Histoire de l'Academie Royale des Sciences de Paris, за 1746 г., стр. 1—23.

⁴⁰ Сам «христианнейший» король пожелал видеть опыты с новым аппаратом. Перед ним выстроили шеренгу из 200 солдат, державших друг друга за руки. Первый из них прикосновением пальца к банке (внешней обкладке) разрядил ее; удар и сотрясение мгновенно почувствовала вся цепь. Король и окружавшие его высокопоставленные

особы пришли в восторг оттого, что из уст всех солдат одновременно раздался вопль. Производивший же опыт Ноллэ преследовал свои научные цели, имея в виду узнать скорость прохождения электрической искры. В конце ряда он поставил «очень наблюдательного человека», который должен был следить за появлением искры. «Он уверил меня, — писал Ноллэ, — что почувствовал удар в момент, когда увидел огонь (разряд конденсатора, — *M. P.*), одновременно с этим из 200 уст раздался единодушный крик под влиянием неожиданного явления» (*Histoire de l'Academie Royale des Sciences de Paris*, за 1746 г., стр. 18).

⁴¹ Я. Г. Дорфман. Вениамин Франклин — выдающийся физик XVIII века. (К 250-летию со дня рождения). Природа, 1956, № 2, стр. 76.

⁴² Вениамин Франклин. *Опыты и наблюдения*, стр. 52.

⁴³ W. Watson. *A sequel to the Experiments and Observations tending to illustrate the Nature and Properties of Electricity*. London, 1746.

⁴⁴ Вениамин Франклин. *Опыты и наблюдения*, стр. 13.

⁴⁵ Немецкий экспериментатор наэлектризовал женщину, затем поцеловал ее, в результате чего получил сильнейший удар от электрического разряда.

⁴⁶ Вениамин Франклин. *Опыты и наблюдения*, стр. 13, 16 и сл.

⁴⁷ Там же, стр. 16.

⁴⁸ Там же, стр. 31.

⁴⁹ Франклином описан и другой прибор, существенно отличающийся от того, который ныне стал известен под названием «Франклинова колеса», где превращение электростатической энергии в механическую работу обусловлено истечением зарядов с острий. Во втором приборе тот же эффект достигается действием электрического поля на заряженные изолированные детали прибора. Он уже приближается к современным электрическим машинам, в которых возможно и превращение механической энергии в электрическую и обратно — электрической в механическую (машины Гольца и Теплера). Описание второго «электрического колеса» содержится в письме IV к П. Коллинсону (см.: Вениамин Франклин. *Опыты и наблюдения*, стр. 32—34).

⁵⁰ Там же, стр. 38.

⁵¹ Митчелл, Джон (Mitchell, John) — врач-естествоиспытатель, уроженец Англии, жил в Виргинии, откуда вернулся на родину.

⁵² Вениамин Франклин. *Опыты и наблюдения*, стр. 40.

⁵³ Там же, стр. 108.

⁵⁴ Там же, стр. 53 и сл.

⁵⁵ Там же, стр. 62—63.

⁵⁶ Там же, стр. 60.

⁵⁷ Идея электромагнитного телеграфа была высказана А. М. Ампером в сентябре 1820 г., как только он ознакомился с открытием Х. Эрстедом явления отклонения магнитной стрелки проходящим вблизи электрическим током (июль 1828 г.). Вот что писал Ампер: «Можно было бы, взяв столько проводников и магнитных стрелок, сколько имеется букв, и помещая каждую букву на отдельной стрелке, устроить своего рода телеграф с помощью одного вольтова столба, расположенного вдали от стрелок. Соединяя поочередно концы столба с концами соответствующих проводников, можно было бы лицу, кото-

рое наблюдало бы за буквами на стрелках, передавать сведения со всеми подробностями и через какие угодно препятствия. Если установить со стороны столба клавиатуру с буквами и производить соединения нажатием клавиш, то этот способ сообщения мог бы применяться достаточно просто и не требовал бы больше времени, чем необходимо для нажатия клавиш на одной стороне и чтения буквы на другой» (см. «Труд, представленный Королевской Академии наук 2 октября 1820 г. и содержащий резюме докладов, прочитанных в Академии 18 и 25 сентября 1820 г. относительно действий электрических токов», в кн.: А. М. Ампер. Электродинамика. Ред. статья и прим. проф. Я. Г. Дорфмана. Изд. АН СССР, Л., 1954. стр. 236—237).

⁵⁸ Киннерсли, Эбенезер (Kinnersley, Ebenezer, 1711—1778). Текст его лекций см.: Приложение 1 в кн.: В. Соуп. Benjamin Franklin's Experiments, 1941, p. 401 sq.

⁵⁹ Избранные произведения, стр. 543.

⁶⁰ Кейв, Эдуард (Cave, Edward, 1691—1754) — издатель, выпустил ряд периодических изданий. Упоминаемый Франклином «Gentleman's Magazine» начал выходить в 1731 г.

⁶¹ При жизни Франклина было выпущено десять изданий этой книги: пять на английском языке (1751—1754, 1754, 1760—1765, 1769, 1774), три на французском (1752, 1756, 1773), одно на немецком (1758) и одно на итальянском (1774).

⁶² Избранные произведения, стр. 544.

⁶³ Experiments and observations on electricity made at Philadelphia in America, by Mr. Collinson F. R. S. London, 1751.

⁶⁴ Бюффон, Жорж Луи Леклерк (Buffon, George-Louis Leclerc, 1707—1778) — автор многотомной «Естественной истории» (Histoire naturelle, 1748—1788).

⁶⁵ Expériences et observations sur l'Électricité faites à Philadelphie en Amérique par M. Benjamin Franklin; et communiquées dans plusieurs Lettres à M. P. Collinson de la Société Royale de Londres. Traduites de l'Anglois. Paris, 1752. Перевод был снабжен предисловием, из которого приведем следующие строки: «Господин Франклин, житель Филадельфии в английской колонии Пенсильвания в Америке, является автором писем об электричестве. Г. Коллинсон, его друг и корреспондент в Лондоне, которому они были адресованы, счел их достойными напечатания. Они уже были в типографии, когда он осведомил об этом г. Франклина; последний, поскольку писал их без подобного намерения, поспешил послать своему другу некоторые изменения, которые уже не успели во время, так что их удалось поместить лишь в виде дополнений и исправлений, в конце труда. Он в то же время попросил г. Коллинсона послать один из экземпляров этого труда г. де Бюффону, который отзывался об этих письмах так же, как о них отзывались в Англии, где они были встречены всеобщим одобрением. Будучи занят более существенными делами, от которых он не хочет отвлекаться, г. Бюффон поручил мне их издание на французском языке. Дело шло о том, чтобы точно излагать простые понятия, поэтому мы обращали внимание лишь на то, чтобы перевести их буквально, хорошо передать смысл, которого желал автор, и пояснить те места, которые казались несколько неясными в оригинале. Для удобства читателя мы внизу страниц поместили в сносках те изменения, которые г. Коллинсон распорядился напечатать в виде дополнений и исправлений вслед за письмами».

⁶⁶ Теория электричества Ноллэ, о которой говорит Франклин, изложена в его книге «Recherche sur les causes particulières des phénomènes électriques (Paris, 1749).

⁶⁷ Lettres sur l'électricité, t. I, Paris, 1753.

⁶⁸ Леруа, Жан Багист (Leroü, Jean-Baptiste, 1719—1800) — французский физик, член Парижской Академии наук с 1751 г. С Леруа Франклин подружился много лет спустя, когда был послом Соединенных Штатов во Франции.

⁶⁹ Избранные произведения, стр. 544—545. — С опровержением взглядов Ноллэ выступил и друг Франклина Д. Колден (1733—1784), написавший «Замечания г-на Дэвида Колдена, Нью-Йорк, к письмам аббата Ноллэ по электричеству, адресованным Вениамину Франклину, Филадельфия, Нью-Йорк, 4 декабря 1753 г.». Эти замечания Франклин поместил в свою книгу «Опыты и наблюдения», стр. 125—143.

⁷⁰ С.-Петербургские ведомости, 1752, № 47, 12 июня.

⁷¹ Кэнтон, Джон (Canton, John, 1718—1772) — английский физик, с 1749 г. — член Королевского общества. Об упоминаемых Франклином опытах Кэнтон доложил Обществу в декабре 1753 г. См.: Электрические опыты, проведенные магистром искусств и членом Королевского общества Джоном Кантоном с попыткой объяснить ряд присущих им явлений вместе с некоторыми наблюдениями в отношении грозových туч, дающими дальнейшее подтверждение выводов г-на Франклина о положительном и отрицательном состоянии облаков. В кн.: Вениамин Франклин. Опыты и наблюдения, стр. 135—143.

⁷² Избранные произведения, стр. 545.

⁷³ Копли, Годфрид (Copley, Godfried, ум. в 1709 г.) — член Королевского общества; завещал обществу 100 фунтов стерлингов для выдачи премии лицам, преуспевающим в области естественных наук. Первая премия была выдана в 1731 г. Стефену Грелю за работы по электричеству. В 1736 г. Общество приняло решение выдавать вместо денежной награды золотую медаль Копли (см.: The record of the Royal Society of London for the promotion of natural knowledge, Fourth edition. London, 1940, pp. 345—348).

⁷⁴ Из русских ученых медаль Копли получили Д. И. Менделеев — в 1905 г. и И. П. Павлов — в 1915 г. (там же, стр. 347).

⁷⁵ Bigelow, vol. I, p. 349.

К главе VIII

¹ А. В. Бабин. История Северо-Американских Соединенных Штатов, т. 1, стр. 106.

² Исторический очерк конституции и правительства Пенсильвании с момента ее возникновения (Избранные произведения, стр. 110).

³ Избранные произведения, стр. 108.

⁴ Там же, стр. 109.

⁵ Там же, стр. 112.

⁶ Там же, стр. 91—96.

⁷ Там же, стр. 92.

⁸ Там же, стр. 94.

⁹ Там же, стр. 96.

¹⁰ Денни, Уильям (Denny, William, 1709—1765) — назначен губернатором Пенсильвании в 1756 г., на этом посту пробыл три года.

¹¹ Избранные произведения, стр. 547.

- ¹² Bigelow, vol. I.
¹³ Там же.
¹⁴ Там же, стр. 368.
¹⁵ Балтимор (Baltimore), Сесиль Кальвер. Унаследовал от своего отца поместья в Мериленде. В 1682 г. король Англии подписал Мерилендскую хартию, предоставившую Балтимору неограниченные права по управлению краем. Умер в 1676 г.
¹⁶ Bigelow, vol. I, p. 369.
¹⁷ Избранные произведения, стр. 267 и сл.
¹⁸ Там же, стр. 268.
¹⁹ Там же, стр. 270.
²⁰ Там же.
²¹ Bigelow, vol. I, p. 380.
²² Там же, стр. 379.
²³ Цит. по: И. А. Белявская. В. Франклин — деятель национально-освободительного движения американского народа. Вопросы истории, № 10, 1956, стр. 33.
²⁴ Избранные произведения, стр. 289 и сл.
²⁵ Там же, стр. 289.
²⁶ Там же, стр. 290.
²⁷ См.: Допрос доктора Вениамина Франклина в Английской палате общин по делу об отмене английского закона о гербовом сборе в 1766 г. В кн.: Избранные произведения, стр. 293 и сл.
²⁸ Там же, стр. 298.
²⁹ Там же, стр. 304.
³⁰ Там же, стр. 347 и сл.
³¹ Там же, стр. 356 и сл.
³² Там же, стр. 347.
³³ Там же, стр. 348.
³⁴ Там же, стр. 348—349.
³⁵ Там же, стр. 356.
³⁶ Там же, стр. 357—358.
³⁷ Там же, стр. 358—359.
³⁸ Там же, стр. 359.
³⁹ Там же, стр. 374—375.
⁴⁰ Там же, стр. 379.
⁴¹ Я. В. Абрамов. В. Франклин. Его жизнь, общественная и научная деятельность. СПб., 1891, стр. 62—63.

К главе IX

¹ По совету Франклина Пристли написал впоследствии фундаментальную «Историю электричества».

² Цит. по кн.: П. Г. Мижуев. Великий раскол англо-саксонской расы. Американская революция (преимущественно с точки зрения литературных факторов), СПб., 1901, стр. 81. — Автором приведенных строк был Д. Леонард, адвокат из города Таунтона в Массачусетсе, оставивший свои памфлеты в виде писем «К жителям колонии Массачусетс», он подписался псевдонимом «Massachusettensis». Подобно другим памфлетистам этого направления, он не решался выступать в печати под своим именем.

³ Bigelow, vol. II, p. 343.

⁴ Там же, т. III, стр. 279.

⁵ Сарра (Салли) Франклин-Бейч, род. 11 сентября 1743 г. в Филадельфии, в 1767 г. вышла замуж за Ричарда Бейча (1737—1811), умерла в Филадельфии 5 октября 1808 г.

⁶ Вениамин Франклин Бейч (род. в Филадельфии 12 августа 1769 г., умер там же 10 сентября 1798 г.) сопровождал деда во Францию во время исполнения последним миссии посла в Париже (см. сл. главу).

⁷ Уильям Темпл Франклин, род. в 1762 г. в Лондоне, умер в Париже в 1823 г.

⁸ Франклин был избран членом Второго континентального конгресса и вновь назначен начальником почты. Кроме того, он принимал участие в работе Комитета общественной безопасности, состоял членом Комитета секретной информации и выполнял другие различные важные поручения Конгресса.

⁹ Джейн Франклин-Меком (род. в Бостоне в 1712 г., умерла там же в 1794 г.). Была замужем за Эдвардом Мекомом, содержавшим седельную мастерскую.

¹⁰ Vigelow, vol. II, p. 342.

¹¹ См. Приложения III и IV в кн.: П. Г. Мижуев. Великий раскол англосаксонской расы, стр. 247.

¹² Гейдж, Томас (Gage, Thomas, 1721—1787) — английский генерал. С 1754 г. проходил службу в Америке, в частности принимал участие в неудачном сражении под начальством генерала Брэддока. В 1763 г. был назначен командующим английскими силами в Америке, а в 1774 г. — губернатором Массачусетса.

¹³ Норс, Фредерик (North, Frederick, 1732—1792) — назначен премьер-министром в 1770 г. Руководимое им правительство проводило крайне агрессивную политику в отношении колоний и ответственно за ряд провокационных мер, направленных против колонистов. Норс ушел в отставку в 1782 г. под влиянием разгрома английских войск под Йорктауном.

¹⁴ Vigelow, vol. II, p. 343.

¹⁵ Там же, стр. 343.

¹⁶ Там же, стр. 343—344.

¹⁷ Там же, стр. 344.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Джефферсон, Томас (Jefferson, Thomas, 1743—1826) — видный деятель национально-освободительного движения североамериканских колоний второй половины XVIII в., впоследствии президент США (1801—1809).

²⁰ Адамс, Джон (Adams, John, 1735—1826) — активный участник борьбы за независимость. В 1896—1900 гг. был президентом США.

²¹ Шерман, Роджер (Sherman, Roger, 1721—1793) — выходец из беднейших классов, достиг самообразованием глубоких познаний в юридических и математических науках. С 1774 по 1791 г. был членом Конгресса.

²² Ливингстон, Филипп (Livingston, Philip, 1716—1778), член Конгресса с 1774 по 1778 гг.

²³ Русский перевод «Декларации» см. в кн.: А. В. Бабин. История Северо-Американских Соединенных Штатов, т. 1, стр. 284 и сл.

²⁴ Там же.

²⁵ Vigelow, vol. III, p. 299.

²⁶ Там же, т. II, стр. 347.

²⁷ Там же, стр. 349—353.

²⁸ Русский перевод А. Старцева опубликован в журнале «Иностранная литература», 1956, № 1, стр. 178—180.

²⁹ Хоу, Ричард (Howe, Richard, 1726—1799) — службу на флоте начал в 1740 г. В 1776 г. уже в чине адмирала был назначен главнокомандующим английскими вооруженными силами в Северной Америке, в том же году был назначен главой комиссии по ведению мирных переговоров с восставшими колонистами, членом комиссии был назначен его брат генерал Уильям Хоу (1729—1814).

³⁰ Bigelow, vol. II, pp. 361—362. — Это письмо Хоу и ответ Франклина напечатаны в кн.: Собрание разных сочинений Вениамина Франклина. М., 1803, стр. 108 и сл.

³¹ Bigelow, vol. II, p. 362.

³² В одном из своих писем сыну Уильяму Франклин рассказал о своем знакомстве в Лондоне с одной знатной дамой, оказавшейся сестрой лорда Хоу. Знакомство, возникшее на почве обоюдного интереса к шахматам, приняло с течением времени характер дружбы. Беседы леди Хоу и Франклина неоднократно касались вопросов взаимоотношений американских колоний с метрополией, причем приятельница Франклина, по его словам, неизменно выражала озабоченность обострением этих отношений и свое горячее желание примирить обе стороны. Как явствует из письма Франклина, леди Хоу была убеждена, что никто лучше Франклина не подходил для роли примирителя, ибо он прекрасно был осведомлен о настроениях, господствовавших и в Англии и за океаном, знал людей, направлявших общественное мнение в обеих странах, и полон был желанием уладить существующие разногласия (подробнее см.: Bigelow, vol. II, pp. 262—266).

³³ Там же, стр. 364.

³⁴ Там же, стр. 370.

К главе X

¹ Дин, Сайлас (1737—1789) — по образованию юрист, был делегатом Континентального конгресса с 1774 по 1776 г., когда направлен был в Париж в качестве агента колоний по приобретению оружия и члена американской дипломатической миссии. Впоследствии был заподозрен в денежных злоупотреблениях, связанных с его деятельностью, и отозван на родину для отчета Конгрессу. По окончании войны поселился в Англии.

² Ли, Артур (1740—1792) — по образованию юрист, в 1776 г. был назначен членом американской миссии по заключению договора о союзе с Францией. В сентябре 1779 г. был отозван на родину, так как его деятельность сильно осложняла Франклину выполнение его дипломатических обязанностей.

³ Bigelow, vol. II, pp. 372—373. Об этом см.: История дипломатии, т. 1, изд. 2, переработ. и дополн. М., 1959, стр. 387—388.

⁴ На английской разведывательной службе находился и личный секретарь Артура Ли майор Торнтон, а также сменивший его на этом посту Хезекия Форд; английским шпионом был также секретарь Сайласа Дина Эдуард Кармайкл. Подробнее см.: Г. Аптекер. История американского народа. Американская революция. 1763—1783. М. 1962, стр. 254—255.

⁵ Bigelow, vol. II, p. 374.

⁶ Там же, стр. 373.

⁷ Там же, стр. 351—352.

⁸ Там же, стр. 373—374.

⁹ Франклин писал из Нанта: «Я не предпринимал еще никаких официальных шагов, полагая, что будет более благоразумным, если предварительно узнать, может ли и хочет ли двор официально принимать уполномоченных Конгресса. Мы не должны, я думаю, ни осложнять положения, ни подвергать себя риску получить позорный отказ» (Vigelow, vol. II, p. 374).

¹⁰ Тюрго, Анн Робер Жак (1727—1781) — французский политический деятель и экономист, в 1774—1776 гг., будучи министром финансов, провел ряд прогрессивных реформ, отмененных после его отставки.

¹¹ *Eripuit coelo fulmen, sceptrumque tyrannis.*

¹² В. Н. Владимиров. Франклин. М., 1934, стр. 162.

¹³ Vigelow, vol. III, p. 299.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Ларошфуко, Франсуа (1613—1680) — французский писатель-моралист, осуждавший в своих произведениях нравы умеренно-буржуазного общества.

¹⁶ Лавуазье, Антуан Лоран (1743—1794) — выдающийся французский химик.

¹⁷ Деларош, Поль (1797—1856) — французский живописец, родоначальник исторической живописи.

¹⁸ Д'Аламбер, Жан Лерон (1717—1783) — французский математик и философ, один из редакторов французской «Энциклопедии».

¹⁹ Марат, Жан Поль (1743—1793) — выдающийся деятель французской буржуазной революции конца XVIII в.

²⁰ Гельвеций, Клод Адриан (1715—1771) — выдающийся французский философ-материалист, идеолог революционной французской буржуазии XVIII в.

²¹ Солон (VII—VI вв. до н. э.) — древнеафинский политический деятель и социальный реформатор, один из «семи мудрецов» древнего мира, поэт. Софокл (V в. до н. э.) — древнегреческий драматург.

²² Vigelow, vol. II, p. 431.

²³ Руссо, Жан Жак (1712—1778) — крупнейший французский мыслитель, просветитель и мелкобуржуазный демократ. Его произведения оказали большое влияние на развитие французской буржуазной революции конца XVIII в.

²⁴ Дидро, Дени (1713—1784) — французский философ-материалист, основатель и редактор «Энциклопедии», сыгравшей значительную роль в распространении просветительных, освободительных идей.

²⁵ Юм, Давид (1711—1776) — английский буржуазный философ, экономист и историк.

²⁶ Гиббон, Эдуард (1737—1794) — английский буржуазный историк, автор антиклерикальной «Истории упадка и разрушения Римской империи».

²⁷ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. XI, Изд. АН СССР, Л., 1949, стр. 272.

²⁸ Vigelow, vol. II, pp. 377—378.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Избранные произведения, стр. 563—564.

³³ Там же.

³⁴ Bigelow, vol. II, p. 377.

³⁵ Там же, стр. 377—378.

³⁶ Коллекционеры, собиравшие манускрипты видных исторических лиц, естественно интересовались документами с подписью этого знаменитого ученого и политического деятеля: они разыскивали и приобретали его письма для своих частных собраний. Такова была и участь письма к Бейчу. Оно попало в руки известного коллекционера Петра Корниловича Сухтелена, русского посла в Швеции. Его богатое собрание ныне находится в рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

³⁷ Исторический архив, 1956, № 4, стр. 260.

³⁸ Цит. по кн.: Gerald Stou r z h. Benjamin Franklin and American Foreign Policy. The University of Chicago Press, Chicago, 1954, p. 151.

³⁹ Там же, стр. 153.

⁴⁰ Лафайет, Мари Жозеф (1757—1834) — французский политический деятель, участник американской революции и французских революций 1789 и 1830 гг.

⁴¹ Bigelow, vol. II, p. 484.

⁴² Там же, стр. 402.

⁴³ Избранные произведения, стр. 584 и сл.

⁴⁴ Там же, стр. 587.

⁴⁵ Там же, стр. 585.

⁴⁶ Там же, стр. 586.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Bigelow, vol. III, p. 10 sq.

⁴⁹ Хартли, Дэвид (Hartley, David, 1732—1813) — английский государственный деятель и дипломат. Вместе с Франклином участвовал в подготовке и подписании мирного договора между Англией и США.

⁵⁰ Bigelow, vol. III, p. 241.

⁵¹ Первая его запись, занесенная в Дневник после того как он сел на корабль, гласит: «Пробыв во Франции восемь с половиной лет, я оставил эту страну и друзей и выехал из Пасси на родину вместе с моими двумя внуками 12 июля 1785 г.» (Bigelow, vol. III, p. 325).

⁵² Хартли было 53 года, и он пережил Франклина на 23 года.

⁵³ Bigelow, vol. III, pp. 323—324.

К главе XI

¹ Bigelow, vol. III, p. 337.

² Writings of Benjamin Franklin. . . , vol. V, p. 431.

³ Пейн, Томас (Paine, Thomas, 1737—1809) — американский политический деятель и публицист, активный участник американской революции. Родился в Англии, в 1774 г. переселился в Филадельфию, где развернулась его основная революционная публицистическая деятельность. Им написано много статей и памфлет «Здравый смысл», в котором он выступил в защиту угнетенных американцев против английских угнетателей. Выступал противником рабства, социального и расового неравенства.

⁴ Поунелл, Томас (Pownall, Thomas, 1722—1805) — прибыл из Англии в Америку в 1753 г. в качестве частного секретаря губернатора Нью-Йорка, в 1757 г. назначен губернатором этой провинции, в 1760 г. назначен губернатором колонии Южная Каролина. Будучи

несогласен с политикой, проводимой Англией в колониях, вскоре подал в отставку.

⁵ Гопкинс, Самюэл (Hopkins, Samuel, 1721—1803).

⁶ Отис, Джеймс (Otis, James, 1725—1783) — один из деятелей американской революции, получивший известность благодаря своим выступлениям в печати и устно против английской администрации.

⁷ Цит. по кн.: Г. Аптекер. История Американского народа. Американская революция 1763—1783, стр. 267—268.

⁸ Уильям Э. Фостер. Негритянский народ в истории Америки. М., 1956, стр. 67.

⁹ Этот параграф гласил: «Ни одно лицо, используемое в услужении или на работе в одном штате и находящееся под его юрисдикцией, не может, убежав в другой штат, на основании каких бы то ни было законов или постановлений последнего, быть освобождено от такого услужения или работы и должно быть выдано по требованию стороны, для которой это услужение или работа должны выполняться».

¹⁰ Цит. по кн.: Уильям Э. Фостер. Очерк политической истории Америки. 2-е изд. М., 1955, стр. 228.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 107.

¹² Vigelow, vol. III, p. 445.

¹³ Избранные произведения, стр. 400 и сл.

¹⁴ Там же, стр. 401—402.

¹⁵ Там же, стр. 402—403.

¹⁶ См.: Культура индейцев. Вклад коренного населения Америки в мировую культуру. Сборник. Изд. АН СССР, М., 1963.

¹⁷ Избранные произведения, стр. 387 и сл.

¹⁸ Там же, стр. 412—413.

¹⁹ Там же, стр. 412.

²⁰ Я. В. Абрамов. В. Франклин. Его жизнь, общественная и научная деятельность, стр. 78.

²¹ Избранные произведения, стр. 414.

²² Свою речь член Дивана Алжира начал с того, что обрушился на крамольную секту, подавшую петицию, которая подрывает устоя государству и ведет его прямо к гибели. «Представляют ли себе эти Египта, — возмущенно спрашивал оратор, — каковы будут последствия удовлетворения их петиции? Если мы прекратим набег на корабли христиан, как сможем мы снабжаться товарами, которые производятся в их странах и которые необходимы нам? А если мы не будем обращать захваченных в плен христиан в рабство, кто в столь жарком климате станет обрабатывать наши поля? Кто будет выполнять черную работу в нашем городе, в наших семьях? Должны ли мы быть в таком случае рабами самим себе? Не надлежит ли нам, мусульманам, проявлять больше сострадания и больше благосклонности к своим соотечественникам, нежели к этим христианским собакам?» (Избранные произведения, стр. 414—415). Почтенный член Дивана, оправдывая практику рабовладения, с полным основанием мог сослаться на жестокие формы управления, которые господствующие круги крупнейших государств того времени применяли в отношении собственных народов. «Разве, — спрашивает Сиди Магомет Ибрагим, — Испанией, Португалией, Францией, Италией не управляют деспоты, которые всех поданных без исключения держат в рабстве? Даже в Англии с матросами обращаются, как с рабами. Всякий раз, когда этого пожелает правительство, их хватают и насильно сажают на военные корабли; за низкую плату или за одну только пищу их заставляют не только тру-

даться, но и сражаться, лучше ли это, чем то, что мы даем своим рабам? Разве ухудшается их положение от того, что они попадают в наши руки? Нет, они только меняют одно рабство на другое, и я бы сказал, на лучшее, ибо их привозят в страну, где светит и сияет в полном блеске солнце Ислама. Здесь они имеют возможность познать коммьюнити с единственно истинным вероучением и тем самым спасти свои бессмертные души. Те же, которые остаются на родине, не имеют такого счастья. Отсылая рабов на родину, мы, стало быть, отсылаем их из царства света в царство тьмы», (Избранные произведения, стр. 415—416).

²³ Bigelow, vol. III, pp. 463—464.

²⁴ Там же, стр. 464.

²⁵ A. O. Aldridge. Franklin and his French contemporaries N. Y., 1957, pp. 233—234.

К главе XII

¹ Я. Г. Дорфман. Эпинус и его трактат о теории электричества и магнетизма. В кн.: Ф. У. Т. Эпинус. Теория электричества и магнетизма. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 536—537.

² Эпинусу, который занимался в Академии не только физикой, но и астрономией, не были чужды и чисто математические интересы. Его работа в этой области упоминается в академических анналах (см.: История Академии наук СССР, т. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 191).

³ Эйлер, Иоганн Альбрехт (1734—1800) — старший сын Леонарда Эйлера (1707—1783), родился и умер в Петербурге. Ребенком уехал (1741 г.) с отцом в Берлин, где Леонард Эйлер возглавлял Физико-математическое отделение Академии наук. Как и отец, молодой Эйлер занимался вопросами математики, физики и астрономии. С 1754 г. состоял членом Берлинской Академии наук, где был наблюдателем в астрономической обсерватории. Вместе с отцом вернулся в Петербург и занял место члена Академии наук, а через три года стал непререкаемым секретарем.

⁴ См. письмо И. А. Эйлера к В. Франклину. В кн.: Вопросы истории естествознания и техники, вып. 1. Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 245.

⁵ За семь лет до того, в 1745 г., была издана монография Х. Г. Кратценштейна (1723—1795), посвященная вопросам электро-терапии. Автор ее с 1748 г. был членом Петербургской Академии наук. Это произведение выдержало несколько изданий; из них первое называлось «Abhandlungen vom Nutzen der Electricität in der Arzneiwissenschaft» (Halle, 1745).

⁶ С.-Петербургские ведомости, 1752, 12 июня, № 47, стр. 371.

⁷ Там же, 21 июля, № 58, стр. 461.

⁸ В протоколе записано: «Славный Винклер, профессор в Лейпциге в трактате об электрической способности воды, написанном на немецком языке, уже в 1746 г. вывел умозрительным путем, что электричество по своей сущности и своему зарождению совпадает с материей молнии; славный же Мушенбрек в „Руководстве по физике“, изданном в 1748 г., в § 1662 утверждал и пытался обосновать обратное: однако, как известно, Франклин в Филадельфии показал, что самый опыт стоит за Винклера» (Протоколы заседаний Кон-

ференции императорской Академии наук с 1725 по 1803 г., т. II. 1744—1770. СПб., 1899, стр. 275).

⁹ Г. В. Рихман. Труды по физике. Изд. АН СССР. М.—Л., 1956, стр. 285.

¹⁰ Там же, стр. 355.

¹¹ Там же, стр. 350.

¹² The Papers, vol. V, p. 112. — В ежедневной английской прессе о гибели Рихмана сообщалось уже в сентябре 1753 г. Американский врач Джон Лайнинг (1708—1760), проводивший опыты с атмосферным электричеством в г. Чарлстоне, в Северной Каролине, указывал в письме Лондонскому Королевскому обществу, что о несчастье он узнал из лондонской газеты «Daily Advertiser». Лайнинг, состоявший, между прочим, в переписке с Франклином (см.: Benjamin Franklin's Experiments. A new edition of Franklin's Experiments and Observations on Electricity... by I. B. Cohen, 1941), писал, отвечая на запрос из Лондона о его опытах: «С тех пор, как я производил эти опыты в прошлом мае (1753), я не имел возможности делать их более, и потому, может быть, избежал печальной судьбы, постигшей профессора Рихмана» (Т. П. Кравец и М. И. Радовский. К 250-летию со дня смерти академика Г. В. Рихмана. Усп. физ. наук, 1953, т. 51, в. 2, стр. 298).

¹³ The Papers, vol. V, pp. 154—155.

¹⁴ Там же, стр. 221.

¹⁵ Она изложена в его известной работе «Слово о явлениях воздушных, от электрических сил происходящих» (М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. III, 1952, стр. 15 и сл.) и напечатана одновременно на русском и латинском языках в «Philosophical Transactions» (vol. 48, 1755, pp. 765—772), где подробно сообщалось об обстоятельствах смерти Рихмана.

¹⁶ В одной из своих работ он говорил: «Надо доказать, что никакая особая электрическая материя не выходит и не входит» (М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. III, стр. 241).

¹⁷ Там же, стр. 121—123.

¹⁸ Там же, стр. 105.

¹⁹ Вот что мы читаем в письме Стайлса к Франклину: «Я был бы чрезвычайно обязан вам, если бы вы передали прилагаемое письмо г. Ломоносову в Петербург. Я целиком оставляю окончательное решение вопроса о том, пересылать ли это письмо или нет, на ваше усмотрение. Как вы видите, я взял на себя смелость просить передать ответ через ваши руки. Если я слишком свободно использовал ваше имя и дружеское расположение, то в вашей власти пресечь это злоупотребление. Все же позвольте мне, по крайней мере, просить вас самого навести справки относительно исследований в области полярного путешествия, если таковое должно быть предпринято. Я надеюсь, что вы ведете переписку с Эпинусом и Брауном в Петербурге. Если путешествия из Америки в Балтику должны быть продолжены и в дальнейшем тем же порядком, как они уже были начаты, то я был бы очень рад установлению переписки с Петербургом. Ваше пребывание в Лондоне и даже вообще пребывание за границей, вероятно, не будет длительным. Я имел намерение воспользоваться вашей дружбой, чтобы просить вас рекомендовать мне господ в Лондоне для переписки по научным вопросам, но это тоже будет зависеть от вашего великодушия. Когда вы будете читать прилагаемое письмо, вы можете считать, что оно адресовано в равной степени и вам, так же как и г. Ломоносову,

особенно по вопросам наших термометрических наблюдений 1764 г., которые стали возможны благодаря вашей помощи» (цит. по переводу, приведенному в статье: Г. М. Лестер. Знакомство ученых Северной Америки колониального периода с работами М. В. Ломоносова и Петербургской Академии наук. *Вопр. истории естеств. и техн.*, 1962, вып. 12, стр. 144). Письмо Стайлса до Ломоносова не дошло. Через два месяца после того, как оно было написано, Ломоносов умер. Когда оно попало в руки Франклина, неизвестно. Должно быть, он получил его если и не после того, как стало известно о смерти Ломоносова, то тогда, когда долго надо было ждать оказии, особенно в те месяцы года, когда еще не открылась навигация на севере Балтики. Письмо осталось в бумагах Франклина, и впервые оно опубликовано в русском переводе в названном номере «Вопросов истории естествознания и техники».

²⁰ Там же, стр. 143.

²¹ Ф. У. Т. Эпинус. Теория электричества и магнетизма, стр. 24.

²² Там же, стр. 23.

²³ Там же, стр. 10—11.

²⁴ Bigelow, vol. V, p. 115.

²⁵ О нем см. нашу статью: Вопросы прикладной физики в Петербургской Академии наук в XIX в. *Тр. Инст. ист. естеств. и техн.*, т. 15. Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 323. — Живя за границей, Голицын публиковал свои труды не только в печатном органе Академии наук (см.: *Tableau général méthodique et alphabétique des matières contenues dans les publications de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg depuis sa fondation. I-re partie Publications en langues étrangères St. Pétersbourg, 1872, pp. 122, 163*), но и в других русских изданиях (А. Н. Неустроев. Указатель к русским повременным изданиям и сборникам за 1703—1802 гг. и к историческому разысканию о них. СПб., 1898, стр. 147).

²⁶ *Lettre sur quelques objets d'Electricité adressée à l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg par S.E.Mr. le Prince Dimitry de Gallitzin, Chambellan actuel de sa Majesté Impériale de Toutes les Russies, à son Envoyé extraordinaire auprès de Leurs Hautes Puissances à la Haye. Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae pro anno MDCCLXXVII, pars posterior. Petropoli, MDCCLXXX, pp. 17—38.*

²⁷ См.: Я. Г. Дорфман. Вениамин Франклин — выдающийся физик XVIII в., стр. 77.

²⁸ *New experiments and observations concerning electricity. 1. Of the electricity of the human body and the animal substances, silk and wool. 2. Of the electricity of black and white silk. 3. Of electrical cohesion. 4. Of two distinct powers in electricity. Philosophical Transactions, vol. LI, 1760, p. 340 sq.*

²⁹ *Observations sur l'Electricité naturelle par le moyen d'un cerf-volant, adressées à l'Académie par S.E.Mr. le Prince Dimitry de Gallitzin, Envoyé extraordinaire de Leurs Hautes Puissances à la Haye. Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae pro anno MDCCLXXXVIII, pars posterior. Petropoli. MDCCLXXXI, pp. 76—84.*

³⁰ P. F. Mottelay. *Bibliographical history of electricity and magnetism, chronologically arranged. Researches into the domain of the early sciences, especially from the period of the revival of scholasticism, with biographical and other accounts of the most distinguished natural philosophers throughout the middle ages. London, 1922, p. 242.*

³¹ Эпинус был президентом этого общества. См.: История Императорского Вольного экономического общества с 1765 до 1865 года, составленная по поручению общества секретарем его А. И. Ходневым. СПб., 1865, гл. XV.

³² Experiments and Observations on electricity, made at Philadelphia in America, by Benjamin Franklin. LLD and FRS. To which are added letters and papers on philosophical subjects. London, 1769. Хранится в Библиотеке Академии наук в Ленинграде.

³³ См.: П. Л. Капица. Научная деятельность Вениамина Франклина. Доклад, прочитанный 17 января 1956 г. на торжественном заседании Академии наук СССР, Советского комитета защиты мира, Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Союза писателей СССР и Всесоюзного общества культурной связи с заграницей, посвященном 250-летию со дня рождения Вениамина Франклина. Усп. физ. наук, 1956, т. LVIII, вып. 2, стр. 179.

³⁴ Труды Вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства, 1770, ч. XVI, стр. 282.

³⁵ В 1785—1793 гг. было издано в десяти томах «Собрание сочинений, выбранных из Месяцословов на разные годы».

³⁶ Месяцослов на лето от рождества Христова 1773, которое есть простое (невисокосное, — *М. Р.*), содержащее в себе 365 дней, сочиненный на знатнейшие места Российской империи. См.: Собрание сочинений, выбранных из Месяцословов на разные годы, т. II, СПб., 1787, стр. 228.

³⁷ «Сего нового познания Франклин сделал приклад (пример, — *М. Р.*), который сколько остроумен, столько для рода человеческого важен и полезен, а именно: он изобрел электрические отводы, посредством которых можно высокие строения и мачты кораблей приводить в безопасность от страшного действия молнии».

³⁸ Собрание разных сочинений и новостей, ежемесячное издание, содержащее в себе новые на российском языке сочинения и переводы, новые успехи в Науках и Художествах, новые для человеческого рода изображения, главные происшествия настоящего времени во всех частях Света, особливо же в России, и прочие любопытные вещи, служащие к знанию, пользе и увеселению людей всякого состояния. 1776, июнь, стр. 23.

³⁹ Дж. Тиндаль. Фарадей и его открытия. Воспоминания. СПб., 1871. — «В 1817 году, на лекции о хлоре, читанной перед частным обществом, Фарадей так выразился о вечном вопросе практической полезности — *siu bono?*. . . Прежде чем я оставлю этот предмет, я припомню историю этого вещества в ответ тем, которые имеют обыкновение, при каждом новом факте, задаваться вопросом: Какая польза от него? Доктор Франклин сказал уже: „Какая польза от ребенка?“ Ответ экспериментатора таков: „Потрудитесь сами сделать его полезным!“ . Когда Шеель открыл это вещество, оно было без употребления. Это было его детство и период бесполезности; но теперь оно возмужало, и мы, как свидетели его мощи, удивляемся усилиям, употребленным с целью сделать его полезным» (стр. 32).

⁴⁰ С.-Петербургские ведомости, 1783, 3 ноября, № 88.

⁴¹ Там же, 23 июня, № 50.

⁴² Собрание сочинений, выбранных из Месяцословов на разные годы, ч. VIII, СПб., 1792, стр. 68—69.

⁴³ Протоколы заседаний Конференции императорской Академии наук с 1725 по 1804 гг., т. III, 1771—1785. СПб., 1900, стр. 144.

⁴⁴ Выступление профессора Харлоу Шаплей на торжественном заседании 17 июня. 220 лет Академии наук СССР. Юбилейная сессия Академии наук СССР. 15 июня—3 июля 1945 г. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, т. 1, стр. 341.

⁴⁵ Академические известия на 1779 г., содержащие в себе историю наук и новейшие открытия оных. Извлечение из деяний славнейших Академий в Европе, новые изобретения, опыты в естественной истории, химии, физике, механике и в относящихся к оным художествах. Отличнейшие произведения в письменах во всей Европе; Академические задачи; любопытные и странные тяжбы и прочие примечательные происшествия, ч. II, стр. 193 и сл.

⁴⁶ Избранные произведения, стр. 226 и сл.

⁴⁷ Не только в XVIII в., но даже и в XIX в. Урал, включая и его западные районы, относили к Сибири.

⁴⁸ Избранные произведения, стр. 245.

⁴⁹ Works of Benjamin Franklin containing several political and historical tracts, not included in former edition, and many letters official and private, not hitherto published, with notes and a life of the author. By Jared Sparks, vol. IV, pp. 350—351.

⁵⁰ Ли, Чарльз (Lee Charles, 1731—1782) — один из видных американских военачальников периода борьбы за независимость.

⁵¹ С.-Петербургские ведомости, 1776, 27 декабря, № 104.

⁵² Там же, 1777, 6 января, № 2.

⁵³ Там же, 10 января, № 3.

⁵⁴ Московские ведомости, 1777, 20 января, № 6.

⁵⁵ Барятинский, Иван Сергеевич (1740—1811) — генерал-поручик; пост посла занимал с 1773 по 1785 г., т. е. в течение всех лет пребывания Франклина в Париже (1776—1785). (Русский биографический словарь, т. II, 1900, стр. 546).

⁵⁶ История дипломатии. Издание второе, переработанное и дополненное. М., 1959, стр. 388. — Подробнее о донесениях (депешах) Барятинского, хранящихся в Центральном государственном архиве древних актов в Москве, см. в кн.: Г. Макогоненко. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. Госполитиздат, М.—Л., 1951, стр. 375 и сл.

⁵⁷ С.-Петербургские ведомости, 1777, 10 января, № 3.

⁵⁸ Московские ведомости, 1777, 14 марта, № 21.

⁵⁹ Там же, 22 сентября, № 76.

⁶⁰ Там же, 29 сентября, № 78.

⁶¹ Там же, 20 октября, № 84.

⁶² Там же, 1778, 11 апреля, № 29.

⁶³ Там же, 17 февраля, № 14.

⁶⁴ Там же, 7 апреля, № 28.

⁶⁵ Там же, 14 апреля, № 30.

⁶⁶ Министр иностранных дел Франции.

⁶⁷ Московские ведомости, 1778, 5 мая, № 36.

⁶⁸ Там же, 25 апреля, № 33.

⁶⁹ Там же, 19 мая, № 40.

⁷⁰ С.-Петербургские ведомости, 1783, 30 мая, № 43.

⁷¹ Московские ведомости, 1783, 2 сентября, № 70, стр. 557.

⁷² Бекетов, Платон Петрович (1761—1836) — председатель и один из основателей Московского общества истории и древностей российских.

⁷³ Санкт-Петербургский вестник, содержащий все указы е. и. в. и Правительствующего Сената, известия о достопамятных происшествиях

в столицах, в наместничествах и губерниях; расписание всем выходящим в государстве новым книгам, с кратким рассуждением об оных; разные мелкие сочинения для полезного и приятного чтения; перечень важнейшим иностранным новостям и проч., ч. I, СПб., 1778, стр. 3.

⁷⁴ Санкт-Петербургский вестник, ч. VI, СПб., 1780, стр. 38.

⁷⁵ Избранные произведения, стр. 419.

⁷⁶ Уединенный пешеходец. Ежемесячное сочинение на 1786 г., содержащее в себе разные известия о достопамятных происшествиях, случившихся в здешней стороне издревле и ныне; благотворительные и человеколюбивые деяния, оказанные частным людям к общественной пользе; разные духовные, философические, нравоучительные, исторические, до нашего Отечества и до иных государств относящиеся, также до естественной истории домоводства и до наук содержащие сочинения. В Ярославле, 1786, сентябрь, стр. 552. Упомянутое выше письмо адресовано м-м Брильон в Пасси и представляет собой морально-философскую притчу (см.: Избранные произведения, стр. 389—390).

⁷⁷ Избранные произведения, стр. 569 и сл.

⁷⁸ Правила для шашечной игры, сочиненные Франклином и переведенные с французского языка. СПб., 1791, стр. 3.

⁷⁹ Пантеон иностранной словесности, книжка III. М., 1798, стр. 221—235.

⁸⁰ Московский журнал, 1791, ч. IV, кн. III, декабрь, стр. 355. — Через десять лет «Московский журнал» вышел вторым изданием, пагинация почти та же; известие о мемуарах Франклина на той же стр. 355.

⁸¹ Приятное и полезное препровождение времени, 1798, ч. двадцатая, стр. 1—23.

⁸² Отрывок из записок Франклиновых с присовокуплением краткого описания его жизни и некоторых его сочинений. М., 1799.

⁸³ Дмитриев, Иван Иванович (1760—1837) — поэт и государственный деятель.

⁸⁴ Пушкин, Василий Львович (1767—1830) — поэт, дядя А. С. Пушкина.

⁸⁵ Бриссон, Матурен Жак (Brisson, Mathurin-Jaques, 1723—1806) — член Парижской Академии наук. П. И. Стрaхову принадлежит перевод курса Бриссона «Начальные основания опытной физики» (издания 1800—1802 и 1810 гг.).

⁸⁶ Н. Горчаков. Воспоминание о публичных лекциях профессора П. И. Стрaхова в Московском университете. Москвитянин. 1841, ч. V, № 10, стр. 504—505.

⁸⁷ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. 1, Изд. АН СССР, М.—Л., 1938, стр. 391.

⁸⁸ А. Старцев. Вениамин Франклин и русское общество XVIII века. Интернациональная литература, 1940, № 3—4, стр. 208.

⁸⁹ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. XII, 1949. Критика и публицистика, 1819—1834, стр. 33.

⁹⁰ Там же, т. XI, стр. 272. — Внук Франклина Бейч известен как один из выдающихся американских публицистов конца XVIII в.

⁹¹ Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. II. Госполитиздат, 1951, стр. 374.

⁹² И. И. Пущин. Записки о Пушкине. Письма. Гослитиздат, М., 1956, стр. 201.

⁹³ Архив АН СССР, ф. 1, оп. 2—1906, № 2, § 28.

⁹⁴ Там же, ф. 2, оп. 1—1906, № 19, л. 7.

⁹⁵ Пост президента Русского физико-химического общества в 1906 г., согласно Уставу, должен был занять председатель Физического отделения Общества А. С. Попов; после его кончины (31 декабря 1905 г. ст. ст.) президентом стал его заместитель (товарищ председателя) Николай Александрович Гезехус (1844—1918), профессор Петербургского технологического института, до того профессор и первый ректор Томского университета.

⁹⁶ Журнал Русского физико-химического общества при С.-Петербургском университете, 1906, т. XXXVIII, вып. 1, физ. отд., отд. первый, стр. 63.

⁹⁷ Там же, вып. 4, физ. отд., отд. второй, стр. 55.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Журнал Русского физико-химического общества, 1906, т. XXXVIII, вып. 4, физ. отд., отд. второй, стр. 57—67.

¹⁰⁰ Там же, стр. 67—72.

¹⁰¹ Вестник АН СССР, 1956, № 2, стр. 67.

¹⁰² Правда, 17 января 1956, № 17 (13680).

¹⁰³ Природа, 1956, № 2, стр. 72—81.

¹⁰⁴ Электричество, 1956, № 1, стр. 75—78.

¹⁰⁵ Коммунист, 1956, № 1, стр. 109—118.

¹⁰⁶ Вопросы философии, 1955, № 6, стр. 70—80.

¹⁰⁷ Вопросы экономики, 1956, № 2, стр. 114—121.

¹⁰⁸ Вопросы истории, 1956, № 10, стр. 32—45.

¹⁰⁹ Исторический архив, 1956, № 4, стр. 260.

¹¹⁰ В коллекциях Сухтелена имеется большое количество неопубликованных писем видных людей многих стран, в том числе и Соединенных Штатов. Здесь хранятся автографы государственных и научных деятелей: Адамса, Джефферсона, Медисона, Монро, Джексона, Ливингстона, Силлимана, Юза и др.

¹¹¹ Иностранная литература, 1956, № 1, стр. 177 и сл.

¹¹² См. его статью «Литература периода Просвещения и буржуазной революции» в кн.: История американской литературы, т. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1947, стр. 48 и сл.

¹¹³ См.: Новые материалы о Вениамине Франклине. Новое время, 1956, № 44, стр. 31.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамов Я. В.** 288, 293.
Адамс (Adams) Дж. 183, 190, 192, 193, 199, 200, 289, 300.
Адамс М. 22.
Аддисон Дж. 273.
Александр (Alexander) Дж. 116, 282.
Алексеев В. А. 283.
Ампер А.-М. 285, 286.
Аптекер Г. 271, 273, 274, 290, 293.
Аргайль (Аржайль) А.-К. 185.
Бабин А. В. 281, 287, 289.
Байджелоу (Bigelow) Дж. 227, 269—272, 278, 287—294, 296.
Балтимор (Baltimore) С.-К. 158, 288.
Барятинский И. С. 244, 298.
Баскин М. П. 265, 266.
Бат В.-П. 185.
Баумгардт К. К. 262, 284.
Бевис 137.
Бейч А. 240.
Бейч, Вениамин Франклин 179, 200, 289, 299.
Бейч, Ричард 179, 205, 266, 289, 292.
Бейч, Сарра Франклин 179, 289.
Бекетов П. П. 250, 298.
Белявская И. А. 265, 288.
Бенезет А. 215.
Беннан Дж. 20.
Бернет В. 45.
Бертон Р. 20.
Блейер (Bleyer) У.-Г. 274.
Бодуэн Дж. 231.
Бозе Г.—М. 136, 283.
Бойль Р. 77.
Болен Ч. 263.
Бомарше П.-О.-К. 197.
Бонд (Bond) Т. 106, 107, 280.
Брайтналл Дж. 70, 74.
Браун К.-Ф. 233, 295.
Браунелл Дж. 17.
Бредстрит (Bradstreet) А. 273.
Бредфорд (Bradford) У. 34, 38, 39, 275.
Бредфорд (Bradford) Э. 38, 88—90, 92, 275.
Бриллюон 250.
Бриссон (Brisson) М.-Ж. 256, 299.
Брокден 78.
Брэддок (Braddock) Э. 116—119, 153, 182, 282, 289.
Бурбонская, герцогиня 199.
Бэнкрофт Э. 196.
Бэрд 75.
Бюффон (Buffon) Ж.-Л. 144, 286.
Вайнхэм У. 64.
Вашингтон Дж. 100, 182, 183, 208, 214, 243, 244, 246, 257, 269, 280.
Верженн Ш.-Г. 195, 201, 207, 247.
Вернон 44, 45, 276.
Веррадзано Дж. 269.
Вигейт 63, 64.
Вильгельм III Оранский 172.
Винклер И.-Г. 294.
Владимиров В. Н. 291.
Воган Б. 60.
Волгин В. П. 268.
Волжина Н. 266.
Воластон (Wollaston) У. 56, 277.

Вольтер Ф.-М.-А. 63, 199 —
201, 255, 257, 278.

Гадлей Дж. 71.

Галилей Г. 264.

Гезехус Н. А. 258, 259, 300.

Гейдж (Gage) Т. 180—182, 289.

Гельвеций 199.

Гельвеций К.-А. 199, 291.

Генбург Дж. 156.

Георг I 172.

Георг II 172.

Гиббон Э. 200, 291.

Гильберт (Gilbert) У. 130, 262,
283.

Гове В. См. Хоу У.

Годфрей Т. 70, 71.

Голицын Д. А. 236, 237, 296.

Гольдберг Н. М. 274, 277.

Гольц В. 285.

Гомер 256.

Гопкинс (Hopkins) С. 215, 293.

Гопкинсон (Hopkinson) Т. 129,
283.

Горчаков Н. 299.

Гралад Д. 133.

Грей (Gray) С. 125, 126, 282, 287.

Грейс Р. 70, 74, 78, 124.

Гренвилл Дж.-К. 156, 157.

Гринвуд 26.

Гюйгенс Хр. 264.

Д'Аламбер Ж.-Л. 199, 291.

Далибар Ж.-Фр. 144, 145.

Деан См. Дин С.

Декарт Р. 264.

Деларош П. 199, 291.

Делор 145.

Денни (Denny) У. 154, 155, 159,
287.

Денхам 53, 55, 64, 68, 278.

Державин К. Н. 278.

Дефо Д. 20, 63, 272, 273.

Джексон Р. 223, 224, 300.

Джефферсон (Jefferson) Т. 173,
183, 185, 198, 215, 268, 289,
300.

Джонсон 224.

Дидро Д. 200, 291.

Дин С. 195, 206, 246, 290.

Дмитриев И. И. 255, 299.

Доватур А. И. 283.

Дорфман Я. Г. 264, 265, 284—
286, 294, 296.

Драйден (Dryden) Дж. 56, 277.

Дугуд С. 28—31, 90, 190.

Дунбар Т. 119.

Дюмас Ч.-У.-Ф. 187.

Дюфе (Dufay) Ш.-Ф. де Си-
стерне 130—132, 283, 284.

Екатерина II 188, 200, 256.

Елизавета 269, 283.

Енгальчев П. Н. 254.

Ефимов А. В. 264, 268.

Жерард 247.

Заславский Д. О. 268.

Зенгер Дж.-П. 271.

Идельсон Н. И. 269.

Казакевич В. А. 265, 280.

Калашников А. Г. 283.

Кантон см. Кэнтон Дж.

Капица П. Л. 263, 264, 284, 297.

Карамзин Н. М. 252, 255, 256.

Карл II Стюарт 11, 149, 151,
270.

Кармайкл Э. 290.

Кейв (Cave) Э. 144, 286.

Кеймер (Keimer) С. 39, 41, 42,
46—48, 50, 68—70, 74, 82,
88—90, 275.

Кейс (Keith) У. 40—42, 45, 46,
51, 53, 54, 275.

Кейт Дж. 217.

Кеннеди (Kennedy) А. 116, 282.

Киннерсли (Kinnersley) Э. 143,
237, 286.

Клейст (Kleist) Э.—Г. 132, 133,
284.

Колден Д. 287.

Колинс А. 26, 274.

Колинс Дж. 23, 34, 40, 44, 45,
49.

Коллинсон (Collinson) П. 126,
128, 129, 134—138, 140, 143,
144, 156, 266, 283, 285, 286.

Колумен У. 70, 74.

Конде Л.-Ж. 89.

Копли (Copley) Г. 146, 147, 154,
287.

Костюшко Т. 208.

Кравец Т. П. 295.

Кратценштейн Х.-Г. 294.

Кромвель О. 275.

- Крюгер И.-Г. 133.
 Ксенофонт 26, 273.
 Кузнецов И. В. 265.
 Кэнтон (Canton) Дж. 146, 287.
- Лабари Л.-В. 261, 278.
 Лавуазье А.-Л. 199, 291.
 Лайнинг Дж. 295.
 Ларошфуко Ф. 89, 199, 291.
 Лаудон Дж.-К. 120, 156.
 Лафайет М.-Ж. 208, 292.
 Лебединский В. К. 262.
 Лее см. Ли Ч.
 Лейбниц Г.-В. 199, 264.
 Леонард Д. 288.
 Леонид 190.
 Леруа (Leroy) Ж.-Б. 145, 287.
 Лестер Г. М. 296.
 Ли А. 195, 206, 290.
 Ли Ч. 243, 246, 298.
 Ливингстон Р. 300.
 Ливингстон (Livingston) Ф. 183, 289.
 Линней К. 128, 283.
 Логен (Logan) Дж. 114, 282.
 Локк Дж. 56, 273, 277.
 Ломоносов М. В. 228, 232, 233, 235, 256, 264, 265, 276, 295, 296.
 Лоренс (Laurens) Г. 111, 281.
 Лукулл Л.-Л. 48, 275, 276.
 Лурье С. Я. 272, 273.
 Лэн Ф. 9.
- Майерс Г. 272, 280.
 Макклсфилд Дж. 148.
 Макогоненко Г. 298.
 Максвелл Дж. 228.
 Максимова М. И. 273.
 Малени А. И. 268.
 Мандевилл (Mandewill) Б. 60, 277.
 Марат Ж.-П. 199, 291.
 Мария Тюдор 10, 270.
 Маркс К. 8, 86, 87, 268, 277, 279, 293.
 Марниш С. П. 272.
 Масон Дж. 269.
 Масон М. 278.
 Медисон Дж. 300.
 Мезер (Mather) К. 14, 20, 32, 271.
 Меком, Джейн Франклин 179, 289.
- Менделеев Д. И. 287.
 Мередит Х. 69, 70, 74, 75, 91, 278.
 Меком Э. 289.
 Мижуч П. Г. 268, 288, 289.
 Митчелл (Mitchell) Дж. 139, 143, 285.
 Могридж У. 70.
 Моисей 47, 70.
 Монгольфье Ж. и Э., братья 239.
 Монро Дж. 300.
 Мор Т. 268.
 Морелла А. 199.
 Мортон А. Л. 268, 269.
 Мушенбрек (Muschenbrock) П. 133, 136, 230, 284, 294.
- Наполеон I Бонапарт 257.
 Нейманн К. Ф. 268.
 Несмеянов А. Н. 262, 263.
 Неустроев А. Н. 296.
 Новиков Н. И. 298.
 Ноллэ (Nollet) Ж.—А. 133, 134, 144, 145, 284, 285, 287.
 Норрис (Norris) И. 115, 282.
 Норс (North) Фр. 180, 289.
 Ньютон И. 60, 61, 63, 77, 199, 264.
- Оливер Э. 173, 174.
 Осборн Ч. 49—51.
 Островитянов К. В. 263.
 Отис (Otis) Дж. 215, 293.
- Павлов И. П. 287.
 Палмер С. 55, 56, 61.
 Парис Ф.-Дж. 158.
 Паркер Т.-П. 148.
 Паррингтон В. Л. 269, 271.
 Паттерсон Р. 76.
 Пейн (Paine) Т. 215, 292.
 Пембертон Г. 60.
 Пенн (Penn) Дж. 115, 282.
 Пенн Т. 158, 173.
 Пенн У. 36, 114, 149, 158, 282.
 Пенн У., сын 149, 150, 152.
 Пенны 163, 164.
 Персонс В. 70.
 Петерс (Petters) Р. 115, 282.
 Петровский Ф. А. 268.
 Петти У. 82, 85.
 Питт У. Старший, лорд Чатам 278.
 Плутарх 20, 272.

- Поп А. 27, 63, 89, 155.
 Попов А. С. 300.
 Поттс Ст. 69, 70.
 Поунелл (Pownall) Т. 215, 292.
 Прайс 225.
 Прайс 186.
 Пратт Ч. 163, 164.
 Пристли Дж. 177, 180, 181, 186,
 201, 202, 204, 288.
 Пугачев Е. И. 256.
 Пушкин А. С. 200, 256, 257, 291,
 299.
 Пушкин В. Л. 265, 299.
 Пушин И. И. 257, 299.
Радишев А. Н. 184, 256, 299.
 Радовский М. И. 277, 284, 295.
 Раевский В. Ф. 257.
 Разумовский К. Г. 236.
 Райт Дж. 146, 216, 217.
 Ралф (Ralph) Дж. 49—52, 55, 56,
 63, 64, 155, 276.
 Расселл (Russell) Ф. 227, 274.
 Раш Б. 225.
 Рентген В.-К. 146.
 Реомюр (Reamur) Р.-А. 133, 284.
 Рид (Read) Дж. 39, 275.
 Ридасден 53.
 Рихман Г.-В. 228, 230—232, 238,
 295.
 Ричардсон С. 63.
 Робертс Х. 76, 77.
 Романов И. З. 271.
 Роскоммон (Roscommon) В.-Д.
 274.
 Руссо Ж.-Ж. 200, 291.
 Рутледж 190.
Саймонс А. М. 268.
 Самойло А. С. 268.
 Свиный П. П. 256.
 Свифт Дж. 63.
 Силлиман Б. 300.
 Симмер (Symmer) Р. 132, 237,
 284.
 Синг (Syng) Ф. 130, 283.
 Скалл Н. 70.
 Слоан (Sloane) Г. 61, 128, 277.
 Смит А.-Г. 227.
 Смит Т. 9.
 Соболевский С. И. 272.
 Сократ 26, 273.
 Солон 200, 291.
 Сотин Б. С. 283.
 Софокл 200, 291.
 Спаркс Дж. 227, 279, 298.
 Спенсер А. 125—127, 282.
 Спотвуд А. 281.
 Стайлс Э. 233, 234, 295, 296.
 Старцев А. 266, 290, 299.
 Стекольников И. С. 264, 265.
 Стормонт 243.
 Страхов П. И. 255, 256, 299.
 Стрэгэн 178.
 Сухтелен П. К. 266, 292, 300.
Татарина К. Н. 268.
 Татищев В. Н. 276.
 Теплер А. 285.
 Тиллотсон Дж. 30, 274.
 Тиндаль Дж. 297.
 Тич Э. 22, 273.
 Толстой И. И. 273.
 Торнтон У. 290.
 Трайон 48.
 Трухановский В. Г. 268.
 Тьюго А.-Р.-Ж. 198, 199, 256,
 291.
Уайз Дж. 271.
 Уайт 270.
 Уилки Р. 55.
 Уиллоуби 148.
 Уильямс Р. 271.
 Уолл У. 125.
 Уортилейк Г. 22, 272.
 Уотс 61.
 Уотсон В. 135, 137.
 Уотсон Дж. 49—51, 146.
 Уэбб Дж. 69, 70, 88.
Фарадей М. 228, 239, 297.
 Филдинг Г. 63.
 Филиппс Дж. 276.
 Фозергилл Дж. 144, 156, 157.
 Фолгер (Folger) П. 14, 15, 271.
 Форд Х. 290.
 Фостер У.-З. 216, 293.
 Франклин, Абия Фолгер 12, 14,
 15.
 Франклин, Вениамин, дядя 10,
 12, 15—17, 19, 270.
 Франклин, Генри 10, 270.
 Франклин, Дебора Рид 38, 52,
 56, 81, 83, 163, 178.
 Франклин, Джемс, брат 10, 20,
 21, 25, 27—29, 31—33, 42—
 44, 272, 274.

- Франклин, Джемс, племянник 43.
Франклин, Джен Уайт 270.
Франклин, Джон 18, 44, 272.
Франклин, Иосна, отец 10, 12,
15—17, 19, 43—45.
Франклин, Иосна, брат 19, 272.
Франклин, Петер 272.
Франклин, Самюэль 19, 20.
Франклин, Самюэль, брат 272.
Франклин, Томас 270.
Франклин, Томас, дед 270.
Франклин, Уильям 117, 178, 179,
206, 290.
Франклин, Уильям Темплер 179,
227, 289.
Франклин, Фрэнсис 280.
Френч 41, 52.
Фридрих II прусский 170, 199,
200.
- Хайд 203.
Хайнсон Дж. 196.
Харлоу III, 298.
Хартли (Hartley) Д. 211, 213,
292.
Хатчинсон Т. 173, 174, 271.
Холм Т. 36, 275.
Хомс (Homes) Р. 40, 41, 275.
Хомс, Мэри Франклин 40, 275.
Хоу 290.
Хоу (Howe) Р. 190—192, 254,
290.
Хоу У. 190, 192, 243, 244, 246,
290.
Храповицкий А. В. 256.
- Цедербаум С. О. 268, 272.
- Чаннинг Э. 281.
Чернявская Н. 268.
- Шееле К.—В. 297.
Шерман (Sherman) Р. 183, 289.
Шефтсбери (Shaftsbury) А.—Э.—К.
26, 273.
Шнор К. 249.
Штейнгель В. И. 257.
- Эйлер И.—А. 229, 294.
Эйлер Л. 294.
Энгельс Ф. 216, 268, 277, 279,
293.
Эндрюс Дж. 83.
Эпинус Ф.—У.—Т. 228, 233, 234,
236—238, 264, 294—297.
Эрстед Х. 285.
- Юз Д.—Э. 300.
Юм Д. 200, 291.
- Aldridge A. O. 294.
Andrade E. N. da C. 277.
- Beer J. R. 277.
- Cheyney E. P. 281.
Cohen J. B. 282, 283, 286, 295.
Comfort W. W. 275.
Crane V. W. 272.
- Ford P. L. 271.
- Goodman N. G. 274, 278.
- Krüger G. 284.
- Montgomery T. H. 281.
Morisson S. E. 272.
Mottelay P. F. 296.
- Nolan J. B. 269, 281.
- Russell E. 275.
- Stourzh G. 292.
- Thomas A. C. 275.
Thomas R. H. 275.
Tyron Th. 273.
- Van Doren C. 272, 273, 276, 278.
- Watson W. 285.
Winsor J. 269.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
От Издательства	5
Глава I. Происхождение. Семья. Воспитание	7
Глава II. Филадельфия	36
Глава III. Лондон	55
Глава IV. Хунта	68
Глава V. Типограф	81
Глава VI. Общественный деятель	99
Глава VII. Ученый	122
Глава VIII. Народный представитель	149
Глава IX. В борьбе за независимость	177
Глава X. Париж	194
Глава XI. Аболиционист	214
Глава XII. Связи с Россией	228
Примечания	268
Указатель имен	301

Моисей Израилевич Радовский

ВЕНИАМИН ФРАНКЛИН

*Утверждено к печати
Редколлекцией
научно-биографической серии
Академии наук СССР*

*

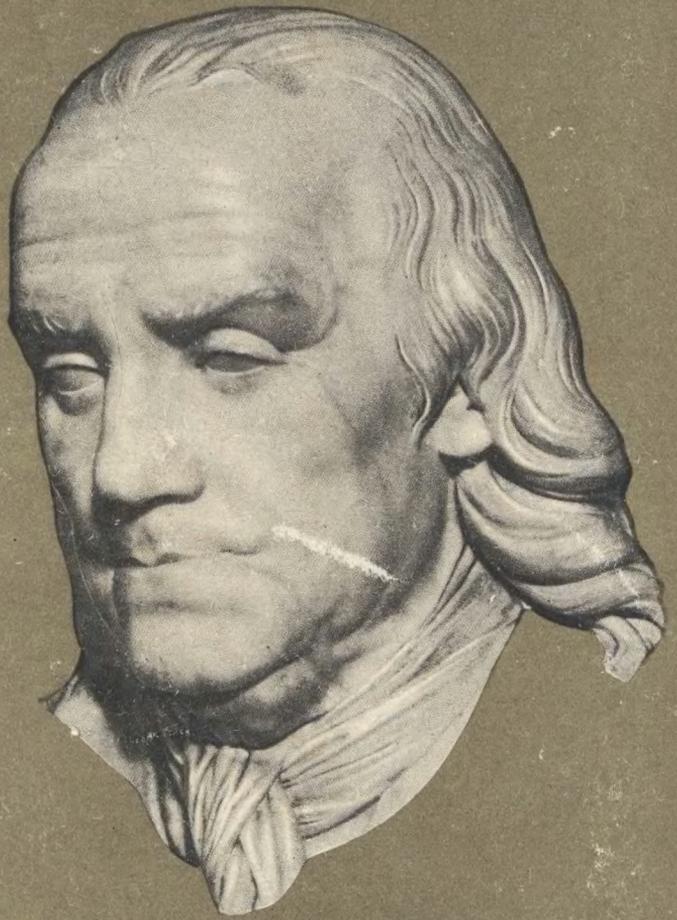
Редактор издательства *Е. Г. Дашин*
Художник *М. Н. Свиньина*
Технический редактор *Л. М. Мамедова*
Корректоры *Ф. Я. Петрова* и *Г. В. Семерикова*

Сдано в набор 10/XII 1964 г. Подписано к печати 6/III 1965 г.
РИСО АН СССР № 12-225В Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бум. л. 4¹³/₁₆.
Печ. л. 9⁸/₈ = 15.78 усл. печ. л. + 1 вкл. Уч.-изд. л. 17.3 +
+ 1 вкл. (0,03). Изд. № 2271. Тип. зак. № 1085. М-28023.
Тираж 4500. ТП 1964 г. № 129

Цена 98 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука», Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

М. И. Радовский

**ВЕНИАМИН
ФРАНКЛИН**

М. И. РАДОВСКИЙ

ВЕНИАМИН ФРАНКЛИН

98 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»